

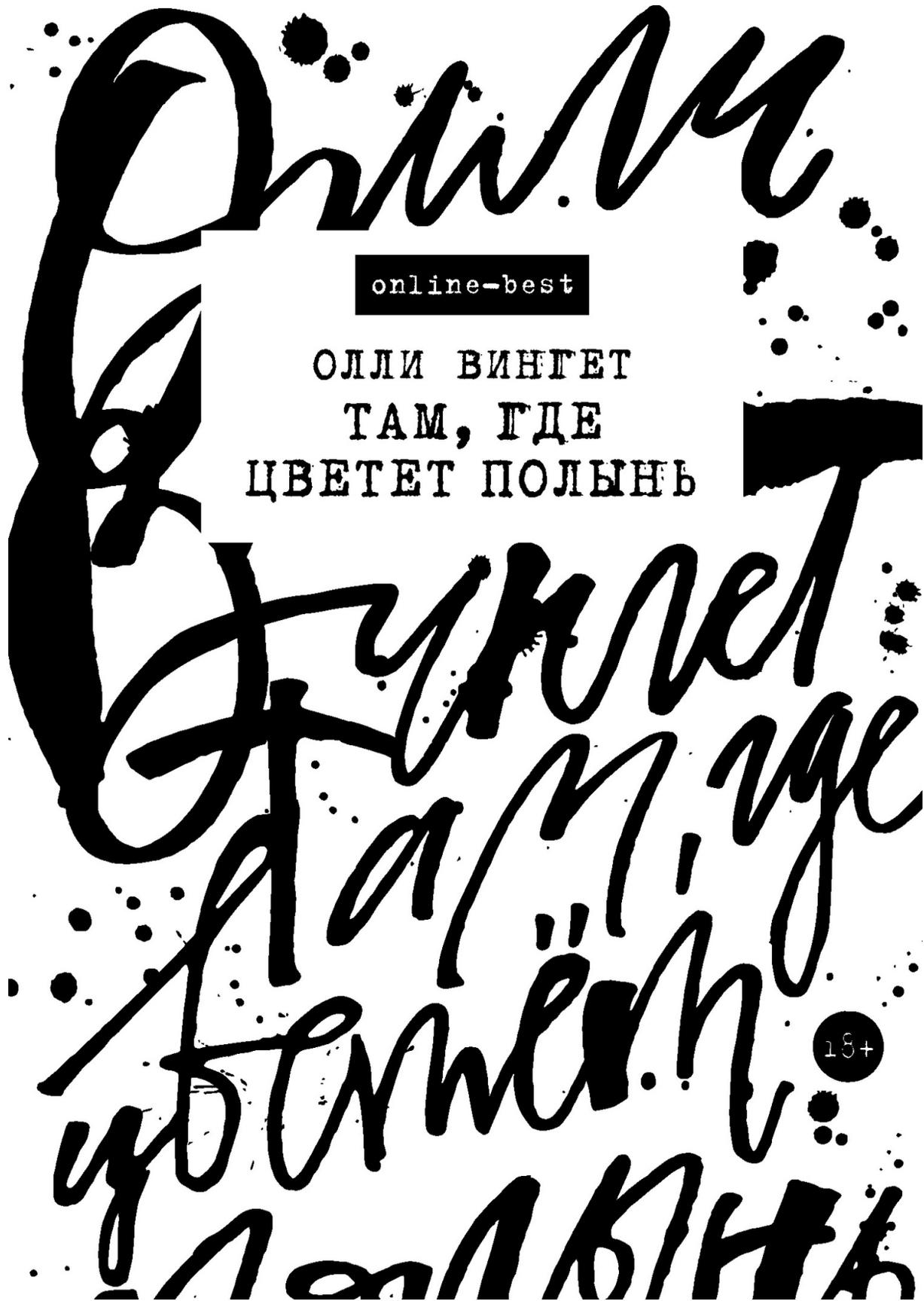
Онлайн

online-best

ОЛИ ВИНГЕТ
ТАМ, ГДЕ
ЦВЕТЕТ ПОЛЫНЬ

Т
Жульет
там, где
цветёт
полынь

18+

online-best

ОЛИ ВИНГЕТ
ТАМ, ГДЕ
ЦВЕТЕТ ПОЛЫНЬ

18+

WONDERFUL

Олли Вингет

Там, где цветет полынь

Красная сандаляка

Июльское солнце широким потоком лилось сквозь распахнутые окна. Москва за ними всю крутилась юлой на умытых поливалками улицах, стояла в пробках, злобно ругаясь, пила кофе из белых стаканчиков, которые, смяв в кулаке, бросала затем мимо урны.

Но Ульяна старательно делала вид, что ее все это не касается.

Она лежала на широкой кровати, лениво пролистывая ленту новостей. Солнечный лучик падал на черно-белый орнамент обоев, превращая его в затейливую вязь. Уля вытянула руку, чуть наклоняясь вперед, чтобы картинка ладно уместилась в квадратную рамку снимка. Пара привычных движений – и фото улетело в Сеть.

На экране телефона число одиннадцать неумолимо обращалось в полдень. За плотно прикрытой дверью раздался топот маленьких пяток. Уля улыбнулась. Никитка помнил, что она не любит незваных гостей, но изнывал в ожидании, когда же сестра проснется и выйдет. Он постоял немного – было слышно, как мальчик шумно сопит, переступая с ноги на ногу, – но постучать так и не решился, взбрыкнул и понесся по коридору в сторону кухни. Оттуда уже доносились звон посуды и приглушенное бормотание телевизора.

Субботнее утро было временем толстобоких маминых оладий – их она жарила под тяжелой крышкой, томила в масле, а подавала со сметаной. От одной только мысли об этом урчало в животе. Но сладкое тесто давно было под запретом.

Ульяна вздохнула, потягиваясь, и решительно опустила ноги на пол. Мягкий ворс ковра приятно щекотнул ступни. Впереди ждал еще один день, полный беззаботного июльского солнца. Вилка, как сама себя называла соседская девочка со звучным именем Виолетта, ставшая за годы жизни бок о бок главной Улиной подругой, хотела доехать до парка Горького, едва только спадет жара. Но прогноз погоды не обещал ни малейшей прохлады. Потому гулять пришлось бы, изнывая от духоты, прячась в тени и попивая коктейли из запотевших стаканчиков. Но жара Ульяну не печалила.

Июнь, отданный на заклятие сессии, пролетел незамеченным. Он оставил после себя только ворох конспектов да темные круги под

глазами, которые было решено не прятать: они придавали Уле пусть немного, но взрослый вид. По крайней мере, так ей казалось, когда она смотрела на себя, с неудовольствием отмечая налитые молодой свежестью щеки с той мягкостью линий, которая подходила скорее робкой восьмикласснице, чем студентке третьего курса.

Сбросив груз институтских проблем, Уля вот уже неделю почти не вылезала из постели. Листала бульварные романчики, не глядя подхватывала спелую ягоду черешни за тонкий черенок и раскусывала ее, чтобы терпкий сок наполнил рот настоящим вкусом лета. Мама, возвращаясь с работы, конечно, ворчала.

– Могла бы хоть полы помыть, – говорила она, неодобрительно поглядывая на дочь, но та в ответ даже бровью не вела.

– Неделя, ма. Ты обещала мне неделю ничегонеделанья, как только я закрою семестр. – И, уворачиваясь от шлепка, уходила с кухни, прихватив с собой еще одну мисочку ягод.

Никитка об уговоре знал крепко, потому к сестре не приставал, подваливаясь к боку, только когда Ульяна сама выбиралась в общую комнату, чтобы посмотреть бессмысленное ток-шоу по музыкальному каналу или новую серию дурацкого сериала. Щекоча ее макушкой, Никита осторожно садился рядом, а когда сестра разводила руки в стороны, с визгом бросался на нее, брыкался и хохотал. Это была старая забава с тех далеких времен, когда Никита только научился ходить. Иногда Уле и не верилось, что тот пузатый малыш теперь посещает подготовительную школу, учится читать, старательно потирая переносицу очень ее, Ульяниным, жестом. В такие моменты ее накрывала волна нежности к брату.

Она любила этого сорванца, пусть и родившегося слишком поздно, чтобы стать ей другом. Разница в четырнадцать лет разделяла их, и ничего нельзя было с этим поделать. Но, глядя, как Никитка заходится счастливым хохотом в ее руках, Ульяна нисколько не притворялась счастливой. Она такой была.

Вот и сейчас, неторопливо натягивая домашнюю футболку поверх заношенных шорт, Уля прислушивалась к звонкому голосу брата, доносившемуся из соседней комнаты, и улыбалась, сама не зная чему. Телефон, брошенный на подушку, завибрировал. Ульяна оторвалась от отражения в зеркале над комодом и пролистала обновления. Фото солнечного луча на обоях набирало лайки и комментарии.

«Концептуально», – писала старая знакомая с фотокурсов. «Я с другой стороны стены так и почувствовала, что ты снимаешь», – отметилась Вилка.

«Хороший кадр. Твоя спальня всегда такая солнечная? Или только когда ты в ней?» – Поставленное в конце сердечко заставило Ульяну пробежаться по тексту еще раз.

Улыбка на лице стала торжествующей. Высокий светловолосый красавец со спортивного факультета. Тот самый, что уступил ей место в кафетерии и подал руку на лестнице. Тот самый, что недавно добавился к ней в друзья, но так и не написал ничего толком, своим молчанием заставляя постоянно обновлять страничку.

– С ума сойти! – пропела Уля и отправила ссылку на фотографию Вилке.

Той не было в сети, как и спортивного красавца. Но день только начинался, кто знает, сколько всего успеет в него вместиться?

Пританцовывая, Ульяна вышла в коридор, но до ванной не дошла – Никитка налетел на нее и едва не сбил с ног.

– Эй, здоровяк, потише ты! – ворчливо проговорила она, приглаживая вихрастую макушку брата.

– Мама сказала идти тебя будить! А то мы никуда не успеем.

– А мы должны куда-то успеть? – рассеянно спросила Уля, проверяя, не ответила ли ей подруга.

– В парк, мама сказала, мы пойдем с тобой в парк, где карусель-карусель! – Последние слова мальчик пропел на мотив старого мультика и понесся по коридору к кухне. – Мама! Ульянка проснулась!

Нежность к брату сдулась в Уле подобно лопнувшему шарик. Теперь она припомнила, что выторгованная удачно закрытой сессией неделя спокойствия заканчивается прямо сегодня. А значит, от похода на карусели спастись не получится.

Уля ловко проскользнула в ванную и прикрыла за собой дверь. Кафель приятно охлаждал босые ноги. Она включила воду, делая ее похолоднее, и юркнула в новомодный кокон душевой кабины, которую совсем недавно купил отчим Алексей, как звала его Уля уже без малого десять лет. Он был хорошим человеком, не лез с нравоучениями, прикрывал по мелочам от мамы и не вмешивался в их крупные ссоры. А еще – руководил большой фирмой, значит, мог позволить себе и эту квартиру, и этот душ.

Прохладная вода щекотала кожу. Уля придирчиво похлопала себя по животу и бедрам: они казались ей дряблыми. И даже каждодневные упражнения, которые она выполняла, повторяя за энергичным тренером из видео, не слишком помогали. Но это всё были мелочи – Уля кривила душой, называя себя полной. Привычный девичий обряд, ритуальный танец перед тем, как позволить себе еще один кусок пиццы. На самом деле ей даже нравилось, как округло переходит тонкая талия в бедра, как натягивается майка на груди. Ульяна была миленькой. И сама знала это, умело добавляя к облику легкие кудри и чуть заметный макияж, на который уходило куда больше времени, чем на яркий и броский. Именно такая, мягкая и женственная девушка могла понравиться обаятельному спортсмену. Ведь противоположности притягиваются. Притянутся и они. Должны притянуться.

Уля выскользнула из объятий душа, завернулась в пушистое полотенце и коснулась мокрым пальцем экрана телефона. Вилка сообщение еще не прочитала. Но спортсмен был в сети. Задумавшись, Ульяна протерла запотевшее зеркало ладонью и посмотрела на свое отражение. Поправила мокрую прядь, чуть натянула веко, улыбнулась сама себе, проверяя, чистые ли зубы. И пока тело само выполняло привычные действия, в Ульяне зрело решение.

«Спасибо. В комнате солнечно, только когда нет сессии. Во время нее – мрак и тлен», – напечатала она, замерла на секунду и отправила комментарий. Дело было сделано. Шумно выдохнув, Уля бросила на себя последний взгляд: ошалелые от смелости глаза восторженно блестели. Она натянула футболку и вышла за дверь.

– Садись завтракать, – бросила ей мама, мимоходом целуя в щеку. – Вечером приедут Савичи, а мне еще готовить и убираться.

– Я помогу. – Ульяна открыла стаканчик йогурта и всыпала туда пригоршню хлопьев.

– Нет, лучше выгуляй Никитку, он тут скачет и мешается. – Мама присела на стул и неодобрительно покачала головой. – Опять это сено ешь.

– Это не сено, ма... – Уля сморщила нос, поднимая тяжелый чайник. – Это мюсли.

– Да знаю я. Дай сюда, еще обожжешься.

Стройная, выглядевшая куда моложе, чем была на самом деле, мама никогда не набирала лишний вес. Даже беременная сыном, она оставалась тоненькой, хрупкой, юной. Склонная к полноте Уля смотрела на нее с досадой и завистью.

– Почему я не в тебя? – спрашивала она, а мама только отмахивалась. «И в кого тогда?» – беззвучно продолжала Ульяна, уверенная, что вопрос точно останется без ответа.

Про отца они никогда не разговаривали. Уля не знала, кто он и куда делся. Не видела его фото, даже имени не слышала ни разу – отчество Степановна было дано ей в память о деде. Но мысли нет-нет да возвращались к теме блудного папаши. Пару раз Ульяна пыталась задавать прямые вопросы, но мама юлила, а после откровенно злилась. Потому желание поднимать болезную тему иссякло само собой. Нет и нет. Значит, далекому биологическому родителю она просто не нужна. А навязываться глупо.

Как-то же прожили они с мамой вдвоем целых десять лет, пусть не так уютно и спокойно, как после появления Алексея. От тех времен Уле остались смутные воспоминания о холодных съемных квартирах и растянутых колготках с рваными носками, которые мама штопала по вечерам, а утром швы больно натирали пальцы.

– Ты меня слушаешь? – Мама наклонилась совсем близко и провела ладонью по ее лбу. – Эй, есть кто?

Сегодня она была в хорошем настроении. Уля чутко различала это по спокойному взгляду и отсутствию морщинки между бровями. Поэтому, как мама не раздражалась на старшую дочь. А таких дней становилось все меньше. Уля скорчила рожицу, подставляя щеку для еще одного поцелуя.

– Слушаю. Куда мне его сводить?

– В парке, через дорогу который, открыли новую карусель. Все ребята из группы туда уже сходили, один наш остался не у дел. Пусть катается, только следи, чтобы не укачало.

Ульяна чуть слышно застонала. Никитка очень любил все, что кружилось и вертелось, сияло огоньками, пищало и несло с бешеной скоростью. Жаль только, организм не разделял его восторгов. В прошлый раз Никитку, упросившего Улю отправиться с ним на карусели на ВВЦ, вывернуло прямо на ее открытые босоножки.

– Он хотел покататься именно с тобой. – Складка между бровями появилась резко и неумолимо. Мама смотрела на дочь, не скрывая досады. – Леша предложил ему сходить вместе, но Никита решил подождать, пока ты соизволишь проснуться.

– Ма, у меня каникулы...

– Не развалишься сделать во время них хоть что-то полезное! – Мама решительно встала со стула и вышла из кухни.

Повисла напряженная тишина, только телевизор в общей комнате вопил что-то об удачных ставках на ипотеку. Ульяна поковырялась ложкой в йогурте, но аппетита не было. Обстановка в доме всегда зависела от маминого настроения. Уля с содроганием вспоминала годы, когда второй ребенок никак не получался у молодой семьи Сафоновых. Мама ходила по квартире мрачнее тучи и постоянно срывалась на дочь, обвиняя ее в мельчайших провинностях, словно именно они и были причиной всех бед. По ночам Ульяна глотала злые слезы, вспоминая, как дружно они жили раньше, до появления Алексея. Но обвинять добродушного дядьку с пивным животом под неизменной деловой рубашкой было глупо.

С появлением Никиты мама стала куда мягче. Правда, прежней любви, нежной и всеобъемлющей, которой согревались они холодными ночами в съемных комнатах, больше не было. Теперь забота мамы делилась на трое: между мужем, младенцем и угрюмой девочкой-подростком. Нужно ли говорить, кому доставалось меньше всего?

Но Ульяна давно привыкла, сжилась, научилась получать из своего отчуждения максимум пользы. Свобода оказалась приятной на вкус, главное – не злоупотреблять, и все будет отлично. Потому сегодня она отправится на прогулку с братом, зато вечером никто не остановит ее, когда она решит умотать из дома и не возвращаться до поздней ночи.

Уля аккуратно закрыла йогурт крышечкой, поставила его в холодильник и только потом вспомнила о телефоне. Тот предательски молчал. Она нажала на круглую кнопку, скрещивая пальцы на ногах, – это была ее личная примета, обычно приносящая удачу.

На экране повисло оповещение: «Константин Тимофеев прислал вам одно новое сообщение».

«Ты уже закрылась?»

Ульяна перечитала эти слова несколько раз, надеясь отыскать в них особый смысл.

«Да, было жестко, но не впервой же», – осторожно напечатала она, начиная злиться на Вилку, пропавшую в такой неподходящий момент.

– Уля-я-я... – вытянув губы трубочкой, пропел заскочивший в кухню Никитка. Он уже надел цветастую футболку с мультяшной уткой и полосатую кепочку. – Ты купишь мороженого? Я хочу с карамелью! – Мальчик прыгал на одной ноге, застегивая тугой замок красной сандаляки. Тонкие ручки, подобно мельнице, кружились у самого носа сидевшей на стуле сестры.

– Да встань ты как следует! – прикрикнула она, отрывая взгляд от телефона, где Костя что-то усердно набирал ей в ответ.

Никита дурашливо надулся и побежал к двери.

«Молодец! А я остался на осень по двум предметам. Педагогика – не мое», – пискнул телефон новым конвертиком.

«Ничего, главное – впереди два месяца лета!» – нерешительно набрала Уля, ломая голову, как бы продолжить разговор.

– Не засиживайся, там тучи нехорошие какие-то, – бросила вернувшаяся мама.

Ульяна вздохнула, но послушно встала и направилась к себе. Шкаф в комнате встретил ее ворохом одежды, небрежно раскиданной по полкам. Одной рукой набирая очередное сообщение Вилке, она вытащила тонкий цветастый сарафан, встряхнула его и решила, что для дневной прогулки с братом он точно подойдет. А вместе с ним – пара капель легких духов, немного блеска для губ и высокий хвост из чуть влажных волос.

Никита топтался в дверях, наблюдая за тем, как она собирается.

– Можно я возьму самокат? – спросил он, приподнимаясь на носочки от нетерпения.

– Бери, – пожала плечами Уля.

Мама вышла в коридор, вытирая руки полотенцем.

– Только не смей переезжать на нем дорогу! Слышишь, Ульяна? Проследи!

– Хорошо, ма.

Имя Вилки наконец загорелось зеленым кружочком в списке друзей. Ульяна отправила ей возмущенный смайлик.

Когда они с Никиткой вышли в коридор, мама стояла на пороге, провожая их взглядом. Но Уля не оторвала глаз от экрана – Костя как раз предложил ей встретиться на неделе, и сердце застучало в груди от радостного предвкушения.

«Это тот самый, с татушкой на шее?» – восторженно строчила Вилка.

«Да! Интересно, что там написано?»

«Думаю, скоро ты рассмотришь ее в мельчайших подробностях, старушка!»

Уля проскользнула мимо дверей, за которыми скрывалась квартира Виолетты, но решила не стучать: вначале предстояло отделаться от домашних обязанностей, а потом уже можно будет завалиться в прохладу Вилкиной комнаты, чтобы от души пообсуждать утренние новости.

– Ну, давай, мелкий. Веди меня к каруселям, – сказала Ульяна, когда мама наконец выпустила Никиту из объятий, громко поцеловав мальчика в макушку. Дочери досталась только улыбка, брошенная из-за закрывающейся двери.

Никитка шустро рванул вниз по лестнице, громко шлепая сандаляками и что-то напевая. Двор встретил их шумом и жаром московского полудня. На лавочке сидели две старушки, у обеих в руках дергались натянутые поводки, с другой стороны которых рыскали по газону маленькие полуголые собачки. Их хиленькие тела дрожали от страха и восторга прогулки. Старушки смотрели на них с равнодушным любопытством.

– Понапокупают животинок, – неодобрительно сказала одна, – а сами на работах своих до ночи. Вот на кой она мне, а я слежу, гуляю, мою...

Вторая согласно кивнула, смерив проходящую мимо Ульяну цепким взглядом.

Никита пронесся мимо соседок, разгоняя маленький самокат, и крикнул что-то приветственное. Это мигом смягчило старушек – обе заулыбались, поглядывая на пеструю фигурку мальчика.

У Никиты был настоящий талант нравиться всем вокруг. Его любили самые злобные старухи, избалованные коты и дамы, которые еще вчера выходили на пикет чайлдфри с плакатом «Дети – могильный камень нашей жизни». От широкой улыбки мальчика таяли злые

полицейские, редкая в их районе неблагополучная молодежь и даже многодетные мамы, которые были бы и рады пойти на собрание чайлдфри, да некогда.

Выходя со двора, Ульяна хмыкнула. Телефон надрывно вибрировал: Вилка рассказывала о вчерашнем свидании с бывшим одноклассником, превратившимся из очкастого ботана в модного компьютерного гения. Уля читала ее сообщения вполглаза. У нее самой, кажется, намечалась встреча.

«Я не против. Можно сходить в Аптекарский огород, знаешь, на проспекте Мира? Там тень и красота», – печатала она, приближаясь к дороге, которая отделяла их дом от небольшого парка и каруселей.

Разноцветная футболка Никиты мелькнула чуть впереди. Мальчик умело вел самокат по тротуару, звонко отталкиваясь от асфальта красной сандалкой.

«Здорово! Значит, завтра к шести я за тобой приеду?» – написал Костя, и тепло разлилось по телу Ули сладкой патокой.

Она принялась печатать ему адрес, обдумывая, как лучше объяснить проезд через запутанные соседние улочки, когда почти уже подошла к обочине. Самокат больше не дребезжал. Ульяна перечитала сообщение, уверенно нажала на «Отправить» и только после этого подняла голову. Тепло в груди медленно сменялось неприятным холодком.

Никитка стоял посреди дороги. Одной ногой он удерживал самокат, а ко второй наклонился, чтобы поправить тугой ремешок сандалии. Дорога была пустынна. Она сворачивала к дому, укрытому разросшейся зеленью. Здесь не было ни обозначенного перехода, ни светофоров. Жители давно ругались с местным управлением, но те никак не шли на уступки, и всем по-прежнему приходилось делать крюк до ближайшей зебры. Правда, движение на дороге было вялым и медленным. Водители обычно снижали скорость, чтобы выехать из-за поворота, поэтому перебежать проезжую часть было легко и совсем не страшно.

Но сейчас Никита застыл на середине дороги – тонкий, пестрый, полный детской прыгучей радости. Уля открыла рот, чтобы прикрикнуть на него, пока из-за поворота не появилась машина, но горло вдруг перехватило страхом. Слова застряли в нем, язык прилип к

нёбу. Она схватилась за шею, не замечая, как из ее ослабевшей ладони выпадает телефон.

Мальчик наконец справился с замком и выпрямился. В его светлых глазах плескалось предвкушение карусели. Он уже растягивал губы в довольной улыбке, когда мир вокруг Ульяны померк. Движения замедлились, звуки словно доносились сквозь тяжелую толщу воды. Глаза Никиты оказались совсем рядом, словно Ульяна уже подбежала к мальчику, но тело ее не слушалось.

Секунда – и она вдруг увидела все со стороны. Ясный день, высокие многоэтажки греют бока на солнце, чуть заметный жар поднимается от асфальта, у бордюра стоит девушка в легком сарафане, возле ее ног валяется расколотый коробок телефона. А на дороге, за которой начинается тенистый парк, застыл маленький мальчик, растрепанный, с выгоревшими волосами под полосатой кепочкой.

В воздухе пронзительно запахло терпкой горечью.

«Что за запах?» – почему-то подумала Уля, будто это было важно сейчас.

Когда из-за поворота на бешеной скорости выскочил грузовик, она вдруг вспомнила, что уже чувствовала этот аромат, – давным-давно, на даче друзей Алексея. Там за домом начинался широкий лог, по бокам которого росла полынь. Так же горько и терпко пахла она, цветущая, рассыпающаяся в пальцах седой пылью.

Грузовик тем временем был уже рядом. Уля успела прочитать на его боках что-то о диванах, которые он везет. Не сбавляя скорости, машина выехала на ровный участок, и только тогда водитель заметил мальчика, который так и стоял, улыбаясь сестре, одной рукой придерживая самокат, а второй снимая кепочку. Полынью пахло нестерпимо, казалось весь мир пропитался ею и теперь полнится этой горечью, осязаемой и плотной.

Ульяна закричала, но звуки потонули в густой тишине. Она хотела дернуться, остановить несущийся на Никитку грузовик, но тела не было. Нечем было заслонить брата от опасности. Когда машина на полном ходу смела тонкую фигурку Никиты, мир наконец обрел звучание.

Истошный сигнал грузовика, нечеловеческий крик девушки, стоявшей у дороги, скрежет металла, звон укатившегося самоката и

глухой, страшный удар, с которым упало на асфальт отброшенное в сторону безжизненное тело Никиты.

Мир снова померк перед глазами, уходя в темную воронку, пронзительно пахнущую горечью травы.

Уля моргнула, приходя в себя. Никита стоял напротив, поднимая руку к кепочке, чтобы снять ее. Он смотрел на сестру с довольной улыбкой, солнце блестело на его длинных светлых ресницах.

«Совсем мы с ним не похожи», – подумалось вдруг Ульяне. Она шагнула к брату, не понимая, что происходит, но сонную тишину июльского дня разрезал пронзительный сигнал несущегося к ним грузовика. Оставалась еще пара секунд, достаточных, чтобы подскочить к мальчику, оттолкнуть его в сторону, повалить на землю, уволочь, закрыть собой.

Но Уля застыла. Страх захлестнул ее с головой. Пульс бешено ударил по ушам, холодный пот выступил на лбу, заструился по спине между лопатками. И она осталась на месте. Наблюдая, как, словно в дешевом кино, рассеянно поворачивается на звук Никита, как пытается остановить машину водитель, понимая, что уже слишком поздно. Визг тормозов смешался с отвратительным скрежетом металла. Хрупкая фигурка мальчика взлетела в воздух, перекувыркнулась и медленно, почти нежно упала на асфальт с другой стороны дороги. Полосатая кепочка отлетела к обочине. Самокат отбросило в сторону. У ног Ульяны осталась одна только красная сандаляка, та самая, с неудачным замком.

Ульяна успела разглядеть, как тонкой струйкой вытекает изо рта Никиты кровь, как удивленно смотрит он в небо, как взгляд его, начинающий стекленеть, хранит в себе отголоски прыгучей детской радости.

Кто-то истошно кричал совсем рядом. Уле понадобилось время, чтобы понять: это она сама кричит, срывая горло, истошно, зверино, пронзительно.

Воздух нестерпимо пах полынью. Москва крутилась юлой на умытых поливалками улицах.

Москве было все равно.

Осторожно, двери закрываются

Телефон начинал пиликать без пятнадцати пять. Тишина перед этим сгущалась, словно предчувствовала, как спустя мгновение звонок порвет ее, не оставив ни единого шанса на доброе утро. Да и может ли быть оно добрым, когда за окном слепо щурится промозглый октябрь? Слякотный, дурной, размешивающий под ногами склизкую листву с первым мокрым снегом.

Ульяна тяжело разлепила веки. Ей снилась бесконечная серая стена – шершавая, ноздреватая. Она тянулась сразу во все стороны, чуть вибрировала под пальцами и гадко жужжала. Пальцы были чужие, хотя росли на Ульяниных кистях. Узловатые, с воспаленными костяшками, а главное – с широкой полоской грязи под отросшими ногтями. Словно тот, кто перебирал ими, исследуя бесконечную стену, долго прорывал себе путь вверх через податливую свежую землю. Ульяну передернуло. Сон был слишком реальным, чтобы просто забыть его с первой секундой нового дня. Ее бил озноб. В комнате было сыро и холодно.

Дешевые старые батареи не могли наполнить теплом даже те восемь квадратных метров, которые занимал немногочисленный Ульянин скарб, а потому вещи всегда были противными на ощупь, и по ветхим стенам и потолку расползалась черная плесень. Уля даже не пыталась с ней бороться. За три года скитаний по съемным комнатам она привыкла и к холоду, и к мерзким запахам, и к общим туалетам в конце темных захламленных коридоров. Все коммуналки оказались похожи друг на друга, как близнецы, и эта была ничем не хуже остальных. Но и не лучше, конечно же, не лучше.

Телефон продолжал пронзительно пищать. Туманным от тяжелого сна сознанием Уля не замечала этих звуков и куталась в тонкое одеяло, буравя взглядом потолок. Над ухом раздался глухой удар – жители соседней комнаты не желали просыпаться в такую рань. Уля так и видела, как заносится пухлый кулачок потасканной блондинки Оксаны, как она остервенело стучит в стенку, вспоминая чью-то мать.

Можно было бы позлить соседку еще немного, но потертый экран мобильного отсчитывал стремительно бегущие минуты. Уля

поморщилась, вскакивая на ноги. Тапочек снова не оказалось на месте. Холод в секунду пронесся от пяток до макушки, вызывая новую волну озноба. Еле слышно чертыхаясь, Уля натянула носки и хмуро огляделась.

За ночь в комнате ничего не изменилось: тот же продавленный чужими телами диван с линялым бельем, тот же шкаф с отстающей от сырости стенкой; большая черная сумка, в которой Уля хранила одежду, давно забыв о привычке раскладывать ее по полкам; серый полумрак и полоса желтого света от фонаря, который бил в окно, служа ночником.

Темноты Уля боялась сильнее всего. Большой страх вызывала в ней только травяная горечь на языке. Но вспоминать об этом не хотелось. Ульяна сжала в руке увесистый коробок черно-белой «Нокии», которую купила за сотню в переходе метро долгих три года назад, и вышла в общий коридор. В нем, как обычно, воняло тушеной капустой. Равнодушная, высокая и грузная Наталья – еще одна жительница коммуналки – готовила ее по вечерам, проводя целые часы в меланхоличном перемешивании варева. Аромат грязных носков, исходивший от кастрюли, въедался в кожу и волосы, его не перекрывала даже хлорка, с которой Оксана отмывала кухню после каждого капустного инцидента. Уля зашла в холодную ванную, щелкнула выключателем, и тусклый свет лампочки вспыхнул, вызывая еще один приступ озноба. В заляпанном зубной пастой зеркале появилась бледная осунувшаяся фигура: впалые щеки, острые скулы, голодные потухшие глаза цвета грязной воды в стаканчике для акварели. Уля мельком покосилась туда, стараясь не пересечься взглядом с отражением, – и так знала, что почти не похожа на себя прежнюю: холеную, гладкую, пахнущую дорогим парфюмом девушку, которая завивала по утрам кудри, напевая и пританцовывая. Теперь она рассеянно собирала волосы в хвост и каждый раз напоминала себе отложить с аванса немного денег на стрижку.

Наскоро почистив зубы и ополоснув лицо ледяной водой, Уля выбралась наружу, стараясь не уронить висящие на стенах тазы. В самом углу, у двери, прислонившись к стене, как маленький тонконогий зверек, стоял детский самокат. Отпрыск Оксаны рассекал на нем по двору, когда в августе Уля въехала сюда. Сердце больно сжалось в ответ. Не оставила бы она залог, ни за что не вселилась бы в

дом, где теперь натыкалась взглядом на детский самокат. Но деваться было некуда. К тому же запуганный хамоватой мамашей Данил был абсолютно на Никитку не похож. Ни в движениях – робких, неуверенных, – ни в сопливом носе, ни в глуповатых вопросах, которые он задавал вечно раздраженной матери. Наука смирения оказалась единственно необходимой. И Уля смирилась. Потому не было особо жаль брошенного после третьего курса института. И уютной жизни в центре столицы, и пышнобоких оладий, и рассеянных поцелуев мамы на пороге дома – ничего. Так она твердила каждое утро, натыкаясь на мальчишеский самокат в углу.

Но ни разу еще себе не поверила.

Когда Уля вышла из квартиры, перед этим долго ворочая ключом в разболтанном замке, на часах мерцала половина шестого. В шесть ноль пять от ближайшей станции отбывала пригородная электричка. За две остановки до конечной Уля выходила из нее, чтобы пройтись по темным переулкам и ровно в семь утра оказаться за рабочим столом.

Шесть дней в неделю это был ее распорядок, помогавший хоть как-то сводить концы с концами. И не сойти с ума.

Ульяна пронеслась по мокрым улицам городка, чувствуя, как промокают ботинки. Их нужно было менять. И этот вопрос становился все острее. Она старательно обходила большие лужи, лавировала между машинами, припаркованными прямо на тротуарах, но мысли ее были далеко.

Там, где тянулась сразу во все стороны бесконечная серая стена. Образ не выходил из головы, мелькал, проступая через промозглую картинку раннего подмосковного утра. Уля отмахивалась от него, как от назойливой мухи, но на языке уже начинала горчить полынь. И Ульяна знала, что это значит. За прошедшие годы это случалось с ней сорок шесть раз. В транспорте, на работе, перед прилавком с помидорами, в толпе прохожих, на станциях метро и даже в теплой комнате, которую она делила со студенткой театрального вуза. Приучаясь жить в помещении, похожем на вместительную коробку из-под холодильника, они с Софой почти подружились. В тот вечер решили посмотреть кино и даже купили замороженную пиццу. Софа что-то щебетала, набирая в поисковике название фильма, а потом повернулась к Ульяне, веселая и разгоряченная собственным рассказом.

Мир замедлился, голоса исчезли, и появилась полынь. Комната сжалась в одну темную точку. Зеленые смеющиеся глаза соседки залила чернота. Миг – и Уля увидела, как Софа идет по заросшему кустами скверу рядом с домом, как фонарь гаснет за ее спиной, как она вздрагивает, когда на шею ложится тяжелая рука. Недолгая борьба, булькающий сдавленный крик – и тело падает прямо в грязь, а слепые окна домов равнодушно наблюдают за тем, как шарит по выпавшей из рук сумочке все та же мужская ладонь, как брезгливо откидывает полупустой кошелек, как срывает тонкую золотую цепочку. Как убийца переступает через натекающую из разрезанного горла кровь и спокойно идет себе дальше, не чуя полыни, которая заполнила собой весь мир.

– Эй, ты меня слышишь? – теребила ее за рукав живая Софа, пока Уля обдумывала, удастся ли съехать завтра, получив на руки остаток залога.

На следующий вечер Софа провожала ее у дверей, почти не сдерживая слез.

– Я так рада, что у тебя нашлась тетка в Мытищах... Но буду по тебе скучать! – бормотала она. – Ты мне пиши... Ах, да. Тебя же нет нигде. Странная ты, Улька.

Уже переступая порог, Ульяна все-таки обернулась.

– Береги себя, хорошо? – При виде того, как нежно бьется на шее Софы жилка, удержаться было сложно. – И не ходи одна по ночам.

Та кивнула в ответ и еще раз обняла мрачную соседку. Больше они не виделись. Отчего-то Уля даже не пыталась их предупредить – ни подростка, встреченного в магазине, что тот выжжет себе мозги забористой кислотой, ни старушку – ей предстояло попасть под машину, ни потасканную девицу, в теле которой жил ВИЧ, о чем она пока не знала. Чаще всего они проходили мимо, не замечая, как замерла рядом мрачная девушка. Не чувствовали полыни, не ощущали дыхания скорой беды. И Уля дожидалась, когда дрожь по телу утихнет, сердце перестанет вырываться из-под ребер, а холодный пот высохнет между лопатками, и шла себе дальше, шла, не оглядываясь на живого мертвеца.

Вот и теперь она ежилась, стоя на самом краешке перрона, и старалась не смотреть никому из толкавшихся рядом в лицо.

«Береженого Бог бережет», – абсолютно не к месту вспомнилась ей старая поговорка, которую любила повторять мама.

Острый укол боли ввинтился в живот, будто кто-то проткнул его длинной иглой. Об этом тоже не стоило думать. Только не после ночи у серой стены. Электричка со скрежетом медленно подходила к станции, принося за собой капли холодного дождя. Уля поморщилась, переступая большую лужу, и вошла в вагон. Внутри пахло людскими телами разной степени чистоты, мокрой одеждой, дешевым одеколоном и немного мочой. Зато никакой пыли. Ухмыльнувшись сама себе, Уля выбрала место у окна, проскользнула мимо спящей тетки и села. Вагон чуть пошатнулся, потом поехал, неспешно набирая скорость. От душноватой теплоты Улю тут же сморило. Она чуть растянула серую парку, которую носила с первых холодов до самых жестких морозов, ослабила шарф и прислонилась головой к стеклу. Электричку мерно покачивало, вагон бежал по рельсам мимо спящих районов, распрощавшихся с листвой деревьев и переполненных станций. От людей некуда было деться. Они были повсюду. Куда бы ни упал рассеянный взгляд, там обязательно стоял-сидел-шел-ехал человек. Уля чувствовала это особенно остро, с трудом привыкая всегда быть начеку. Не осматриваться, не считать ворон – просто перемещаться из точки А в точку Б. И тогда, если повезет, у нее будут спокойные недели и месяцы, не отравленные горечью пыли и чьей-то смертью.

Ульяна крепко зажмурилась, отсчитывая, сколько раз благожелательный женский голос в динамике повторит свое коронное «Осторожно, двери закрываются», – после девятого нужно было выходить.

Москва встретила ее бьющим в лицо промозглым ветром. К ботинкам тут же пристал сморщенный грязный лист. Уля брезгливо откинула его в сторону, пробегая вниз по переходу. На часах зависло тревожное «шесть пятьдесят два».

Ровно через восемь минут толстый и усатый Станислав Викторович покинет свой кабинет, сделает пару шагов коротенькими ножками и без стука войдет в запыленную комнату архива. А значит, Ульяна уже должна будет сидеть там, напряженно всматриваясь в светящийся экран монитора. Тогда он постоит на пороге,

тяжело дыша через широкие ноздри, впиваясь туповатыми глазками в ее сгорбленную фигуру, и уйдет, чтобы завтра повторить все сначала.

Уля прибавила шагу: голова чуть заметно кружилась, к горлу подступала тошнота. Списать бы на обычную слабость, голод, плохую погоду и дурное настроение, но это все был наивный самообман. Ульяна знала, что означают дрожь в ногах и мир, мягко уходящий в сторону, когда она пыталась сфокусировать взгляд хоть на чем-то, кроме собственных ботинок.

– Не думай. Не думай. Не думай, – принялась шептать Уля, стискивая кулаки. Только не сегодня, не в день, когда Фомин ждал от нее отчета по месячным контрактам их страховой конторы. То, что ее, умевшую видеть чужую смерть, взяли работать именно туда, вызывало приступы плохо контролируемого истеричного хохота, который Уля сдерживала, нервно подрагивая уголками губ. Но выбирать не приходилось: мало кому нужна неумеха, у которой на руках всего лишь аттестат из школы и мятая бумажка о трех прослушанных филологических курсах. Все должности, подходившие ее миловидной мордашке, отменялись из-за частых и близких контактов с клиентами. Как ей предлагать новую модель телефона в салоне, если она боится поднять взгляд на покупателя: вдруг увидит, что телефон ему уже не пригодится? Или приносить кофе влюбленным парочкам, в ужасе дрожа от картины их скорой кровавой гибели?

Оставалась еще работа на дому, но прокормиться ею не выходило. Потому по вечерам Ульяна бралась кропать легкие курсовые работы на стареньком, купленном в рассрочку ноутбуке, а утро встречала, сидя за схемами под пристальным взглядом Станислава Викторовича.

– Сафонова, в шесть я жду от тебя отчета, – гаркнул он, переступая порог ее кабинета. – И чтобы не как в прошлый раз, а четко, точно и без опечаток, ты меня поняла?

Его толстый, как сарделька, палец грозно навис над Улей. Она вздрогнула и оторвалась от экрана. Смотреть в мутные глаза начальника она не боялась. Его смерть нахлынула на нее в третий рабочий день. Они столкнулись в узеньком коридоре, отделявшем офис от общего туалета. Секунда замешательства – и Улю накрыла травяная горечь, мгновенно смывая и вид потертых стен, и луковый запах мужского дыхания.

Она увидела, как постаревший, еще сильнее обрюзгший Фомин сидит в кресле у телевизора в темной маленькой комнатке. Его босые толстые ноги в домашних тапочках мерцают в отсветах сменяющихся кадров программы. Особенно запомнились грубо вывернутые вены на лодыжках. Пока она с отвращением рассматривала их, Станислав Викторович захрипел, хватая воздух ртом, рука его взметнулась к горлу, а багровые щеки вдруг сделались синими. Он забился в кресле всей тяжестью тела, а после завалился на ручку и обмяк.

Когда Ульяна пришла в себя, Фомин неодобрительно смотрел на нее из-под кустистых бровей.

– Беременных увольняем сразу, так и знай, – пробурчал он, протискиваясь мимо.

Уля еще немного постояла, провожая его взглядом. Она была бы не прочь увидеть в этих водянистых глазках страшную и мучительную гибель от своих собственных рук. Но вместо этого Фомин проживет еще много лет, жирея и издеваясь над подчиненными. Мир вообще не отличался справедливостью.

Весь день Уля неотрывно щелкала по скрипящей клавиатуре, подбивая столбики и строки, заполняя ячейки и выводя по ним графики. Нудная работа успокаивала нервы. А осторожные пробежки до общей кухни не давали уснуть окончательно.

Маленький закуток, где скрывались чайник, кофемашина и вазочка с бесплатным печеньем, Уля считала самым главным плюсом этого бестолкового места. Запертая в архиве, она старалась не встречаться ни с кем из других сотрудников, лишь изредка кивала им в коридоре.

Они же, занятые клиентами, от кошельков которых зависели их собственные премии, не стремились сблизиться с угрюмой, пропахшей пыльными бумагами девушкой. Это было вторым плюсом.

Когда серый день за окном начал неотвратимо превращаться в сумерки, Уля отправила в печать готовые страницы отчета. Еще теплые, они приятно согревали мерзнущие ладони. Ульяна торопливо прошла по коридору до кабинета Фомина и постучала. Дверь приоткрыла дурно покрашенная секретарша Аллочка. Она хищно улыбнулась – на передних зубах остались следы от помады.

– Тебе чего?

– Отчет. Для Фомина, – отрывисто ответила Ульяна, глядя чуть выше Аллочкиного плеча.

– Давай сюда. – Секретарша схватила странички и проворно втянула их в кабинет, потом окинула Ульяну еще одним презрительным взглядом и захлопнула дверь.

Изнутри донеслись приглушенный мужской голос, ответ Аллочки и грудной смех.

Уля равнодушно пожала плечами и пошла к себе. Старенький экран «Нокии» показывал три минуты седьмого – самое время ехать домой. Обратная дорога всегда давалась легче. Уля выходила из офиса, оставляя за спиной приземистое сырое здание, пронизанное искусственным дневным светом трескучих ламп, и шагала по переулку до станции. Ближайшая электричка приходила к десяти минутам. Обычно Уле хватало времени, чтобы миновать мрачные подворотни, взбежать по ступенькам перехода и проскочить в двери вагона перед тем, как они захлопнутся. Следующий поезд прибывал только в восьмом часу. Когда вечер складывался неудачно, Уле приходилось топтаться на перроне, грея руки о стаканчик кофе из автомата, и ждать еще час.

Сегодня все шло наперекосяк: Ульяна неслась по чужому двору, постоянно натываясь на мамочек с колясками и медлительных старух. Один-единственный светофор на ее пути долго отсчитывал секунды до зеленого человечка, а неудачно смятый билет никак не хотел проходить контроль.

Когда она, запыхавшаяся и злая, выскочила на перрон, красные огоньки уже вовсю мерцали, в унисон с женским голосом из динамика оповещающая: «Двери закрываются». Последним рывком Уля подалась вперед, понимая, что не успеет. В кармане одиноко звенела мелочь, которую надо было потратить на ужин, а не на противный, но горячий напиток для опоздавшего на поезд неудачника. Двери противно лязгнули и потянулись навстречу друг другу, когда тонкая, изящная ручка схватилась за одну из них, а наружу высунулся носок глянцевого, чуть зеленоватого сапога.

Не веря в свою удачу, Ульяна заскочила в вагон, двери тут же захлопнулись, поезд дернулся и поехал. За грязными стеклами медленно поползли московские дворы. Унылые, осенние, чужие. Ульяна с трудом оторвала от них взгляд и огляделась. В тамбуре, глубоко затягиваясь тонкой сигаретой, стояла девушка, закутанная в

мягкое, великоватое ей пальто. Она поглядывала на Улю блестящими в полутьме глазами и улыбалась, как старой знакомой.

– Уж если нарушать правила, так по-крупному, – сказала она, покачивая тлеющей в длинных пальцах сигаретой. – Задержала отправление и курю в тамбуре.

Девушка хохотнула, туша окурок, достала из кармана пушистые темно-зеленые варежки и в упор посмотрела на Улю.

– Только осень началась, а руки мерзнут, – зачем-то объяснила незнакомка. – Пойдем? – И шагнула в вагон.

Ульяна наблюдала за ней, словно замороженная. Лучше было бы уйти. Дождаться остановки поезда на следующей станции и забежать в соседние двери. Но уверенный взгляд девушки, плавность ее движений, аромат духов и хриловатый голос заставили Ульяну послушно последовать за ней и сесть напротив.

В вагоне было подозрительно малоллюдно – пара уставших, замотанных женщин с тяжелыми сумками, лысый мужик в спортивной куртке, спящий в углу бездомный старик да еще парочка, страстно целующаяся у тамбура. Ульяна могла прислониться носом к любому окну, спрятаться от всех. Но вместо этого она не отрывала глаз от девушки.

Дурное, отдающее полынью предчувствие уже билось в Уле, когда незнакомка посмотрела на нее и снова улыбнулась.

– Мерзкая погодка, правда?

– Да, холодно, – только и смогла выдать Ульяна.

– Друг в «Твиттере» написал, что у него машина на обочине в грязи застряла. Мне кажется, лучше московский октябрь не описать, – сказала та и хрипло засмеялась.

Было в ней что-то, притягивающее взгляд. То, как она куталась в широкое пальто, строгое, почти мужское, как уютно смотрелись на его фоне вязаные зеленые варежки в тон холеным дорогушим сапогам. Уля зябко поджала пальцы ног, которые совсем уже окоченели в сырости потертых ботинок.

Девушка сняла одну из варежек, открыла черную сумку и долго копалась в ней, ворча себе под нос. Потом нашла искомое и вытащила наружу. Темная коробочка шоколадных конфет с невесомой балериной. Длинные пальцы достали пухлый сладкий квадратик в блестящей фольге и протянули Ульяне.

– Нельзя, конечно, вечером такое есть. Но когда в жизни сплошной октябрь, могут спасти только шоколад, виски и секс. Конфету в этом паршивом городе отыскать легче всего... – Она все улыбалась, открыто и широко, но в глазах отражалась знакомая тоска.

Теперь Уля разглядела, что лицо девушки было болезненно бледным, под глазами тяжело набухли темные круги и вся она – дерганая, чересчур активная и разговорчивая – выглядела загнанной в угол кошкой, которая еще вчера была домашней, а сегодня зализывает раны в грязном подъезде.

«Встань и уйди в тамбур, отвернись, уйди, бегом выскочи из вагона!» – вопил в Уле внутренний голос, но та, зачарованная суматошными движениями незнакомки, ее взглядом и улыбкой, протянула руку, чтобы взять шоколадку.

На секунду их пальцы встретились. Уля успела ощутить холод гладкой кожи, но мир уже медленно растворялся перед глазами, а в нос нестерпимо ударил горький травянистый запах. Он пропитывал собой каждую клеточку окаменевшей Ули, забивался в рот и горло, свербел в носу. Не осталось ничего, кроме этого осязаемого, плотного духа грядущей беды.

Уля увидела перед собой темный коридор незнакомой квартиры. Девушка, которая сидела сейчас напротив, распахнула входную дверь и ввалилась внутрь, оскальзываясь на каблуках. Полы ее пальто были вымазаны густой грязью, сама она – растрепанная, с потекшей тушью – выглядела городской сумасшедшей. Не разуваясь, девушка шагнула в комнату. Уля заметила, как взгляд ее блуждал по голым стенам, – квадратики на обоях, оставшиеся после снятых рамок, смотрели на хозяйку пустыми глазницами. Та пьяно хохотнула и осела возле стены. Одной рукой достала из сумки выпитую наполовину бутылку виски, второй потянулась к тумбочке и вытащила пузырек.

– К черту! К черту все, сволочь... Скотина последняя... я не стану тут гнить одна, пока ты там трахаешься... – зло шептала она, отсчитывая мелкие глянцевые таблетки.

А потом зарыдала, давась слезами, и высыпала на язык добрую пригоршню, не глядя отшвырнула пустой пузырек, сделала большой глоток из темной бутылки и тут же обмякла.

Ульяна в оцепенении наблюдала, как разглаживаются судорожно искривленные черты лица, а из уголков губ сочится противная белая

пена. Эта картина так ее поразила, что она не чувствовала ни полыни, ни обычной для таких видений дурноты. Она смотрела на красивое, подтянутое тело, обряженное в дорогие шмотки, которое на ее глазах убило себя одним дурацким пьяным решением.

– Эй, бери, говорю! – сидевшая напротив девушка пощелкала длинными пальцами у самого Ульяниного носа.

Медленно приходя в себя, Ульяна с трудом оторвала взгляд от протянутого ломтика шоколада и посмотрела прямо в карие, тщательно накрашенные глаза незнакомки.

– Не делай этого, – хрипло проговорила Уля, сама не понимая, что творит.

Ресницы девушки чуть заметно дрогнули.

– Что?

– Таблетки. Сегодня вечером. Не смей делать этого, ты еще молодая, ты красивая, он не стоит...

– Откуда ты... – начала было девушка, а ее губы сами собой сжались в тонкую полоску.

Она больше не улыбалась, из ослабших пальцев выпал шоколадный кусочек и остался лежать на грязном полу вагона.

– Просто поверь мне, не надо этого делать, – еще раз повторила Уля, чувствуя, как дрожит всем телом.

Ее мутило, бросало в жар, трясло от озноба. Проклятая полынь заполняла нос, не давая вдохнуть. Девушка напротив смотрела на Улю расширенными от страха глазами. Электричка медленно покачнулась и затормозила у остановки.

– Да пошла ты... – злобно бросила незнакомка, вскочила и зашагала по проходу – стремительная, высокая, – даже не обернувшись. Ульяна проводила ее взглядом. Сознание ускользало прочь, она тонула в приступе паники, из последних сил сдерживая рвоту. Но внутри зрело мстительное удовольствие.

– На, подавись. Она теперь не станет глотать таблетки. Теперь точно не станет, – не зная кому, зло прошептала Ульяна, поворачиваясь к окну, чтобы в последний раз посмотреть на спасенную.

Та уже выскочила наружу, застыла на перроне, оглядываясь и придерживая одной рукой в зеленой варежке ворот пальто, а второй, голой, стискивая в побледневших пальцах сумку. А потом решительно шагнула к переходу. Одно неловкое движение – и каблук сапога поехал

на затянутой льдом луже. Девушка пронзительно вскрикнула, роняя сумку, и упала на спину. Глухой удар взлохмаченной головы о стылую плитку перрона заглушил благожелательный женский голос в динамике: «Осторожно, двери закрываются».

Станция качнулась за окном, и поезд потащил Улю дальше. Окаменевшая, она проводила глазами перрон, на котором осталась лежать незнакомка в красивом пальто. Из разбитой о плитку головы уже натекла целая лужа крови. Вокруг начал собираться любопытствующий народ. Дежурный по станции, стоявший над мертвой, что-то равнодушно говорил в рацию.

Когда они скрылись из виду, Уля долго еще смотрела перед собой не в силах вздохнуть, проглотить набежавшую от полынной горечи слюну, пошевелить затекшими плечами. И только у своей станции заметила, что на соседнем месте, там, где сидела незнакомая девушка, так и осталась лежать пушистая зеленая варежка.

Веточки укропа

Ульяна бежала по тротуару, поскользываясь на подмерзшей грязи. Мимо проносились дома, поделенные светящимися пятнами окон, словно они – кривые шахматные доски. За каждым ламповым огоньком скрывались своя жизнь, свои беды и радости. Люди сходились, сталкивались лбами, переплетались пальцами, впивались губами, кричали что-то бессвязное, предавали, падали, верили, рыдали навзрыд – словом, жили, делая все, что было теперь недостижимо далеко от Ули.

Перед ней до сих пор стояла увиденная картинка – красивая девушка, распластанная на дорогом паркете, из ярко очерченных губ которой льется мерзкая пена. Правда, реальность оказалась еще страшнее и нелепее. Поскользнуться на первой замерзшей луже, вскинуть руки и упасть, размозжив голову о перрон. Было в этом что-то неправильное, даже комичное.

Но Уля не смеялась. Она бежала домой, сотрясаемая колючим ознобом, не видя ничего, кроме комьев грязи под ногами.

«Не смотри. Не смотри на них», – шептала она сквозь зубы каждый раз, когда прохожие с ней равнялись.

У светофора собралась небольшая толпа: зеленый свет никак не желал загораться, таймер давно ушел за ноль, сменившись прочерком, а блестящие машины все мелькали на зебре и летели дальше по своим делам.

Какой-то парень – рослый, широкоплечий настолько, что спортивная куртка опасно натянулась где-то посередине спины, – заинтересованно покосился на Улю. Ее передернуло. От вида накачанных красавцев вот уже три года ее стабильно тошнило. Вязкая дурнота поднималась из желудка вверх по гортани, булькала и пузырилась, подкатывая, ломая рот судорогой.

Шел третий месяц ее одинокой жизни, когда в поезде к ней подсел именно такой блондин с полными, слишком женственными губами. Он широко улыбнулся, поигрывая мускулами под тонким свитером. Улю вывернуло прямо на белые конверсы. Она выбежала из вагона, а его искривленное от отвращения лицо потом долго стояло перед глазами.

Такой же эффект вызывало имя Константин, пусть и услышанное в случайном, чужом разговоре. Потому Ульяна давно разучилась прислушиваться к болтовне в транспорте, моля небеса, чтобы на работе не появился новый сотрудник, увлекающийся спортом и носящий имя, отдающее для нее теперь кислым привкусом рвоты.

Зеленый наконец вспыхнул, разрезал осеннюю тьму вечера, и Ульяна побежала дальше, разбрызгивая грязь и топча мокрую листву. Она не знала, почему бежит. Никто не гнался за ней, никто не ждал дома. Мертвая девушка из электрички осталась далеко позади. Ее, наверное, уже увезли в морг, и холодные равнодушные руки ощупали, изучили молодое красивое тело, чтобы укрыть простыней.

Сердце Ули затопил нечеловеческий ужас. Первый раз она решилась вмешаться, предостеречь от увиденного, от мерзкой полыни, что била в нос, предвещая смерть. И все закончилось еще хуже – странным, наигранным падением. Толпой зевак да уставшим работником станции. Нет, совсем не так должна была умереть эта дерганая красotka в пальто, которое было умопомрачительно ей велико. Не в подтаявшей грязи пригородного перрона.

Уле хотелось выть, до крови прокусывая губы. Как бы дико это ни звучало, но больше прочего сейчас ее мучила именно несуразность внезапной гибели. Что-то пошло не так, как было запланировано. И это она оказалась виноватой.

Но что было делать? Отвести взгляд, как случилось три бесконечных года? Взять шоколадку из протянутой теплой, живой ладони, улыбнуться и перейти в другой вагон? Чтобы этим же вечером девушка наглоталась таблеток, шепча проклятия кому-то, равнодушно покинувшему ее?

Ульяна неслась по темному переулку, а мысли бились в ней, сталкиваясь и отскакивая, как прыгучие мячики. Когда она вошла в дурно пахнущий подъезд, последние силы ее покинули. Все это время, не отдавая себе отчета, Уля надеялась, что в странных видениях есть смысл. Может быть, ей суждено спасти других от гибели? Предупреждать их, указывать путь, который уведет прочь от дня, часа и минуты, готовящихся стать последними?

Она не решалась попробовать, но мечтала однажды спасти кому-то жизнь. Тогда и ее собственное существование перестало бы ходить по бесконечному серому кругу. И даже гибель Никитки – при мыслях об

этом тошнота снова поднималась к горлу – внезапно превратилась бы во что-то сакральное. В жертву, которую нужно было принести во имя великого, благого, нужного всем.

Но не случилось. Она попыталась, и все обернулось еще хуже, хотя, казалось бы, – куда? Что может быть страшнее, чем видеть в чужих глазах смерть? Видеть и быть не в силах ничего изменить.

Горло перехватило, безотчетный страх парализовал Улю, она барахталась в нем, как в болоте, и не могла вынырнуть. Губы хватали затхлый воздух сырого подъезда, но тот не насыщал легкие, уже горевшие огнем.

В изнеможении Ульяна сползла по облупленной стенке, уселась на пол и дрожащими руками нащупала в рюкзаке телефон. Экранчик слепо мерцал в темноте, единственная лампочка на этаже давно перегорела, но Уля и на ощупь могла найти в коротком списке контактов тот, что начинался с буквы М. Столько раз она проделывала это, но каждый заканчивался нервным сбросом до первого же гудка.

За прошедшие годы они разговаривали с мамой трижды. Первый – когда Уля купила телефон и набрала ей, чтобы мать знала номер. Второй и третий – на мамины дни рождения. Встречных звонков Уля так и не дождалась.

Наверное, ей проще было бы думать, что их семья умерла вместе с Никиткой. Что мама собрала вещи сразу после похорон и не прощаясь вышла из квартиры, чтобы не видеть больше ни дочь, ни мужа. Но все было не так. Горе сплотило маму и Алексея. Она рыдала на его плече, скуля и вскрикивая, а тот растерянно прижимал ее к себе, покачиваясь из стороны в сторону. Он готовил куриный бульон и кормил жену с ложки, дуя на маслянистую жидкость, в которой обязательно плавали зеленые веточки укропа.

Когда слезы иссякли и мама статуей принялась сутками сидеть на узкой кровати Никиты, Алексей приходил к ней, усаживался в ноги и что-то говорил негромким спокойным голосом. Вначале мама и не слышала его, но он не замолкал, и спустя пару дней она начала кивать в ответ.

Через две недели после похорон Уля услышала материнский голос.

– Свет, хочешь, я принесу тебе чаю? – робко спросил Алексей, зная, что она не ответит.

– Давай, – хрипло проговорила мама, и тогда он заплакал.

Каменея, Ульяна слушала сдавленные всхлипывания Алексея и неразборчивый шепот мамы, которые сливались в один оглушительный грохот продолжавшейся жизни. Ей хотелось вскочить, пробежать по коридору, ввалиться в комнату Никиты с обоями, раскрашенными цветными карандашами, и кроваткой в виде мультяшной машинки, зарыдать, размазывая по лицу слезы, упасть рядом с родителями, чтобы и ее хоть кто-нибудь пожалел. Выслушал все, что накопилось в ней, весь этот животный, неопиcуемый страх, тоску и ужас. Объяснил наконец, что случилось на той дороге, что она видела и почему не сумела предотвратить?

Но слова, брошенные матерью в приемном покое ненужной, не способной помочь им больницы, пульсировали в голове, лишая сил онемевшие ноги.

– Лучше бы это ты умерла... – сказала мать, когда Уля бросилась к ней, застывшей в дверях палаты. – Лучше бы я тебя никогда не рожала.

Тогда Ульяна не поверила этому безумному, осипшему от рыданий голосу. Она повисла на материнской шее в поисках сострадания, защиты от невыносимого чувства вины, только начинавшего пожирать ее изнутри. Но мать отбросила ее руки с таким отвращением, что все стало понятно без слов.

Больше они ничего друг другу не сказали. Ни в тот вечер, когда тело Никиты осталось лежать на столе морга, ни во время подготовки к похоронам. Ульяну избегала вся родня. На нее косились, перешептываясь, а мать обходила взглядом, делая вид, что у нее вовсе нет дочери. Алексей старался что-то исправить, однажды попытался даже обнять Улю за плечи, но от него пахло одеколоном – точь-в-точь таким, какой был у спортивного красавца Кости. Того самого, не дождавшегося свидания. Тогда Улю первый раз замутило, она успела отскочить в сторону, забежать в туалет, и ее долго выворачивало, пока желудок не свело желчной судорогой.

Больше Алексей к ней не подходил. Но все равно оставлял на столе чашку с бульоном. В бульоне плавали веточки укропа.

В следующий раз мама заговорила с Улей, когда та зашла в ее комнату ранним утром последнего дня июля.

– Мам, – начала она, чувствуя, как мягко ведет ее в сторону от усталости и страха.

Мать стояла спиной к двери, ее руки методично двигались – она раскладывала по полкам высушенное белье.

– Мама, – повторила Ульяна.

Наволочка с синими ромбиками осторожно легла на верхушку ровной стопки.

– Нам нужно поговорить, – наконец решилась Уля. – Так не должно больше продолжаться. Я схожу с ума. Я не могу видеть, как тебе плохо, и знать, что ничего уже не исправлю. Мам... – Она сбилась, вытирая текущие слезы, губы дрожали, ноги подкашивались.

Широкая розоватая простыня аккуратно скользнула на верхнюю полку.

– Мы видели запись с камеры. – Ледяной голос матери пробирал до самых костей. – Никита... Он с минуту стоял на дороге перед тем, как выскочил грузовик.

– Да, я знаю...

– Он смотрел на тебя, а ты копалась в телефоне. У тебя было шестьдесят секунд, чтобы оторваться от экрана. И твой брат был бы жив. Но ты не сделала этого.

– Мам... прости меня.

– Не надо. – Она дернула плечом, будто слова дочери ее жалили.

– Я не могу так больше. Ты меня не видишь. А мне тоже больно... Может, нам стоит вместе попытаться...

– Нет.

– Но что-то же надо делать... – Дрожащими пальцами Уля потянулась к матери.

Пододеяльник с багровыми цветами, шелестя, улегся на нижнюю полку шкафа.

– Да, нужно.

– Скажи мне... Просто скажи. Может, мы пойдем к врачу все вместе? Есть же кто-то, помогающий семьям...

– Нет. Не будет никакого врача. Просто тебе нужно уехать.

И снова Уля не поверила ее словам. Тогда ей еще казалось, что поломанную жизнь получится склеить так, чтобы не было видно швов и сколов. Непростительная наивность.

Мама медленно повернулась к ней лицом. Горе заострило ее черты, сделав еще красивее. Она стала чуть смуглее, звонче и пронзительнее.

Правильной лепки нос шумно втянул воздух. Уля поняла, что мама из последних сил сдерживает крик.

– Ты не будешь здесь жить, Ульяна. Это ты виновата в смерти брата, и я не хочу, чтобы ты ходила по тем же коридорам, что и он. Слышишь меня?

– Но я же твоя дочь... – Уля растерянно потянулась к ней, но мать отпрянула от нее, как от чумной.

– Ты уже совершеннолетняя. Я ничего тебе не должна. Собирай вещи, я дам тебе немного денег на первое время. И уезжай.

– Мам...

– Нет, теперь у меня только один ребенок. И он умер. По твоей вине. – Мама прочистила горло, взяла в руки стопку наволочек и аккуратно обойдя Улю, шагнула к двери. – Постарайся уйти до того, как вернется Алексей. Я не хочу, чтобы он все это видел.

Четыре следующих дня Уля проплакала в комнате Вилки. Та ходила вокруг нее на цыпочках, постоянно подогревая чай в пузатом прозрачном чайнике.

– Да она совсем свихнулась... – повторяла подруга, неодобрительно посматривая на стенку, за которой больше не жила Ульяна.

– Она права, – упрямо отвечала та. – Я виновата в его смерти... и теперь просто не имею права жить с ними.

– Но она же твоя мать! – негодующее вскидывала руки тетя Таня, не представляющая даже, как это – выгнать Вилку из дома.

Уля только кивала, просматривая объявления о сдаче комнат. На пятый день маленький уголок в дальнем Подмоскowie нашелся. Мама Вилки отвезла ее сама, помогла затащить сумку с вещами и долго топталась на пороге.

– Ульяночка, мама остынет и побежит тебя искать. От горя у людей часто ум за разум заходит... – В добрых глазах тети Тани стояли слезы. – Дай я тебя обниму... Ты сразу нам звони, если что.

Когда Уля закрыла дверь и принялась разбирать сумку, в той оказалась целая кастрюлька домашних котлет и смятая пятитысячная купюра. Она и сама думала, что обязательно позвонит подруге, как только обоснуется на новом месте. Но потом это опять случилось – в грузном мужичке, прижатом к ней в лифте, она разглядела инфаркт,

снежной зимой, прямо на темной, вечерней улочке, и полынь широким потоком хлынула в тесную кабинку.

И тогда Уля поняла, что увиденный за секунду до своего появления грузовик не был странной реакцией сознания на стресс. А значит, в добрых глазах пухленькой тети Тани, да и в смешливых глазках Вилки тоже может вдруг качнуться мир, пахнувший травяной горечью, и появится знание того, с чем Уля не сумеет сжиться.

Длинный гудок оглушительно раздался в трубке, которую Ульяна прижимала к щеке. Она тут же представила, как недовольно вибрирует маленькая розовая раскладушка в маминой сумке. Как изящная женская рука долго копается в пахнущих духами тканевых закутках, а потом находит гладкий пластик и вытаскивает его наружу.

Как между тонкими мамиными бровями в секунду появляется складка, а взгляд холодеет.

– Да. – Знакомый чуть хриловатый голос заставил Улю подавиться заготовленными словами.

– Мам... привет, – просипела она, стискивая трубку во влажной ладони.

– Что ты хотела?

– Ничего. Просто услышать тебя. – Тишина, чуть разбавленная телефонными шумами, заполнила линию. – Как дела?

– Я не могу сейчас разговаривать, Ульяна. Если ты звонишь просто так, то мне пора.

Три коротких гудка закончили бессмысленную попытку облегчить душу. Уля посидела еще немного на грязном полу подъезда, всхлипывая и жмурясь. Мимо прошел незнакомый мужик, от него пахло грязными носками и прокисшим пивом.

– Наркоманы чертовы! – ругнулся он, поднимаясь по лестнице.

Ульяна дождалась, пока хлопнет дверь, и встала. Голова противно шумела, в носу свербело. Желудок постанывал от голода. Нужно было выйти на улицу, добрести до подвального магазинчика и купить чего-нибудь съестного.

Но Уля добралась до своего этажа, покопалась ключом в замке и шагнула через порог. В это время суток общий коридор обычно тонул в сонной темноте. Только дверь в кухню могла скрывать за собой признаки капустной жизни Натальи. Семейство же блондинистой

Оксаны запиралось у себя – накормленное, отмытое, готовое к вечерним скандалам.

Но свет в прихожей сиял, по коридорчику сновали и топали, о чем-то нервно переговариваясь. Уля огляделась. Тяжелый шкаф, обычно прислоненный к стенке и забитый пыльным барахлом, оказался выдвинутым на середину. Толстые руки Оксаны в спешке вытаскивали из него тюки одеял, заношенных свитеров и коробок с обувью.

– Вселяется тут какой-то, – прошипела она, поглядывая на Улю через плечо. – Хозяин расшумелся, что я дверь приперла шкафом. А куда мне вещи девать? – И снова принялась копаться в пыльных залежах, сыпя отборной руганью, не замечая, что у ног ее возится Данила.

Ничего не ответив, Уля проскользнула в свою комнату. Там было тихо и темно. Ей хотелось рухнуть на кровать не раздеваясь и уснуть так крепко, чтобы завтрашний день никогда не наступил. Но живот предательски крутило. Ульяна скинула куртку, сменила промокшие ботинки на тапочки и вышла в коридор.

Оксана уже стащила барахло в одну большую кучу и теперь ворошила ее, брезгливо морща мясистый нос. На кухне кто-то методично шумно ворочал ложкой в кастрюле. Яркий свет дешевой лампочки без плафона вгрызался в мозг, рождая в висках пронзительную, как сверло, боль.

Уля стиснула зубы, распахнула холодильник – на ее полке лежали заветренный кусок сыра и пара кусков хлеба в прозрачном пакете. Вытащив их наружу, она подошла к плите и поставила чайник. Безразличная ко всему Наталья продолжала стучать ложкой по дну кастрюли. На широких плечах небрежно висела тяжелая бурая шаль, бахрома на которой покачивалась в унисон каждому движению. Это зрелище усыпляло.

Уля с трудом оторвала взгляд от Натальи и перевела его на весело пляшущий огонек газа под чайником. Большая чашка крепкого чая с двумя ложками сахара, которые Ульяна планировала стащить из вазочки на столе Оксаны, казалась ей настоящим спасением. Возможностью дожить до утра. И начать новый день так, словно сегодня ничего не произошло.

Наталья вдруг замерла, вздрогнула всем телом, бросила ложку на стол и выскочила в коридор. Ее гулкие шаги раздались за стеной, она

вошла к себе и захлопнула дверь. Уля пожала плечами – внезапные приступы активности, сменяющей заторможенность ритмичных движений, наверное, имели длинное название диагноза на латыни. Но это была просто Наталья. Ничего нового.

Чайник все не закипал. Ульяна повела носом, вдыхая плотный, жаркий аромат варева в оставленной кастрюльке. Запах манил, прогоняя горечь полыни, согревая даже на расстоянии. Заметит ли припадочная соседка, если супа станет чуть меньше? Уля знала точный ответ, потому вытащила из кружки пакетик с чайной пылью, схватила брошенную ложку и склонилась над кастрюлькой.

Внутри плескался жирный бульон. Он отливал золотом, расходился кругами и пах так отчаянно вкусно, что кружилась голова. По его наваристой глади плавали тонкие веточки укропа. В уши ударил хриплый плач Алексея и шепот мамы, доносящийся из осиротелой спальни Никитки.

Улю замутило. Странный, болезненный хохот почти сорвался с губ. Она прижала ладонь ко рту, заталкивая его обратно, и вдруг подумала, что вот сейчас все закончится. Все эти годы, проведенные в тесных и затхлых комнатах, с мрачными, опасными соседями, вечным голодом и промокшими ногами. С одиночеством, смыкающим на горле хватку. С невозможностью смотреть в глаза прохожим, с постоянным страхом за себя, с ужасом перед собой. С этой чертовой полынью. Все завершится на облезлой кухне, где так вкусно пахнет бульоном, сваренным чужой рукой. И Уля просто сойдет с ума, разглядывая плавающие в сытном вареве веточки укропа.

За спиной послышались шаги. Это могла быть Наталья, пришедшая вдруг в себя. А может, и Оксана, решившая прибрататься, просто потому что только это и умела делать. Больше некому было переступить скрипучий порог кухни и застать Улю на месте преступления.

«Интересно, – подумала она, – за попытку украсть бульон они меня побьют или просто ментов вызовут?»

Раздавшийся за спиной мужской голос заставил Улю повернуться.

– Ты не против?

У стола стоял незнакомый парень и с интересом смотрел на нее. Прямо в глаза. Ульяна замешкалась на секунду, потому успела разглядеть, как темнеют от краев к центру радужки его глаз, как вопросительно изогнута бровь. А потом отвела взгляд.

– Рэм, – представился парень. – Так ты не против?

Он махнул рукой, в длинных пальцах была зажата сигарета.

– Оксана здесь курит, так что ничего. – Ульяна старалась смотреть выше его плеча.

– Шумная блондинка? Отлично. – Он говорил, чуть кривя нижнюю губу, которая плохо его слушалась. – Я теперь здесь живу.

– Ясно, – буркнула Уля, не зная, куда деться от его пронзительного, тяжелого взгляда под безжалостным светом лампочки.

– А ты? Тоже здесь живешь, так? – Парень потянулся к форточке, и плотный аромат бульона мигом сменился влажным воздухом улицы.

– Да. Я лучше пойду.

Уля осторожно положила ложку на место. Потом выключила газ под чайником и направилась к себе, делая вид, что не чувствует, как парень провожает ее взглядом.

В комнате, все еще сжимая в руке пакет с хлебом и сыром, она открыла крышку ноутбука. Тот надсадно зашумел в ответ. Внезапная встреча с новым соседом только подтвердила смутную уверенность, что дальше так продолжаться не может. Назойливость, с которой парень расспрашивал ее, не обещала ничего хорошего.

Мрачная коммуналка не только была Уле по карману, но и спасала от лишнего внимания. Теперь же ей снова придется искать убежище, пока в карих глазах нового соседа она не разглядела шальную маршрутку или острое лезвие ножа в переулке, а может, что похуже. Только сил на переезд в Уле не было. В ней их вообще не осталось. Она чувствовала, как разум медленно, капля по капле, покидает ее, сменяясь плотной пеленой отчаяния и постоянного страха.

Дрожащими пальцами Уля схватила мышку, кликнула по браузеру и ввела в поисковике: «Москва. Психоневрологический диспансер».

МЯТЫЙ КВИТОК

Грязно-серое здание в два приземистых этажа почти сливалось с мрачно насупившимся небом. Потемневшие от сырости и времени деревянные рамы слепо смотрели на мир через пыльные стекла, а входная дверь тихо поскрипывала каждый раз, когда кто-то приоткрывал ее, чтобы прошмыгнуть внутрь.

Уже больше часа Ульяна сидела на скамейке, сжимая в руке листочек, на котором еще ночью нацарапала адрес ближайшего диспансера, услужливо выданного поисковиком. Экран так равнодушно светился, отображая списки больниц, что Улю передернуло.

Было в нем что-то, напоминающее взгляды прохожих, когда они переступают через прикрытое тряпочкой мертвое тело в метро. Такой же спокойный, отстраненный взгляд не желающих потратить ни секунды на сочувствие чужой беде. Так смотрела и Уля на уличных больных и нищих – равнодушно, с легкой досадой. Пока сама не стала больной и нищей.

Она протянула руку и с силой захлопнула крышку ноутбука. Тот рассерженно пискнул, зашумел и выключился. Повисшая тишина мешалась с пыльным сумраком комнаты. Только из-под двери выбивалась острая полоска света. И фонарь глядел в окно желтым привычным взглядом.

Записка с адресом жгла ладонь, Уля отложила ее, посидела немного, вслушиваясь в отзвуки разговора за стеной. Наталья снова говорила сама с собой – монотонно, пугающе громко. Вот кто должен сидеть в темной комнате, одинокий и пустой, записывая, как проехать туда, где его наколют успокоительными и завяжут руки за спиной. Городские сумасшедшие скрываются в мрачных коммуналках, но отличалась ли Уля от них? Она и сама не была уверена теперь – не слышать голоса, не видеть чертей, не вообразить себя Наполеоном оказалось мало для того, чтобы считаться нормальной, здоровой, такой, как все.

– Уж лучше б у меня был выдуманный друг, – прошептала она, прямо в одежде укладываясь на скрипнувший диван. – Тогда мне было

бы с кем поговорить.

Утром она проснулась до пронзительного звонка будильника. Рассеянный свет из окна еще не начал пробиваться сквозь октябрьскую хмарь. Ульяна села на кровати, восстанавливая дыхание. Ей снова снилась серая бесконечная стена. Теперь на ней можно было разглядеть длинные борозды, будто кто-то царапал ее из последних сил. Чужие суставчатые пальцы ощупывали каждый сантиметр ноздреватого камня, но не находили лазейки. От этого они двигались еще быстрее, еще резче и озлобленнее. Темная полоска грязи под длинными ногтями вызвала в Уле отвращение такой силы, что она вырвала себя из сна одним немислимым усилием. И долго потом сидела, свесив ноги на холодный пол, заставляя себя очнуться, поверить, что сон всегда остается сном. Получалось плохо.

Время только перемахнуло через отметку пяти утра, когда Уля вышла из комнаты. Коридор оставался пустынным и тихим. За дверью, исчерканной фломастерами и карандашами, кто-то оглушительно храпел. Ульяна была уверена, что звук этот вырывается не из горбатого носа тихого, пришибленного мужичка, какими-то кознями судьбы ставшего мужем Оксаны. Нет, только сама хозяйка могла выводить эти бесконечные рулады. Наталья же спала бесшумно, а может, и не спала, а сидела спиной к окну, уставившись в стенку, не моргая и не дыша.

Третья дверь – черная, плотно закрытая – нарушала привычный облик квартиры. Обычно ее загораживал массивный шкаф, теперь же он сиротливо стоял в углу.

Пока Уля размышляла об этом, шум вдруг оборвался. Раздался шорох легких шагов: кто-то подошел к двери с той стороны, замер, прислушиваясь, и остался стоять. Уля услышала, как скрипнул пол. Как тяжело задышал тот, кто стоял напротив, отделенный от нее выкрашенной в черное фанерой.

«Сумасшедший дом какой-то», – подумала Уля, натягивая куртку, и только на первом этаже вспомнила, что настоящий дом для сошедших с ума ждет ее впереди.

Дороги по спящим улицам Ульяна не заметила. Она шла вперед, сжимая в кулаке бумажку с адресом, и старалась не думать вообще ни о чем. Просто идти, переступать ногами, обходить лужи, ждать зеленый свет, подниматься по лестнице на мост, сходить с него, чтобы

потом молча пройти турникеты, сесть на самую первую, самую грязную электричку и ехать, уставившись в окно.

Через проход от нее на сиденьях спал грязный оборванный мужик в засаленном ватнике цвета хаки. От него воняло чем-то скисшим и мерзким. Подложив под голову шапку, он лежал, поджав под себя ноги в рваных ботинках. По спутанной бороде текла вязкая слюна. Уля бросила взгляд на его жалкую фигуру, но не почувствовала ничего особенного.

Раньше она бы вскочила на ноги, громко возмущаясь, может быть, позвонила бы по громкой связи машинисту с требованием немедленно убрать это из вагона. Нет, не так. Раньше она бы и не оказалась в утреннем поезде вместе с бездомными пьяницами.

Но сейчас Уле было сложно найти различие между собой и этим мерзким мужиком. Оба они не были хоть кому-нибудь нужны, оба не знали, что делать дальше и зачем жить. А чистая одежда и пара банкнот, которые были у нее, виделись теперь незначительной мелочью.

Когда до ее станции оставался один перегон, Уля отыскала в кармане мятый стольник и положила его рядом со спящим пьянчугой. Тот что-то бессвязно буркнул, приоткрывая мутные глаза, но Ульяна уже шагала по проходу, не оборачиваясь.

Когда она добралась до обшарпанного здания диспансера, темное небо начало светлеть. По дорогам ползли первые автобусы, люди в них, включая водителей, сонно клевали носами. Но у дверей лечебницы уже толпился народ. Кто-то переругивался, держа в руках ворох бумажек. Кто-то стоял в отдалении и разговаривал по телефону. Запись на прием начиналась в половине седьмого, очередь уже вилась у дверей, закругляя хвост под ногами Ули.

Почему-то ей казалось, что еще на подходе к этому странному месту ее начнут окружать будущие пациенты – дерганые, крикливые, тихие, шепчущиеся сами с собой. Только теперь Уля поняла, что на прием могут прийти и те, кому просто нужна справка. От этой мысли стало легче дышать. Значит, пока она не войдет в кабинет врача, пока не сядет на шаткий стул и не расскажет о своей беде, все кругом будут считать ее нормальной, пришедшей уладить бумажные дела.

Она расправила плечи и огляделась. Мужчина, стоявший впереди, нервно отчитывал кого-то на другом конце трубки.

– Я сказал, чтобы все было готово к двум. Слышишь? К двум! – Он поморщился. – Я буду в районе часа и проверю. Ты поняла меня? – И нажал на отбой, не выслушав ответ.

А потом проворно повернулся, вцепившись в Улю взглядом маленьких злых глаз.

– Чего уставилась?

– Вы... – Она старательно смотрела выше его плеча. – Последний?

Мужчина взглянул на нее пристальнее и отвернулся:

– Да.

Ульяна выдохнула. Ее всегда удивляло, как легко люди умеют вываливать на других ярость и гнев. А потом спокойно заниматься своими делами, будто ничего и не случилось. И откуда ему, этому нервному мужику из очереди, знать, что его жизнь не закончится сегодня? Может быть, решись Уля взглянуть в маленькие звериные глазки, она разглядела бы в них несущегося по встрече дальнобойщика? Что останется после этой широкой спины тогда? Кто вспомнит добрым словом? Секретарша, прохожие, соседи, жена? Или один только крик, полный тупой злобы, будет эхом звучать в их сердцах, пока его массивное тело будет опускаться в свежую могилу?

Уля медленно пробиралась ко входу, шагая за остальными, а мысли ее витали где-то далеко, в немислимых далях, таких же бесконечных, как серая стена из сна. Потому, дойдя до окошка регистратуры, она так и не придумала, что именно скажет, чтобы получить квиток.

– Фамилия? – устало спросила ее тетушка в тяжелых очках.

– Сафонова, – пролепетала Уля.

Мужчина, получивший печать на нужных ему бумажках, стоял совсем рядом и что-то просматривал в записях. Он с интересом поднял взгляд на ее голос, потом опустил, но продолжал слушать, что она говорит, Уля точно это знала.

– В списках нет, давайте полис.

Рука дрожала, когда Уля протискивала тонкую карточку в прорезь стекла. Тетушка принялась печатать, почти прижимая лицо к монитору.

– На прием, консультацию или за справкой? – спросила она, замерев над клавиатурой.

– Что? – Уля не могла отделаться от мысли, что злобный мужик вслушивается в каждое ее слово.

– Зачем пришла, милочка? Медицинскую книжку оформлять? Или на прием?

– А есть разница?

За спиной начали переговариваться. Она задерживала очередь, привлекая к себе все больше внимания.

– На прием, – чуть слышно выдохнула Уля.

– Что?

– На прием, – сказала она громче, явственно слыша, как насмешливо хмыкнул стоявший у двери мужик.

Щеки пылали, когда Ульяна спустилась по расшатанной скрипучей лестнице и выбежала наружу. Моросил дождь. Мужик уже дошел до припаркованной на углу машины цвета мокрого асфальта, как вдруг обернулся, и его лицо растянулось в гнусной улыбке. Ульяна дернулась, словно от удара, и свернула в маленький сквер, который прятал здание диспансера от шумной улицы.

Там она села на скамейку лицом к двери лечебницы. Люди входили и выходили. У каждого из них была своя жизнь. И смерть тоже была своей. От нее-то, от чужой смерти, Уля и мечтала сбежать. Но как войти в кабинет врача и сказать ему правду?

– Я вижу чужую смерть, – проговорила Ульяна. – Я. Вижу. Чужую. Смерть.

Это звучало глупым бредом. Детским розыгрышем. В лучшем случае ее отправят домой. В худшем – запрут в комнате с теми, кто не умеет разделять вымысел и правду. Но что ей делать там, в запертой палате, если она начнет видеть гибели соседей, от которых так просто не сбежишь? Да, лекарства могут помочь, а если нет? Тогда она и правда сойдет с ума.

Думая так, Ульяна потеряла счет времени. Оно же бежало вперед, час проверки ее кабинета Фоминым давно наступил. Уля даже не подумала взять выходной или прикинуться нездоровой. До этого ли, когда решаешь пойти к мозгоправу? Завибрировавший телефон заставил ее вздрогнуть всем телом.

На секунду Ульяне показалось, что звонит мама. Что она, распознав в голосе дочери отчаяние, вдруг решила сама найти ее, поговорить, помочь, простить. Но по ушам ударил писклявый голос Аллочки.

– У тебя большие проблемы, – вместо приветствия начала она.

Уле стало смешно. Она сидела на скамейке у психоневрологического диспансера, сжимая в ладони бумажку с адресом и квиток на прием. Аллочка первый раз в жизни оказалась права. У Ули и правда были проблемы.

– Я знаю, – давясь нервным хохотом, выпалила она.

– Что?

– Я знаю, у меня проблемы. И?..

– Совсем с ума сошла... – обиженно сказала Алла.

Уля просто не сдержалась. Она закинула голову, уставившись в низкое дождевое небо, и засмеялась.

– Прости. Я не над тобой, – проговорила она, утирая слезы. – Так у меня проблемы?

– Да. Фомин недоволен твоим отчетом, плюс прогул, плюс клиенты на тебя жалуются, они приходят к нам за спокойствием... – Аллочка говорила заученным тоном, но сбилась. – А ты действуешь им на нервы. И мне. И всем.

– Так я уволена?

– Пока нет. Отдел кадров не хочет тебя увольнять за один прогул. – Выходит, Фомин уже отдал приказ от нее избавиться, но это оказалось не так-то просто. – В общем, бери отпуск за свой счет. А через две недели посмотрим.

И бросила трубку. Ульяна отложила телефон. Вот и все. Решение принял за нее толстый разгневанный начальник. Как прожить две недели навязанного отпуска с четырьмя тысячами в кармане, если через шесть дней наступит крайний срок оплаты комнаты? Ответ – никак.

Просить денег не у кого, съезжать некуда, жить не на что. Все эти «не» превращались перед глазами Ули в красную мерцающую стрелку, прямо как в тех мультиках, которые запоем смотрел Никитка. И указывала она на скрипучую дверь диспансера.

Уля уже поднялась, рассеянно глядя перед собой, когда по дорожке, ведущей к зданию, проехал уазик с красным крестом на боку. Распахнулась задняя дверь, и двое крепких мужчин в белом вытащили наружу упирающегося парня. Он извивался в их руках, дергался и сучил ногами. Казалось, что все лицо его занимают огромные бешеные глаза с лопнувшими капиллярами и расширенными зрачками. Пока санитары тащили его внутрь, он молчал, но стоило двери

распахнуться, парень раскрыл рот и принялся орать, отталкивая руки врачей.

Они уже скрылись во тьме коридора, но в ушах Ули все еще стоял этот крик.

– Говорящие деревья! – вопил парень. – Деревья! Я слышу их голоса!

Курившая на крыльце дама, обряженная в тесную ей блестящую куртку, брезгливо посторонилась и осталась стоять так, со стыдливым интересом поглядывая на происходящее в холле. Парень еще кричал что-то, медленно замолкая.

– Вкололи ему, видать, – просипел идущий мимо дед, обращаясь сам к себе. – Повезло. – И пошел себе дальше, мерно лопоча под нос.

Уля с ужасом проводила его взглядом. Теперь ей казалось, что все кругом больны. Каждый стоящий тут, затягивающийся сигаретой и мокрым воздухом осеннего утра, идущий, едущий, принесший справки на подпись – словом, любой из них нездоров. И не только здесь. Вообще все на Земле тащат в себе груз мучительной болезни, просто кто-то умеет скрывать его, а кто-то нет. В этом и есть наука жизни – прятать сумасшествие настолько глубоко, чтобы самому поверить в свою нормальность.

Но Уля не справлялась. Это ей виделось отчетливо. Страх, переходящий в постоянную бьющую наотмашь панику, сжирал ее изнутри подобно полыхающему пламени. И выхода было два – пойти сейчас в больницу, где еще бьется затихающий парень, который слышит голоса деревьев, или закончить все самой. Не тянуть муку. Не видеть больше ничего. Шагнуть вниз с высокого моста или ступить на жужжащие под скорым поездом линии метро. Что угодно, только бы не различать больше тьму чужого зрачка, не чують полынь, разливающуюся кругом, как талая вода.

Ульяне смертельно захотелось сейчас посмотреть в собственные глаза и разглядеть в них последний вздох этой никчемной, помятой, брошенной матерью девчонки, которой она стала, но не желала больше быть.

Думая так, Уля выронила из рук смятый квиток и пошла к станции. А картонка осталась лежать у скамейки, пока лопочущий мужичок не завершил свой привычный обход вокруг здания. Он уверенно шагнул к лавочке, хихикая и ворча, а потом разглядел в жухлой траве светлый

уголок квитка. Проворно схватив его, старик выпрямился, облизал губы розовым длинный языком, попробовал картонку на зуб, снова засмеялся чему-то своему, положил квиточек в карман и пошел себе дальше, разговаривая с тем, кого нет.

– Я не сделаю этого, – шептала Уля, пока ноги несли ее по улицам к станции.

Мимо проносились машины, люди бежали по своим делам, перепрыгивая лужи. Ульяна лавировала в их потоке, уходя от столкновений, скользила мимо, первый раз за долгое время не страшась смотреть в глаза идущим навстречу.

– Я не сделаю этого, – повторяла она, надеясь и страшась, что полынь вдруг захлестнет влажный холодный воздух городской улицы.

И это было бы знаком. Большим, ясным как день, четким и понятным, будто его огромным транспарантом развернули в небе. Если сейчас, пока она идет к станции, чтобы закончить все одним махом, во встреченном незнакомце появится смерть, Ульяна шагнет вниз с моста, не думая, не медля. Отдаться случаю было удивительно приятно. Так долго она сама принимала решения, выворачиваясь наизнанку, лишь бы протянуть, выстоять, смочь. Но сегодня все рухнуло. Ее уволят с работы, выгонят из комнаты, а денег не хватит даже на еду. Выходит, она проиграла. И чужой смерти достаточно махнуть ей костлявой лапой в чьем-то зрачке, чтобы стать ее, Улиной, гибелью.

Но полынь медлила. Прохожие сменяли друг друга. Восточного вида парень со смуглым точеным лицом. Рыжеволосая красотка с длинной косой, в ее руках надрывался мобильный, а она смотрела на экран лучась таким восторгом, что Уля залюбовалась. Холеная девица в мини. Грузная тетка в несуразном розовом пальто. Мужчина без куртки. Две щебечущих девочки с рюкзаками. Стайка китайцев с фотоаппаратами и счастливым прищуром. Женщины-мужчины-дети. Старик в тяжелом полушубке. Хромая овчарка с порванным ухом. Все они шли мимо, не замечая Улю, рассеянно скользя по ней взглядом или смотря в упор. И ни в одном из них не было полыни.

«Я не сделаю этого», – поняла Уля.

В голове зазвучал насмешливый голос Алочки. Она торжествовала, сообщая дурные новости, не потому что Ульяна была врагом. Есть люди, которым просто нравится, когда у другого случается беда. Так они чувствуют себя лучше, защищеннее

остальных. По шее пробежали колючие мурашки. Мерзкий холодный город тянул к Ульяне свои цепкие пальцы, а под ногтями, как во сне, была грязь людской подлости и злобы.

Ульяна дошла до станции, купила билет и начала медленно подниматься по ступеням. Они были старыми и разбитыми, железки на них оголились, норовя схватить прохожего за ногу, чтобы тот упал и свернул себе шею. Каждый шаг давался труднее предыдущего. Пот струился по спине, в ушах оглушительным набатом громыхал пульс. Кто-то толкнул Ульяну в плечо, пробегая мимо, и она споткнулась, приземляясь руками на колючую кирпичную крошку. Она долго не могла встать, все сидела и дула на рассеченную кожу ладоней, очищая ссадины от грязи. Ранки нужно было скорее промыть, чтобы ко всем проблемам не добавилось заражения. Но Уля продолжала сидеть на лестнице, ведущей к мосту, и смотреть, как набухают кровью ссадины.

– Вам помочь? – раздался над Улей озабоченный голос.

Через силу она подняла голову. Молодой человек в кожаной куртке протягивал ей руку.

– Вы поранились? – спросил он снова.

В светлых, почти прозрачных глазах читалось откровенное сочувствие.

– Я сам постоянно тут падаю, давно пора пожаловаться куда-нибудь, чтобы лестницу починили. – Он схватил Улю за руки чуть выше разбитых ладоней и помог подняться. – С вами все хорошо?

Но Ульяна не слушала, жадно всматриваясь в глубину его зрачков. Полыни не было. Голову не вело. Желудок не стискивало когтистой лапой.

Парень тем временем достал из рюкзака упаковку бумажных платков и протянул Уле.

– Вот, возьмите, – сказал он. – Поможет остановить кровь, но дома лучше обработать. – И улыбнулся. Между передних зубов у него была щербинка. – Меня Антон зовут, кстати.

Так легко было сейчас улыбнуться ему в ответ, назвать свое имя, предложить пойти куда-нибудь и выпить чаю. Просто поболтать с кем-то вот таким – простым и понятным. Тем, кто остановится посреди суматошного дня и протянет руку. Ведь не было никакой полыни. Уля ждала знака, чем это не знак?

Только кто мог дать ей слово, что полынь не вернется, когда они уже сядут за столик и разольют по кружкам янтарный чай? Или потом, когда будут болтать о чем-нибудь отвлеченном? А если у них, ну вдруг, что-то сладится, и на втором свидании этот милый Антон попробует поцеловать ее, а она разглядит в его взгляде смерть, какую-нибудь особенно страшную и кровавую. Что будет тогда? Снова взбираться на мост? Зачем, если она уже здесь?

– Спасибо. Со мной все в порядке, – холодно ответила Уля, замечая, как гаснет улыбка парня. – Правда, спасибо. Мне пора.

Она отряхнулась и побежала вверх по лестнице, оставляя разочарованного Антона за спиной. Добралась до последней ступени и только потом разрешила себе выдохнуть. Руки саднило, а сердце предательски сжималось. Оставалось дожидаться прибытия поезда, увидеть его вдали и шагнуть вниз.

По перрону сновали люди, быстрым шагом его обходили дежурный и контролеры. Кто-то пытался проскочить без билета, кто-то пробовал перепрыгнуть через забор. Ветер принес с собой далекий гудок. Электричка была рядом.

Уля перегнулась через перила. Ее мутило. Пустота, разделяющая мост и землю, казалась бесконечной. Успеет ли она понять, что умирает? Будет ли больно? А страшно? Страшнее, чем сейчас? Может ли вообще быть страшнее, чем в эту минуту?

– Ты не сделаешь этого. – Кто-то неслышно подошел к ней и встал позади, Уля чувствовала чужое дыхание. – Ты не прыгнешь. Я знаю.

Уля обернулась. Рядом стоял пропитой бездомный из утренней электрички – мерзкие обноски, бывшие когда-то пуховиком цвета хаки, старая шапка, перчатки с оголенными пальцами. Мужчина покачивался, слепо щурясь, и зло ухмылялся.

– Я видел твою смерть, – сказал он, и желудок Ули свело судорогой.

– Что? – пролепетала она, чувствуя, что вот-вот упадет.

– Я видел твою смерть, – уверенно повторил мужчина. – Рассказать, где ты испустишь последний дух?

– Кто вы? – Губы не слушались, язык казался большим и неповоротливым, а пьяница все стоял напротив, нагло улыбаясь.

– Я – Гус. Просто Гус, – сказал он, насмешливо кланяясь. – А ты, как я погляжу, совсем в беде? Ай-ай-ай... – Глаза непонятного болотного цвета смотрели цепко и ясно. – Ты так устала от чужой

смерти, да? Так устала, бедняжка... До смерти устала! – И зашелся злым каркающим смехом.

Уля с трудом оторвалась от перил, за которые держалась, чтобы не рухнуть прямо под ноги отвратительного мужика, и попыталась обогнуть его, но тот схватил ее за локоть.

– Куда тебе бежать, птенчик мой? От меня не убежишь. Только если за стену... – прохрипел он, притягивая Улю к себе.

Она ожидала, что ее накроет волной смрада немытого тела, грязных обносков и прокисшего пойла. Но мужчина, покрытый струпьями, говорящий беззубым, гнилым ртом, пах совсем иначе. Знакомая горечь ударила Уле в лицо, словно она навзничь упала в заросли цветущей полыни.

– Но и за стеной я тебя достану, – закончил пьянчуга, которым незнакомец, кажется, не был.

Он больно сжал ее локоть. Опуская взгляд, Уля знала, что увидит. Знакомые пальцы с воспаленными суставами крепкой хваткой стиснули рукав ее куртки. Длинные ногти скреблись о ткань, а под ними толстой полосой темнела жирная землистая грязь.

Четыре Хабаровска

Уля сама не поняла, как оказалась в тесной, пропахшей кислым пивом забегаловке. Кажется, пьянчуга уверенно потащил ее вниз по лестнице, а она пошла за ним – мимо пригородных касс и контролеров через двери – наружу. Город пыхтел дымом выхлопных труб старых автобусов, переговаривался на южном наречии, вертелся и спешил. А Уля покорно семенила за пропитым бездомным, не в силах отвести глаза от цепких длинных пальцев, которые продолжали стискивать ее рукав.

– Сейчас придем, цыпочка, уже недолго, – бурчал под нос назвавшийся Гусом.

Теперь от него пахло так же отвратительно, как он выглядел. Старик пьяно покачивался на кривых ногах и потирал давно немытую шею – словом, был неотличим от других таких же бездомных. Уле уже казалось, что она ошиблась. Воспаленный рассудок сыграл с ней еще одну шутку – страх встретить полынь помутил его, потому и почудилось, что старик... Что ей показалось, она так и не сумела понять. Мало ли в мире длинных мужских пальцев с жирной грязью под ногтями? Отчего же она идет вслед за этим сумасшедшим, не пытаясь вырваться, будто бы он может ей помочь?

Гус словно услышал ее лихорадочные мысли и остановился. Не оборачиваясь, он дернул плечом, будто сомнения в голове девушки были для него назойливыми мухами.

– Дома все равно никто не ждет, – сказал он. – Так что перестань делать вид, что тебе есть куда идти. – И шагнул вперед.

Они уже подошли к низкой пристройке с засаленными стенами и покосившейся вывеской «Чебуречная». Обычно Уля пробегала мимо таких дверей, опустив глаза и сжав кулаки в карманах. Оттуда доносились постоянные крики, запах прогорклого масла и разлитого пойла. И все это заставляло Улю морщиться от омерзения. Но сейчас Гус уверенно тащил ее внутрь, и она просто не могла сопротивляться.

На деле все оказалось именно так, как представляла себе Ульяна. Небольшой прилавок со сваленными в кучу заветренными пирожками, под низким потолком раскачивалась голая лампочка, а у стены ютилась

пара липких пластмассовых столиков. Гус подошел к одному из них, облокотился на пластик и устался на Улю. Как бы она ни отворачивалась, болотные глаза старика все равно оказывались прямо напротив. Из-под кустистых, подернутых сединой бровей они глядели на нее со злой насмешкой, выжидая. Уля тяжело сглотнула и опустила взгляд в пол. На истоптанном кафеле сложно было разобрать орнамент, всюду валялись смятые стаканчики, салфетки и обрывки газет.

– Не бойся, лапочка, – протянул старик, кривя рот в ухмылке. – Мою смерть тебе не увидеть. Не про твою она честь. Ну-ка, купи дедушке чего-нибудь промочить горло.

– У меня нет денег, – угрюмо проговорила Уля, продолжая рассматривать грязные разводы под своими ботинками.

– Врешь. – Гус проворно залез во внутренний карман, покопался там и вытащил потертый столярник, тот самый, что Уля сунула ему в утренней электричке. – Смотри, что у нас есть. На пиво хватит, птенчик. Иди, не томи душу.

За прилавком стояла унылая женщина в переднике, выпачканном маслом. Она нехотя подняла на Ульяну по-рыбьи равнодушный взгляд, когда та подошла к ней, держа купюру в мелко дрожащей руке.

– Что? – спросила продавщица, два передних зуба у которой оказались выбиты, и язык проскакивал в эту прореху, брызгая слюной.

– Бутылку пива, – выдавила Уля, молясь всем богам, чтобы мерзкие капли не долетели до нее, иначе она закричит, убежит наружу и будет нестись, не разбирая дороги, пока какая-нибудь машина ни собьет ее и не раскатает по асфальту.

Женщина медленно вышла из-за прилавка, открыла пискнувший холодильник с неуместной яркой рекламой колы, позвенела там и достала влажную, с отошедшей этикеткой бутылку. Так же через силу вернулась обратно. Уля протянула руку, но продавщица зыркнула на нее, заставляя податься назад. Из невзрачного шкафчика женщина достала высокий пивной стакан, оберла его салфеткой, одним движением открыла бутылку и осторожно вылила пенящееся содержимое. Потом поставила бокал на замызганный поднос и протянула его Уле. Той ничего не оставалось, кроме как схватить его и унести к столику. Старик с наслаждением наблюдал.

– Сервис, – хмыкнул он, поднимая бокал. – Твое здоровье, Вячеслава. – Чуть наклонил голову, салютуя застывшей у стойки

женщине, и наконец сделал глоток.

Уля не знала, куда себя девать. Все происходившее казалось ей глупой зарисовкой какого-то странного фильма. Эта безжизненная продавщица, пустой засаленный зал и бездомный старик, пьющий дешевое пиво из высокого бокала. Но и уйти Ульяна не могла. Кроме попадающих в точку слов что-то еще в незнакомом пьянчуге заставляло ее смиренно стоять по другую сторону липкого столика, покорно наблюдая, как растекается пена на стариковских нестриженных усах.

– Ну, рассказывай, – сказал он, когда бокал опустел.

В горле странно защекотало. Ульяне вдруг захотелось вывалить на незнакомца все, что накопилось в душе, всю эту грязь, страх и смерть, которые так долго собирались в ней неподъемной грудой. Она поморщилась и дернула подбородком.

– Я вас не понимаю. – И подалась в сторону, желая уйти. – Мне пора, извините.

– Куда же тебе пора, киска? – Старик посмотрел на нее с интересом и неожиданной заботой. – Расскажи старику Гусу, как ты справляешься?

В гортани нестерпимо запершило, словно Уля подхватила ангину и воспаление медленно, но неотвратно сжимает горло, мешая сглатывать и дышать. Она сделала пару неуверенных шагов к выходу.

– Да перестань. – Гус за ее спиной завозился, стягивая куртку, под которой оказался выдавший виды свитер грязного травяного цвета. – Я же вижу, как тебе хочется рассказать, ну-ка, давай.

Ульяна схватилась за липкую ручку двери, когда ее догнала тошнота. Обрушилась, стремительно поднимаясь из потяжелевшего желудка. Уля прижала ладонь ко рту, пробуя удержаться, но чья-то воля сжала внутренности, изогнула спину, пробираясь все глубже. Ульяна почувствовала, как желчь во рту мешается с пряной травяной свежестью. Свитер промок от холодного пота, боль нарастала, ноги обмякли.

– Просто дай словам прозвучать, – прошептал ей в самое ухо оказавшийся рядом Гус.

Он подхватил Улю за локоть и повел к столику.

– Говори.

И Ульяна сдалась. Навалилась всем телом на заляпанный пластик, зажмурилась и произнесла:

– Я устала. – Тошнота тут же отпустила, боль отхлынула. – Я замерзла, мне нечего есть, у меня нет денег. – Ее прорвало, она принялась несвязно бормотать обо всем, что болело на сердце, не заботясь, разберет ли старик. – Я всех потеряла, мне даже некому позвонить... Это слишком сложно. Я просто не могу так дальше.

Слезы текли по щекам, Уля смахивала их ладонью.

– Мне постоянно страшно. А самое паршивое, что я боюсь саму себя. И от этого не убежать, не спрятаться. Я, наверное, схожу с ума. Я... – Она сбилась, но горло тут же скрутило болезненной судорогой. – Я вижу чужую смерть...

Повисла тишина, только за прилавком тихо звенела стаканами продавщица. Уля нерешительно подняла глаза и увидела, как бесстрастно слушает ее Гус, подперев заросшую щеку кулаком.

– И ты хочешь, чтобы это все закончилось? – Он говорил ровно и спокойно, будто услышал исповедь очередной малолетней наркоманки.

– Да.

– Хочешь прыгнуть с моста или еще чего, так? А дальше что?

Уля судорожно сглотнула. Сидевший напротив больше не казался ей грязным оборванцем. В том, как он держал плечи, как двигался, глядя на нее, а главное, как говорил, – властно и ровно – сквозила неожиданная сила.

– Ничего. – Она пожала плечами.

– Уверена? – В заплывших пропитых глазах тускло блеснула сталь. – А если там геенна огненная? Или котел с чертями? Или, может быть, новый круг, как думаешь? Обратишься камнем. – Гус чуть наклонил голову и вдруг подмигнул ей. – Серым камнем на чужой могиле. Это будет лучше, чем сейчас?

Уля помолчала.

– Я знаю, что самоубийство – грех... – начала она, но старик разразился хохотом.

Он смеялся, подрагивая бородой, взвизгивал и подпрыгивал на месте. Даже рыбоподобная продавщица при виде такого веселья отставила в сторону бокал и нерешительно улыбнулась.

– Грех, девочка, – всего лишь способ развлечься. А убить себя самому – это глупость, слабость и дурная идея, как провести вечер. –

Он наклонился в проход и постучал пальцем по краю бокала, женщина за стойкой чуть подпрыгнула и ринулась к холодильнику.

Уля с трудом оторвала взгляд от толстой полоски грязи под длинным желтоватым ногтем. Гус шутливо погрозил им, а продавщица тем временем уже несла еще одну темную бутылку, чтобы аккуратно вылить ее содержимое в стакан и уйти, почтительно пятясь.

– Какие еще у тебя есть варианты, голубушка? – Старик откровенно издевался над ней, принимаясь за питье.

– Значит, я пойду к врачу.

– И он засадит тебя в психушку.

– Выходит, что так. – Уля почувствовала, как раздражение поднимается в ней подобно тошноте, медленно и неотвратно. – Может быть, вы наконец объясните, что здесь вообще происходит?

– Мы сидим, я пью, а ты рассказываешь. Все просто. Так что будет дальше? Ты всегда забываешь о завтрашнем дне.

– Я не знаю, что будет дальше. Я вообще ничего не знаю. – Уля оттолкнулась от столика и натянула на голову капюшон.

– Не спеши, мы не закончили. Хочешь, расскажу, что будет дальше? Тебя запрут среди настоящих сумасшедших. О, ты не знаешь, что такое безумие, детка. В нем столько смертей! Собственных, чужих, придуманных. И как они рады будут поделиться всем этим с тобой. – Гус допил пиво, облизнул губы и осклабился. – Мягкие стены, лабиринты бесконечных снов, ты даже голову себе разбить не сумеешь. Лекарства превратят тебя в растение, умеющее лишь пускать слюну да ходить под себя. Таким станет твое тело, а вот душа... Душа останется один на один с полынью. Изо дня в день, из раза в раз. По кругу. И некуда бежать, если кругом стены. Серые каменные стены. – Старик с наслаждением наблюдал, как судорогой искажается лицо Уляны, которая просто не могла совладать с собой.

– И что же мне делать? – чуть слышно выдохнула она. – Мне не на что жить, меня уволили с работы. Скоро нужно платить хозяину за комнату, я просто не знаю...

– Расскажешь бездомному, что тебе негде жить? – Старик развел руками, предлагая Уле оглядеть его повнимательнее, но даже в своем затасканном тряпье Гус уже не казался ей пьяным бродягой, и сам это прекрасно понимал. – Приходи на вокзал, ягодка. Я поделюсь своей коробкой из-под холодильника.

Он замер на секунду, склонив голову вбок, и скользнул ладонью во внутренний карман, доставая оттуда пухлый бумажный сверток. Ульяна как во сне наблюдала за его медлительными движениями: вот грязные пальцы снимают с пачки хрустящих банкнот резиночку, вот Гус слюнявит указательный, поглядывая на Ульяну, и отсчитывает красновато-рыжие пленительные купюры.

– Раз, два, три, четыре... Хватит на первое время?

Во рту пересохло. Уля смотрела на протянутые ей двадцать тысяч, и голову пьяно вело. Только протяни руку – и неподъемный груз насущных проблем отодвинется, даст ей вдохнуть. Но разве бывает так в жизни? Засаленная чебуречная, сумасшедший бездомный старик, говорящий то, что ей хотелось услышать, видящий ее насквозь. Так еще и четыре новеньких бумажки с изображением Хабаровска... Ульяна глубоко вздохнула и помотала головой.

– Я не возьму.

– Молодец! Кто берет деньги у незнакомца с улицы? Хорошая девочка. Ну, иди тогда... – И, потеряв к ней всякий интерес, Гус принялся комкать купюры и засовывать их в карман.

Как загипнотизированная, Уля смотрела на его равнодушное копошение.

– Что я... что я должна сделать, чтобы вы мне дали их?

– И снова в точку, голубушка! Пока ничего – просто возьми деньги, купи поесть, тряпок каких-нибудь. – Он оценивающе посмотрел на потертую куртку Ули. – И топай домой. А там тебе расскажут, чем старик Гус может тебе помочь. Не согласишься? Ну так и ничего. Живи как хочешь. Твое право. И денежку назад не попрошу, считай ее подарком.

– Кто расскажет? – Язык с трудом ворочался, беспросветная муть, как в лесном болоте, заполняла голову, не давая сосредоточиться.

– Поживешь – узнаешь, детка. – Старик вдруг засобирался, подхватил мятую шапку, натянул ее на седые космы, подмигнул замершей у прилавка женщине и аккуратно положил перед Улей купюры. – Мне пора, засиделся я с тобой. Хорошего вечера.

Когда за его спиной захлопнулась дверь, Уля одним рывком дрожащей руки схватила деньги, оттолкнулась от столика и дернулась к выходу.

– Не начинай игру, – нагнал ее у порога чуть слышный голос.

И тут Уле стало по-настоящему страшно. Она почувствовала, как, не отрываясь, смотрят на нее рыбы глаза продавщицы, медленно обернулась и с трудом сдержала крик. За прилавком больше не было замученной женщины средних лет – теперь она была похожа на старый манекен без черт, движений и дыхания. По старому пластику щедро раскинулись сколы, разломы и трещины. Суставчатые руки, выглядывавшие из засаленного халата, безжизненно лежали на поверхности стола – Уля не была уверена, что они прикреплены к туловищу. И только глаза существа, подернутые мутной пленкой, напряженно смотрели на Улю.

– Он никогда не проигрывает. – Скрипучий шепот раздавался из глубины застывшего тела, тонкие, плохо прорисованные губы не шевелились на равнодушном пластмассовом лице.

Уля попятилась, открыла спиной дверь и вывалилась наружу. Вокзальная площадь шумела, пахла подгорелым мясом из ларьков, неслась вперед, переговариваясь и галдя. Двери чебуречной со стуком закрылись, но Ульяна этого уже не видела. Она бежала к станции, сжимая в кулаке заветные деньги, сама не зная, что теперь будет делать.

* * *

– Мне, пожалуйста, пиццу. Самую большую. С пепперони, – выпалила Уля, рассматривая пестрое меню, небрежной россыпью раскиданное у кассы.

Войти сюда, в жаркий закуток, насквозь пропахший жирными колбасками и острыми перчиками, было сложно. Чертовски сложно. Ульяне казалось, что стоит взобраться по ступенькам высокого крыльца, и она снова окажется в темной забегаловке с безжизненным манекеном у стойки. Думать об этом не хотелось. Щеки пылали от бега по мокрым улицам, грудь стискивало предчувствие опасности. Но голод был сильнее всего прочего. Потому Уля решительно шагнула за порог самой невзрачной кафешки и схватила меню.

– Двойную порцию сыра? – Заказ принимал смуглый паренек с пухлыми ладонями.

– Да.

– Может быть, чесночного хлеба? – От одних только слов рот заполняла слюна.

– Да, пожалуйста.

– Бекон? Наггетсы?

– Да. – Сердце бухало под курткой, словно хотело выбраться наружу, чтобы самому сделать заказ.

– Да – бекон? Или да – наггетсы?

– И то, и другое... – Она представила, как выглядит со стороны: бешеные глаза, растрепанные волосы, красные пятна на щеках и шее. – Пожалуйста. С собой.

– Одна тысяча триста двадцать рублей. Наличными?

Уля кивнула и наконец разжала кулак. Пальцы побелели, четыре красных бумажки в них чуть размокли и помялись. Осторожно, будто держа за крылья бабочку, она передала одну из них кассиру. Тот удивленно поднял темную бровь. Потом взял купюру и засунул ее в небольшой аппарат у кассы. Раздался писк.

«Деньги окажутся поддельными, – с неожиданным спокойствием поняла Уля. – Вызовут полицию, меня заберут в участок и посадят. Потому что никто в здравом уме не поверит в историю про бомжа, который дал мне двадцать тысяч».

Но парень уже открыл кассу, достал сдачу и протянул Ульяне.

– Возьмите. Заказ будет готов через пару минут.

Когда в ее руки легла теплая картонная коробка, Уля совсем взмокла от переживаний. Ей казалось, что время остановилось: еще секунда – и ее разоблачат. Но в кафе все занимались своими делами, не обращая внимания на мрачную девушку в углу, которая сидела, не шевелясь, и разглядывала собственные руки, сложенные на столике в замок.

По дороге к дому Уля успела вонзить зубы в мягкий сдобный бочок чесночного хлеба. Мир сразу перестал видеться серым пятном. Сытный аромат щекотал ноздри, прогоняя память о травяной горечи. И даже образ бездомного пьяницы, который обернулся таинственным Гусом, чуть померк. Обо всем этом можно подумать потом, когда последний кусок теста с сыром исчезнет, а ноги наконец согреются.

Она проскользнула вверх по лестнице, с первого раза нашла ключи, легко открыла дверь – сейчас ей все давалось куда проще, чем обычно, – и вошла в коридорчик. Его почти полностью занимала широкая спина Оксаны. Согнувшись, та протирала пол, тщательно

следуя, чтобы весь мусор, собранный по углам, исчезал под Улиной дверью.

Еще вчера она потупила бы взгляд, качнула головой и ушла к себе, стараясь не оставлять грязных разводов. Но горячая пицца придавала ей уверенности.

– Мне нужно пройти, – решительно выпалила Уля, отталкивая соседку.

– Куда пошла? Нечего тут свинарник устраивать, иди погуляй, пока просохнет! – Маленькие глазки налились кровью, с грязной тряпки капала вода.

– Это коридор, по нему ходят. – Ульяне даже хотелось сейчас почуять, как все вокруг медленно наполняется пылью. – И вы больше не будете сметать весь сор в мою комнату. Понятно?

Не дожидаясь брани, горным потоком хлынувшей в спину секунду спустя, Уля прошла по мокрому полу в сторону кухни и со всей силы захлопнула дверь, опуская крючок замка. Пухлые кулаки Оксаны принялись долбить в стену, но Уле было все равно. Она с удовольствием уселась на стул, поставила чайник, открыла крышку коробки и вонзилась зубами в первый кусок. Жевать сил не было. Ульяна отрывала куски пряного теста и проглатывала их, как голодная собака. Она и была ею. Побитым, выброшенным на улицу псом, которому вдруг перепало сытной еды от собачьего бога.

В дверь постучали. Ульяна дернулась, вскакивая. Отчего-то она сразу поняла, что на пороге стоит не взбешенная Оксана. Кто-то другой, спокойный и знающий свою силу, хотел войти, и у Ули не было права его не впускать.

«Топай домой. Там тебе расскажут, чем старик Гус может помочь», – всплыл в памяти хриплый насмешливый голос. Уля тяжело сглотнула вставший комом кусок пиццы и открыла дверь.

На пороге застыл новый сосед.

– Обедаешь? – Он говорил, а нижняя губа кривилась, оставаясь неподвижной правым краем. – Тогда я попозже.

– Нет, подожди, я сейчас заварю чай и уйду к себе. – Уля засуетилась, укладывая еду в коробку, достала чашку, бросила в нее пакетик и отвернулась к плите, стараясь не смотреть на вошедшего.

– Нам нужно поговорить. – Тот, кто назвал себя Рэмом, стоял у нее за спиной, она чувствовала его дыхание – свежее, чуть горькое.

Горькое, как полынь.

Судорога пережала горло, стало нечем дышать. Уля судорожно вдохнула ртом и закашлялась. Из глаз брызнули слезы, она задыхалась, пытаясь совладать с собой, но приступ не проходил. Тяжелый шлепок между лопаток заставил ее отскочить к окну. Но кашель прекратился.

Рэм стоял напротив. Рукав куртки сбился, оголяя запястье, – вокруг него затейливым узором вилась татуировка из переплетенных друг с другом листиков и веточек. Почувствовав испуганный взгляд, парень нервно поправил рукав и засунул руки в карманы джинсов.

– Ты в порядке?

– Да, прости...

– Тебе не за что извиняться. И бояться меня тоже не стоит. – Он смотрел на нее исподлобья, подаваясь вперед. – Нам нужно поговорить.

– Кто ты? – Горло, сорванное внезапным кашлем, саднило.

– Мы уже знакомы. Роман. Но лучше Рэм.

– Это я знаю, но... кто ты?

– Неважно. Я от Гуса, мне было велено рассказать тебе обо всем. – Парень чуть покачивался на носках, было видно, что ему самому не слишком приятно вести этот разговор.

Уля слабо кивнула, заботясь только о том, как бы не рухнуть без чувств прямо в ноги мрачному соседу.

– Ты потому и въехал сюда, так? – спросила она только ради того, чтобы проверить, не пропал ли голос.

– Да. – Рэм пожал плечами. – Так будет удобнее. Нам всем.

– Но откуда ты узнал, что я встречу с Гусом... Вообще обо мне? Как это все только получилось...

Губы скривились в ехидную усмешку.

– Гус – хозяин квартиры. И он знает. Все и всегда.

Уля прижалась затылком к влажному стеклу и прикрыла глаза. Теперь она вспомнила, как это жилье само ее отыскало. Маленькие ручки мальчишки-раздавалы у метро всучили ей плохо отпечатанное объявление. Небольшая комната, подъемная цена, минимальный залог – словом, все, что подошло ей, как по заказу Чудесное совпадение. Но бывают ли они? И чудеса вообще?

– О господи... – Она с силой оторвала руки от подоконника – к коже прилипли ошметки белой краски – и тяжело опустилась на

табурет.

Рэм шагнул в сторону, давая ей время передохнуть.

– Скажи, я точно не схожу с ума? Это правда происходит? – жалобно спросила Уля, вглядываясь в его карие глаза в надежде увидеть там проблески сочувствия, но парень болезненно поморщился.

– Послушай, я здесь не для того, чтобы ты причитала, а я сочувствовал. Мне велено ввести тебя в курс дела. Ты можешь меня выслушать? Или лучше прийти позже? – Он говорил медленно, чуть растягивая слова, словно с больным ребенком.

– Да, я слушаю. – Уля представила, как будет сидеть в своей комнатухе, ожидая объяснений, и поняла, что выдержать это ей не по силам. – Просто это все... – Ее замутило. – О боже...

– Первое правило. – Рэм выдвинул стул на середину кухни и сел напротив Ульяны. – Не вспоминай Бога при Гусе. Он взбесится. И при мне тоже не стоит. Бог тут совсем ни при чем, в какого бы из них ты не верила.

Он помолчал, потирая переносицу, и продолжил:

– Второе – сейчас ты еще можешь отказаться.

Его напряженный взгляд, побелевшие костяшки пальцев и то, как он отбивал ритм подошвой тяжелого ботинка, заставили Улю вжать голову в плечи.

– Я уже взяла деньги. – Три оставшиеся купюры и горстка сдачи жгли карман.

– Деньги – ерунда. – Рэм презрительно скривился. – Пока ты не согласилась на игру, пока тебе не поставили метку... Ты ничем не обязана Гусу.

Слабый осенний свет еще лился из окна на пол кухоньки. Потертый линолеум с протоптанной от холодильника к плите дорожкой, шкафчики и столики, втиснутая между ними стиральная машина, банки с крупой и макаронами, заветренная головка лука – все это казалось нереальным, не существующим в мире, где сидящий напротив парень мрачно рассказывает ей о непонятной игре, в которую ей предлагает сыграть бездомный с вокзала.

Догадка мелькнула в голове подобно молнии.

– Это реалити-шоу, да? Скрытые камеры, ведущий за дверью, все транслируется в Сеть? – Уля вскочила на ноги, глупо озираясь.

– Сядь. – Теперь Рэм не скрывал раздражения. – Не мельтеши и слушай. Ты же меченая, так?

– Что, прости?

– Меченая. – Он тяжело вздохнул. – Полынюю.

Слова ударили Ульяну наотмашь, заставили ловить воздух потрескавшимися губами. Она послушно присела на край табурета, но продолжала молчать.

– Черт, Ульяна, соберись! – Парень схватил ее за локоть и легонько встряхнул. – Ты же видишь чужую смерть, я прав?

– Да. – Сердце пропустило удар.

– И чуешь запах горькой травы?

– Полыни. – Еще один пропуск такта, и тело ухнуло вниз, как с американской горки.

– Значит, ты – меченая.

– О Боже... Прости. – Уля зажмурилась, собираясь с мыслями. – Выходит, ты мне веришь? Я не свихнулась?

– Может, и свихнулась, мне-то откуда знать. – Парень опять дернул плечом. – Но я тебе верю. Я тоже меченый. В некотором роде.

Уля распахнула глаза, медленно прижимая ладони к пылающим щекам. Бесконечные три года она мечтала услышать от кого-нибудь эти слова. Подтверждение того, что все происходящее с ней пусть не норма, но и не плод свихнувшегося от горя рассудка. Что мир и правда не таков, каким он кажется остальным. Что смерть выглядывает из глаз прохожих, нужно лишь знать, как ее разглядеть, точнее, не ведать, как смотреть иначе, не замечая тягучих мгновений чужой гибели. Что весь этот груз можно разделить хотя бы надвое.

Ульяна бы заплакала навзрыд, всхлипывая и причитая, бросилась бы на шею незнакомому парню, которому можно было рассказать обо всем, но Рэм наблюдал за ней с плохо скрываемым презрением. И она осталась на месте, только оторвала руки от лица и обняла себя за плечи.

– Я очень... рада. Казалось, что я одна такая. Сошедшая с ума, наверное. Мне о стольком надо тебя расспросить...

– Нет. – Рэм снова потер переносицу и отвел взгляд.

– Что – нет?

– Нет, не одна. Нет, не надо. Я сам расскажу все, что ты должна знать.

Он явно хотел поскорее закончить разговор и уйти. Уля выпрямилась, заставляя себя собраться.

– Так на чем я остановился?

– На том, что я меченая. И не сумасшедшая. Наверное.

– Да... и Гус предлагает тебе сделку. Игру. Обмен. Называй как хочешь.

– Я ничего не понимаю. – Уля запустила пальцы в волосы на макушке. – Прости, я не хочу тебя задерживать, но это все кажется глупым розыгрышем...

– Я понимаю, но разве у тебя есть еще варианты? Кроме Гуса.

– А сам он кто?

Оттаявший было на мгновение Рэм дернулся, как от удара.

– Это неважно сейчас. Он тот, кто может исполнить любое твоё желание. Если ты выиграешь, конечно.

Он сказал это так, что Уля поверила каждому слову. И перед глазами сразу появился Никитка. В цветастой футболке и полосатой кепочке. Он смотрел на сестру, готовый рассмеяться, полный своей ребячьей силы. Живой.

– Любое? – хрипло спросила Уля.

– Ну почти, никаких восставших мертвецов. Это было бы неуместно. – Рэм сдавленно хмыкнул, так, будто смешок вырвался у него сам.

Никитка померк. Ослаб. Исчез. И только полосатая кепочка, отброшенная на асфальт, виделась теперь Уле сквозь разделявшие их года. Чудес не бывает. Конечно, никто не вернет ей брата. Но было много другого – материального, важного – что она могла бы попросить. Деньги, работа, квартира. Прощение мамы.

– И что я должна сделать?

Рэм уже открыл рот, чтобы ответить, но в дверь решительно постучали. Так отрывисто и нервно могла стучать только Наталья.

– Открывайте! Это общая кухня! Я буду жаловаться! – И чуть тише добавила: – Развратничают, небось. – Не будь рядом соседки, Оксана выразилась бы куда крепче.

– Пойдем к тебе. – Рэм встал, дожидаясь, пока Уля подхватит остывшую коробку с пиццей, успевшей подернуться мерзкой пленкой жира.

Парень пропустил ее вперед, так что она сама открыла дверь и шагнула за порог мимо окаменевшей Натальи и бурлившей праведным гневом Оксаны. Только запираясь, Ульяна поняла, что три скомканных бумажки с Хабаровском торчат из кармана неаккуратным комком, и глупо хмыкнула. Пусть эти клуши думают что хотят. Правда никогда не придет в их головы. Куда проще решить, что мрачный сосед заплатил молодой девчонке за компанию парой купюр, чем поверить в происходящее на самом деле.

Рэм остался стоять у входа, прислонившись к стене с линиями обоями.

– Так что я должна буду Гусу за исполнение желания? – Отчего-то Уле стало смешно и неожиданно легко на сердце, как если бы все это и правда была игра.

– Три подарочка, – в тон ей ответил Рэм.

Мушинные лапки

– Три подарочка, – повторила Ульяна, сдерживая рвущийся из груди нервный смех. – Как в сказках?

– Что-то вроде этого. – Рэм взлохматил волосы и огляделся. – Здесь мрачно.

Маленький коридорчик, ведущий в комнату, и правда был темным, наводящим тоску. К стенам с пузырями обоев не хотелось прикасаться, они казались засаленными и склизкими на ощупь. Улина куртка висела на единственном крючке под самым потолком. Горкой сваленная обувь, пухлый пакет для пакетов в углу и затоптанный палас – как доказательства плачевного быта махнувшего на себя человека.

– Проходи, – буркнула Уля и первой шагнула в комнату, радуясь, что диван оказался застеленным.

Низкий столик, на котором продолжал недовольно пыхтеть ноутбук, скрипнул, стоило положить на него коробку с остывшей пиццей. Есть уже не хотелось, да и внезапная веселость пропала так же быстро, как появилась. Уля настороженно поглядывала на Рэма, удивляясь сама себе. Пустить незнакомца в комнату, слушать его рассказы и делать вид, что верит словам, больше похожим на бред сумасшедшего, – чем не еще один пункт в списке ее падений?

Рэм тем временем подошел к окну, оперся кулаками на подоконник и остался стоять, рассматривая что-то в осенней хмари ранних сумерек. Он сгорбился, став меньше, мрачнее и отчего-то печальнее. Большая темная куртка делала его похожим на подростка, стащившего одежду у старшего брата. Уля качнула головой, прогоняя глупые мысли.

– И что за подарочки это должны быть? Как видишь, у меня нет ничего ценного...

– Гусу плевать на... – Рэм помолчал, подбирая слова. – Привычные для тебя вещи. Деньги, драгоценности, недвижимость... Все это мелочи.

– И поэтому он спит на вокзале в собственной рвоте? – Уля попыталась улыбнуться, но Рэм вздрогнул и вжал голову в плечи.

– Я бы не советовал тебе говорить подобное. – Парень продолжал смотреть в запотевшее от дыхания окно. – Или обсуждать это... с кем-либо.

– Думаешь, мне поверят, если я расскажу кому-нибудь о бездомном, который дал мне двадцать тысяч и прислал тебя поговорить о подарочках?

Рэм хмыкнул.

– Не поверят. В том-то и дело, что не поверят. Ладно, неважно. Мне нужно объяснить правила, если тебе еще интересно.

– Но я могу отказаться, так ведь?

– Да, у тебя есть время до завтра, чтобы... Чтобы сделать правильный выбор. – Он кашлянул, прочищая горло. – Ты знаешь разницу между умер и погиб?

– Что, прости? – Сонная медленная муха кружилась у потолка, присматриваясь к открытой коробке пиццы, и Уля следила за ней, не в силах отвести взгляд от маленького темного тельца, потирающего лапки.

– Умер и погиб. Ты знаешь разницу?

Рэм медленно отвернулся от окна и присел на подоконник, скрестив руки на груди, – травяная вязь татуировки, окольцевавшей запястье, снова стала видна.

– По сути, это одно и то же, – нерешительно проговорила Уля.

– Нет, это кажется похожим, но суть совершенно разная. Умирают в постели от старости и болезни. Ты часто видишь такую смерть?

То, как легко и просто парень говорил о полыни, наводило жуть. Но Рэм смотрел на нее в упор, и Ульяна постаралась скрыть дрожь.

– Бывает, – прошептала она. – Но реже, чем... – и замолчала, не в силах подобрать слова.

– Реже, чем иную смерть, да? – Парень поджал губы. – Убийства, кровь, ужас, последний хрип... Об ушедших таким образом не говорят «умер». Если жизнь отобрали, жестоко и неожиданно, то человек гибнет. Погиб – совсем другое слово, совсем иная смерть.

Уля тяжело сглотнула, опустив голову. В ушах раздался оглушительный визг тормозов и глухой удар маленького тела об асфальт. Она впиалась пальцами в рыхлую обивку дивана и заставила себя дышать медленно и глубоко, кроме этого дыхания в мире не было больше ничего. Ни смерти, ни боли, ни одиночества. Только сиплый

вдох через зубы, наполняющий легкие, и медленный выдох, отпускающий прочь все лишнее.

– Ты меня слышишь? – Рэм вдруг оказался совсем близко.

– Прости. Выходит, чаще всего я вижу тех, кто погибнет.

– Да, и очень скоро. Скорее, чем смерть от рака или старости. Грядущее несчастье сильнее неотвратимости времени. Его-то и показывает тебе полынь.

Теперь Уле казалось, что она и сама это знала. Просто не хотела задумываться, страшась, что мысли принесут ей новую боль. Она вообще старалась делать вид, что полыни нет на самом деле, пока та не вступала в свои права. Слова Рэма пролили первый свет, и это оказалось больно, но куда слабее, чем Уля ожидала. Так с тошнотворным треском вырывают гнилой зуб, освещая мир новой, очищающей болью.

– Таких много? – выговорила Ульяна.

– Кого?

– Таких, как я... и ты. Таких много?

– Меченых? – Он задумался. – Больше, чем хотелось бы.

– И я могу с ними познакомиться?

– Если ты думаешь, что у нас есть профсоюз или группа на сайте «ВКонтакте», то прости, я тебя огорчу. – Рэм скривил губы.

– Я не об этом... Просто мне казалось, что я одна. А выходит, есть целая... наука. Я не знаю. Это неожиданно. Мне бы хотелось узнать больше.

– Я рассказал все, что тебе нужно сейчас. – Глаза потемнели, он злился. – И не моя забота просвещать тебя дальше.

– А чья? – В Ульяне снова всколыхнулось раздражение. – Ты приходишь в мой дом, говоришь о какой-то игре, о всеильном Гусе, подарках... а о главном не хочешь?

Она вскочила на ноги и замерла напротив, отмечая, что они почти одного роста, что его шея нелепо выглядывает из ворота куртки, что он похож на молодую птицу, только вставшую на крыло.

– Почему это произошло со мной? Дар ли это? И если да, то в чем его смысл? Могу ли я предотвратить то, что видела? А полынь? Откуда она? Ведь ей не просто пахнет, она становится самым воздухом...

– Замолчи! – Рэм сцепил челюсти, на скулах проступили желваки, а во взгляде читалась неприкрытая злоба. – Я тебе не нянька и не

учитель. Я не буду ничего объяснять. Мне откровенно плевать на твои вопросы. И на тебя мне тоже плевать. Я пришел исполнить поручение. Если не хочешь – не слушай.

Они постояли так, кипя зачинающейся неприязнью. Первой сдалась Уля – она тяжело рухнула на диван, прислоняясь к заваленной спинке.

– Хорошо. Говори что считаешь нужным.

Рэм навис над ней, но потом, взяв себя в руки, присел на краешек подушки и шумно выдохнул.

– Ты видишь гибель. И каждая связана с предметом. Вспомни. Мелочь, которую сразу отмечает взгляд. Она есть в реальности, есть и в видениях. Глаз натывается на нее, она притягивает, ты не можешь на нее не смотреть...

Рэм все говорил и говорил, но Ульяна замечала только, как он открывает рот, но слова оставались за кадром. Она и так понимала, о чем рассказывает ей парень. Красная сандалия принявшего страшную гибель Никиты. Зеленая варежка девицы из электрички. А если подумать, то и прочие смерти, увиденные ею, несли в себе безделицы, о которых не выходило забыть.

– Я понимаю, о чем ты, – хрипло сказала Уля. – Продолжай.

Рэм удивленно на нее покосился.

– Вот видишь, что-то ты знаешь сама. Эти вещи... Они впитывают силу насильственной смерти, несут ее отзвуки, запахи, холодную дрожь. Словом, печать дурной гибели. Понимаешь?

Уля кивнула, чувствуя, как слабо кружится мир. Предметы двоились, расплывались, таяли. Ее мутило. А Рэм продолжал говорить, не замечая, как заливаает ее лицо безжизненная бледность.

– Гусу нужны такие вещицы.

– Так пусть возьмет их. Это же проще простого, обычно про них никто и не вспоминает... Не до этого, знаешь ли... – равнодушно проговорила Уля.

– Ты не поняла, предметы нужно забрать сразу изнутри и снаружи... Из видения, образа, называй как хочешь. Выкрасть их из полыни. Объединить с тем, что осталось в вещном мире.

– И это возможно?

– Возможно практически все. Вопрос в том, хватит ли в тебе сил, умения и жизни. – Рэм замолчал, думая о своем. – Словом, Гусу нужны

три вещицы.

– Зачем? – От этих слов парень снова дернулся.

– Не задавай таких вопросов, когда говоришь с ним. Или о нем. Принимай как данность. Поняла? – И, дождавшись кивка, продолжил: – Если ты согласишься на игру, у тебя будет лунный месяц, чтобы собрать три вещи, связанные со смертью. Принесешь их Гусу, и он исполнит твоё желание.

– Любое, кроме воскрешения?

– Любое, кроме воскрешения.

Уля откинулась на спинку дивана и закрыла глаза. Ей вспомнился старый мультик, который она любила смотреть с мамой тысячу лет назад. Обаятельный джинн, вылезший из лампы, обещал оборванцу с улицы исполнить его желания. Все, кроме воскрешения и убийств. Кажется, иметь дело с любовью он тоже отказывался. Уля слабо улыбнулась.

– А что, если я не успею?

Она так и сидела, закрыв глаза, сохраняя в памяти образ теплого вечера у телевизора в старой квартирке, похожей на эту. С одним отличием – тогда рядом была мама, готовая спасти ее от всех бед. И приготовить пирог с яблоками.

– Если ты не справишься... – Рэм на секунду сбился. – Гус возьмет тебя во служение.

– Это как? – Ульяна нехотя открыла глаза, парень сидел рядом с ней, отвернувшись к окну.

– Будешь работать на него. Он сам объяснит, что нужно делать... Если ты проиграешь, конечно.

– Я могу отказаться?

– Прямо сейчас. Или завтра с утра. Гус тебя больше не тронет. – Одним рывком Рэм поднялся на ноги, диван жалобно скрипнул. – Я пойду.

– Да, конечно. – Уля тоже вскочила, чуть пошатнулась, но парень не подал ей руки, так и остался стоять, глядя тяжело, не моргая.

Он словно хотел что-то сказать, подбирая слова, но все никак не решался. Эта борьба читалась на его смуглом некрасивом лице, пробегая судорогой по осунувшимся чертам.

– Подумай хорошенько, – наконец проговорил он и скрылся за дверью.

Уля растерянно огляделась. Пыльный воздух комнаты, в которую никто, кроме нее, не заходил, теперь мешался с горькими незнакомыми нотками. Так пахло затаенное раздражение, принесенное Рэмом, его пропитанная сигаретным дымом куртка, взлохмаченные волосы, нервные руки с обкусанными ногтями на длинных сильных пальцах.

Комната казалась чужой. Уля привыкла к одиночеству, тишине вечеров, кружке чая на столике, постоянному холоду и сырости. Этот неуютный мирок стал ее собственным, возведенным годами отчаянной битвы за жизнь. Да, она боялась. Постоянно, без перерывов и выходных. Но и страх тоже был ее.

И все это рухнуло под гнетом услышанных слов. Кто знает, может, оказаться сумасшедшей было бы лучше? Слабая надежда, что врачи сумеют помочь и полынь канет в небытие, ускользнула из пальцев. Невозможная правда колола в груди. Глухой раздраженный голос Рэма звучал оглушительным набатом.

– Ты меченая, – говорил он, а по коже неслись мурашки. – Ты видишь кровавую смерть. Тебя выбрала полынь.

Долгий разговор, выпивший из Ули все силы, оставил слишком много вопросов. Чем была полынь и кто дал право ее слепой, бессмысленной силе ломать судьбу Ули? Кто этот Гус и почему лицо Рэма болезненно морщилось каждый раз, когда парень начинал говорить о нем? И зачем пропитому пьянчуге с вокзала смертоносные подарочки, несущие в себе печать страшной, дурной гибели?

Голова раскалывалась от невыносимых «почему». Уля со стоном повалилась на диван лицом вниз – от линялой обивки пахло сыростью – и крепко зажмурилась.

Можно было прямо сейчас собрать вещи, чтобы утром, пока квартира сонно нежится под одеялом тишины осеннего рассвета, выйти на улицу, глубоко вдохнуть влажный запах прелой листвы и уйти. Оставшиеся от Гуса деньги, полный расчет на работе – и она могла бы уехать из города, далеко-далеко, в страшную глушь, снять маленькую комнату, найти работу уборщицы и затаиться в норе, как мышь, испугавшаяся веника.

– А что дальше, деточка? – Пропитой, хриплый голос бездомного с пронзительностью дрели ударил в висок, Уля слабо застонала, переворачиваясь на спину.

Теперь перед глазами был низкий потолок, весь в разводах и черной плесени по углам.

Невидимый пьянчуга был прав. Если она убежит, ей снова придется прятать глаза. Даже за один, пусть и бесконечно долгий день среди тех, кто знает ее тайну, Уля успела отвыкнуть от постоянной привычки смотреть чуть выше собеседника, сверлить взглядом пол и спешить прочь от каждого желающего перекинуться с ней парой словечек.

Никакая глушь не принесла бы ей покоя. В тесной комнатенке где-нибудь под Тулой за ней пришло бы настоящее, глухое сумасшествие. От тоски и страха, одиночества, скуки и беспросветности она потеряла бы рассудок и скорее наложила бы на себя руки, чем научилась жить заново, зная, что в мире были люди, способные объяснить, что с ней происходит, но она сбежала.

Значит, стоит согласиться на странную игру, которую так желал начать Гус? Гадать, кем был на самом деле грязный бездомный, Уле больше не хотелось. Слишком глубоким оказался испуг в глазах Рэма, и то, как он вжимал голову в плечи, стоило начать спрашивать о старике, просто не выходило из памяти.

– Гус, значит, Гус, – решила она, стискивая зубы.

Игра виделась ей туманной и непонятной. Что за ерунда этот поиск странных вещей, отчего-то нужных всеильному пьянице, который раскидывается деньгами и не думает о ценностях? Вещиц, подобных красной Никиткиной сандаляке.

Сердце больно дернулось, заставив Улю шумно задышать, чтобы успокоить его безудержный стук. Голова стала тяжелой, кожа на щеках натянулась, сухая и ломкая. Ульяна снова и снова прокручивала кусочки разговора, но те никак не желали складываться в единую картинку – слишком уж многое оставалось неизвестным.

Но вещицы она представляла себе ясно. Яркими мазками в мутном полынном дурмане они привлекали взгляд, к ним хотелось прикоснуться. Ни разу еще Уля не пробовала вмешаться в ход видения, шелохнуться, протянуть руку, но теперь ей казалось, что это возможно. Перебори она дурноту и страх, оглядись повнимательнее, удержи образ чужого несправедливого конца, и пелена дрогнула бы, пропуская ее, делая увиденное объемным, реальным. А вместе с ним и заветную

вещицу, которую можно забрать с собой, – Ульяна была уверена, что это так.

Три видения смерти за месяц – не так уж много. Три вещицы, принесенных Гусу. Три подарочка. И она сумеет попросить его о чем-то важном, большом, способном помочь выбраться из беспросветного болота, в котором Уля завязла по самую макушку, – ни выбраться, ни крикнуть, ни вдохнуть.

Ульяна вытянулась в полный рост, мельком подумав, что снова сейчас уснет не раздеваясь, – чем не камешек в чашу ее сумасшествия? Устало хмыкнув, она поерзала на продавленных подушках, устраиваясь удобнее, и натянула на ноги тонкое одеяло.

Притихшая было муха пронеслась мимо, назойливо жужжа. Нужно было прогнать мерзкое насекомое, прихлопнуть его скрученной бесплатной газетой, которая давно уже лежала на столике. Чем не вещица, помеченная полынью, а с нею и дурной гибелью? Эта мысль больно ужалила Улю, и она осталась лежать, наблюдая, как муха усаживается прямо на остывший кусок пиццы, подернутой пленкой холодного жира, и довольно потирает маленькие лапки.

Что можно попросить у Гуса? Первое пришедшее в голову отметалось как единственно невозможное. Если бы бездомный пообещал ей вернуть Никитку, она бы не раздумывала ни секунды. Но честность Рэма лишала выбор подобной легкости. Что еще нужно было Уле?

Деньги. Разумеется, они были не просто нужны – необходимы, как воздух и вода. Они были всем, в чем она нуждалась. Едой, крышей над головой, возможностью купить хороший компьютер и работать за ним, не выходя из дома, не встречаясь с теми, кто мог погибнуть на ее глазах, утонув в полыни.

Но просить денег у бездомного пьяницы, предлагающего ей почти безграничные возможности исполнения мечтаний, было слишком приземленным, банальным решением. Даже получив целый чемодан рыжих купюр, она все равно останется одинокой, испуганной и всеми покинутой.

Прощение мамы. Полное и окончательное прощение. Такое же, как и холодная ненависть сейчас, только с иным полюсом. Прощение как право вернуться домой, прижаться головой к родной груди и долго плакать, чувствуя, как нежно перебирает волосы ласковая, невесомая

мамина рука. Неискреннее, наколдованное прощение. Конечно, на первое время хватит и его. А дальше? Этот вопрос сводил с ума. Как будет жить Ульяна, зная, что простить и принять ее обратно маму заставил получивший три подарочка Гус?

Уля потеряла ладонью глаза, но они оставались сухими. Слезы давно выплаканы. Рыдания исторгнуты из рвущейся груди. Осталась одна стальная безграничная тоска, пожирающая собой все живое. Мертвое же плакать не умеет.

Квартира, домашний кинотеатр, яхта, вечный абонемент в Диснейленд и автомобиль? Последнее слово растянулось в голове Ули ликующим голосом добродушного усача из телевизора.

Стоят ли эти желания возможности проиграть? Что значит – попасть в услужение Гусу? Что делает со своими слугами бородатый старик? И будет ли хуже служить ему, знающему Улину тайну, чем приносить ненужные бумажки в кабинет крикливого болвана Фомина?

И снова никаких ответов. Муха сидела на коробке, насмешливо поглядывая на Ульяну. Правая лапка потеряла темный бок и снова встретилась с левой в самодовольном наглom жесте. Сил прогнать ее не было.

Веки слипались, тело становилось совсем тяжелым, будто якорь корабля, отправленного в далекий рейс. Уже засыпая, Уля почувствовала, как осторожно прикасаются к ней липкие мушиные лапки, и содрогнулась от отвращения.

Стена выросла перед глазами, бескрайняя и жуткая. Холодный пот выступил на лбу – Ульяна знала, что его не смахнуть. Чужие руки, корявые, с забитыми грязью ногтями, привычно скоблили серые камни, ища лазейку. Теперь Уля знала, кому принадлежат эти длинные суставчатые пальцы, и от этого становилось еще страшнее.

Время замедлилось, Уля слышала тяжелое дыхание и медленные гулкие удары сердца. Они были похожи на счет метронома в пустом зале с высокими потолками и живущим по углам эхом. Это было не ее сердце. Сама она металась от ужаса, покрываясь холодным потом, а кто-то другой, в чьем теле Ульяна оказалась по воле тяжелого сна, оставался спокойным. Он методично шарил ладонями в поисках трещины.

Так уже было. Много ночей Уля провела здесь, вдыхая и выдыхая чужими легкими, видя стену не своими глазами. Ничего не менялось

рядом с бесконечной серой стеной.

Она чуть успокоилась. На самом деле сон мог оказаться скучной глупостью, которая принесет лишь мигрень поутру. Плохо веря в это, Ульяна продолжала твердить себе, что бояться нечего, пока незнакомец медленно продвигался вперед, скобля длинными ногтями по каменной кладке.

Минуты перетекали одна в другую, и мерность ударов сердца почти убаюкала Улю, когда руки вдруг замерли. Морок спал, пелена отступила, обнажая страшную правду. Поиски завершились. Жадные пальцы, подрагивая от нетерпения, впились в длинный зазор между двумя плитами.

Когти скребли камень, тело напряглось, а сердце забилося так же быстро, как ее собственное, выскакивающее из спящего где-то очень далеко тела. Уле хотелось кричать от ужаса, но из чужого рта доносилось лишь хриплое от нетерпения дыхание.

Когда верхняя плита дернулась и отошла в сторону, Уля поняла, что теряет сознание. Из щели, появившейся в стене, потек молочный плотный туман. Он еще не достиг лица незнакомца, но Ульяна знала, что несут на себе его белесые крылья.

Полынь – зримая, горькая, как тоска матери, потерявшей новорожденного младенца, отдающая липким страхом, последним стоном умирающего, – наполняла собой туман. Все смерти, что только могли встретиться Уле на пути, ударили ей в лицо, заполняя целый мир нестерпимой горечью.

И тогда Уля закричала, оглушающе пронзительно, зная, что рот незнакомца не издаст ни звука, продолжая хрипло втягивать в себя полынный туман. И этому не было конца, молоко лилось через щель в стене, будто бы кровь вытекала из раны. Беззвучный крик сотрясал Улю, она дернулась из последних сил, понимая, что еще секунда – и остатки рассудка растворятся в белой хмари...

Стоптаный ворс ковра больно впился в лицо. Продолжая кричать, Уля слепо подалась назад, опрокидывая столик, и забилась в самый дальний угол комнаты, незряче глядя в мягкий полумрак. Перед глазами разливался полынный туман: густой, неотвратимый, горький. И не было от него спасения. Деньги, стены родного дома, мамина ласка, квартиры, машины, билет на край света – ничто не спасет тебя

от демонов, живущих внутри. От полыни, которая найдет тебя, как ни прячься. Во сне ли, наяву. Пока ты несешь ее метку, глупо ждать покоя.

Если только не избавиться от нее. Потратить желание, выигранное у Гуса, на то, что и правда нужно. На самое заветное, неисполнимое, способное исправить и спасти. Не просто вытащить из болота, а высушить его до дна.

Уля решительно поднялась, обошла повалившийся столик. На выпавшем из коробки куске пиццы с сочной острой колбаской сидела муха и глядела своими маленькими глазами-сеточками, довольно потирая крошечные лапки.

Ульяна распахнула дверь, зная, что Рэм стоит на пороге.

– Ты кричала, – проговорил он.

– Мне приснился дурной сон.

– Ты очень громко кричала.

– Это был очень дурной сон. – Уля обняла себя за плечи. – Гус может исполнить любое мое желание, кроме воскрешения?

– Да.

– Любое значит совсем любое?

– Да.

– Отлично, я согласна. – Слова легко скользнули с губ, и в эту же секунду Уле отчаянно захотелось взять их назад, но она продолжала стоять, рассеянно улыбаясь Рэму, утопавшему в полутьме сырого коридора.

Ослепительная белизна

Они стояли у приземистого здания, похожего на школьную пристройку, в которой прячется от любопытствующих глаз раздолбанный спортзал. Уля рассматривала потемневшие от времени бурые стены, подслеповатые квадратные окошки, складывавшиеся, как тетрис, в высокие рамы от пола до плоской крыши.

Когда-то давно, в годы их жизни до Алексея, мама водила ее в точно такую же школу. Не лицей, не гимназия, не еще какое-то новомодное слово, что делало бы ребятню умнее в глазах любящих родителей, готовых отдавать добрую часть зарплаты на классные нужды. Просто школа. Покрытые краской парты, гулкие коридоры в панцире кафеля, пропахшая компотом столовка и спортивный зал.

Он казался Уле местом пыток. Потная раздевалка, темный коридорчик и наконец расчерченное под баскетбольную площадку помещение с дощатым полом и эхом, множащим удары маленьких ладошек по мячу.

Теперь это было далеко. Память умело стирает ненужности, оставляя лишь отзвуки того, что наполнило тебя когда-то. Прячет бывшее в самые дальние уголки, чтобы однажды вытащить на свет: мол, на, смотри, вспоминай! И Уля вспоминала, как мама ждала ее, сидя на низкой лавочке в фойе. Как освещала ее уставшее лицо улыбка, когда Ульяна выбегала из дверей, на ходу застегивая белую кофточку. Все девять пуговок-жемчужинок – отчего-то они запомнились особенно четко. Матовый блеск крашеной пластмассы, тихий скрип о ткань, страх, как бы не оторвались, не потерялись на полутемной лестнице, где потом такие найдешь?

Уля тяжело сглотнула, прогоняя воспоминания. Не время. Не место. Ни сейчас, ни потом. Никогда.

По дороге, раскинувшейся перед бурым зданием, с громким шумом неслись машины. Они гудели друг другу, мигали огнями, фыркали, тормозили и улетали вперед. Никому не было дела до двух темных фигурок на обочине. Уля вдохнула влажный воздух, пропитанный дорожной пылью, и обернулась на Рэма.

Тот стоял чуть в стороне, прижимая к уху телефон. Последние десять минут парень пытался дозвониться кому-то, кто никак не желал отвечать. Длинные протяжные гудки раздражали Рэма, и он, дергая плечом, шагал вдоль стены, но попыток дозвониться не оставлял.

Где они и почему здесь оказались, Уля не знала. Как только согласие сорвалось с губ, Рэм потащил ее прочь из дому так поспешно, что она успела только схватить куртку и натянуть на босые ноги ботинки. Теперь ногам было холодно и мокро. Но Рэма ее проблемы не волновали. На все вопросы он отвечал равнодушным молчанием, снова и снова пожимая плечами, будто у него нервный тик.

– Может, придем в следующий раз? – робко предложила Уля, когда Рэм в очередной раз прошел мимо, со злостью давя на кнопки телефона.

Тот бросил на нее раздраженный взгляд и открыл было рот, чтобы ответить, но гудки сменились громким щелчком соединения. Уля напрягла слух, пытаясь разобрать слова, но Рэм уже нажал на отбой.

– Пойдем, нас ждут, – сказал он. Сунул мобильник в карман и направился вдоль стены.

Уля успела заметить, как он украдкой вытер ладонь о штанину, – брезгливо и воровато, будто опасаясь, что кто-то заметит, но не в силах совладать с отвращением.

Они долго шли по узкому тротуару, почти прикасаясь локтями к бурым кирпичам. Здание казалось таким бесконечным, что пройди вдоль него, не останавливаясь, и рано или поздно вернешься туда, откуда начинал свой путь, обогнув всю Землю. Если бы не грязно-красный цвет, Уля решила бы, что перед ней нескончаемая гладь серой стены из сна.

При мысли о ней голова мерзко закружилась. Белесый туман, как живой, встал перед глазами, заставив тело содрогнуться от ужаса. Уля помотала головой и ускорила шаг. Рэм как раз поджидал ее, стоя у темной арки, которая делила здание пополам. Мутные квадратики окон проводили их взглядами, когда они нырнули в пыльную темноту двора, захламленного мешками и бетонными плитами. Земля была перерыта, где-то в отдалении мерно шумела строительная техника. Под ногами пружинили темные от сырости доски настила.

Рэм уверенно шагал в самую глубь двора, огибая мусор, Уля послушно семенила следом, стараясь не оступиться. Под ложечкой

предательски ныло. Дурнота медленно поднималась к горлу, дожидаясь, пока Ульяна дойдет до черной тяжелой двери, у которой замер Рэм, и уже тогда наполнить рот горечью.

На крыльце, сразу под неуместной в этой пыли и серости вывеской «Сакура в цвету», стоял высокий мужчина – тощий, почти прозрачный, с редкими волосиками, зачесанными назад. Грубый фартук доходил ему до колен, а длинные завязочки опоясывали тело дважды, прежде чем завернуться в узел на уровне пупка.

Мужчина курил, глядя куда-то в сторону, и даже не дернулся, когда Рэм легко взобрался по ступеням и застыл напротив. Уля осталась стоять внизу. Она с трудом шевелила пальцами, которых почти уже не чувствовала. Ноги окончательно промерзли. Низкое небо в любую секунду было готово пролиться нудным осенним дождем из тех, что могут тянуться часы, а может, дни, а может, и всю жизнь – никчемную, пустую, человеческую.

Сохраняя молчание, Рэм достал из-за пазухи сигарету и зажал ее между зубами. Мужчина не глядя вынул из кармана фартука зажигалку, чиркнул по колесу стертой подушечкой пальца и протянул затеплившийся огонек. Они одновременно затянулись, продолжая смотреть каждый в свою сторону.

Мурашки медленно пробежали вдоль позвоночника, и Уля заставила себя отвести взгляд от их сгорбленных равнодушных фигур. Было что-то неправильное, противоестественное в этой тишине – нагнетающейся, плотной, – в их равнодушных движениях и дыме от тлеющих сигарет, уносящемся в осеннее небо.

– Ну, пойдём, – так же отсутствующе повторил Рэм, туша сигарету о железные перила, и шагнул через порог.

Мужчина посторонился, пропуская Ульяну, которая послушно, как одурманенная, начала подниматься по ступеням. Поравнявшись с ним, она мельком на него посмотрела и в ту же секунду поняла, что в незнакомце было так знакомо и так странно. Он прятал взгляд, старательно и упорно смотрел в сторону, делая это умело, как слепцы с рождения. Так, как пыталась не смотреть на прохожих сама Ульяна. Куда лучше, чем получалось у нее.

«Меченый», – вдруг поняла она, и сердце забило в груди, желая вырваться наружу, упасть в большие изможденные руки незнакомца, оказавшегося ей ближе и понятнее собственной матери.

– Меня Уля зовут, – только и сумела выдавить она, застыв перед мужчиной.

Тот помолчал, рассматривая заостренные носки ботинок, и, когда она уже почти собралась с силами, чтобы шагнуть в пыльную тьму, чуть слышно проговорил:

– Анатолий.

Уля кивнула и сделала шаг, дверь за ее спиной, надсадно скрипнув, захлопнулась. Пути назад больше не было. Впереди слабо мерцал свет. Ульяна постояла немного и пошла на него, чувствуя себя самым глупым из всех мотыльков, поступающих точно так же.

Почти вслепую Ульяна осторожно шагала по коридору, выставив вперед руки. Воздух пах отсыревшей побелкой и чем-то еще острым, знакомым. Так было в больнице, когда Уля вращалась в пластмассовое сиденье стула приемного покоя. Так пах весь тот бесконечный день, проведенный в ускользящей надежде, что вышедший покачать головой врач ошибся и Никитка жив, полومان, ушиблен, изранен, но жив. Въедливый дух моющих средств и обеззараживающей жидкости, лекарств, боли и тоскливой безнадежности.

Уля стиснула зубы, заставляя себя идти и не останавливаться, пока руки не нащупали впереди гладкую дверь. Она было занесла кулак, чтобы постучать, но сама себя одернула. До приличий ли теперь? И просто потянула круглую ручку. Дверь бесшумно распахнулась, в пыльный мрак коридора хлынул поток яркого света.

Ульяна перешагнула порог, прикрывая глаза, которые тут же начали слезиться. Запах лекарств стал невыносимым. Оказалось, что в мире есть что-то еще, кроме полыни и аромата мужского парфюма, выворачивающее наизнанку ее нутро. Пока глаза привыкали, Уля старалась дышать через рот, чтобы не впускать в себя запах, а с ним и воспоминания.

Понемногу она сумела оглядеться. Небольшая комната безжалостно сияла белым. Кафельный пол и стены, большое откидное кресло, похожее на те, что стоят в зубных кабинетах, пара стульчиков поменьше да небольшой столик, накрытый белой простыней, – на все это были направлены четыре лампы, подвешенные под потолком, которые и обрушивали вниз поток нестерпимого холодного сияния.

Именно так представляла себе Уля палату сумасшедшего доктора, готовящегося сделать лоботомию очередному несчастному,

потерявшему рассудок. Когда-то она даже смотрела об этом фильм, и тот морозил ее приятным, надуманным страхом. Но теперь, оказавшись в паре шагов от кресла с широкими ремнями, будто предназначенными для усмирения буйнопомешанных, страх в ней стал совсем иным. Он медленно наполнил тело, превращая его в мягкое желе, которое не поддерживала ни единая косточка.

Надо было бежать. Прямо сейчас, не мешкая, развернуться, пронестись по короткому коридору, оттолкнуть с пути Анатолия, замершего под дурацкой вывеской, и не останавливаться, пока рядом не окажется утренняя московская толпа. Уля слабо дернулась, но ноги ее не слушались.

Кто-то сыграл с ней злую шутку. Кто-то высмотрел в толпе, как она провожала тоскливым взглядом кричащего не своим голосом парня, которого волокли санитары. Кто-то провел социальный эксперимент, задушив и без того больную голову рассказами о смерти и желаниях. А она повелась, как дура. Как безумная бабка. Как настоящая сумасшедшая, потерявшая последние крохи рассудка. Все так и было. Безо всяких «как».

Уле стало смешно. Смех почти вырвался из скорченного в ужасе рта, когда у самой стены кто-то пошевелился. Прислонившись к кафелю спиной, там стоял Рэм. Яркий свет резкими мазками рисовал складку у тонких губ, мешки под глазами, острую морщинку между бровей. Так парень казался старше и грубее. Всей своей напряженной фигурой он старался вжаться в белую стену, держась подальше от кресла, которое отделяло его от замершей у порога Ули.

Если секунду назад ей казалось, что Рэм – один из обманувших ее санитаров, что он в любой момент может войти в дверь, облаченный в белое, чтобы вкрадчиво, но цепко подхватить ее локоть и потащить на прием к лечащему врачу по знакомой фамилии Гусов, то теперь она поняла, что они в одной лодке. Пусть это и приемный покой психушки, но Рэм здесь – постоянный пациент, погибающий от вязкого страха так же, как она сама.

Дверь за спиной Ули бесшумно отворилась. Стоявший у стены парень дернулся, поднял голову, бросил короткий взгляд куда-то за ее спину и еще сильнее вжался в кафель, будто надеясь пройти сквозь него и вывалиться с другой стороны.

Тяжелая поступь, пахнувшая из коридора сырость и знакомая травяная горечь заставили Улю зажмуриться, но судорога, скрутившая внутренности, почти сразу ослабила хватку. Видимо, ко всему в этом мире можно привыкнуть. Даже к мертвецкой горечи полыни.

– Ну, здравствуйте, детки, – прохрипел знакомый голос. – Не скучаете тут?

Гус обогнул застывшую Улю, отечески потрепав ее по плечу. Сегодня на нем не было вонючих обносков. Добротная кожаная куртка, удобные ботинки и мешковатые, но чистые брюки сделали из вокзального бездомного вполне себе приятного пожилого мужчину. Гус расчесал бороду, и теперь она мягким полукругом обрамляла его лицо. И лишь глаза цвета пыльной травы смотрели знакомо, пронизывающе.

Старик обстоятельно обошел комнату по кругу, похлопал ладонью по высокому креслу. Чуть шевеля губами, направился к одному из небольших стульчиков, снял с себя куртку, размотал тонкий вязаный шарф и аккуратно повесил все это на спинку. И только потом наконец сел, сложив руки на коленях.

– Ну что, Роман, мальчик мой, рассказал ли ты даме об условиях нашей маленькой забавы? – спросил он, прожигая Рэма взглядом, под которым тот съежился еще сильнее.

– Да, он рассказал мне... – начала Уля, но Гус оборвал ее властным взмахом руки.

Коротко подстриженные чистые ногти блеснули в электрическом свете. И от их ухоженной гладкости Улье стало легче дышать. Это делало жуткий сон о стене чуть менее реальным.

– Я задал вопрос. Отвечай. – Старик не повысил голос, но металл, появившийся в нем, говорил сам за себя.

– Я сделал, как вы велели, – выдавил Рэм, опуская голову еще ниже. Его заметно трясло.

Мертвенная бледность заливала смуглое лицо, обостряя черты. Такими становятся покойники, пролежавшие всю ночь в стенах своей квартиры – обмытые, обряженные в самый лучший костюм, уложенные на мягкую подушку гроба.

Старик внушал Уле животный страх, но даже она держалась лучше почти терявшего сознание парня, который из последних сил прижимался спиной к кафелю. Между ним и Гусом, продолжавшим

сверкать тяжелым взглядом из-под кустистых седых бровей, звенела тишина.

Наконец, когда Рэм начал медленно сползать по стене, старик хлопнул ладонью по колену и коротко засмеялся.

– Вот и умничка, вот и молодец, – сказал он, растягивая губы в улыбке, но глаза оставались двумя сверлами, безжалостными и обжигающе холодными. – Ты пока иди, подыши. Что-то неважно выглядишь, честно говоря. – Гус снова хохотнул. – А после зайдешь, поглядим, что можно сделать.

Рэм судорожно кивнул, утер со лба пот и на неверных ногах пошел к двери, огибая старика по самой широкой дуге. На одно короткое мгновение он встретился с Улей глазами, и та прочла в них глухую, сосущую тоску. Словно в его жизни никогда не бывало ничего хорошего, и все, что имел он в памяти светлого, стерлось за ту минуту, которую Гус впечатывал его в белоснежный кафель.

Рэм чуть заметно кивнул, прикоснувшись к плечу Ульяны своим, но не остановился. Когда за ним захлопнулась дверь, в комнате стало еще холоднее. Безжалостно яркий свет не давал ни единого шанса укрыться, запах лекарств мешался с полынью, которую источал сидевший напротив Ули старик.

– Итак, деточка, ты в игре? – лениво проговорил Гус, разваливаясь на слишком маленьком для его тела стульчике. – Честно говоря, я не удивлен. Есть в тебе что-то эдакое... Отчаяние, наверное. Оно делает людей по-настоящему бесстрашными. Толкает на неожиданные поступки. Меняет жесты, взгляд, даже запах... – Он шумно вдохнул через широкие ноздри. – Знаешь ли ты, как пахнет испуганный человек? Горьким потом, влажной кожей, слезами, слюной, смертью... и полынью, конечно, полынью. Правда, этого он сам не чувствует. Зато чуем мы. Так, козочка моя? Не молчи. Скажи что-нибудь дедушке.

– Почему вы не называете меня по имени? – выпалила Уля, не думая о том, что произносят ее онемевшие губы.

Гус замер, моргнул и разразился оглушительным хохотом.

– Молодец! Уела старика. – Он обтер ладонью глаза и пригладил бороду. – Мы пока недостаточно знакомы, милая. Я старый человек и, как все старики, придерживаюсь правил. Но не волнуйся, очень скоро мы познакомимся поближе.

Его острый взгляд впился в Ульяну, заставив сделать робкий шаг вперед. Так бандерлоги из старого мультика покорно шагали к мудрой безжалостной змее. Предчувствуя, что ждет их, но не находя в своих жалких тельцах сил сопротивляться.

Когда длинные, мертвецки холодные пальцы старика схватили Улю за подбородок, ее чуть не вывернуло. Тяжело сглотнув набежавшую горечь, она уставилась выше его плеча, отчаянно стараясь не расплакаться.

– Нет, так дело не пойдет, – разочарованно протянул Гус, покачивая сжатой ладонью и заставляя Ульяну повторять за ним это странное ритмичное движение. – Посмотри мне в глаза, девочка, и скажи: ты в игре?

Язык заморозило, губы сжались, плотно прикрывая собой зубы. Но ответ уже рвался из самого нутра, он пульсировал в горле, через которое решило выскочить сердце. Короткое слово в две простые буквы. Один слог, который не проглотить. Согласие, которое нужно выговорить, чтобы скрепить сделку со стоявшим напротив безумным стариком, чей полынный взгляд прожигал ее насквозь.

Гус надавил чуть сильнее.

На нежной коже Ули вспыхнули следы его пальцев, она замычала, пытаясь вырваться, но старик был неумолим.

– Ты задерживаешь меня, а я не люблю тратить время понапрасну. Скажи это. Ты в игре? Или беги что есть мочи, прямо сейчас. Я дам тебе фору, – прошептал он, притягивая ее так близко, чтобы горькое дыхание щекотало щеку.

Волна отвращения накрыла Улю стремительно и внезапно. Она рванулась еще раз, но силы были неравны. И тогда она сдалась. Провести еще одну секунду в цепкой хватке Гуса было страшнее, чем согласиться сыграть роль в его странной забаве.

– Да, – прохрипела она сквозь сжатые зубы.

Старик тут же ее отпустил. В комнате потеплело, а полынь, уже наполнившая своей горечью все вокруг, сменилась терпимой вонью медикаментов.

– Вот и молодец, Ульяна. – Улыбка, больше похожая на оскал, делала лицо Гуса древней маской злого божка. – Теперь я могу тебя так называть.

И пока он расслабленно усаживался на низкий стульчик, Ульяна пятилась, не в силах издать ни единого звука. В гулко звеневшей голове не осталось мыслей, слов тоже не было – все забрал в себя один маленький слог, произнеся который, Уля перешагнула все еще неизвестную для себя черту.

Гус достал из кармана куртки небольшую телефонную коробочку, подслеповато сощурил глаза и набрал комбинацию цифр. Не дожидаясь ответа, спустя один бесконечно долгий гудок, он нажал отбой и только после этого посмотрел на прижавшуюся спиной к кафелю Ульяну.

– Сейчас придет Толя, и мы скрепим все, как полагается, – зачем-то начал объяснять старик. – А пока давай повторим правила. Вдруг этот шельмец чего напутал, а? – И подмигнул ей, насмешливо приподняв седую бровь.

Стремительность смены масок испугала Ульяну еще сильнее. Она жалобно огляделась, но комната продолжала слепить ярким светом и равнодушной белизной.

– Тебе нужно исполнение желания, так? – продолжил Гус. – А мне – три подарочка. Потешь старика, принеси, что он просит. И будет у тебя все, что захочется.

– Кроме воскрешения, – чуть слышно выговорила Уля.

– Это было бы очень неуместно, знаешь ли, – совершенно серьезно ответил старик. – Все просто: у тебя целый месяц. Лунный, разумеется.

– А если я не успею?

– Ну, милая, плохой у тебя настрой! Не боевой. – Гус развел руками. – Не успеешь – твоя вина. Будешь мне служить. Но зачем сейчас о плохом?

– Что значит «служить»? – Голос красноречиво дрогнул.

– Не беспокойся, страховать неудачников, знающих, что они неудачники, я тебя не заставлю. И то хлеб.

Уля уже не удивлялась. Ни осведомленности, ни насмешливому тону, ни тому, как легко было соглашаться со стариком. Страшно до нервной икоты, но легко. Тело устало бороться, сердце лениво стучало. Ульяне хотелось спать. Забраться под одеяло как есть, в одежде и грязных ботинках, и не открывать глаза целый месяц. Целый лунный месяц.

«Так и будет. Только выиграй. И все закончится. И ты отдохнешь», – твердила она, уговаривая саму себя, но ноги продолжали трястись.

Тишина затягивалась, Гус продолжал сидеть на стульчике, потирая ладонями колени, а Уля прижималась к холодному кафелю, сама не замечая, как похожа сейчас на Рэма, стоявшего точно так же, с тем же выражением смертельной усталости и страха на лице.

Дверь открылась бесшумно. В проеме появилась долговязая фигура Анатолия. Переступая через порог, мужчина слегка нагнулся – то ли чтобы не задеть лысеющей макушкой потолок, то ли приветствуя старика.

– Ну здравствуй, дорогой! – сказал Гус, улыбаясь.

Судорога, пробежавшая по лицу Анатолия в ответ, не укрылась от Ули. Мужчина боялся. Как и Рэм, как и она сама. Ему тоже смертельно хотелось оказаться где угодно, только не здесь, под ослепляющими лампами белой холодной комнаты. Но он все равно шел навстречу Гусу – покорный, сгорбленный, нескладный.

– Я тебе работенку привел, ну-ка, погляди. Ульяна! – Старик проворно вскочил, подтолкнул Улю вперед, приглашая Анатолия разглядеть ее получше. – Хороша девка, а? Ну, давай. Начинай. А я погляжу.

Глупая, несурзная в своей отвратительности мысль пришла Уле в голову, пока она смотрела на замершего перед ней мужчину в фартуке. Что, если он сейчас накинется на нее? Начнет раздевать или раздеваться сам? Что вообще могут сделать с ней эти странные люди – все, как один, сумасшедшие, все, как один, мужчины?

Прочитав внезапную догадку на ее застывшем лице, Гус презрительно хмыкнул.

– Нет, милая, Толя не по той специальности, что ты себе возомнила. И уж точно я не стал бы на это смотреть. – Он брезгливо поморщился. – Присаживайся в кресло, девочка, а одежду оставь при себе. Я не увижу под ней ничего нового... или приятного глазу.

Жар мигом проступил на щеках. Уля послушно кивнула и опустилась на мягкое сиденье, пока Анатолий отошел к стене и сгорбился над прикрытым простыней столиком. Раздался металлический лязг, потом скрежет ножек по кафелю.

Низко склонив голову, Толя тащил за собой трехногий столик, на котором стояла бутылка с мутной жидкостью, пара склянок поменьше и знакомая Уле машинка с иглой на конце.

Заканчивая школу, Ульяна решила, что это событие достойно быть увековеченным, да так, чтобы раз и навсегда. Грядущая взрослость пьянила голову, и они с Вилкой, хохочущие, обмирающие от страха и предвкушения, сбежали с последнего урока, чтобы сделать тату. Им было неважно, каким окажется рисунок: надпись, пчелка, кошачьи ушки или купола на всю спину. Главное – сделать это, не струсить, доказать, что тело, так сладко томящееся в школьной форме, принадлежит отныне только тебе самой – взрослой, имеющей право творить все, что заблагорассудится.

Они зашли в первый попавшийся на пути салон, там пахло дымом и чем-то запретным, манящим, кружащим голову. Пока за плотно прикрытой дверью мерно шумела машинка, девочки листали страницы каталога, высматривая тот самый символ, что станет первым знаком новой взрослой жизни.

Их выгнали на улицу спустя пятнадцать минут – как только длинноногая девушка с ресепшена поинтересовалась, сколько лет юным посетительницам. Конечно, по дороге домой Уля громко возмущалась, вторя раздосадованной Вилке, но в глубине души она испытывала облегчение. В жизни и так все было несладко – страх перед экзаменами, постоянные укоры мамы, плачущий карапуз-братишка... Не хватало только наспех сделанного тату.

Тогда они решили, что обязательно вернутся. Как только поступят и обретут желанное совершеннолетие. К осени идея забылась, вылетела из молодых шальных голов, как и все, заносимое туда попутным ветром тех беззаботных лет.

А теперь Уля с ужасом наблюдала за тем, как, продолжая прятать взгляд, горбиться и чуть слышно вздыхать, просовывает в перчатки свои грубые ладони Анатолий.

– Что... что вы делаете? – Голос дрожал. Уля загнанно обернулась на Гуса.

– О, ничего, что навредит тебе. Просто мы скрепим нашу игру, так всем будет интереснее, правда? Протяни ручку Толе и не дергайся, он этого не любит.

Анатолий, не произнося ни слова, сжал и разжал ладони, проверяя, ладно ли сели перчатки, потянулся к бутылке с мутной жидкостью и смочил в ней тампон. В воздухе повис острый запах дезинфекции, от которого в Уле мигом испарились последние силы. Она не могла бороться с сумасшедшим стариком, а испуганный мужчина напротив не был ее врагом, Уля понимала это со всей ясностью. Потому, когда Толя протянул ей раскрытую ладонь, она покорно вложила в нее свою.

Гус за спиной одобрительно хмыкнул.

Холодная влажная ткань ловко обтерла Улино запястье. Анатолий отложил в сторону тампон и взял тоненькую полупрозрачную бумагу, на которой вязью был нарисован знакомый травянистый орнамент. Такой же, что окольцовывал руку Рэма, стремящегося спрятать его под рукавом.

Уля в последний раз дернулась – слабо, почти незаметно – и обмякла. Когда калька внахлест легла на ее влажную кожу, она зажмурилась. Легкими, но уверенными движениями Анатолий прижал бумагу, аккуратно, почти нежно проводя подушечкой пальца по каждому листику, который покорно отпечатывался на запястье.

Пока он возился с машинкой, Уля продолжала сидеть, закрыв глаза и вжимаясь в спинку кресла. Она тяжело дышала, пытаясь успокоить пульс, бешено стучавший в висках. Несмотря на сомкнутые веки, Ульяна чувствовала, как внимательно следит Гус за каждым ее всхлипывающим вздохом, за каждым приступом дрожи, пробежавшим по телу. Злость кипела, мешаясь в небывалый бурлящий коктейль со страхом. Потому Уля заставила себя расслабить напряженную спину, глубоко вдохнула, успокаиваясь, и почти не испугалась, когда осторожные руки Толи смазали ее запястье чем-то жирным и вязким.

– Чтобы лучше скользило, – шепнул он и принялся за работу.

Время застыло. Боль, мигом пронзившая руку до самой кости, то отступала, становясь почти неощутимой, то вновь набегала подобно бешеному прибою. Машинка надсадно гудела, соприкасаясь с кожей и прокалывая ее, и Уле казалось, что кто-то режет запястье тонким скальпелем, по одному и тому же месту много раз, углубляя рану, не давая ей затянуться.

Толя осторожно промокал кожу мягкой тканью – это Уля чувствовала, как и его напряженное дыхание над собой. Глаза она так и не открыла. Чуть закусив губу, чтобы гадкий старик не услышал ни

единого стога, Уля оперлась макушкой на спинку кресла и старалась расслабиться, вдыхая воздух, выдыхая боль.

Получалось плохо. Минуты оборачивались часами, Ульяне казалось, что она сидит в этом кресле не один день, что осень давно сменилась зимой, а зима – летом. Что эта боль всегда была с ней и будет тоже всегда. Что в этом-то и есть забава Гуса. Игра, которую она проиграла, не успев начать.

Но Толя, последний раз промокнув запястье тряпочкой, что-то проговорил, поворачиваясь к старику, и выключил машинку. Тишина, пришедшая на смену мерному гулу, в мгновение заставила Улю открыть глаза. Она даже успела забыть, как безжалостно светили лампы, как ослепительно белели стены комнаты. Щурясь, она посмотрела в ту сторону, где должен был сидеть Анатолий, но тот уже тащил к стене трехногий столик, а рядом возник Гус – добродушный, отечески улыбающийся, словно был ее любимым дедушкой.

– Красота, правда? – Он наклонился поближе. – Есть в этом что-то верное, на мой взгляд, – нести на себе метку того, что давно отметило тебя своим.

Уля медленно перевела взгляд на запястье. Кожа неумолимо опухала, воспаляясь. На ней затейливой вязью красовались тоненькие веточки полыни.

– Ну, как ты себя чувствуешь? – спросил Гус, расценив ее молчание как согласие.

Ульяна прислушалась к себе. Руку саднило, в ушах еще шумел визг машинки, а желудок вело от дурноты, но в целом ей было не так уж и больно.

– Ничего.

Старик улыбнулся еще шире, оголяя ровный ряд белоснежных зубов. Уля точно помнила, что во время их предыдущей встречи – на мосту – рот бездомного был похож на гнилой покосившийся частокол.

– Вот и славно, – сказал Гус, протягивая ладонь. – Но придется еще немного потерпеть. Последний штрих, так сказать, чтобы наша игра и правда началась...

Ульяна не успела дернуться, вскрикнуть, отскочить в сторону, свалиться с кресла прямо на холодный кафель. Она даже испугаться как следует не успела. Разморенная пережитым страхом, успокоенная мыслью, что самое страшное позади, она не шелохнулась, когда

тяжелая ладонь Гуса легла на ее запястье и обхватила его. Под длинными стариковскими ногтями снова была жирная черная грязь.

Мысль об этом была последней, промелькнувшей в сознании Ули, а дальше пришла боль. Ослепительно белая, как кафель в комнате, прожигавшая насквозь кожу, мясо и кости. Боль, что, родившись в запястье, стремительно заполнила все естество Ульяны, покорила ее собой. Первородная, всеобъемлющая, истинная, не похожая ни на что, не являющаяся ничем.

Сознание покинуло Улю раньше боли. И томительные мгновения обморочной темноты еще долго мерцали безжалостным светом белоснежного кафеля.

Китайская пытка водой

Из крана капала вода. Мерно, монотонно, укачивая, погружая сознание в дурманный транс. Кап. За стеной раздалась тяжелая шаркающая поступь Натальи. Кап. Где-то скрипнула дверь. Кап. Зашумел сливной бачок. Кап. Снова шаги – грузные, будто лохматое чудище тащит тело в берлогу. Кап. Тишина. Кап.

Уля с трудом подняла тяжелую голову от подушки. В висках пульсировала боль, словно она очнулась после большой пьянки. Когда Ульяна в последний раз пила, она не помнила. Наверное, в далекие годы безбедной жизни – терпкий «Лонг-Айленд» тогда был основой хорошего вечера. Во рту пересохло, а мерзкий привкус нечищенных зубов добавлял финальный штрих всей картине. Ульяна застонала, переворачиваясь на спину. На подушке остался влажный след от натекшей слюны. Она с отвращением вытерла потрескавшиеся губы и наконец огляделась.

Знакомые линиялые обои уныло пузырились на стенах. Окна запотели от влажности так, что за ними можно было разглядеть только серую хмарь и голые скелеты деревьев. Уля лежала на продавленном диване прямо поверх одеяла. Распахнутая куртка крыльями укрывала плечи: из рукавов она вылезла во сне. Грязные ботинки с жухлыми листиками на подошвах стояли у дивана, с них успела натечь мутная лужица.

Уля помотала головой. Виски откликнулись новой порцией боли. На столике экраном вниз лежал телефон. Ульяна протянула руку, чтобы перевернуть его, – вдруг звонили с работы, вдруг Фомин решил простить ей прогул и разрешит вернуться?

Плотная повязка на запястье заставила Ульяну замереть. Сердце тяжело бухало в груди. Память возвращалась к ней рывками. Ослепительно белая комната, холодный кафель, прячущий глаза Анатолий и Гус, берущий в свою властную ладонь ее руку. Руку, которую покрыли полынным узором. Ульяна сумела только пискнуть от страха, судорожно разворачивая бинт.

Воспаленная кожа, укрытая пленкой. Линии веточек, бегущие по запястью, замыкаясь в кольцо. Уля отчетливо помнила, что Толя успел

набить только контур. Но сейчас каждый листик оказался заполненным чуть зеленоватой темной краской. Запястье пульсировало в такт ударам сердца. Виски вторили ему, наполняя голову похмельной болью.

Уля так и просидела бы целый день, бездумно пялясь на покрасневшую кожу, если бы телефон, продолжавший лежать экраном вниз, не ожил короткой вибрацией. Держа татуированное запястье на весу, Ульяна дотянулась до трубки. Монохромный экранчик светился конвертом. Один клик на продавленную клавишу – и строчки, присланные с неопределившегося номера, заставили забыть о саднящей коже.

«Смертью, брошенной напоказ, – это раз.

Смертью, выданной за слова, – это два.

Смертью, принятой по любви, – это три».

И больше ни слова. Ни подписи, ни расшифровки, ни объяснений. Еще пару дней назад Уля бы пожалала плечами и отправила сообщение в корзину как спам. Но наполненная краской веточка темнела на запястье поводом верить каждой глупости, несуразности и странности, встреченной на пути. Все теперь имело значение, и не одно. Совсем не одно.

– Смертью, брошенной напоказ, – это раз, – повторила Уля, прислушиваясь к себе.

Ничего не екнуло, сердце не забилося чаще, в ушах не раздался чужой голос. Только вода продолжала капать из потекшего крана.

– Смертью, выданной за слова, – это два. – Кап. Тишина. Кап.

– Смертью, принятой по любви. – Уля зажмурилась в надежде, что за секунду во тьме сообщение подгрузится, откроется еще одна часть, хотя бы подпись, хоть одна сносочка. Ничего.

Экранчик погас, уходя в сонный режим. Ульяна покачала телефон в руке и решительно вскочила. Холодный линолеум встретил ее привычной сыростью. Она поспешила засунуть ноги в ботинки и направилась к выходу, оставляя за собой грязные следы.

Соседская дверь открылась на второй удар. Рэм распахнул ее и застыл на пороге. Без рубашки, в одних заношенных спортивных штанах с вытянутыми коленками, он стоял босиком на холодном полу и смотрел на Улю с неожиданным интересом. Та смешалась. Последний раз она видела мужское тело так близко во время своего первого бестолкового романа с однокурсником.

Томная весна тогда была в лицо запахом распускавшейся сирени, голову пьяно вело от прикосновений неопытных рук, и Ульяне отчаянно захотелось стать наконец взрослой, свободной и решительной. Никаких особых чувств Саша, как звали того рыжеватого долговязого паренька, в ней не вызывал. Но непривычность, новизна происходившего с ними доставляла настоящий восторг. Они разошлись через пару месяцев, насытившись друг другом и редкими свиданиями в Улиной комнате, когда родителей не оказывалось дома.

Худой до истощения, Рэм ничем не походил на бледного, с россыпью коричневых веснушек на спине Сашу. Смуглая кожа обтягивала выступающие ребра, впалый живот напрягался в такт дыханию, а широкие брюки на острых костяшках бедер удерживал только крепкий узел ремешка. Взлохмаченный, сонный, Рэм чуть наклонил голову и молчал, ожидая чего-то. Уле понадобилась пара мгновений, чтобы понять, как глупо она замерла и как не вовремя, неуместно это сейчас.

– Привет, – пробормотала она, протягивая телефон.

Рэм не шелохнулся, продолжая стоять, прислонившись виском к косяку двери. В нем что-то неуловимо изменилось: мертвецкая бледность чуть отступила, смуглые щеки подернулись румянцем, а потухшие было глаза, так загнанно глядевшие из угла белоснежной комнаты, заинтересованно блестели на пусть осунувшемся, но живом лице.

– Что это? – спросил он.

– Телефон. Возьми, там сообщение, я не понимаю... – Уля беспомощно разжала ладонь. Трубка осталась лежать в ней, Рэм лишь перевел взгляд с Улиного лица на руку – ту, что была наспех перевязана бинтом. – Что вообще вчера случилось? Как я оказалась дома? И татуировка... Зачем она?

– Вчера началась твоя игра, – криво ухмыляясь, процедил Рэм. – Мы с Толей привели тебя обратно, боюсь, что у соседок осталось много вопросов. А сообщение... Видимо, там первое задание.

– Задание? Там ерунда какая-то. – Уля перешла на громкий шепот. – Стишок, считалочка, я ни черта не поняла.

– Не черти, – поморщился парень. – Это описание предметов, нужных Гусу.

Уля замерла, повторяя про себя отпечатавшиеся в памяти строчки.

– Смертью, брошенной напоказ... – Она подняла глаза на Рэма. – Это раз.

Тот улыбался колко и зло.

– Все так.

– Нет, подожди. Я должна принести ему три подарочка. При чем здесь глупые загадки? – Ульяна почувствовала, как по спине начинает струиться холодный пот.

Что-то шло не так. Она подписала договор, не прочитав строчки мелким шрифтом. И теперь уже ничего не изменить. Жалкая подпись чернилами на бумаге – ничто по сравнению с вьевшейся в кожу краской, которая зудела и пульсировала на запястье напоминанием о данном согласии. Рэм, не сводивший с Ульяны взгляда, вдруг потянулся, разминая плечи, пятерней взлохматил и без того спутанные волосы и едко осклабился.

– Три вещи, связанные с чьей-то гибелью? О нет, для Гуса это было бы слишком легко, слишком скучно. Ему нужно лишь то, чего он по-настоящему желает. Что-то связанное с гибелью, брошенной напоказ, например.

– И что это значит? – чуть слышно выдавила Ульяна, чуя, как сжимается от дурного предчувствия горло.

– Без понятия. – Рэм пожал плечами, на одном из которых явственно виднелся круглый глубокий шрам, похожий на старый ожог. – Это твоя игра, не моя...

Он замолчал, и пока это молчание длилось, захлестывая ошеломленную Улю, где-то в конце коридора, в холодной, сырой комнате все капала и капала вода. Кап. Уля судорожно вдохнула. Кап. Шумно выдохнула. Кап. Рэм хищно растянул губы в улыбке. Кап. И наконец сказал:

– Старик послал меня помочь тебе научиться. – Уля дернулась, подалась вперед, не веря услышанному. – Разобраться, как находить искомое. До начала лунного месяца шесть дней, этого должно хватить... Наверное.

– Ты сможешь мне? – прошептала она, сжимая во влажной ладони телефон. – С этим всем? С игрой?

Потеплевший было взгляд Рэма мигом стал ледяным.

– Мне нет дела до твоей игры. Запомни это хорошенько. Никто не станет вмешиваться в дела Гуса. Но пока он поручает мне возиться с тобой, я буду. Поняла?

Ульяна кивнула. На тотальном безрыбье среди желающих протянуть ей руку помощи, по своей ли воле или нет, даже мрачный Рэм, вечно готовый оттолкнуть ее еще дальше, чем она сама от него держалась, выглядел достойной компанией.

– Хорошо. – Парень порылся в кармане, доставая серую коробочку телефона. – Сейчас полвосьмого утра... я зайду за тобой к десяти, будь готова.

Он бросил на Улю последний взгляд, задержав его на завернутом в бинт запястье.

– Подержи под холодной водой, так опухает меньше... – и закрыл дверь.

Ульяне оставалось только направиться к себе, по дороге столкнувшись с Натальей, – та в полудреме брела на кухню, напевая под нос надоедливый попсовый мотивчик.

– Доброе утро, – пробормотала Уля, прижимаясь к стене, чтобы протиснуться мимо грузной женщины.

Та вздрогнула, посмотрела на грязные следы, оставленные на вымытом Оксаной полу, и с оглушительным хохотом скрылась за дверью. Ульяна успела разглядеть, что в руке Наталья сжимала плетеную авоську с парой крепких капустных кочанов. Час отвратительно пахнувшего варева почти настал.

Ульяна вошла в комнату и прикрыла за собой дверь. Спать не хотелось. Рука зудела, от запястья к плечу бежали колючие мурашки. Не снимая ботинок, она прошла к небольшому умывальнику, которым никогда и не пользовалась, боясь, что ржавое корыто отвалится от стены при первом же прикосновении. Кран продолжал капать: мерно, монотонно, равнодушно. Ульяне вспомнилось, что в далекие времена такой была извращенная китайская пытка: холодные капли падали вниз, прямо на макушку связанного человека, сводя несчастного с ума. А теперь потекший кран лишал остатков рассудка ее саму.

Вода хлынула мутным потоком, стоило только повернуть винт в сторону. Слив давно забился, потому раковина быстро наполнилась до краев. Ульяна осторожно, чтобы не закричать, размотала бинт и опустила пылающее запястье в воду.

Сквозь ржавую взвесь кожа выглядела смуглее, а вязь из тонких веточек и листьев, напротив, чуть померкла, и так, без красноты опухшей кожи, татуировка казалась даже красивой. Было что-то притягательное в переплетении штрихов – осторожных, травяных, превращавшихся в полынную ветвь, неотличимую от настоящей.

«Интересно, – подумалось Уле, – а что бы о ней сказала Вилка?»

Мысли о подруге, которую она не видела последние три года, были совсем некстати. Они обнажали в душе то, что следовало спрятать, изжить, прогнать прочь. Они были первым шагом к мыслям о маме, доме, а значит, и Никитке. Обо всем утраченном, сломанном и прогнившем в жизни Ули. О том, что можно было бы попробовать вернуть, не будь в ней полыни. Той самой, чья веточка теперь плотно сковывала запястье.

– Смертью, брошенной напоказ, – пробормотала Ульяна, наблюдая, как расходится кругами вода в старом умывальнике. – Я найду такую смерть. Я любую найду, только бы это закончилось.

В десять Рэм коротко постучал, но, когда Уля, поджидавшая его последний час у порога, распахнула дверь, парень уже скрылся в полутьме коридора. Он больше не сутулился, не вжимал голову в плечи, и куртка перестала казаться взятой напрокат. Ульяна проводила его взглядом, натянула парку, завязала покрепче шарф и поспешила следом, вниз по лестнице, пропахшей котами, прочь от двора в сторону оживленной улицы.

– Куда мы идем? – сбивчиво спросила она, нагоняя решительно шагающего Рэма.

– Просто идем, не отставай.

– Не люблю этот район... Тут слишком много...

– Людей? – Рэм повернулся к ней. – Ты боишься их?

– Не их. Люди обычно и не замечают меня. – Уля растерянно улыбнулась. – Я боюсь, что это снова случится...

– Плохо. Ты не должна бояться того, что выбрало тебя. Отметило своей. Иначе в чем смысл?

– Хотела бы я знать, есть ли он вообще.

Рэм хмыкнул и пошел дальше, уверенно лавируя между спешащими прохожими. Дойдя до перекрестка, он свернул в сквер, уныло мокрый под оголившимися деревьями, мрачный и серый, как все вокруг.

– Садись. – Парень кивнул в сторону лавочки.

Уля послушно присела на самый краешек. Куртка тут же отсырела.

– Дай мне свой шарф. – Рэм требовательно взмахнул рукой, и пока Ульяна не развязала крепкие узлы, продолжал нависать над ней с протянутой ладонью.

Мимо прошмыгнула стайка подростков – яркие рюкзаки на фоне серости сквера казались пятнами разлитой краски. Уля не могла отвести взгляда от их шумного мельтешения. Вот один, светловолосый, в мешковатой куртке цвета хаки, толкнул второго, одетого в дождевик, и оба они громко засмеялись, пихаясь острыми кулачками. Сколько им было? Лет по одиннадцать, наверное. Никитка еще не стал бы таким, но топтался бы на самом пороге шумного зала, забитого этими быстрыми, громкими и угловатыми мальчишками.

Сердце предательски сжалось. Давно Уля не позволяла себе вот так сидеть в сквере, полном опасностей, полном людей – живых, разговорчивых и смеющихся. Там, где легко можно встретить толкающуюся ребятню и захлебнуться ужасом потери, с которой никак не желало мирить ее время.

Рэм что-то говорил, когда Ульяна медленно, через силу, отвела взгляд от мальчишек, поэтому резко померкший перед глазами свет ее напугал. Она дернулась в сторону, чувствуя, как краешек скамейки перестает быть опорой, и упала бы в самую грязь, если бы жилистые руки не подхватили ее, усаживая обратно.

– Тихо, тихо, – шепнул Рэм, пристраиваясь рядом.

– Что ты делаешь? – Уля попыталась вырваться, но он крепко прижал ее к себе.

– Пытаюсь тебе помочь. Когда человек лишается одного источника чувств, другие начинают работать еще острее. Зрение помешает тебе сейчас. Да не дергайся ты!

Его пальцы впились в рукава куртки, Уля ничего не видела, колючий ворс шарфа больно царапал лицо, она представила, как странно они сейчас смотрятся со стороны. А если она закричит, как отчаянно того хочется, то проблем и вовсе не оберешься. Потому Ульяна шумно выдохнула, чтобы успокоиться, и обмякла, позволяя Рэму обнять себя за плечи.

– Вот так, молодец. Если кто-нибудь пройдет мимо, подумают, что мы – очередная странная парочка, которой негде приткнуться, а

лишние вопросы нам ни к чему. Договорились?

Уля коротко кивнула.

– А теперь слушай. – Чуть хрипловатый голос Рэма раздавался у самого уха, его дыхание – горячее, с привкусом табака – обжигало щеки. – Ты должна почуять полынь. Я знаю, что ты ее боишься, но сейчас она – твой единственный друг и помощник. Позволь ей стать частью тебя. Разреши указать путь.

Он замолчал, подбирая слова, и в этом молчании Уля различила сомнение, будто бы Рэм и сам до конца не верил в то, что так горячо ей шептал.

– Что она вообще? Эта полынь? – Вопрос давно вертелся на языке, и теперь, когда Ульяна не могла видеть ничего, кроме теплой вязаной тьмы взамен острого насмешливого взгляда Рэма, задать его было проще.

– Она... Она запах страха самой смерти. – Уля почувствовала, как напряглись крепко обхватившие ее мужские руки. – Умиравший от старости почти не пахнет полынью. В нем нет того неизбежного ужаса жертвы, попавшей в капкан. – Тяжелые слова падали с губ Рэма, и Ульяна почти видела, как те кривятся в болезненной судороге. – Этот страх нам и нужен. Впусти его в себя. Раскройся. Позволь тому, что мечено в тебе, взять верх. Не бойся, не сопротивляйся, вдыхай.

И Уля, замороженная этим горячим, настойчивым шепотом, вдохнула сырой воздух сквера. Мимо шли люди. По их шагам – тяжелым, чуть слышным, шаркающим, спешащим, неровным – сложно было понять, кто именно проскальзывает мимо скамейки, на которой так тесно сплелась телами молодая парочка в поношенных куртках. Воздух пах гнилой листвой, чьим-то парфюмом, мокрым асфальтом – чем угодно, но не полынью. И в первый раз это не обрадовало Ульяну.

– Ну же, – повторил Рэм. – Все несут в себе страх. Каждый чего-то боится. Особенно смерти. Страшно тебе – страшно им.

– А чего боишься ты? – чуть слышно спросила Уля, убаюканная теплом непривычных объятий.

Рэм чуть заметно отстранился.

– Не отвлекайся. Ты понимаешь, о чем я говорю?

Уля понимала, конечно, понимала. Она чувствовала постоянный страх уже много лет. Он покрывал ее тело тонкой пленкой, путал мысли, бежал по венам вместе с кровью. Ее собственный страх. И

страх чужой. Ее проклятие и чужая гибель. Но как различить его сейчас, когда глаза плотно завязаны кусачим шарфом? Полынь еще не приходила первой. Она медленно настигала Улю в миг, когда все уже свершилось. Чужие глаза встречались с ее, и гибель разворачивалась полотном, замедляя время. Это и было царством полыни – горьким, явственным, всеобъемлющим. Здесь же не было глаз, а лишь тьма да тепло незнакомого тела, к которому так решительно прижимали Улю чужие руки.

Уля попыталась высвободиться. Рэм чуть ослабил хватку. Она нащупала конец шарфа и потянула за него, стараясь прервать внезапный плен слепоты, но Рэм отвел ее ладонь в сторону.

– Нет. Так ты не увидишь то, что я пытаюсь тебе показать.

– Я вообще ничего не вижу!

– Потому что ты не слушаешь. Ты борешься с полынью, до сих пор борешься. Но битва была проиграна тобой уже тогда, когда это случилось впервые. – Рэм говорил отрывисто и зло. – И если ты не примешь поражение, то проиграешь снова. Только теперь верх над тобой возьмет Гус.

– Отпусти. – Уля забилась в его руках, паника тяжело всколыхнулась внутри подобно плотной воде, готовой вырваться из оков льда.

– Ты боишься. Полынь наполнила тебя до краев, а ты пытаешься бороться с ней. Зачем? – Рэм не отступал, его лицо было совсем рядом с Улиным, его голос проникал в голову, прогоняя мысли и заменяя их своими.

– Я не хочу, – жалобно проговорила Уля, чувствуя, как слезы впитываются в вязаное полотно шарфа. – Отпусти меня.

Ей казалось, что еще секунда в тесных объятиях, больше похожих на плен, – и она сделает шаг в никуда, а вернуться оттуда уже не выйдет. Голос Рэма толкал ее, но силы на сопротивление еще оставались в бешено мечущемся сердце.

– Если я сейчас уйду, больше никто не возьмется тебе помогать, понимаешь ты это? – прошипел Рэм, впиваясь пальцами в ее запястье, и то откликнулось ослепительной болью.

Уля дернулась изо всех сил, затылок врезался в скулу парня, и тот наконец разжал руки. Она вскочила, откидывая в сторону шарф. Свет

больно ударил по глазам. Рэм сидел на скамейке, потирая щеку ладонью.

– Не нужно делать вид, что ты лучше меня, – зло выкрикнула Ульяна. – Это ты служишь Гусу, а не я. Значит, ты уже проиграл, да? – Лицо Рэма стремительно бледнело. – Так почему я должна тебя слушать? Мне не нужна твоя помощь, понял? Я сама со всем разберусь. Иди, принеси ему тапочки, или чем там еще занимаются слуги? А меня не трогай. Никогда больше!

И, не глядя в миготавшие потухшие глаза Рэма, Уля понеслась прочь, расталкивая прохожих, до самого дома. Когда дверь ее комнаты с шумом захлопнулась за спиной, она поняла, что злые слезы продолжали течь по лицу, царапины от шарфа больно саднили, вторя пульсирующему запястью. В комнате разливалась сонная тишина. И только кран равнодушно капал, продолжая играть в китайскую пытку.

Кап. Рэм больше не станет ей помогать, это Уля знала с полной уверенностью. Кап. До начала лунного месяца, когда странная игра Гуса начнется по-настоящему, оставалось шесть дней. Кап. А впрочем, уже пять. Кап. Как разобраться со всем этим в одиночку, оставалось вопросом. И, кажется, неразрешимым.

Ноги сами тебя приведут

– Ну где же ты? – шептала сквозь зубы Уля, продолжая искать злополучный вентиль в темноте шкафчика, скрытого под раковиной.

Она не могла больше слушать, как мерно капает вода. Каждая капля била прямо в оголенный комок нервов, которым стало ее измученное нутро. Ржавый кран нашелся в самом углу, среди подгнивших тряпок и пустой упаковки моющего средства.

Вода в последний раз звонко ударилась о дно умывальника. И воцарилась тишина. Уля с наслаждением выдохнула, но долгожданного покоя не случилось. Раздражение, помноженное на усиливающуюся с каждой минутой тревогу, мешало сидеть на месте.

Рэм все еще не вернулся. Уля то и дело подходила к двери и вслушивалась, не раздадутся ли в прихожей его шаги. Мимо сновала Оксана, то вытирая пол, то злобно переругиваясь с пришедшим на обед мужем. Рэма не было.

Только скрывшись в комнате, ускользнув от стремящейся прорвать внутренние заслоны полыни, Уля поняла, как много лишнего сорвалось с ее губ. Рэм и правда старался помочь. Пусть это и не было его собственным решением, но он пытался объяснить что-то очень важное. Отталкивать его было глупо и нечестно. Но что поделать с собой, забывшей, каково это – вести разговор с кем-то, кроме бесконечной череды соседей по коммуналкам?

Перед глазами встало побледневшее от обвинений лицо Рэма. Уля сморщилась, пытаясь его прогнать, но совесть неприятно шевелилась в груди потревоженным зверем. Нужно было извиниться. Как можно скорее. Как получится искренне. Но Рэм не возвращался.

Теперь уже тишина начала выводить Улю из равновесия. Она потопталась у порога, вслушиваясь, не откроется ли входная дверь, не проскользнет ли внутрь захламленного коридора Рэм. Не открылась. Не проскользнул.

Уля решительно вышла в прихожую, на ходу просовывая руки в куртку. Она не знала, куда идет. На улице тоскливо накрапывал дождь. Мокрые стволы деревьев темнели на фоне серого неба. Ульяна

растерянно огляделась. Идти было некуда, и она, давая волю ногам, бездумно зашагала куда глаза глядят.

Первый же попавшийся на ее пути прохожий пристально посмотрел ей в лицо, почти не моргая, цепко и напряженно. Нужно было самой отвести взгляд, уткнуться в заляпанные грязью ботинки и пройти мимо. Но Уля этого не сделала. Что-то все же успело измениться в ней, пока она сидела на скамейке рядом с Рэмом – слепая, не слышащая ничего, кроме шепота. Полынь все еще пугала ее, пугала до смерти, но мысль о бесполезности борьбы прочно осела в сознании. Потому Ульяна решительно ответила на взгляд незнакомого мужчины и, пока он не скрылся за поворотом, смотрела на него с явственным вызовом.

Полынь не пришла. То, чего так отчаянно боялась Уля, не свершилось. Воздух пах сыростью и осенней улицей. Никакой потусторонней горечи. Ничего такого.

Но вместо облегчения Уля почувствовала досаду. Как ей играть по правилам Гуса, если полынь решила спрятаться? Что делать, если она не покажется даже слабым отголоском весь этот месяц? Как тогда отыскать в шумящей бескрайней Москве три вещицы, что сойдут за подарочки для Гуса?

Вопросы захлестывали Ульяну подобно штормовым волнам, пока она шла, не разбирая дороги. Ноги сами привели ее к станции, повторяя изученный до последней выбоины маршрут. Не думая, зачем это делает, Уля купила билет до конечной, прошла на перрон и, сев в электричку, прижалась лбом к запотевшему стеклу. Люди проходили мимо, усаживались на твердые сиденья, перебрасывались фразами, читали книги, дремали, уронив голову на грудь. И в каждом Ульяна пыталась различить полынь. Но той не было, будто и не бывало никогда прежде. Уля ловила чужие взгляды, а после прикрывала глаза и силилась услышать зов полыни, почуять горький запах, поддаться ему, как учил Рэм. Не выходило. Мир вдруг стал совершенно обычным. Плотным, реальным, вещным.

Еще вчера Ульяна могла только мечтать о таком. Она ввязалась в игру, чтобы реальность перестала походить на бред сошедшего с ума наркомана. Кто же знал, что желание сбудется так быстро и так некстати?

Когда электричка, шипя и покачиваясь, добралась до вокзала, Уля уже стояла в тамбуре. Тревога медленно, но неотвратимо перерастала в предчувствие большой беды. Мимо лились потоки людей. Каждый нес в себе страх смерти, теперь Ульяна знала это наверняка. Знала, но не чувала.

Подхваченная толпой, она покорно спустилась вниз по скользким ступеням перехода, встретила глазами с равнодушной отекающей теткой, которая куталась в фирменный бушлат и проверяла билеты на выходе. Та скользнула по Уле взглядом и пропустила. Терминал опять не работал, пассажиры толпились, переругиваясь. Все они чего-то боялись, не могли не бояться. Но полынью не пах никто.

Ульяна не знала, куда она едет. Просто брела, позволяя ногам нести ее по переходам, вбегать в отправляющийся поезд, стоять в углу, с трудом удерживаясь от падения, шагать по эскалаторам. А сама все это время жадно ловила чужие взгляды. Карие глаза менялись серо-голубыми. Темные с восточным разрезом – двумя блестящими изумрудами в золотую крапинку. Окрашенные в странные цвета линзами – водянистыми старушечьими глазами. Дети, мрачные мужики, пьяные подростки, парочки, целующиеся у поручней. Ни один из них не откликнулся на Улин полынный зов.

Поднимаясь по эскалатору, она всматривалась в каждого, кто ехал навстречу. Втягивала воздух, пробовала его на вкус. Все запахи метро смешались в один – не полынный. Совсем. Совершенно. Горькая трава, изводившая Ульяну целых три года, поняла, что та сама ищет с ней встречи, и затаилась.

Думая так, Уля вышла из дверей метро и наконец огляделась. Ветер протащил по асфальту кусок смятой газеты. Люди выскакивали наружу и устремлялись в разные стороны: кто к маршруткам, кто – через аллеи – к домам. Ульяна знала номера рейсов этих автобусов. Да и домов, кучкой высившихся над облетевшим сквером, тоже. Это был ее район. Место, которое отобрала полынь. Улица, на которой стоял ее дом. Дорога, где погиб Никитка.

Ульяна постояла немножко, всматриваясь в тонущие в тумане здания, а потом решительно встряхнула головой. Терять было нечего. Она подошла к киоску, от которого головокружительно пахло свежесваренным кофе. В одном кармане приятно звенела мелочь, в

другом плотным валиком лежали купюры Гуса. Экономить смысла не было. Особенно если полынь не появится больше.

– Капучино, пожалуйста. Большой, – проговорила Уля в окошко, как делала сотни раз.

Бариста улыбнулся ей, подхватывая из высокой стопки картонный стаканчик. Машина заурчала, вспенивая молоко. Уля с наслаждением наблюдала за точными красивыми движениями. Когда в ее ладонь лег теплый стаканчик, она вдохнула аромат и с трудом сдержала стон.

Как просто оказалось вернуться, будто она в самом деле собиралась идти по знакомой аллее туда, где ждут мама и брат. Но дома ее никто не ждал. Этого не исправить стаканчиком кофе.

Мелодичный голос баристы заставил Улю взять себя в руки.

– Вы орешки забыли.

– Да, спасибо, – рассеянно ответила она, забирая коробочку фундука в шоколаде.

Какое несчетное количество раз студенческие дни заканчивались именно так? Они с Вилкой выбирались из метро, брали кофе и шли в сторону дома, хохоча и перекидываясь шуточками. Врученных в подарок орешков хватало как раз до подъезда. Но парочку Уля всегда оставляла Никитке и украдкой совала их в мальчишеский кулачок. Дома сладкое было под строгим контролем. Мама не хотела, чтобы у сына испортились зубы.

– Потом всю жизнь будет с ними мучиться, если не уследить, – говорила она, любовно поправляя сыну отросшую челку.

– Так у него же молочные, ма, – вступалась Уля, но мама и слушать не хотела.

– Сейчас привыкнет как правильно – не испортит коренные.

Если бы она знала, что не будет этих коренных зубов, разрешала бы сыну хватать пригоршнями вредные сладости? Не одергивала бы его, заигравшегося перед сном? Слишком громко хохочущего на улице, отказывающегося есть вареную рыбу? Обнимала бы его чаще? А может, решила бы и вовсе не рожать?

От этих вопросов Уле захотелось упасть на землю прямо тут, у метро, и долго рыдать, захлебываясь и вздрагивая всем своим существом, так истошно, чтобы мама услышала ее плач и пришла, и рухнула рядом, готовая кричать, срывая горло и разделяя боль, которая никогда не пройдет, пополам с дочерью. Но три года научили Ульяну

терпеть. Она поморщилась, прогоняя иголки, засевшие глубоко внутри, и пошла по аллее, осторожно прихлебывая обжигающий кофе.

Когда до дома оставалось всего полквартиры, Уля замедлила шаг. Все кругом казалось ей знакомым, но чуть иным. Заборчики у тротуаров покрасили в другой цвет, на первом этаже дома открылся новый супермаркет, а парочку гаражей-ракушек смели – на их месте выросла стройка, огороженная сеткой. Засмотревшись на неоновую вывеску салона красоты под странным названием «Изгибы», где ей однажды отрезали челку, да так, что это стало настоящей трагедией на целую школьную четверть, Уля не сразу поняла, что раздавшийся за спиной вежливый голос обращается к ней.

– Разрешите?

Дорожку заливал дождь, и Уля, медленно бредущая по кромке огромной лужи, заслоняла собой весь проход. Она посторонилась, уступая место. Длинноногая красотка в кожаной куртке и ковбойских сапогах, почти целиком закутанная в клетчатый шарф, больше похожий на плед, ловко проскользнула мимо. Роскошные локоны скрывали спину. За руку она держала высокого блондина в строгом пальто.

К горлу подкатил новый ком. По тому, как красотка откидывала волосы назад, как прищелкивала пальцами в воздухе, как смешно чуть подпрыгивала, ускоряя шаг, Уля сразу поняла, кто перед ней. И когда парень, не успевая за стремительной спутницей, засмеялся и окликнул ее, имя, прозвучавшее в осеннем воздухе, не выбило дух, а лишь заставило сердце болезненно сжаться.

– Ну, Вилка, ты чего как угорелая! погоди, а...

Ульяна знала, что можно прямо сейчас позвать бывшую подругу, и, как бы она ни изменилась, из бывшей та сразу станет нынешней, настоящей, лучшей.

Но Уля слишком долго играла с полынью в прятки. И теперь чем-то новым в себе, особым чутьем поняла: в глазах Вилки увидится смерть, та самая, что так старалась Ульяна отыскать весь этот день, с горьким травяным запахом ужаса. Рано или поздно. Так или иначе. Но увидится.

Имя Вилки застряло в горле. Уля проглотила его, провожая взглядом спешащую парочку, допила кофе – остывший, безвкусный – и свернула к метро.

До дома она добралась в тяжелых осенних сумерках. Двор уже светился окнами: маяками для тех, кого ждут, кому готовят ужин, греют тапочки, обеспокоенно звонят, чтобы услышать голос, увериться, что беда обошла стороной.

Уля на них не смотрела. Она чувствовала себя опустошенной. Весь день бесцельно слоняться по городу, чтобы позволить себе прийти туда, где так легко оказалось встретиться с прошлым. Прийти, чтобы отыскать полынь. Сколько дней она еще будет мучиться поиском вслепую? Как обойти внезапный заслон, прячущий страх чужой смерти от ее глаз? Или стоит прислушаться к Рэму и закрыть их, ослепить себя, чтобы прозреть? Об этом ведь шептал он, прижимая ее к себе?

Горячие объятия – неожиданные, властные, злые – слишком часто всплывали в памяти. И это сбивало с толку еще сильнее. Все пути вели Ульяну к Рэму. С ним нужно было говорить, у него просить совета. Потому Уля ускорила шаг, пронеслась по лестнице и шагнула за порог квартиры.

Дверь в комнату Рэма оставалась плотно закрытой, из-под нее не виднелся свет, с той стороны не доносилось ни звука. Уля заглянула в кухню. Там, устроившись на табурете, сидела Наталья и задумчиво копалась ложкой в кастрюльке, поставленной на краешек стола. Запах капустного варева щедро разливался по всей квартире.

Уля на секунду встретилась с пустыми, равнодушными глазами соседки и поспешила скрыться в коридоре. Она успела вставить ключ в замок, когда в ее спину уперся чей-то палец.

– Эй, девка. – Визгливый голос Оксаны было ни с чем не перепутать. – Это ты на полу следишь?

Уля медленно развернулась. Свинячьи глазки соседки буравили ее, готовые прожечь дыру.

– Я знаю, что ты. Напилась, мужики тебя притащили... Все грязные, нечесанные... а мне мыть! За космы бы тебя да об пол. Поняла? – Оксана задыхалась от гнева и одышки, но продолжала трясти пухлой ладонью. – У меня ребенок, тут должна быть чистота, поняла? – И вдруг завопила, хотя в глубине души Уля была согласна с ее доводами и спорить не собиралась: – Стерва! Курва! Я пол мою, а она следит! Убью! – Оксана уже упиралась в Улю обширным бюстом,

прижимая ее к стене, когда свет, льющийся из кухни, заслонила грузная фигура.

– Это я, – равнодушно пробурчала Наталья.

– Чего говоришь? – спросила Оксана, продолжая наступление.

– Это я, говорю, наследила. – Высокая, широкоплечая, похожая на охранника в супермаркете женщина нависла над соседками, оказавшись на две головы выше их обеих. – Я. Вышла и наследила. Чего теперь? Это пол. По нему... ходят.

Оксана шумно сглотнула, бросая испуганный взгляд через плечо, оторвала бюст от Ули и попятилась к двери.

– Ну наследила и наследила... Чего уж, – залепетала она. – Я помою. Иди себе... Кушай.

Наталья довольно кивнула и скрылась за косяком двери. Табурет под ней жалобно скрипнул. Уля проводила соседок испуганным взглядом, не зная, что делать дальше. По-хорошему, нужно было спрятаться у себя и не выходить пару дней, пока стычка не забудется. Но сбегать вот так, не поблагодарив спасительницу, было неловко. Потому Уля опасливо шагнула к кухне.

– Спасибо, – пробормотала она в спину, укутанную грязно-синей накидкой, – точно самодельной, связанной криво, с большими дырами.

– Будешь? – сев вполоборота, спросила Наталья и протянула тарелку, на которой с горкой лежало капустное варено.

Запах стал почти невыносимым. Но отказать сумасшедшей соседке, пришедшей к тому же в период активности, было откровенно страшно. Потому Уля растегнула куртку и покорно уселась на свободный табурет. Плошка приятно согревала ладони. Стараясь не смотреть на Наталью, Ульяна подковырнула вилкой разваренный кусочек и отправила в рот. Ей понадобилась пара мгновений, чтобы понять: все не так плохо. Кроме тушеной капусты в вареве точно были крахмальные крупинки риса, кусочки мяса и даже какие-то специи.

Ульяна удивленно подняла глаза. Наталья смотрела на нее, довольно улыбаясь.

– Вкусно! – благодарно протянула Ульяна.

– Ленивые голубцы. – Улыбка соседки становилась все шире.

– Это так называется?

– Ленивые голубцы, – настойчиво повторила женщина и начала смеяться. – Мы с тобой ленивые, как голубцы. Она пол моет, а мы

ходим! – Наталья уже вовсю хохотала, хлопая себя по колену. – Мы-то его нет... а она! Ой, не могу. – И, резво вскочив на ноги, подхватила кастрюльку. – Ну, бывай.

Ее тяжелые шаги раздались по коридору, хлопнула дверь, и воцарилась тишина. А Уля долго еще сидела в кухне, ковыряясь в разваренных кусочках капусты. Нужно было собраться с силами и встать, уйти к себе, переодеться, залезть в душ, смыть с себя эти странные дни и наконец решить, что же делать дальше.

Когда в коридоре раздался металлический скрип ключа в замке, Уля допивала чай, всматриваясь в промозглую темноту за окном. Повешенные Оксаной прозрачные шторы, все в мелких капельках жира, вздулись на сквозняке, который потянул из распахнутой входной двери. Ульяна вскочила на ноги, щеки мигом запылали. Как давно ей не приходилось извиняться! Она просто забыла, как это делается. Какие слова подобрать для и без того враждебно настроенного парня, чтобы он согласился ей помочь?

Уля осторожно выглянула из двери кухни. В коридоре было темно. Рэм возился там, копаясь ключом в замке своей комнаты. Но ничего не получалось. Связка постоянно падала на пол, Рэм наклонялся за ней, медленно, через силу, чтобы спустя мгновение снова выпустить их из пальцев.

Он втягивал голову в плечи, скособоченный, какой-то поломанный, даже избитый. Уля подошла ближе, и в нос ударил тяжелый запах больного тела.

– О господи, Рэм! – не сдержалась она, подхватывая его за локоть, когда он начал сползать по стене. – Что с тобой случилось?

– Уйди, – прохрипел он, но, чтобы оттолкнуть Улю, нужны были хоть какие-то силы.

Потому она решительно вырвала из его влажных пальцев ключи, щелкнула замком и распахнула дверь. Серый полинявший коридорчик ничем не отличался от ее собственного. Уля помогла Рэму подняться и втащила его внутрь – ноги совсем не слушались. Он стонал, сжимаясь от каждого движения, и рухнул бы навзничь, отпусти Уля его хоть на секунду.

В темноте они добрались до низкого топчана, и Уля осторожно усадила Рэма, прислонив его спиной к стене. Судорога боли прошла по худому телу. Он всхлипнул и затих, устало прикрыв глаза.

Ульяна просто не знала, что делать. Рэму было больно, мучительно, почти невыносимо. Как помочь? Чем облегчить страдания? Руки дрожали, мысли метались в голове.

– В сумке... Таблетки... – прохрипел Рэм, не поднимая век. – Дай.

Уля метнулась в угол, где распахнутой валялась спортивная сумка со сломанной молнией. Носки вперемешку с футболками, старые книжки с вырванными листами, пара теплых, но изношенных свитеров и, наконец, хрустящий кулек болеутоляющего. Ульяна пробежала по коридору в кухню, плеснула в чашку воды из-под крана и вернулась назад. Рэм успел стянуть куртку – теперь она лежала на полу – и завалился на бок, уткнувшись лицом в подушку.

– Держи, – прошептала замершая перед ним Ульяна.

Рэм дернулся, но подняться не смог. Уля, сама не зная, что именно вселяет в нее такой обездвиживающий страх, протянула руку и прикоснулась к его плечу. Он застонал еще сильнее, подался вперед и оторвал лицо от дивана.

– Помоги встать...

Уля присела рядом, потянула его плечи к себе, и Рэм навалился на нее всем телом. Через тонкую ткань рубашки она почувствовала, как бугрится его кожа: казалось, вся спина была испещрена старыми шрамами, глубокими, как устья высохших рек. Но еще утром она видела его тело – обнаженное, красивое, гладкое, пусть и изможденное нелегкой жизнью. Разве может такое быть?

Рэм тем временем проглотил три сероватых таблетки и затих. Все, что оставалось Уле, – чуть откинуться назад, позволяя ему устроиться поудобнее. Время замерло. Тишина прерывалась лишь редкими стонами да дыханием Рэма, которое становилось все спокойнее и глубже. Он больше не дрожал, тело расслабилось, навалившись на Улю теплым, податливым, живым весом. Та не заметила, как и сама задремала, продолжая легонько поглаживать его плечо.

Они очнулись почти одновременно, когда за окном забрезжил первый свет. Рэм завозился, приходя в себя, и сразу вскочил. Уля открыла глаза, не понимая, почему перед ней стоит помятый парень, ощупывающий себя через ткань рубашки. События прошедшей ночи возвращались в память рывками, и Уле вдруг стало неловко. Они провели ночь, сплетаясь телами, пусть одно и было одурманено лошадиной долей лекарства.

– Ты как? – сипло спросила Уля, прикладывая все усилия, чтобы голос звучал равнодушно.

– Уже лучше. – Рэм потер ладонью лицо. – Мне нужно было... прийти в себя. Теперь все хорошо.

Он смотрел выжидающе, поэтому Ульяна поспешила подняться с топчана, одергивая помятую футболку.

– Я испугалась за тебя, – пробормотала она. – Что все-таки случилось?

– Не слишком удачный вечер. – Он хмыкнул. – Спасибо, что не бросила на полу. Вот крику бы утром было.

– Ерунда, но я так и не поняла, что с тобой... Тебя избили?

Рэм помолчал, подбирая слова, но все-таки ответил.

– В некотором роде да. Я же говорю: все уже хорошо. Спасибо.

От вынужденной близости, что связала их прошлой ночью, не осталось и следа. Уля смущенно кашлянула, прочищая горло, и, сделав над собой последнее усилие, проговорила:

– Вообще, я ждала тебя вчера. Хотела извиниться. За то, что наговорила в сквере.

Рэм вскинул на нее глаза – было в них что-то еще, кроме усталой враждебности. Облегчение? Уле показалось, что именно так.

– Ерунда. Забудь. – Он говорил рублеными фразами и чуть заметно покачивался.

Как бы он ни храбрился, но прошедшая ночь еще была по нему отголосками тупой приглушенной боли.

– И вот еще что... я готова учиться. – Уля ненавидела себя за этот жалобный, просящий тон, но ничего не могла поделать. – Если ты, конечно, не против... Но если так, то я пойму.... Ничего. Ты уже пытался, а у меня не вышло... Но я хочу попробовать, если ты... – Она вконец запуталась и замолчала.

– Да, хорошо. – Рэм поморщился и снова вжал голову в плечи.

Расстегнутая на верхние пуговицы рубашка оголила ключицу, которую пересекал глубокий шрам, на втором плече, где еще утром чуть заметно виднелся круглый ожог, теперь была язва, покрытая коростой. Уля испуганно округлила глаза, Рэм проследил за ее взглядом и тут же поправил ворот.

– Мне нужна пара часов... я зайду за тобой, хорошо? Попробуем снова, – буркнул он и направился к двери.

Ульяне ничего не оставалось, кроме как пойти следом. Когда она шагнула в коридор, уверенная, что дверь тут же захлопнется за ее спиной, раздался сиплый голос:

– Не бойся, у нас все получится. Я теперь у тебя в долгу.

Замок лязгнул всего на мгновение позже, но этого было достаточно, чтобы Уля ушла к себе, пряча в уголках губ давно забытую улыбку.

Сто тысяч мертвецов

Солнечный свет пробивался сквозь тяжелые тучи, отгоняя их от себя, и те, напуганные жаром, медленно пятились к горизонту, обнажая голубые прорехи безоблачного неба.

Уля утопала в мягкости кожаного кресла и щурилась от удовольствия. Они с Рэмом сидели у большого окна, выходящего на людную улицу, и пили чай из чашек, больше похожих на супницы. Янтарная жидкость просвечивалась сквозь тонкие фарфоровые бока, и Уля могла разглядеть, как медленно и плавно разворачиваются чайные листики на дне, как дрейфуют по кругу красные ягодки, кислые и терпкие на вкус.

Чай, как и саму кофейню, выбрал Рэм. Он уверенно прошел сквозь стеклянные двери, кивнул девушке у стойки и повел Улю в глубь зала, а она, миглом притихшая, покорно шла следом, улыбаясь сама не зная чему. Когда-то подобные заведения были ее стихией. Она сидела на мягких пуфиках, разглядывая чайную карту, а Вилка, которая могла съесть на ночь целую пиццу и не вспомнить об этом поутру, заказывала себе самый большой кусок шоколадного торта. Но все изменилось. И теперь Уле казалось, что ее скорее выгонят с позором, чем принесут заказ.

– Не жмись так, – шепнул Рэм, усаживаясь напротив. – В конечном счете ты поймешь, что знаешь о них всех куда больше, чем они о тебе. И станет легче.

– У нас есть чем заплатить? – Чашка чая по цене дневного рациона пугала нулями.

– Я угощаю. – Он стянул с плеч тяжелую куртку, подбитую мехом, и кинул ее на соседнее кресло. – Нам о многом нужно поговорить, а здесь днем почти никого не бывает.

– Могу понять почему, – буркнула Уля, но ворчать не хотелось.

Хотелось сидеть так, грея ладони о чашку с чаем, и смотреть на шагающих за окном – ведь кто будет разглядывать девушку, которая почти утонула в податливой мягкости кресла, за бликующим стеклом?

День складывался лучше многих предыдущих. Всю дорогу сюда Рэм молчал. В поезде он забился в самый угол. Уткнувшись

подбородком в грудь, в мешковатой куртке, растрепанный и мрачный, он походил на нахохлившуюся птицу, чудом вырвавшуюся из лап дворового кота. Но чем сильнее они удалялись от дома, тем расслабленнее казалась его фигура. Перед конечной он и вовсе оторвал взгляд от грязного пола и посмотрел на притихшую рядом Улю.

– Вначале зайдем попить чаю. Договорились?

Уля кивнула. Прошедшая ночь оставила после себя стойкий привкус неловкости, и та, как наждачная бумага, не давала расслабиться. Но Рэм определенно чувствовал себя лучше. Он все еще болезненно морщился при каждом движении, стараясь не дотрагиваться локтями до боков, но уже не валился с ног, что в свете последнего вечера казалось чудом. Не меньшим, чем его внезапное появление полуживым в коридоре общаги.

Откуда взялись эти шрамы и язвы, Уля не спросила. Она понимала, что Рэм не ответит, а только сильнее замкнется в себе. А его помощь, такая необходимая сейчас, была важнее праздного любопытства. Потому Ульяна молчала, к тому же собственная пульсирующая боль в запястье не давала ей заскучать. Рука то наливалась свинцом, то, напротив, становилась невесомой. Под узором пробегали мурашки, его жгло и морозило, но все это происходило где-то далеко. Болело, но не мучило. Напоминало о себе, но не мешало.

«Ну сколько можно удивляться происходящему? – подумала Уля и решила просто расслабиться. – Если я не вижу, значит, этого нет. Если я не обращаю внимания, значит, этого и не происходит вовсе».

По сути, это был единственный из доступных способов не сойти с ума еще сильнее. К тому же мягкое кресло было слишком удобным, а чай – сладким, чтобы ломать голову над тем, что не имеет ответа.

– Значит, ты хотел поговорить, – напомнила Уля, когда чашка опустела. – Перед тем как... все начнется.

Рэм, не отрывавший взгляда от улицы все время, пока они сидели в тишине, обернулся. Уля вдруг поняла, что никогда еще не видела его при свете солнца. Что солнце вообще ни разу не появлялось на небе с того момента, как то самое «все» взялось начинаться. Сумбурность этой мысли заставила Улю улыбнуться сидящему напротив. Тяжелая ночь отпечатавалась на Рэме, она выглядывала из ввалившихся глаз, блестела капельками холодного пота на бледном лбу, подчеркивала скулы и очертившийся еще грубее нос. Рэм надел водолазку, и ворот

скрывал отметины на его ключицах, но Уля помнила, что они там есть. А главное, Рэм знал, что она успела разглядеть их в полутьме комнаты, хотя это определенно не входило в его планы.

– Посмотри, – начал он. – Куда мы с тобой пришли?

– В кафе. – Его учительский тон казался Уле забавным.

Рэм поморщился.

– Это понятно. Куда мы вообще приехали?

– В Москву. Хотя я не понимаю зачем. В прошлый раз ты повел меня в сквер...

– И ничего не получилось. Но чем больше народу окажется рядом, тем легче тебе будет понять, что к чему.

– Мы будем ходить по улицам с завязанными глазами? Рэм, нас заберут. И будут правы.

– На улицы мы не пойдем. – Он кинул на Улю испытующий взгляд и вдруг улыбнулся, не зло и насмешливо, как обычно, а почти весело. – Там слишком много места, воздуха и возможностей убежать. Мы спустимся в метро.

– Здесь? – Ульяне сразу стало не до смеха.

Станцию трех вокзалов она не любила всегда. И когда была беззаботной студенткой – за постоянную грязь и вонь, и после, когда начала казаться себе такой же нечистой. Страх от потоков людей, устремляющихся из каждого вагона наверх, был еще сильнее брезгливости.

– Вот именно потому, что ты боишься этого места, мы сюда и приехали. – Рэм вытянул ноги под столиком и откинулся на спинку кресла. – Знаешь, сколько людей проходит здесь в сутки?

Уля отрицательно покачала головой.

– Наверное, много.

– Много. Больше ста тысяч. Вдумайся: сто тысяч будущих мертвецов в сутки. Еще бы это место не вселяло в тебя трепет. Просто ты еще не научилась разделять настоящий страх и... – Он поискал подходящее слово. – И предвкушение. Да, не смотри на меня как на сумасшедшего. Если ты поймешь, о чем я говорю... То полынь... Она перестанет тебя пугать, ты начнешь искать ее.

– А она прячется, да? – чуть слышно проговорила Уля.

– Да. – Рэм удивленно поднял бровь. – Это уже случилось?

– Вчера... я пыталась разобраться... Без тебя.

– Это хорошо. – Он хлопнул ладонью по столешнице. – Но давай по порядку. Сто тысяч мертвецов. – Рэм повторил это медленно, почти по слогам. – Которые спускаются по эскалатору, чтобы пройти через переход, встать на перроне, а после забраться в вагоны. И все они умирают. На самом деле каждый проходящий мимо тебя – мертвец. Просто одни подошли к черте совсем близко, а другим еще предстоит путь...

– Жаль, что от возраста это не зависит, – пробормотала Уля, но Рэм услышал.

Его тяжелый взгляд остановился на ней. Он словно хотел что-то сказать в ответ, но передумал и отвернулся к окну.

– Да, все так. Но рожденный уже приговорен к смерти, так что, по сути, это мало что меняет. Смерть спит в человеке, знает он это или нет. И очень чутко спит.

– Знаешь... – Рэм сидел теперь вполоборота, и Уля могла видеть только завитки его растрепанных волос и неожиданно красиво слепленное правое ухо. – Иногда мне просто дико слышать такие речи от такого, как ты...

– Как я? – Он не шелохнулся, но скула чуть дернулась в усмешке.

– Прости, я не это хотела сказать.

– Да нет, ты права. Я просто повторяю то, что говорили мне. Так что не волнуйся, я точно такой неотесанный идиот, как тебе кажется.

Он продолжал смотреть в окно, но отражение выдавало улыбку, которая ломаной линией тянулась от одной впалой щеки к другой.

– И кто же тебя надоумил? – спросила Уля. Улыбка в стекле померкла, а видневшийся из-под волос кончик уха стал почти красным.

– У меня были свои учителя, – бросил Рэм. – Не отвлекайся, хорошо?

– Да, прости...

– И перестань извиняться постоянно, к чему это сейчас? – Он развернулся к ней, от улыбки не осталось и следа. – Ты будто не понимаешь, во что ввязалась... Боишься чего-то, когда самое страшное уже случилось.

Испуганная внезапной вспышкой, Уля сцепила ладони под столом и опустила голову.

– Я не знаю, во что ввязалась. Ты ничего толком не объясняешь, а кроме тебя... Мне просто не у кого спросить.

– Я пытаюсь объяснить хотя бы то, что понимаю сам. Но ты не слушаешь. Не пытаешься даже. Уля. – Прозвучавшее из его уст имя заставило Улю поднять глаза – Рэм казался по-настоящему озабоченным. – У тебя осталось пять дней, чтобы разобраться. Никому, кроме тебя самой, не нужно, чтобы ты... выиграла. – Последнее слово далось ему с заметным трудом.

– А кто-нибудь уже приносил Гусу его чертовы три подарочка? – леденя от собственной решительности, выпалила Ульяна.

Рэм скрипнул зубами.

– Не черти.

– Ответь. Просто скажи мне правду.

– Это неважно. У каждого своя игра. Не думай о других, о тебе здесь никто думать не будет. – Он просунул пальцы в узкий рукав и потер запястье там, где полынь заключала его в неразрывный круг.

– Понятно. Стоило сказать мне об этом, когда уговаривал согласиться на предложение Гуса.

Рэм дернулся, оттолкнул от себя столик – чашки жалобно звякнули – и встал.

– Пошли. Не собираюсь препираться с тобой до вечера. – Он бросил на стол скомканные купюры. – Вчера ты помогла мне, я хочу отплатить тем же... Ты еще ребенок, и мне жаль, что ты ввязалась в игру, но это был твой выбор. Научись уже нести за него ответственность.

И вышел наружу, не оглядываясь.

– До свидания, приходите к нам еще! – крикнула ему в спину официантка и лучезарно улыбнулась Ульяне.

В этот момент Уля стояла к ней спиной, сгорбившись над креслом, в котором лежала куртка. Шарф никак не желал вылезать из рукава, и Ульяна тянула его на себя, внутренне сжимаясь от обидных, но справедливых слов Рэма. Она и правда даже не пыталась побороть в себе страх. А недоверие к тому, кто сидел напротив, мешало воспринимать его всерьез. Глупая игра, разговоры о смерти, нелепые в своем пафосе, превращали все кругом в забавный фарс. Сюжет кино на один вечер. Но время шло – тут Рэм снова оказался прав.

Официантка подошла совсем близко, протягивая руки к остывшим чашкам, когда Уля наконец ее заметила и обернулась. Первой пришла полынь. Плотным облаком, зримым, туманным, тем, что медленно полз из-за стены во сне, она окутывала девушку в бежевой форменной кофточке и светлом фартуке. На груди мерно покачивался бейдж с именем «Анна».

Сердце заколотилось, но в нарастающем страхе, дурнотой подкатившем к горлу, явственно читалось что-то еще. Предвкушение. Как и пророчил Рэм.

Воздух тем временем стал тягучим киселем. Официантка медленно взмахнула ресницами, дежурная улыбка сделалась еще шире, но для Ули этого уже не существовало. Она увидела холодный мерцающий свет больничной палаты. Тяжелый дух мучающихся жаром людей пробивался даже сквозь вездесущую полынь. Лежавшая на койке девушка, бледная, почти прозрачная, хваталась скорченной рукой за горло, но спертый воздух никак не хотел проникать в ее изголодавшиеся легкие. Кожу покрывали багровые шелушащиеся пятна, все в запеченных коростах. Анна, если бейдж был все-таки ее, хрипела, на губах выступала кровь, наконец она дернулась вперед и обмякла, завалилась на бок, рука безжизненно свесилась с края. В дверях палаты появилась заспанная женщина, смуглая, почти желтая, в незнакомой зеленоватой форме. Она замерла на пороге и крикнула кому-то через плечо отрывисто и гортанно – Уля не разобрала, что именно, но это было не нужно. О смерти полынь говорила с ней на языке, понятном без слов.

Реальный мир возвращался рывками. Вначале померк дрожащий свет ламп, потом исчезла палата, и только омертвевшее, синеватое от удушья лицо девушки наложилось на ее же, только живое и довольное.

– Подождите сдачу, пожалуйста, – настойчиво повторила она, видимо, не в первый раз.

Уля растерянно улыбнулась в ответ, схватившись за край стола, чтобы не упасть.

– Нет... Не нужно. Это вам, – пролепетала она, пытаясь натянуть куртку.

– Ого! – Девушка заглянула в чек. – Тут много останется! Вы уверены?

– Да. – Голову наполняла мутная горечь. Нужно было как можно скорее выбраться на воздух и догнать Рэма.

– Спасибо! – Девушка улыбнулась еще шире. – Я как раз завтра улетаю в отпуск. Индия, представляете? Всю жизнь мечтала там оказаться.

Ульяна вымученно улыбнулась и, покачиваясь на дрожащих ногах, пошла к выходу.

– Главное, прививки все сделайте, – буркнула она на прощание.

– Теперь уж точно сделаю! – ответила Анна, зажимая в кулаке купюры.

Эти слова нагнали Улю у самых дверей. Они, как свежий ветер в начале апреля, влажный, обещающий новую весну, а с ней и новую жизнь, взлохматили волосы на макушке. Уля нерешительно оглянулась, но официантка уже шла по проходу на кухню, подхватив поднос с чашками.

Только оказавшись на улице, Ульяна поняла, что дурнота исчезла, а запах полыни, который оседал на небе после каждого случая, растворился, будто туман, гонимый утренним светом. Не было привычной тяжести на сердце, не было этого нечеловеческого ужаса от увиденного, могильного холода, что заполнял ее целиком. Нет, мир продолжал себе жить, обтекая Улю, не выбрасывая ее из своего бесконечного потока, как бывало раньше.

Уж не потому ли, что увещевания Рэма успели отложиться в спутанном сознании? Уж не в его ли словах о пустой борьбе и предвкушении было дело?

Уля огляделась. Рэм стоял у входа в метро, прислонившись спиной к стене. Он нервно затягивался сигаретой, разглядывая плитку под ногами, и выдыхал дым, а нижняя губа чуть кривилась, придавая лицу угрюмое выражение. Мимо парня прошествовала юркая брюнетка, с ног до головы завернутая в полосатое пончо. Она заинтересованно зыркнула в его сторону, Рэм с ленцой поднял взгляд, ухмылка стала еще насмешливее. Девица на ходу пожалала плечами и ускорила шаг. Рэм проводил ее глазами, хмыкнул и уставился на ботинки.

«Интересно, – подумала Уля, перебегая дорогу, – каким он был до полыни? В нормальной жизни».

Когда она подошла к станции, Рэм молча кивнул и скрылся в дверях. Рассказать ему об официантке, которая завтра отправится к

океану, чтобы встретить смерть от хвори, неведомой странам первого мира, Уля не успела. Но, спускаясь за ним по небольшой лестнице к переходу, она вдруг поняла, что Рэм из тех людей, для которых нормальной жизни просто не предусмотрено высшим замыслом, если такой существует на самом деле.

Они прошли по коридорчику, разделенному на два потока, и остановились у эскалатора. Рэм пропустил Улю вперед, а сам встал на пару скользящих ступенек позади.

– Сейчас мы спустимся, и ты пойдешь в центр зала. – Он наклонился вперед и нависал теперь над Улей, чтобы его шепот был слышен ей даже в постоянном гомоне метро. – Не спеши, не бойся, ничего не делай. Просто стой, все подумают, что ты кого-то ждешь. Сосредоточься на проходящих мимо. Слушай их голоса, дыхание, биение сердца. Ты должна раствориться в этом... будто тебя самой нет. Понимаешь? Ничего нет, кроме этих звуков и запахов.

– Мне закрыть глаза?

– Если так будет легче, но не суть. Все это мелочи, детали, не думай о них. Полынь сама тебя направит, главное, не бойся. – Они уже сошли со ступенек. – Я буду рядом. Ничего плохого с тобой не случится. Сегодня я могу тебе это пообещать.

И, легонько подтолкнув Улю в спину, Рэм шагнул в сторону, теряясь среди точно таких же, как он, хмурых, обычных, озабоченных повседневными трудностями. Искусство сливаться с толпой было изучено им в совершенстве.

Ульяна вобрала в себя плотный воздух, насквозь пропитанный запахом влажных курток, людским дыханием и особым, чуть кисловатым духом подземки. Лавируя между пассажирами, которые суетились у платформ, Уля добралась до низкого балкончика, нависавшего над переходом на радиальную. Полукруглые арки, подсвеченные мягкими лампами, высокий потолок, весь в россыпи мозаики, ровный ряд колонн и огромная люстра, сиявшая позолотой, – если бы только можно было убрать отсюда поток человеческих тел, то станция бы заставила Улю ахнуть от красоты и величия. Но сто тысяч мертвецов не желали исчезать. Они спешили по делам, набирали в телефонах бесконечные сообщения, улыбались чему-то своему или, напротив, хранили в себе всю злость, накопленную за день. Каждый чего-то хотел, каждый стремился к простым вещам – еде,

удовольствиям, сну, теплomu податливому телу рядом. И каждому предстояло умереть. Может быть, через долгие десятки лет, а может, сегодня вечером. Печать смерти виднелась на лицах почти незримо, но невозможно было стереть ее. Она чуть горчила на Улином языке, как тонкий хвостик нитки, только потяни – и все полотно разбежится под пальцами в спутанную пряжу.

Уля вдохнула еще раз и послушно закрыла глаза. Полынь нахлынула волной прилива – мощно, властно, проникая в сознание плотным туманом. Страх не заставил себя долго ждать. Но теперь Ульяна знала, что он, как и смерть, не имеет к ней никакого отношения. Это не она боится полыни, нет, это сама полынь обращается в горечь и страх каждого, кто падает в ее дымное облако, чтобы больше не встать. Потому отступить сейчас было глупым бегством по кругу. Полынь не подстерегала Улю, она просто была повсюду, показываясь из чужих зрачков в моменты наивысшего прилива, когда волны страха перехлестывали через бортик подобно бескрайнему морю, заключенному в рамки глазниц.

* * *

Сто тысяч мертвецов суетились между перронами, к одному только что подъехал поезд, у второго собралась ожидающая толпа. Уля стояла в центре огромного зала, наполненного чужой смертью, готовая сделать шаг за последнюю тонкую грань, отделявшую ее от туманного поля. Сквозь плотно зажмуренные веки она просто не могла разглядеть Рэма, который застыл напротив, укpывшись за гладким боком колонны. Спрятав плотно сжатые кулаки в карманы, он закусил губу и не моргая следил за Улей, неподвижно стоявшей у перехода на соседнюю станцию. То, как тяжело вздымалась ее грудь под мешковатой курткой, как напрягались вены на тонкой шее, так нелепо торчавшей из-под линиялого шарфа, как по лицу тенью пробегала судорога мигом делая его старше, даже как чуть подрагивала ладонь, которой Ульяна вцепилась в перила балкончика, – все это Рэм ловил с болезненной жадностью.

Он знал: Ульяна подошла к самому краю, за которым не будет обратной дороги. Он знал, что девушка и сама чувствует это, но разобраться в смутных предчувствиях вряд ли успеет. Он знал, что все идет как должно, как было уже много раз с бессчетом количеством меченых.

Но когда Уля, задержавшая было дыхание, со всхлипом втянула воздух – горький, нездешний, – Рэму невыносимо захотелось броситься к ней, сбить с ног, утащить прочь, купить билет на самый далекий рейс и заставить эту идиотку сесть в самолет, убраться к чертовой матери, навсегда, на веки вечные, чтобы хотя бы одна из них, обреченных полынью, спаслась.

Но парень остался стоять, напряженно наблюдая, как покрываются румянцем Улины щеки, как она делает еще один вдох, такой же горький, такой же упоительный, и наконец открывает глаза, чтобы сразу найти в толпе его, Рэма, вросшего в безразличный мрамор колонны.

Секунду они смотрели друг на друга. А потом Уля улыбнулась – открыто, своей детской улыбкой, последним неизжитым в ней признаком былой счастливой жизни. И Рэм заставил себя улыбнуться в ответ, потому что так было нужно. Иных причин делать что-либо у него давно уже не было.

Смотри во тьму

Если бы Ульяну попросили описать словами тьму, поджидавшую ее за сомкнутыми веками, она бы не сумела отыскать слова. Стояла бы истуканом, как полнейшая дура, и только рот разевала, словно рыба, выброшенная на берег. К счастью, интересующихся здесь было не найти.

Мир обернулся своей изнанкой – темной, глубокой, живой. Тьма дышала – эти слова пришли Уле в голову, словно кто-то неслышно их шепнул. Только шептать было некому, звуков стало не различить. Ульяна точно знала, что стоит посреди самой шумной и суетной станции столичной подземки, а рядом с ней проходит сотня тысяч будущих мертвецов, но гвалт истончился, чтобы вовсе исчезнуть за мгновение ноздреватой тьмы под веками.

Ослепленная, сбита с толку внезапной тишиной, Уля не сразу разглядела, что темнота перед ней похожа на ночной океан. Она волновалась, то накатывая, то отбегая, гонимая неведомой силой. По ее глади пробегали судорожные волны, она опадала и вновь натягивалась, как парус на ветру.

И чем дальше Уля смотрела в нее, как смотрят в тяжелую, беспокойную воду – замороженно, теряя себя, – тем отчетливее ей казалось, что в темной толще идет жизнь, непознанная, но от этого не менее реальная.

Смутная тень, откликаясь на Улину догадку, выбралась вперед, принимая очертания человеческой фигуры. За ней последовала еще одна, и еще, и еще. Чуть заметные и вполне осязаемые, скроенные из больших кусков светящейся ткани, они скользили мимо, похожие на привидения из американских фильмов. В одних можно было разглядеть человеческие черты, другие оставались похожими на клубящийся дым.

Уля ощутила, как мерзкий холодок ужаса поднимается по позвоночнику, но голос Рэма, обосновавшийся на подкорке, требовал от нее бесстрашия, предвкушения всей этой жути, потому Уля лишь качнула головой и заставила себя принять происходящее как данность. И дышащую, живую тьму перед глазами, и тишину, воцарившуюся в

час пик, и эти фигуры, что проходили мимо нее, слабо мерцая в темноте.

В груди назойливо ныло, но страх отступил. Уля постояла так еще немного, собираясь с мыслями, и вдруг поняла, как сильно ей хочется вдохнуть. Двадцать с лишком лет она дышала, не отдавая себе отчета. Уля никогда не тонула, у нее не было астмы или бронхита. Тело само знало, как и когда ему делать вдох. Но здесь, в мире за плотно сжатыми веками, были иные законы. Воздух не желал проникать в Улю, как нечисть, которую следует самой пригласить внутрь.

– Вдыхай, – шепнул знакомый, чуть хрипловатый от табачного дыма голос Рэма, и она послушалась.

Полынь хлынула во тьму широким потоком, как горная река спускается к подножию, ретивая и стремительная, полноводная, берущая свое. В мире живой темноты Улиных век горький травяной запах правил бал. Он пронизывал фигуры, и тьма дышала им, волнуясь, переливаясь оттенками черного, обступая Ульяну со всех сторон.

Она было рванулась в сторону, прочь от живой глубины, чтобы открыть глаза, выплюнуть горькую слюну прямо на затоптанный пол станции, но в ушах, разрывая плотный покров тишины, звучал и звучал голос Рэма.

«Не бойся, – повторял он. – Не беги. Ты уже проиграла. Сдайся полыни. Вдыхай».

Уля знала, что Рэм где-то поблизости, чувствовала на себе его тяжелый взгляд. Она представила, как разочарованно скривятся тонкие губы – нижняя чуть сильнее, как он прищурит глаза, карие радужки которых темнеют к зрачку, как между его бровей проляжет глубокая морщинка.

Он не верил в Улин успех. Он не сам выбрал путь помощи ей. Но он оставался рядом, был здесь, хотя с Ульяной совсем никого не осталось. Рэм делился с ней крохами знаний, отчего-то ему было важно объяснить необъяснимое так, чтобы Уля научилась с этим жить. И это придало ей сил. Она наполнила грудь горьким воздухом, позволила проникнуть в самое нутро и пропитать ее, так долго бегущую прочь от неизбежного.

Полынь откликнулась в то же мгновение. Живая трепещущая мгла рассеялась перед плотно сомкнутыми веками, словно где-то вдали

зажегся свет прожектора. Но так далеко, что его лучи виделись Ульяне лишь слабым отблеском, превращающим тьму в серый морок.

И в этом сумраке скользящие фигуры стали еще зримее. Теперь они брели в полумраке, и Уле вспомнился старый советский мультик про трогательного ежика, заблудившегося в густом тумане, больше похожем на разлитое молоко. Только в фигурах, скользящих мимо, не было ничего трогательного. Мрачные, прорезающие собой рассеянные лучи далекого прожектора, они то становились резче, то вовсе пропадали. А вместе с ними волнами накатывала и отбегала полынь.

Не в силах больше задерживать дыхание, Уля попыталась вдохнуть еще немного мутного тумана, что окружал ее плотной взвесью. Но воздух не поддался. Он стал слишком вязким, его можно было резать ножом.

«Потому-то они еле бредут», – рассеянно поняла Уля, провожая взглядом еще одну фигуру.

Ей показалось, что это был мужчина в длинном плаще с высоко поднятым воротом. Он подошел совсем близко, когда Ульяна наконец открыла глаза и вдохнула мигом ставший податливым воздух станции. Сбоку от нее мелькнула мужская спина в плаще цвета хаки. Теперь Уля могла разглядеть сидящий затылок и воротник, чуть лоснящийся от долгой носки.

– Выходит, фигуры там – это люди здесь? – спросила она Рэма, когда они направились к выходу наружу.

Улыбка, сделавшая его угрюмое лицо мягче, давно уже погасла, но продолжала отзываться в Улиной груди согревающим теплом, даже когда в лицо ударил промозглый ветер. Он всегда норовил сбить с ног того, кто осмелился выбраться наверх из подземного царства метро.

Уля покрепче завязала шарф и поспешила за Рэмом, который на ходу прикуривал сигарету.

– Пройдемся, тут недалеко, – бросил он, запахивая полы куртки.

Они пробежали по зебре – единственному белому пятну среди общей слякотной серости – и нырнули под мост, нависший над оживленным шоссе.

– Так я права? – Уля с трудом подстроилась под быстрый дерганный шаг Рэма и теперь шла чуть позади, стараясь не попадать в облака дыма, которые он оставлял за собой. – Живые люди на станции... я видела их через закрытые глаза. Так странно это звучит...

Рэм бросил насмешливый взгляд через плечо.

– Тебя еще что-то удивляет?

– Слегка, но все меньше и меньше. – Уля обошла лужу и догнала парня, чуть задев его плечом. – А что чувствуешь ты, когда видишь... такое?

– Я уже давно не смотрел во тьму, если ты об этом.

Теперь они шли по узкому тротуару мимо облетевшего сквера с фонтаном. Усталые пассажиры трех вокзалов тащили по аллеям тяжелые чемоданы, мимо пронеслись велосипедисты, спешили курьеры, а вдоль проспекта, к которому вела дорожка, с оглушительным шумом тек нескончаемый поток машин.

– Смотреть во тьму, – протянула Уля, пробуя слова на вкус, – они определенно горчили. – Так вот как это называется.

– Ты слишком привязываешься к словам. – Рэм затушил недокуренную сигарету об урну. – Не важно название, важна суть. Ты видела ее? Темноту.

Теперь он стоял напротив Ульяны и не отрываясь смотрел в глаза, обхватив ладонью ее предплечье чуть выше подживающей татуировки. Уля почувствовала, как мелко дрожит от напряжения правое веко, но отвести взгляд не сумела. Рэм гипнотизировал ее, приковывал к себе неведомой силой, которая, подобно полыни во тьме, окутывала с ног до головы, не давая вдохнуть без разрешения. Сил хватило на один судорожный кивок.

– И какой она тебе показалась?

– Живой, – не думая выпалила Ульяна, – она показалась мне живой. Понимаешь? Дышащей, подчиняющейся своим законам. И она... Она знала, что я смотрю на нее... в нее.

Рэм ослабил хватку, но с места не сдвинулся. Так и стоял – слишком близко, напряженно, опасно.

– Ерунда, правда? – почти жалобно спросила Уля.

– Нет, это хорошо, что ты ее почувствовала. А полынь? Что было с ней... там?

За спиной Ули раздался вой сирены, мимо пронесся полицейский кортеж, за ним, сигналив и рыча, – что-то большое и быстрое, наверное, джип. Ей хотелось обернуться и посмотреть. Название улицы крутилось на языке, но память никак не выдавала его. И это начинало раздражать, как и Рэм, требовательно дергавший ее за руку.

– Я не могла вдохнуть, пока не разрешила себе этого сделать, – нехотя проговорила Уля, бросая взгляд за спину, где стремительный кортеж уже сменился привычной московской пробкой. – А потом... Все изменилось.

– Ты различила в темноте людей, да? – Рэм смотрел на нее с интересом.

– Да. Не увидела, но поняла, что это они. Только мне пришлось открыть глаза... Воздух стал слишком вязким, и я запаниковала.

– Ничего, ты и так молодец. – Теперь ладони Рэма упирались в Улины плечи. – Я вот и не узнал, что там дальше... Да и не горю желанием узнавать. Ты знаешь, где мы?

– Не могу вспомнить название улицы, но да. – Уля удивленно всмотрелась в бесстрастное лицо парня, но тот и бровью не повел.

– Рязанский проезд.

– Точно. – Она сразу же вспомнила, как этим маршрутом ездила с мамой на дребезжащем автобусе навещать дурно пахнущую склочную тетку – дальнюю родственницу, оставшуюся к старости никому не нужной, пока та не умерла, так и не завещав им квартиру. – И зачем мы здесь?

– Чтобы учиться. – Рэм улыбнулся, но тепла в этой улыбке не было, она лишь придала ему хищный вид. – Расскажи, как ты раньше встречала их?

– Кого?

– Тех, кто должен умереть.

– Случайно. – Уля замешкалась. Вспоминать об этом не хотелось. – Чаще всего в толпе. Но и наедине тоже бывало. – Перед глазами тут же, как живая, всплыла девица в шикарном пальто с протянутой шоколадкой.

Рэм задумался, глядя на то, как равнодушно летят вперед, поблескивая в рассеянном свете пасмурного дня, машины за Улиной спиной.

– А когда это происходило вот так. Лично. Ты была испугана?

– А сам как думаешь? – Уля раздраженно дернула плечами, и ладони Рэма сжали их чуть сильнее. – В любой момент я могла увидеть, как умирает близкий мне человек. Я не была испугана, я была в ужасе! Видеть это... Но не знать когда. И не уметь предотвратить... я паниковала каждый раз, встречаясь с кем-то глазами.

– Теперь ты знаешь ответ на свой первый вопрос – когда. – Рэм сказал это равнодушно, почти нехотя, но Уля жадно к нему потянулась.

– Что ты имеешь в виду?

– Люди в темноте. Тот, кто почти не виден, – счастливчик, еще поживет. А если можешь разглядеть лицо, одежду, глаза... Особенно глаза. То и гадать нечего. Он – труп.

Озноб пронесся по телу Ули так же стремительно, как машины за спиной. Так же оглушительно. Так же неотвратно.

– Мужчина в плаще, – чуть слышно проговорила она, прикусывая губу. – Я запомнила поднятый воротник, а когда открыла глаза, он шел мимо меня...

– А, точно. – Рэм криво усмехнулся. – Седой такой. Ничего интересного. Метастазы в горле. Максимум два месяца, но рак – не наш случай.

– Зачем ты так...

Во рту пересохло, а кривая ухмылка Рэма вызывала тошноту. Уле больше не хотелось стоять тут с ним и вообще его видеть. Она вспомнила поседевшие до времени волосы мужчины в потертом плаще, его сгорбленную спину, этот воротник, натянутый до ушей, чтобы укрыть, защитить горло, которое было не спасти ни этим, ни чем-нибудь иным. Уляне стало совсем уж паршиво, но Рэм крепко держал ее рядом.

– Нужно привыкать, – проговорил он. – Я же объяснял тебе: они все – мертвецы. Все мы – мертвецы. Сопереживать каждому... Это как давать имена рыбкам – не успеваешь привязаться, а их уже сливают в раковину.

– Тогда зачем это все вообще? – Уля зло дернулась. – Зачем жить, если все равно умрешь? Зачем эта игра дурацкая...

– У каждого свои причины. – Рэм чуть наклонил голову, провожая взглядом блестящую огненно-красную машину. – О твоих я не спрашиваю. Должно же оставаться что-то личное, правда? – сказал он и глупо подмигнул Уле, став на мгновение неотличимым от Гуса.

– Выходит, чужая смерть не нарушает твой кодекс личного пространства, а причины жить для тебя слишком уж сокровенны?

– Поверь, в смерти того человека нет ничего интимного. Он будет блевать от боли, а потом врач вколет ему наркоту. И все закончится. – Рэм улыбался, но глаза оставались ледяными. – А вот почему ты,

милая девочка, сочувствующая всем живым, приняла условия Гуса и собираешься играть на чужой смерти? – Уля было открыла рот, чтобы возмутиться, но парень лишь поморщился. – Молчи, ответ скажет слишком многое о тебе. А мне не нужно этого знать. Без обид.

Какие обиды? Все, чего отчаянно хотелось Уляне в этот момент, – вырваться из цепких пальцев Рэма и убраться прочь от узкого тротуара, несущихся по дороге машин и от него, злого мальчишки, ровным голосом внушающего ей страшные истины нового мира, что должен был стать ей единственным пристанищем на время игры. И эта мысль удивительным образом придала Уляне уверенности. Рэм, как всегда, оказался прав: причина, по которой она согласилась на жуткую игру старика, цель, к которой стремилось все ее существо, стоили тех неприятных решений, уже принятых ею, и всех поступков, злых и подлых, еще предстоявших ей. Освободиться от метки полыни, вновь стать нормальной и забыть как страшный сон эту серую Москву, коммуналки, одиночество, страх и некрасивого парня, вот он – стоит, скалится, ждет ответа.

– Ты, кажется, хотел чему-то меня научить? Так учи, – сказала она, не заботясь, насколько враждебно прозвучит голос.

Рэм довольно кивнул.

– Мне нравится, когда ты злишься. Злость всегда лучше страха. Там, где страх заставляет забиться в угол и скулить, злоба подстегивает идти вперед. Ты злишься на меня? Значит, сейчас у тебя больше шансов справиться и научиться.

– Если так, то ты – неплохой учитель, поводов тебя ненавидеть все больше, – едко процедила Уля.

Рэм не ответил. Одним движением он развернул Улю лицом к дороге. Движение автомобилей – постоянное, сильное, громкое, пахнущее выхлопным газом и нагретым асфальтом – странно успокаивало. Спिनной она прижималась к груди Рэма, чувствуя, как та поднимается и опадает в такт дыханию. Не отдавая себе отчета, Уля подстроилась под чужой ритм, начав вдыхать воздух так же глубоко, чуть задерживать его в себе и выдыхать медленно и плавно.

– Молодец, – шепнул Рэм. – Дыши. Чувствуешь, что полынь всегда рядом?

Горечь, почти неощутимая до, словно поджидала. Теперь к привычным запахам города, дороги, прогорклого масла из ближайшего

ларька с шаурмой и теплого, живого тела Рэма примешивался едва уловимый, но знакомый запах полыни.

Уля шумно вдохнула, задержала в себе эту терпкую травяную горечь, позволила ей пропитать себя, а после неспешно выдохнула.

– Хорошо. Этот урок усвоен. Остался еще один. Ты знаешь, как отыскать тех, кто умрет совсем скоро. Ты знаешь, что полынь всегда рядом. Нужно только разобраться, как увидеть именно ту смерть, которая тебе нужна. Скорая, дурная гибель. Именно за ней ты будешь охотиться.

– И это возможно? – Уля тяжело сглотнула. – Управлять видениями?

– Да, вполне. Конечно, ты продолжишь видеть и то, чего тебе не хочется. Но вызвать образ в тех самых, нужных тебе глазах станет возможным. Немало, правда?

Ульяна кивнула, чувствуя, как макушкой упирается Рэму в висок, а тот крутит головой в поисках чего-то.

– И я так думаю, – задумчиво протянул он. – Но полынь приходит к тебе, только когда ты испугана, это мы уже выяснили. Значит, чтобы понять, тебе нужно испугаться.

– Я и так постоянно боюсь, – хмыкнула Уля, но отстраненный голос Рэма ее насторожил.

– Это-то понятно. Но нам нужен другой страх. Как закрыть глаза на станции, понимаешь? Внезапный, всеобъемлющий, такой, чтобы стал еще одной тьмой, – сказал он и сделал пару шагов в сторону, уводя за собой Улю, – та послушно перебирала ногами, пока в сердце зрело дурное предчувствие.

– И что? Выпрыгнешь из-за угла? Обрядишься в костюм клоуна? – Голос дрожал, но Уля отчаянно продолжала делать вид, что это все простая болтовня.

– С клоуном вариант неплохой, но у меня другая идея. – Рэм сжал Улины плечи и принялся чуть раскачивать ее из стороны в сторону. – Сейчас ты закроешь глаза, это уже не так страшно, правда? Мимо будут пролетать тени, фигуры, люди. Среди них обязательно найдется тот, кто скоро погибнет. Смертей много, но гибель всегда берет верх числом. Люди любят убивать друг друга. И себя самих. И вот когда ты увидишь того самого – четкого, зримого мертвеца... Только тогда, слышишь? Только тогда ты откроешь глаза и

посмотришь на него. Ты, меченая, сама отметишь его выбором. И полынь придет. Должна прийти.

– А если нет? – сипло пробормотала Уля.

– Не будет никаких «если», мы тебя как следует напугаем, и все получится. – Рэм деловито огляделся.

– Что значит напугаем?

– Закрывай глаза и доверься мне, – прошептал он. – Но ты должна пообещать, что сделаешь так, как я скажу. Без слов, без споров. Иначе ничего не выйдет, и я уйду. Будешь разбираться со своими бедами сама. И руку даю на отсечение, что не разберешься. Поняла?

– Да, – выдохнула Ульяна.

– Ты согласна сделать так, как я скажу?

Разве был у нее выбор? Хоть один мельчайший шанс отказать Рэму, крепко сжимавшему ее плечи? Уйти домой, чтобы снова оказаться в четырех стенах, наедине с капающим краном. Все казалось предрешенным давным-давно. На другой улице этого города, куда менее шумной, куда менее серой. На улице красной сандалии, как теперь называла ее Ульяна в своих бесконечных мыслях о доме, в который ведет только один путь. И путь этот начинается сейчас. Поэтому Уля шумно вобрала в себя полынный воздух и закрыла глаза.

– Молодец. – Рэм на мгновение притянул ее к себе, горячо дыша в щеку, а потом одним движением вытолкнул на проезжую часть. – Иди, вдыхай, смотри в темноту, ищи мертвеца.

Мимо, у самого лица, пронеслась машина, звонкий сигнал клаксона почти оглушил Ульяну. Сердце бешено забилося в груди, готовое выскочить наружу. Если бы она оступилась и упала, то попала бы прямоком под колеса. Взмахнув руками, чтобы не потерять равновесие, Уля попятилась, но ее встретил увесистый тычок в спину.

– Нет, возвращаться нельзя! – прошипел Рэм. – Ничего не получится, если ты сейчас спасуешь. Иди!

– Меня собьют! – Уля уже кричала, слезы кипели в горле, сердце стучало там же.

– А если вернешься, проиграешь Гусу, поняла? Лучше пусть собьют... – В его злом отрывистом голосе вдруг послышалась неуместная сейчас тоска. – Послушай меня. – Он оказался совсем рядом. – У тебя есть один шанс разобраться, что к чему. Иначе... я не шучу, ты пожалеешь, что тебя не сбила чертова иномарка.

– Не черти. – Слова сами соскочили с губ, и она почувствовала, как неожиданно ласково Рэм проводит ладонью по ее спине.

– Удачи тебе, Уля. Иди. Я буду ждать тебя здесь. Только не открывай глаза.

В этот раз она шагнула сама. Подождав, когда очередная машина проедет мимо, она вышла на пружинящий под ногами асфальт, позволяя вековой тьме окутать себя с ног до головы. Темнота дышала перед глазами, податливая и совсем нестрашная. Первый оглушительный вдох полыни заставил Улю согнуться пополам, но не сбил с пути, как бывало раньше. Она медленно выпрямилась. Теперь ее окружал рассеянный сумрак, и лишь фигуры будущих мертвецов проносились мимо, разрезая его своими очертаниями.

Где-то далеко шумели сигналы, водители били по тормозам, но Ульяна этого не слышала. Мир был бесшумен и вязок. Неотчетливые тени пассажиров тяжелых машин летели мимо нее, но ни в одном Уля не могла разглядеть черт близящейся гибели. Она аккуратно пропускала мимо себя их сумрачные тела, держа на краю сознания, что она – настоящая – сейчас лавирует в плотном потоке и с минуты на минуту ее схватит первый попавшийся служитель порядка. Как работает в этом новом, изнаночном измерении время, Уля не знала, потому мешкать было нельзя. Да и полынной горечи, которую она схватила ртом на первом круге, не хватало горячей от нехватки кислорода груди.

Уля дернулась вперед и в соседнем ряду заметила очертания еще одной машины – та приближалась: неспешно – здесь, но неотвратно – там, в мире реального тела из мяса, костей и смерти. В одно мгновение Уля разглядела лицо водителя – состоявшее из темных лоскутков, оно все равно было зримым. Волевой подбородок, чуть раздвоенный книзу, высокий лоб, округленные в страхе глаза. Это был он. Почти мертвец, приговоренный к гибели. Ошибка исключалась. Уля просто знала это, как в толпе узнаешь приятеля со спины, – особым узнаванием, даже не видя его целый год.

Поэтому Уля распахнула глаза и с наслаждением вдохнула загазованный воздух. Ей казалось, что автомобиль должен быть еще далеко и ей хватит времени взглянуть в глаза водителю, прежде чем он ударит по газам. Но в расчетах между двумя пространствами вышла накладка. В тот самый миг, когда Уля позволила себе оглядеться,

серебристый бампер уже налетел на нее и сбил с ног. Водитель успел затормозить в последнюю секунду. Он, бледный от пережитого, выскочил наружу раньше, чем поднялась Ульяна.

– Ты рехнулась? Идиотка! – заорал он. На высоком лбу вздулась вена. – Я тебе сигналил, ты обдолбанная что ли?

Уля медленно перевела взгляд со сбитых ладоней на мужчину. Бешеные глаза с прожилками лопнувших сосудов мало что не извергали огонь, готовые испепелить Улю дотла. Было достаточно одного взгляда, чтобы крики утихли, резкие движения замерли, а зрачки, сузившиеся от ярости, заслонили для Ульяны весь мир.

Уже не замечая хлынувшей полыни, она увидела красивую ванную комнату. Чуть синеватый кафель, подобранные в тон полотенца, большое зеркало, запотевшее от пара. Вот голубая шторка отодвинулась в сторону, и мужчина – поджарый, достаточно молодой, чтобы быть привлекательным, – переступил бортик ванны и встал босой ногой на пушистый коврик. Он еще переносил вторую ногу, когда потянулся вытереть зеркало. Бархатистая ткань поехала по мокрой плитке, мужчина взмахнул рукой, оставляя на запотевшем стекле смазанный отпечаток ладони, и рухнул назад. Его голова ударилась о бортик, рисуя на нем алый подтек, и медленно сползла вниз. Округлившиеся от неожиданности глаза почти мгновенно начали стекленеть.

Изломанная фигура, скорченная в ванне, нелепая нагота красивого тела и этот отпечаток ладони в зеркале заставили Улю сдавленно всхлипнуть. Она успела забыть, как это – оказываться в моменте чужой гибели. Оттого так легко рассуждала о целях игры. Оттого бесстрашно ступила на оживленную дорогу. Если долго говорить о смерти, то само слово обесценивается, теряет смысл и устрашающий вес конечности всего сущего. Но потерять цену может только слово, сам же процесс цены не имеет. Смерть выше человеческого отношения к ней. Она просто есть. И будет всегда.

Мир уже плыл перед Улиными глазами, готовясь вернуть ее в реальность, когда она бросила последний рассеянный взгляд в зеркало. Никогда еще прежде Ульяна не натыкалась на собственное отражение в чужих смертях. На мгновение ей стало любопытно: а увидит ли она хоть что-нибудь в запотевшей глади стекла? Чтобы взглянуть туда, оказалось достаточно слегка наклонить голову. Но следующий миг

перед тем, как она исчезла из ванной, растянулся на целую жизнь, бесконечную и высасывающую рассудок.

В зеркале не было комнаты с синеватым кафелем. В глубь его уходило бескрайнее седое поле: высокая, темно-зеленая, пыльная трава тянулась до самого горизонта. Знакомая горечь, вмиг ставшая невыносимой, не давала повода усомниться в том, что именно росло по ту сторону зеркальной глади. Низкое небо почти опало на травяные макушки. Густой туман лоскутами оседал на зарослях.

Это было жутко. Действительно жутко, необъяснимо и томительно предчувствием беды. Но Ульяна сумела бы это пережить. Точно сумела бы, как одиночество, голод и страх. Еще секунда – и она бы открыла глаза, довольная собой, выполнившей задание. Но когда сквозь кафель несуществующей ванной начал проступать серый проезд, в самой гуще травы мелькнула полосатая кепочка. Та самая Никиткина кепочка, слетевшая с вихрастой головы, упавшая на асфальт и забытая там в суебре бригады скорой помощи.

Уже теряя сознание, уносимая прочь исчезающей силой видения, Уля услышала детский смех, эхом разнесшийся по полынному полю. И это стало последней каплей. Ульяна закричала – гортанно и дико, выпотрошенным наживую зверем, и упала ничком прямо к ногам пока еще живого водителя.

Покатай меня, большая черепаха

Лампочка у изголовья кровати чуть слышно потрескивала. Этот прерывистый звук был первым, сумевшим проникнуть через плотную полынную хмарь в сознание Ули. Она сдавленно застонала, переворачиваясь на бок. Во рту пересохло, в теле ломило так, словно по ней хорошенько прошлись кулаками.

«Лучше бы избили», – подумала она, не решаясь открыть глаза.

Память оставалась кристально ясной и четкой. Все произошедшее отпечаталось на обратной стороне век, и, пока Ульяна пряталась в забытье, темнота оставалась живой, дышащей, опасной, подступающей со всех сторон. Да и надрывный детский смех, больше похожий на отчаянный плач, бил по ушам так невыносимо, что Уля заставила себя очнуться, будто в реальном мире можно было спрятаться, хотя сама она в это уже не верила.

Облупленная штукатурка свисала с потолка серыми лохмами. Неровный свет мерцавшей лампочки освещал небольшую комнатку с продавленной раскладушкой в углу. На ней и лежала Ульяна, прикрытая застиранной простынкой. По коже пробежали липкие мурашки. Уля судорожно сглотнула и приподняла край ткани.

Кто-то снял с нее футболку и свитер, оставив в одном лифчике и джинсах. Голые ступни нервно шевелили пальцами, будто не имея к Ульяне никакого отношения. Усилием воли она заставила их остановиться. Это внушало хоть какую-то надежду. Тело еще слушалось, рассудок балансировал на грани нормальности, и даже моргавший свет не доставлял особых неудобств. Уля была в норме, несмотря на то, что случилось. Несмотря на полынь по ту сторону зеркала, несмотря на Никитку, бродившего где-то там, в ее зарослях.

Воспоминания ударили под дых. Можно долго врать миру о собственной непробиваемости, но соврать самой себе об этом не выйдет. Боль рано или поздно станет невыносимой, и ты взоешь, как заяц, попавший в медвежий капкан.

Никитка был там. Или полынь, играя с Ульяной, решила уверить ее в этом, ударив в самую слабую, самую больную точку. Если чужую смерть, пусть кровавую и жестокую, пусть нелепую, пусть страшную,

пусть мучительную, еще можно было вытерпеть, то полосатая кепочка, мелькнувшая в пыльном травяном облаке... Это было уже слишком.

Уля свернулась под простыней, притягивая колени к подбородку. Ей хотелось сжаться в одну-единственную точку, в катышек на застиранной ткани, пылинку, незначимую и простую. Лишь бы не помнить того, что она помнила, не видеть перед глазами, в живой тьме век, увиденное за гладью зеркала. Она не сумела сдержать вой, так и норовивший прорваться из-за крепко сжатых зубов. Больше похожий на сдавленный стон, он пронесся по комнате, вырвался за ее пределы, скользнул по коридору, и в ответ ему раздались быстрые шаги.

Ульяна успела только подняться на локтях, привалившись к влажной стене спиной, да притянуть к груди простыню, когда в комнату зашла женщина средних лет. Одета в серый костюм с юбкой по колено, она казалась ничем не примечательной, абсолютно обычной, такой, что, пройдя мимо, и не запомнишь. Но в том, каким быстрым взглядом она окинула комнату, как резко подхватила сползающий с плеч белый, светящийся в полумраке халат, было столько уверенности в собственной власти, что Уля вжалась в стену еще крепче.

– Очнулась? – Голос незнакомки был ровным и бесстрастным, но глаза сверкнули угрожающе. – Вставай, с тобой должен поговорить Владислав Петрович.

– Где я? – Ульяна непроизвольно отодвинулась как можно дальше от вошедшей, настороженно ловя каждое ее движение. – Почему вы меня раздели?

Незнакомка застыла, уставившись на Улю. Повисшая тишина давила на уши.

– Я... без свитера, без носков... и куртка, – пролепетала Уля.

– Ах, твое тряпье... – Женщина позволила себе презрительно улыбнуться. – Одежда была слишком грязной, чтобы положить тебя в ней в постель. Но все вещи будут ждать на выходе. А сейчас вставай.

– У меня нет обуви, – чуть слышно сказала Уля, опуская голые ступни на пол.

– Под кроватью, – отрезала та и покинула комнату, шелестя узкой юбкой.

На фоне пыли ее лощеный вид, гладкая прическа и белоснежный халат казались неуместной шуткой. И вся она, нарочно усредненная,

внушала необъяснимый страх.

Ульяна зашнуровала ботинки, накинула на голые плечи простыню и тоже вышла. Шаги гулко раздавались по коридору. Все двери, кроме одной, были прикрыты. Из-под самой дальней выбивался луч света, и Уля пошла на него, сжимая во влажном кулаке зажеванный угол ткани, которая лишь слегка прикрывала грудь. Нагота делала Улю незащищенной. Ее бил крупный озноб, но она упрямо шагала вперед, последним усилием воли заставляя сознание оставаться ясным. Кто знает, какое чудище ждет ее сейчас, назвавшись Владиславом Петровичем?

Владислав Петрович оказался низкорослым мужчиной за пятьдесят. Он сидел за широким столом, заваленным бумагами, и задумчиво крутил между пальцами ручку.

– Ульяна? – спросил он, когда Уля скользнула в приоткрытую дверь и застыла перед ним, привыкая к свету настольной лампы. – Заходи-заходи, не бойся.

Уля шагнула чуть ближе, но лица мужчины, названного Владиславом Петровичем, все равно было не разглядеть – настольная лампа светила строго вниз, на раскиданные тут и там листки бумаги, а сам он сидел в глубине кабинета, не отрывая глаз от собственных пальцев.

– Ну, как ты себя чувствуешь? – Его отстраненный тон настораживал.

– Нормально. Но у меня забрали одежду. Я хочу уйти. Верните мои вещи... Пожалуйста.

– Да-да... Там Зинаида Олеговна... Тебе бы к ней, она все выдаст... Ты точно оправилась, деточка? Нехорошо выглядишь, скажу я тебе, ой нехорошо... Худая, бледная такая....

Владислав Петрович покачал головой, продолжая вертеть ручку. Движения казались смазанными, слишком широкими, а его суставы будто держались на пружинках. Уля медленно попятилась к двери, но зацепилась за край ковра и рухнула на пол. Простыня сползла с плеч, Уля подхватила ее, спеша подняться на ноги.

Она потеряла Владислава Петровича из виду всего на пару секунд, потому не ожидала увидеть его так близко. Он успел податься вперед, выпустив из пальцев синий стерженек, и теперь свет лампы, пусть слегка, но падал на него, отражаясь в гладкой пластмассовой коже.

Широко распахнутые глаза смотрели сквозь Улю. Ей вдруг вспомнилось, как в детстве она боялась кукол-голышей за бесстрастный взгляд ярко-голубых глаз. И за писклявый голос, который раздавался каждый раз, стоило только наклонить игрушку в сторону.

Теперь такая кукла сидела напротив. Грузная, равнодушная ростовая кукла мужчины средних лет, умеющая говорить что-то еще, кроме пресловутого «мама».

– Не ушиблась? – Нижняя челюсть двигалась отдельно от остального лица, которое продолжало равнодушно пялиться на Улю, не моргая, не двигая ни единым мускулом.

– Не... нет, – выдавила Ульяна, чувствуя, как сознание начинает плыть в сторону нового обморока. – Я пойду, хорошо?

– Да... иди... Передай Зинаиде Олеговне... – Челюсть опала и приподнималась, словно невидимый чревоушатель дергал за ниточку, разыгрывая жуткий спектакль для одного зрителя.

Что нужно было передать, Уля уже не слышала. Одним рывком она оказалась у двери и выскочила вон. Последним, что отпечаталось в сознании, стали руки, равнодушно лежавшие на столе, будто вылепленные из бежевого пластилина: короткие пальцы, пара волосков на сгибе, подстриженные до мяса ногти и лишь один, на левом мизинце, значительно длиннее остальных. Широкая полоса жирной грязи под ним заставила Улю чуть слышно взвыть от ужаса и ринуться прочь по коридору.

Она была готова выскочить наружу как есть, в пожелтевшем лифчике с пришитой лямкой, но ее вещи аккуратной стопочкой лежали на табурете у выхода. Загнанно прислушиваясь к тишине, Уля натянула футболку и свитер, сверху накинула парку, а носки запихнула в карман. Когда до дверей оставалось каких-то несколько шагов, что-то заставило ее обернуться.

На длинной лестнице, широкой и прямой, какие бывают только в школах и больницах, застыла Зинаида Олеговна. Она наблюдала за судорожными сборами, не произнося ни слова. Но Ульяна была уверена, что в фойе не было слышно ничего дыхания, кроме ее собственного, всхлипывающего и прерывистого. Зинаида медленно опустилась на одну ступеньку – тонкий каблук чиркнул по кафелю. Скрип узкой юбки, шелест белой ткани халата и особый скрежет

пластмассы о пластмассу вынудили Ульяну рвануть к дверям, давась криком. Она выскочила на улицу и посмотрела за спину.

Сквозь мутное стекло дверей все еще можно было различить женскую фигуру – равнодушную, строгую, не подающую признаков жизни. Но следовать за Ульяной она определенно не собиралась. Просто смотрела на нее, провожая мертвым взглядом стеклянных глаз. Уля обмерла. Ей показалось, что Зинаида сейчас спустится по ступеням, пройдет сквозь двери и вцепится в ее шею. Но та лишь коротко кивнула, развернулась на каблуках и начала медленно подниматься вверх, сохраняя идеально прямую спину.

«Потому что пластмасса не может горбиться», – вдруг поняла Уля, и от этой мысли ей захотелось плакать.

В надежде успокоиться она глубоко вдохнула осенний воздух. К привычной сырости и гнилой листве примешивался горький запах табака. На последней ступени кособокого крыльца стоял Рэм. Запрокинув голову к темнеющему в сумерках небу, он выпускал изо рта дым и снова жадно затягивался сигаретой. Его вихрастая макушка подсвечивалась в фонарном зареве. И от этого вида, за пару дней ставшего привычным, Уля не сумела сдержать судорожный всхлип.

Она так и стояла, прислонившись к дверям, чтобы дрожащие ноги не подломились, когда Рэм обернулся. На мгновение он замер, глядя на Улю растерянными глазами. Сигарета, прилипшая к нижней губе, тихо тлела, огонек на ее кончике казался ослепительно ярким. Ульяна смотрела на этот оранжевый блик, не замечая, как по щекам бегут слезы.

Она всхлипнула еще раз. И еще. Это сдавленное рыдание словно ударило Рэма, он отшатнулся, потом отбросил сигарету в сторону – огонек пронесся в вечернем сумраке пылающей кометой. Уля следила за ним взглядом, потому в ее уплывающем сознании не отпечаталось, как в два стремительных прыжка Рэм поднялся по лестнице и сгреб ее в охапку.

– Ну-ну, тихо-тихо, – проговорил он.

Его прикосновения – сильные, резкие, больше похожие на решительный шаг с обрыва, чем на простые объятия, – разом привели Улю в чувство. Облегчение накатило сметающей волной. Она прижалась лицом к прокуренной ткани его куртки и зашлась в плаче.

– Успокойся, – шептал Рэм. – Все закончилось. Теперь все хорошо. У тебя все получилось... Ну, давай, прекращай плакать. – Он неловко похлопал ее по плечу.

От него пахло сигаретами, сыростью и теплой кожей. Это был запах жизни. Упоительно нормальный, невыносимо притягательный для нее, погрязшей в полынной топи. Если бы Рэм сейчас ушел, отстранился, ощерился, как делал обычно, Уля бы не выдержала. Просто не смогла бы жить дальше, зная, что за спиной остался пустой дом, по коридорам которого ходит манекен, наряженный в офисный костюм. А за гладью зеркала прячется полынное поле с Никиткой в самых непроходимых, самых горьких зарослях. Но Рэм не уходил. Он покорно стоял рядом, прижимая Улю к себе, говорил ей что-то, чуть покачиваясь из стороны в сторону. Что именно, она разобрала, только когда слезы закончились, оставив после себя сорванное горло и песок в глазах.

– Мы сейчас возьмем такси и поедем домой, хорошо? – спросил он, осторожно разжимая руки и отступая.

Уля кивнула.

Как Рэм сумел отыскать машину в той глуши, где они оказались, и что это была за глушь, Уля так и не узнала. Пока она возилась с найденным в кармане платком, стараясь вытереть мокрое опухшее лицо, к крыльцу уже подъехало неуловимо похожее на черепаху темно-зеленое такси с молчаливым дядечкой за рулем.

Рэм приоткрыл дверцу переднего сиденья и махнул Уле.

– Садись! – крикнул он. – Давай скорее!

В салоне было душно и тепло. Озябшие руки быстро согрелись. Уля расстегнула молнию на куртке и откинулась назад, утопая в старой, но уютной тряпичной обивке. Они долго кружили по плохо освещенной промзоне, черепаха мерно покачивалась на поворотах, усыпляя подобно детской люльке. Уля и сама не заметила, как задремала, – без сновидений, без образов, глубоко и спокойно.

Ульяна открыла глаза, когда мрачный пригород сменился пестрыми огнями шоссе. Она пошевелилась, вытягивая ноги. Рэм обернулся через сиденье.

– Скоро уже приедем, поспи пока.

Уля хотела было возразить, но уютное тепло салона, урчание двигателя и город снаружи, слишком далекий, чтобы навредить ей,

словно взяли ее в плен. Она прислонилась виском к прохладному окну и уснула – теперь уже до самого дома.

Рэм разбудил ее, легонько похлопав по плечу.

– Давай, вылезай. Приехали.

Они и правда были в знакомом дворе. Ночь уже сгустилась над домом, кое-где горели включенными лампочками окна. Ветер тут же пробрал разморенную сном Улю до самых костей. Она обхватила себя руками, наблюдая, как Рэм расплачивается с водителем. В свете фонаря мелькнули купюры – раз, два, три, четыре.

– Почему так дорого? – спросила Уля, когда такси отъехало от подъезда и скрыло за поворотом свои черепаши бока.

– Мы были... далеко. – Рэм криво ухмыльнулся, прикуривая. – Постоим немножко?

Уля села на шаткую лавочку. Под ногами противно скользила грязь.

– Я верну тебе деньги, – пробормотала она.

– За такси-то? А смысл? У меня они от Гуса, у тебя тоже. Какая разница, кто из нас расплатился? Платит все равно он.

Рэм продолжал кривить губы в улыбке, нависая над Улей. Садиться рядом он не стал.

– Хорошо. А почему мы оказались там? Я упала, да?

Рэм отшатнулся, вмиг став серьезным.

– Да, ты потеряла сознание. Так бывает, ничего... Главное, что все получилось.

Улю так и подмывало рассказать ему про зеркало. Но отчего-то она промолчала. То, как мигом холодел взгляд Рэма, стоило начать его расспрашивать, то, как испуганно он втягивал шею в плечи, наводило на мысль, что парень боится, – и боится смертельно, еще сильнее, чем она сама. И говорит лишь то, что ему разрешили сказать.

– Да, получилось. Кажется, я со всем разобралась. В какой-то мере. Спасибо тебе.

Это была искренняя благодарность. Уля понимала, как сложно было ему пересилить и себя, и ее саму, чтобы впихнуть в сопротивляющееся сознание вещи, наводящие такую горькую жуть. Но ведь получилось! Она ожидала, что Рэм улыбнется в ответ. Но тот лишь поджал губы.

– Я рад. Ты молодец, – сказал он, гася сигарету и поворачиваясь к двери подъезда.

– А эти... люди. В доме. Кто они? – бросила ему в спину Уля и испугалась собственной смелости.

Рэм застыл на половине шага.

– Их было несколько? – не своим голосом спросил он.

– Двое. Мужчина в кабинете, я не запомнила, как его... и женщина – Зинаида.

Рэм зябко повел плечами.

– Что она тебе говорила?

– Почти ничего. Что мне нужно пройти в кабинет... и где лежит моя одежда.

– Одежда?

– Я очнулась без свитера почему-то... – Уле стало неловко.

Рэм развернулся и шагнул к ней.

– Дай руку, – проговорил он, а когда Ульяна растерянно протянула ему ладонь, схватил за предплечье и повел ее за собой к пятну света от фонаря.

Не говоря ни слова, он отодвинул узкий рукав куртки, оголяя запястье. В полутьме веточки татуировки казались выпуклыми, почти настоящими. Рэм наклонился к ним, что-то высматривая, а потом провел холодными пальцами, заключая запястье в кольцо.

Уля поморщилась – воспаленная кожа была слишком чувствительной – и выдернула руку.

– Да что ты делаешь?

– Нам нужно поговорить, – чуть слышно буркнул Рэм и достал ключи. – Пойдем.

Они молча поднялись по лестнице. Молча открыли дверь. Коридор встретил их тишиной. Уля было двинулась к своей двери, но Рэм снова обхватил ее запястье и потянул в сторону.

– Лучше ко мне.

Они вошли в комнату, мрачную и тихую. Сохраняя эту почти священную тишину, Ульяна расстегнула куртку, повесила ее на одинокий гвоздь, стянула ботинки, удивилась голым ступням и только после вспомнила о носках в карманах. Пока она натягивала полосатую, сбившуюся в комок ткань на ноги, Рэм прошел в комнату и завозился там, что-то бормоча себе под нос.

– Ты мне? – крикнула Уля и тут же пожалела, что ее голос разорвал воцарившиеся было спокойствие.

– Нет, ты заходи пока... Мне нужно покормить Ипкина.

– Прости, что нужно сделать? – переспросила она, проходя в комнату.

На столе, чудом втиснутом к дальней стене, стоял прозрачный террариум, освещенный яркой лампой. Рэм склонился над краем, зажав в ладони пушистый лист салата. К нему, шурша мелкими камешками, медленно, но верно ползла большая черепаха. Она вытягивала шею, приоткрывая широкий рот в предвкушении, а Рэм призывно тряс перед ее носом яркой зеленью, приговаривая:

– Хороший парень, Ипкина, иди, иди сюда. Голодный, наверное?

Уля застыла, не веря собственным глазам. Полынь, живая тьма век, пластмассовая Зинаида с Гусом в придачу – все это было куда более реальным, чем Рэм, кормящий с рук черепаху. Черепаху по имени Ипкина.

Оказалось, что сдерживать крик куда проще, чем подкатывающий хохот. Уля прижала к лицу кулак, но и он не сумел заглушить нервный смех, который все-таки сорвался с губ. Рэм дернул плечом.

– Смейся сколько влезет. – Он определенно не был смущен.

– Нет-нет, – залепетала Уля. – Это здорово... что у тебя есть... питомец. – Она уже хохотала и ничего не могла с собой поделать.

– Это не питомец. – Рэм удовлетворенно кивнул, наблюдая, как быстро исчезает в прожорливой пасти салат. – Это Ипкина. Он мне достался... от одного человека.

Было в его голосе что-то настолько решительное, что Уля тут же перестала смеяться. Рэм несколько не стеснялся, более того, он был готов защищать честь обитателя террариума, если кому-то придет в голову над ним издеваться.

– Отлично. Значит, Ипкина. Здравствуй, Ипкина, – проговорила она, подходя ближе.

Черепаха вытянула голову, посмотрела на нее маленьким черным глазом и тут же спрятала ее обратно, превращаясь в увесистый камень.

– Он не очень общительный. – Рэм сел на диван. – А вот нам лучше поговорить.

Уля отошла от стола и тоже опустилась на краешек топчана, послушно сложив руки на коленях. Рэм определенно собирался с мыслями. Он напряженно молчал, поджимая губы.

– То, что там была Зинаида... Это плохо. – Голос стал сухим и сиплым. – Тебе нужно быть осторожной, понимаешь меня?

– Кто она вообще? Мне показалось... Ох, мне показалось, что она не настоящая.

– Она работает на Гуса.

– Как ты? – Теперь Уля чувствовала, что и ее горло стискивает холодная лапа.

– Нет... не как я. Она очень опасна. – Рэм с трудом подбирал слова, балансируя на тонкой леске между тем, что ему хотелось бы сказать, и тем, что было позволено. – Если ты еще увидишь ее, постарайся с ней не спорить, не смотреть в глаза... и уходи как можно скорее. – Он тяжело выдохнул, по виску скатилась капля пота. – Я больше не могу ничего объяснить... Это все.

Его заметно трясло, он побледнел, лоб блестел от холодной испарины. Уля молча протянула платок.

– И зачем ты повез меня к ней, если она так опасна?

– Я должен был, понимаешь? – Рэм вытер лицо и скомкал ткань в дрожащем кулаке. – К тому же не знал, что она тоже там будет.

– Зачем меня раздели? Она хотела посмотреть татуировку? Что с ней не так?

Уля отодвинула рукав свитера: на первый взгляд веточки остались точно такими же, как были утром. Кожа чуть успокоилась, краснота спала, и от этого рисунок казался бледнее. Словно чернила выцвели на еле заметный тон.

– Я ошибся, – хрипло выдавил Рэм. – Твое время уже пошло. Месяц. Он начался. Тебе лучше поспешить со всем этим.

– Как? – Сердце забилось гулко и больно. – Ты же говорил, есть еще пара дней!

– Прости, я не знаю... Так вышло. Но ты ведь уже научилась. Все же получилось. На дороге. – Он говорил отрывисто и резко, грудь поднималась и опадала в такт тяжелому дыханию. – Ты увидела, что нужно?

«О да, Рэм, о да! – захотелось крикнуть Уле. – Я увидела все и даже больше. Моего брата, который вот уже три года бродит по зарослям вашей чертовой полыни, хотя я собственными глазами наблюдала, как его тело положили в маленький гроб и закидали землей. Я очень хотела это узнать, Рэм! Как ты догадался?»

Но сидевший напротив не вызывал гнева – одну жалость, от которой больно щемило в груди. Некрасивое худое лицо осунулось еще сильнее, а бледность стала отдавать мертвенно-желтым. Рэм и правда не мог больше говорить. Он и так сказал лишнего, за что теперь расплачивался.

Уля решительно встала.

– Да, я разобралась, как это... работает. – Она натянуто улыбнулась. – Я пойду. Спасибо тебе... За все. – И развернулась к выходу, но Рэм успел схватить ее за руку.

– Постой. Мерзкий денек выдался, да? – Он через силу скривил губы. – Мне нужно выпить. Будешь?

Рэм тоскливо смотрел на нее снизу вверх, и Уле, давно уже не получавшей таких предложений, осталось только вздохнуть и опуститься на продавленный диван, который жалобно скрипнул сразу всеми пружинами.

«Лукавый Джим»

– «Лукавый Джим?» – Уля с трудом сдерживала улыбку, но уголки губ все равно подрагивали.

– Именно. – Рэм методично копался в сумке. – «Лукавый Джим».

– Иногда мне кажется, что все это и правда ток-шоу, а ты надо мной издеваешься.

В ответ Рэм неопределенно дернул плечом и продолжил поиски.

Ульяна улыбнулась его сгорбленной спине. Ночь вступала в свои права. После того как Уля рухнула на скрипучую тахту, прошло не меньше часа. Время сделало скачок – вот Рэм зажимает в зубах круглую таблетку, вынутую из нагрудного кармана, вот просит минуту, чтобы перевести дух, а вот уже засыпает буквально на половине слова, неловко откинувшись на спину. Податливая полутьма, нарушаемая одним только светом лампы над террариумом, убаюкала и Улю. Потому она пропустила момент, когда Рэм вздрогнул всем телом и пришел в себя.

– Кажется, я уснул... – Он потер лицо ладонью, удивленно поглядывая на девушку рядом с собой.

– Да, уснул. А до этого предложил мне выпить. – Рядом с ним Уля постоянно чувствовала себя неуместной дурочкой. – И я даже согласилась.

– Это хорошо. – Рэм поднялся, встряхнулся подобно худому уличному псу и бодро зашагал к сумке. – У меня тут как раз оставалось... Сейчас посмотрим.

«На чем же ты сидишь, парень? Что за таблетки такое с тобой делают?» – почти равнодушно думала Уля, наблюдая за его рваными движениями, пока он возился с вещами, что-то бурча себе под нос.

– Итак. – Жестом фокусника Рэм вытащил из сумки початую бутылку виски. – Это Джим.

– Не поверишь. – Теперь Уля смело улыбалась, подстраиваясь под его дурашливый тон. – Но когда-то мы были с ним знакомы. И даже близко. А почему лукавый?

– О, это особый рецепт. – Рэм поставил бутылку на пол у дивана, а сам направился к подоконнику. – У меня тут как раз есть вода и

лимон. – Он зашуршал пакетами. – Да, точно есть. Нам везет.

Пока он шагал обратно, чуть покачиваясь, с его лица не сходила острая злая улыбка. Так не улыбаются девушке, с которой решили выпить. Так скалится загнанный зверь. Уле захотелось домой. И это желание – безотчетное, всегда возникавшее в момент тревожной опасности, – придало ей горькой уверенности в себе. У нее не было права хотеть домой. У нее даже дома не было. И что может сделать этот худой, загнанный, сломанный на корню чьей-то могущественной волей парень, если самое страшное живет в ней самой?

Рэм протянул стакан, и Ульяна схватила его, сжала в ладони так сильно, что еще немного – и тот бы рассыпался в стеклянную крошку. Темная, остро пахнувшая жидкость выплеснулась на доньшко, сверху Рэм налил немного воды – она весело зашипела, пузырясь, – и выдавил пару капель лимона.

– Пей, – кивнул он, поднося ко рту точно такой же. – Надо выпить. За твою игру, за то, чтобы этот чертов месяц никогда не заканчивался. – И, не давая Уле вставить ни слова, уничтожил содержимое в два больших глотка.

И пока он замер, переводя дыхание, зажмурившись, напрягая жилы на шее, Уля увидела его таким, какой он был на самом деле. Без напускной бравады, без менторского тона и насмешливо скривленных губ. Совсем еще молодым, чуть ближе к тридцати, чем она сама, но куда дальше, чем ей казалось раньше. Избитым, помятым, больным и очень испуганным. До чертиков, до тошноты, до желания заглушить страх «Лукавым Джимом».

Когда Рэм наконец открыл глаза и встретился с Улей взглядом, то, кажется, сразу понял, что в броне больше нет смысла. Его напряженные плечи расслабились, а морщина между бровями исчезла, будто ее и не было. Он смотрел на Улю, беззвучно говоря: «Ты можешь уйти прямо сейчас, я тебя не держу, я не сумею тебя спасти, научить чему-то стоящему и потому отталкиваю тебя, чтобы не привыкнуть, как привыкают все бродячие собаки, – раз и навсегда, у нас нет времени на привычку, у нас вообще его нет». Уле понадобилась одна секунда глаза в глаза, чтобы прочесть это и принять решение. Она улыбнулась Рэму, поднося ко рту бокал, откуда невыносимо сивушно пахло виски, и сделала первый глоток, потом еще один, и еще, и еще.

Рот обожгло, язык онемел, по гортани пронеслось пламя, обращающее на своем пути все в пепел и золу. Но Уля продолжала пить, не отрывая глаз от Рэма, который стоял над ней, сжимая в ладони пустой стакан.

Она позволила себе закашляться, только допив мерзкое пойло до самого дна. Ее, столько лет не пьющую, голодную и уставшую, скрутило пополам. Все мягко закачалось из стороны в сторону. По щекам побежали слезы. Но тепло, которое толчками распространялось по телу, стоило того. Рэм сел рядом, протягивая многострадальный платок.

– Теперь понимаешь, почему лукавый?

Уля нервно засмеялась и снова зашлась кашлем.

– Черт... – вырвалось у нее.

– Не черти! – Это они выдохнули хором и залились смехом так безудержно, что в стенку постучала Оксана, – робко и почти неслышно, памятуя, видимо, о стычке в коридоре.

– И где ты научился этому пойлу? – спросила Уля, когда Рэм налил по второй и сполз на пол прямо перед ней.

– В военном училище, – процедил он, наклонив голову, чтобы рассмотреть, как удивленно вытянется ее лицо.

– И что ты там забыл? – осторожно спросила Ульяна, покачивая в пальцах стакан.

– Папаша. – Рэм смотрел на нее пьяными осоловевшими глазами, словно уже высадил целую бутылку. – Я учился в девятом классе, и он тогда в меня еще верил. Рома. Рома-а-ан... – Голос грозно взвился к потолку. – По моим стопам пойдешь, сын, гордость. – Его передернуло. – И выпроводил из дома в училище.

– Тебе там не нравилось? – Уля тоже чувствовала, как мягкими лапами ее обнимает хмельная тяжесть, но Рэма несло куда сильнее.

– Да нет. Там было неплохо... Первые полтора года. Главное было – на выходные домой не возвращаться. Оставался в расположении, читал, к олимпиаде по математике готовился. – Он хрипло засмеялся и сделал большой глоток.

– Вы с отцом не ладили?

Рэм застыл, устало прикрыв глаза. Уле показалось, что сейчас он снова уснет, но тот просунул руку в карман, выудил оттуда круглую таблетку, зажал ее между зубами и проглотил, запив виски.

– Он бил маму. – Голос сделался неживым. – Сильно, страшно бил. Умел так, чтобы следов не оставалось. А она терпела, плакала, но терпела. Бывает, лежишь ночью у себя, а она тихо так в ванной воет. На одной ноте. А отец храпит через стенку. Мне кажется, я тогда и свихнулся...

Уля не знала, что ответить. Сидела, тупо пялясь в темноту. Рэм пошевелился первым, глотнул воздух, открыл глаза, посмотрел на Ульяну осознанно, почти трезво, очень зло.

– Так что в училище было неплохо, – подытожил он и поморщился, наливая себе еще.

– Если не хочешь, не говори. Можем просто посидеть...

– Да нет, я... в норме. – Рэм поставил стакан на пол. – Не знаю, когда в последний раз вспоминал о них. И когда еще вспомню. – И замолчал.

Молчать было еще хуже, чем задавать вопросы.

– Ты закончил училище?

– Что? – Он вздрогнул, словно успел забыть, что сидит в этой темноте не один. – Нет. Нет, не закончил... в последний год все пошло к чертям.

– Полынь? – чуть слышно выдохнула Уля.

– Да, полынь. – Рэм беспомощно улыбнулся. – У нас была физподготовка. Сдавали нормативы. И парень... Тамаз, кажется, уже и не помню. Он передо мной в строю был. Три подхода к брусьям. В последний момент обернулся на меня, что-то сказал... и я поплыл. Увидел, как палка под ним срывается с крепления и он падает головой вниз.

Уля тяжело сглотнула. Жаркий июльский полдень, Никитка в полосатой кепочке и первая полынь, ударившая под дых. Все это, как живое, повторяющееся из раза в раз, снова встало перед глазами.

– Я заорал, конечно, – продолжил Рэм, втянув через зубы еще немного виски. – Оттащил его в сторону, начал кричать, что брусья разболтанные... Мне не поверили.

«Начал кричать. Конечно. Начал кричать», – больно ударило Улю, заставляя вжаться в диван.

Значит, Рэм не застыл, приходя в себя. Значит, он попытался спасти малознакомого, чужого парня, чье имя уже и не помнит. Значит, в нем нашлось достаточно сил, чтобы поступить правильно, в то время как

она молча наблюдала за смертью брата. Щеки запылали. Жаркая волна стыда, куда более жгучая, чем любой «Джим», накрыла ее. Но в темноте Рэм, ушедший в собственные воспоминания, этого не заметил. Он все говорил и говорил, замолкая, чтобы выпить, и продолжал говорить.

– Вызвали ротного. Решили, что я хочу занятие сорвать. Ну и пока они на меня орали, Тамаз пошел к брускам, потрогал крепления, а те вихляют... – Рэм хмыкнул. – Повесили на меня. Сказали: мол, хотел пошутить, но одумался. Сделали выговор, я особо и не сопротивлялся. А как объяснишь им, что случилось? Ну да сама понимаешь...

Уля понимала. Она не решилась рассказать о полыни родной матери – а целому училищу? Этим равнодушным чужим людям в одинаковой форме? Совсем уж немыслимо.

– И ты ушел?

Рэм достал из кармана сигареты, вытащил одну, поджег, громко чиркнув спичкой, и затянулся.

– Не совсем. Папаша мой тогда из министерства уже уволился – выслуга, награды, пенсия... Все как у людей. Начал бизнес, что-то с недвижимостью, я не вникал особо. Но связи остались. Ему доложили обо мне: типа, давай, Сергеич, пацана своего приструни. – Тяжело сглотнул, выдохнул дым, продолжил: – Он приехал в пятницу вечером, я по лицу понял, что все, мне конец. Пока он там в училище со всеми здоровался, пока руки жал, пока шел к машине, еще был человек. И когда вез меня домой, где-то минут сорок. Костяшки пальцев на руле белые – но человек.

Уле отчаянно захотелось, чтобы Рэм замолчал. Чтобы перестал так жадно затягиваться дымом, глотать его, выплевывая слова, кривя губы. Чтобы его рука, держащая полупустой стакан, перестала так дрожать. Но это, как и полынь, было данностью. «Лукавый Джим», а может, та таблетка, которую Рэм проглотил одним усилием горла, заставляли его говорить. Отрывисто и беспощадно, словно вкручивая нож в живот. В свой собственный живот.

– Мы поднялись по лестнице. Пролет за пролетом. Не знаю, почему он не вызвал лифт. Наслаждался, наверное, моим страхом. Нагнетал. Сука. – Рэм выплевывал слова, они жгли ему рот, и даже пойло не могло потушить это пламя. – А потом еще долго копался в замке. Я

обрадовался, что мамы дома нет... Она бы стала меня защищать. Отец бы ее убил.

Короткий смешок, ледяной и мертвый, пригвоздил Улю к дивану, она, кажется, почти не дышала, растворившись в сигаретном дыму и чужой памяти.

– Он ничего не сказал, понимаешь? С порога начал бить. Как маму. И все молча. Я даже не мог заорать, даже сдачи дать не мог, меня парализовало, все смотрел ему в глаза, равнодушные, абсолютно пустые... Тогда уже понял, что через них все случается, думал, вдруг увижу, как он подышает... Куда там. Полынь по заказу не пришла, чести мне много.

Рэм осушил стакан, плеснул еще, пьяно промахиваясь. Его чуть шатало, но голос оставался резким и озлобленным, а глаза – сухими, остекленевшими, как у мертвеца. Он был далеко, в коридоре незнакомой Уле квартиры, падал под тяжелыми ударами кулаков родного человека, вставал и снова падал.

– Мать пришла через час, наверное, после того, как он... закончил. Я дополз до ванны, она меня там на кафеле и нашла. Заплакала, обняла. Мне казалось, сейчас скажет: мол, собирай вещи, мы уезжаем. Что задушит эту тварь голыми руками за меня... а она... – Рэм затушил сигарету о выжатую дольку лимона. – Причитать начала: «Что же ты, сыночек, так расстроил папу?»».

Уля поднесла к губам край стакана, зубы ударились о стекло, рот обожгло, но дышать стало легче.

– В училище я не вернулся. Собрал шмотки, какие нашел, деньги – и сбежал. У меня двоюродная бабка в Клину, совсем поехавшая головой. Вот к ней и приехал. Она, наверное, и не заметила, что я там жил. Все ходила из угла в угол, разговаривала со Сталиным. Вот не поверишь, серьезно, со Сталиным. Жаловалась ему на жуликов и воров. Расстреляйте всю падаль, говорит, во славу коммунизма. – Рэм то ли всхлипнул, то ли засмеялся. – Я все боялся, что отец меня искать приедет. Не приехал. Потом с пацанами из училища встретился – им сказали, что меня перевели в Рязань. Выкрутился, сука, чтобы репутацию не замарать. Да мне уже плевать было.

– Как же мама? – в темноту спросила Уля, чувствуя, как нарастает в ушах пьяный гул.

– Я... я решил, что так ей и надо. Если она меня не защитила, то какая она мать? – Он тяжело сглотнул. – Как год прошел, почти не помню. В Клину своя атмосфера, шабашили потихоньку с парнями.

– А полынь?

– Четырнадцать раз. Дважды спасла мне задницу. Но я больше ни во что не вмешивался, хватило с меня Тамаза. Пусть каждый сам расхлебывает. И поддыхает, когда суждено. Если пить много всякой дряни, то это легче проходит, понимаешь? Ты как бы не здесь, смотришь со стороны, почти не страшно... – Рэм был уже откровенно пьян, его пошатывало. – А потом попал на деньги. Крупно попал. Взять было неоткуда. Тут и полыни не нужно, чтобы понять: если не найду, то закопают в ближайшем лесу.

– И ты пошел к Гусу, – подсказала Уля.

– Что? – Рэм привалился боком к дивану, теперь его голова оказалась на уровне Улиных коленок. – Нет, я поехал домой. Уверен был, что ключи не подойдут... а они подошли. – Он закашлялся, слова першили в обожженной горле. – Я сразу понял, что отец ее бьет. По тишине, по ударам... Будто кто-то мясо на отбивную готовит. Шлеп, шлеп... Сука.

Уля нерешительно потянулась ладонью, замерла и все-таки опустила ее на плечо Рэма. Тот вздрогнул, но продолжил:

– Там за год без меня стало еще хуже. Теперь он уже не боялся ничего. Это я потом узнал, что бизнес на соплях сделан был, видать, крыша совсем поехала. Он даже не заметил меня в дверях. Представляешь, бежевые обои... а на них кровь – пятнами, брызгами, свежая, подсохшая. Стенка для расстрела. И мама на полу, в луже... Один глаз заплыл, из носа хлещет. Халат распахнулся, а под ним – голое тело, все в синяках... в руке крестик сжимает, сорванный с шеи, будто он помочь может... а отец над ней нависает и бьет. Только рубашку до локтей задрал, чтобы кровью не запачкать. И на стуле рядом пиджак повесил. Аккуратист, блять...

Если бы Уля могла не слышать, что Рэм говорит, если бы не умела различить его слова, если бы не знала языка, не понимала значения, то ей бы показалось, что парень, сидящий у ее ног, долго и нудно рассказывает что-то скучное – цитирует лекцию по физике, читает басню, не понимая ее смысла. Но она впитывала каждое слово, глухое и страшное, и к запаху дыма, их тел и алкоголя примешивалась

полынь, помноженная на землистый дух крови, пролитой в тот день. Материнской крови.

– Я не знаю как, но она меня увидела. – Слова было не остановить, Рэм выплевывал их, и все, что оставалось Уле, – слушать в надежде, что так ему станет легче. – Одним глазом. Второго уже не было, просто месиво – черное, красное, синее... и сразу полынь. Отец как раз замахнулся, а я увидел этот удар. Как мама тянется ко мне, как отцовский кулак оскальзывается и попадает ей в висок. Звук, знаешь, куриную косточку так ломают. Мерзкий хруст. А последнее, что заметил, – крестик из ладони выпал. – Он помолчал. – Я только потом понял, что это – вещица. Один из подарочков для Гуса. Предмет, который видел смерть.

– О боже... Рэм, – только и смогла выдавить Уля, чувствуя, как перед глазами все плывет.

– Нет никакого Бога. – Он дернул плечом, сбрасывая ее ладонь. – Если бы он был, разве позволил бы этой твари... Быть? Просто быть. Ходить, дышать, жрать, трахаться. Плодить меня. Разве не должны были разверзнуться хляби небесные, я не знаю, мор, саранча... Где это все? Почему я должен был сам убить его, а не Бог?

– Ты его?.. – Уля вцепилась в обивку дивана, чтобы не упасть.

– Да. Я заставил себя очухаться. Хер знает как, но вырвался и сразу прыгнул на него. Он не успел ее ударить. Не знаю, как получилось... Во мне весу было... еще меньше, чем сейчас. Вечно бухой подросток-наркоман. – Рэм брезгливо поежился. – Но с ног я его сбил. Наверное, не ожидал просто, и мы оба упали, он даже руки не успел подставить... а там стул с пиджаком его гребаным. И он... Лбом о кованный угол.

Уля дотянулась до бутылки, плеснула себе на два пальца, выпила одним глотком. Воздух стал плотным, густым, как во тьме под веками.

– Я только почувствовал, что он обмяк подо мной. В секунду. Раз. И не стало. Даже смешно. Столько лет страха. И один удар.

– А мама? – Зуб не попадал на зуб, но Уля послушно продолжала сидеть и слушать.

– Когда я к ней подошел, она была без сознания. Я вызвал скорую, забрал всю наличку из сейфа – этот дебил даже код не поменял – и свалил. Был уверен, что за мной придут... – Теперь Рэм говорил отрывисто и нехотя, спеша закончить, отделаться, словно это Уля

заставляла его рассказывать. – Расплатился по долгу и поехал к бабке. От нее только менты ушли тогда. Вся в слезах, говорит: напали на твоих родителей, малой, отец помер, у матери внутрочерепная, она в коме, грабителей ищут. – Он фыркнул, затягиваясь еще одной сигаретой. – Я остатки денег бабке всучил и пошел на вокзал, думал, уеду подальше... а там разберусь. Ну а на вокзале меня перехватил Гус. – Огонек сигареты подрагивал в темноте в такт словам.

Рэм замолчал, хотя именно теперь и начиналось самое главное. Уля осторожно поставила стакан на подлокотник. «Джим» и правда оказался лукавым. Он делал тело податливым, а мысли – мягкими, как масло. Потому понадобилась пара минут молчания, чтобы сложить два и два. Чтобы задать вопрос, заранее зная ответ.

– Гус предложил тебе спасти маму?

Рэм сухо кивнул, но дрожь, пробежавшая по его спине, – болезненная, похожая на острую судорогу, – сказала куда больше.

– Она еще не умерла... Никакого воскрешения. Просто вытащить из комы, поставить на ноги... – Он со стуком опустил стакан на пол, тот неловко завалился, расплескивая кругом пахучую жидкость. – Это ведь я виноват. Что ушел, бросил ее... Не увез к бабке. Оставил с ним.

– Рэм... – только и смогла выдохнуть Уля. Живот скрутило от жалости, как от самой невыносимой боли. – Не надо, не говори так... Ты был совсем ребенок, что ты мог?

– Клей в подъезде нюхать и соль фасовать я мог. – Голос стал отдавать металлом, кровавым, острым привкусом на языке. – Значит, и увезти ее к бабке тоже мог. Пойти работать. Что-то делать, а не жалеть себя... – Он сжал ладонь в кулак и медленно разжал, успокаиваясь. – Да все равно без толку.

– Ты проиграл, да? – зажмурившись от страха перед ответом, прошептала Уля. – Гусу? Ты проиграл?

Рэм промолчал.

– Твоя мама еще жива?

И снова тишина – плотная, ощутимая, вязкая. Когда ее разорвал первый судорожный всхлип, Уля не поверила ушам. Это не было пьяным рыданием, это не было плачем покинутого ребенка. Так плакал Алексей, сгорбившийся над пустой кроваткой Никиты, давясь слезами, кашляя, хватая воздух ощеренным ртом. Человек, не умеющий высказать свою боль в плаче. Человек, который не в силах выдержать

ее в тишине. Человек, раздираемый надвое виной и невыносимой мукой прошлого, которая не желает проходить.

Рэм скорчился на полу у дивана, обхватил себя за плечи, наклонился к коленям. Его тело сотрясали сухие судороги; он задыхался, дико, по-звериному разевая рот в немом крике. Он – мальчик, которого никто не учил жаловаться и искать поддержки, – просто не помнил уже, что слезы – это призыв, крик о помощи, потому его молчаливая боль ударила по Уле так сильно.

И в ней проснулось нечто новое – женщина, которую она похоронила вместе с Никиткой, а может, мать, которой она никогда уже не станет. Уля наклонилась вперед, сползла на пол, с силой развела сжатые до белых костяшек руки Рэма и обняла его крепко-крепко, пьяно прижимаясь всем телом. Он замер, захлебнулся беззвучным криком.

– Ну-ну, успокойся, все хорошо... Все хорошо... – зашептала она, не зная, что повторяет его же слова, прозвучавшие прошлым вечером на крыльце безымянного дома. – Я здесь, я с тобой... Тихо-тихо.

Рэм упал лбом на ее плечо. Слепленный памятью, он тяжело дышал, обжигая Улю этим хмельным дыханием. А она продолжала гладить его по спине, под тканью бугрились шрамы. Каждый – как устье высохшей реки. Откуда-то Ульяна знала, что пока он не выплачется – по-детски громко, с судорожными завываниями, – его не отпустит. Он так и будет корчиться на полу, не в силах перешагнуть через прожитое. Но как плакать, если все в теле – лед и холод?

Был один ответ. И когда Уля нашла в темноте горячее, искаженное болью лицо Рэма, то не сомневалась ни секунды. Она прижалась губами к его щеке, но он и не заметил. Осторожными, легкими прикосновениями Уля скользнула по острым скулам, по зажмуренным, абсолютно сухим векам, запустила пальцы в отросшие спутанные волосы и притянула его к себе.

Он отшатнулся. Влажно блеснули испуганные глаза.

– Что ты... Что ты делаешь? – Рэм выставил руки вперед, отталкивая Улю.

– Молчи, – шепнула она. – Молчи. Просто молчи.

Ловкими пальцами, будто каждый вечер раздевала мужчину в пьяной темноте, Уля расстегнула его рубашку, скользнула ладонями ниже, чувствуя по судорожному горячему вдоху, что все делает

правильно. По коже бежали мурашки – острые, почти болезненные, абсолютно невыносимые.

«Ну же, – беззвучно молила она, прижимаясь к Рэму. – Давай, отпусти это, сделайся живым...»

И он поддался. Через силу, чувствуя свое тело чужим, он просунул ладонь под Улин свитер и чуть ощутимо, нерешительно провел подушечками пальцев по горячей коже. Забытое чувство победы наполнило Ульяну бесстрашием – в эту ночь она выкрала у полыни ее жертву. Оказалась сильнее проклятой памяти. Напомнила одному из сотен тысяч мертвецов, что есть еще причина жить. Есть еще смысл бороться.

И когда Рэм, глухо рыча, расстегивал заедавшую молнию на джинсах, и когда впивался ртом в Улину шею, оставляя синяки, и когда входил в нее – резко, оглушающе больно, – Ульяна смотрела через его плечо в живую горькую тьму и улыбалась, закусывая губы, чтобы сдержать ликующий крик.

– Так-то, тварь, так-то... – беззвучно прошептала она, когда все закончилось. Рэм лежал рядом, уткнувшись лбом ей в живот, – потный, горячий, абсолютно живой.

Тьма накрывала их плотным одеялом. Полынь умела проигрывать – так ее победы становились еще сокрушительнее.

Ни слова о смерти

Ей снилось что-то плотное и теплое, почти невесомое, умеющее нежно прикасаться к щеке едва осязаемым теплом. Она пыталась понять, что это, но мысли разбегались, как дети со двора при первых раскатах грома. Ульяна поморщилась, прогоняя морок, но где-то совсем близко, буквально руку протяни, загрохотало снова. Теперь можно было различить в этом звуке лязганье ручки о жестяной бок ведра, хлопанье тряпки по грязному полу и явственные чертыхания.

«Суббота», – поняла Уля, разрешая себе еще немного понежиться в доверчивом тепле.

Каждый выходной в этой квартире обязательно начинался с противного шума за дверь. Оксана, с багровым от натуги блестящим лицом, по которому расплзались болезненные белые пятна – сердечный привет пары десятков лет жирной пищи и дешевого курева, – выходила в коридор и ставила у стенки большое обшарпанное ведро. Тряпка, некогда представлявшая собой детскую пеленку с унылыми зайчиками, окуналась в воду, барахталась там и опускалась на плохо выметенный пол, чтобы елозить по нему, оставляя после себя мутные разводы и скрипучий песок по углам.

Еще одна очаровательная привычка соседки, делавшая жизнь в коммуналке почти невыносимой. Никому ненужная уборка в никому ненужном коридоре, который казался после этого еще более жалким. Личный способ Оксаны упрекнуть остальных в несостоятельности и лени. Каждое утро субботы. Чем раньше, тем лучше. На фоне нее даже заторможенность Натальи выглядела милым пустячком.

Уля прислушивалась к возне за дверь, ощущая, как лениво перекатываются мысли в тяжелой голове. Было тепло и спокойно – так бывает только в кратчайший миг между сном и явью, когда все страхи ночи тонут в утреннем свете, а день, полный тревог и одиночества, еще не наступил. Если бы Уля могла, она растворилась бы в этом моменте. Стала бы его кратчайшим миготом, долей секунды, бликом тусклого осеннего солнца в оконной раме. Да хоть шлепком мокрой тряпки об пол. Лишь бы только остаться здесь – расслабленной и

пустой, бездумной, а от этого всесильной, несуществующей и потому вечной.

Истеричный визг скрипучей пружины в диване, ахнувшей под весом тела, разорвал утренний покой комнаты снайперским выстрелом. Раз! И мир снова закружился в пике, унося Ульяну за собой. Ей понадобилась пара мгновений, чтобы осознать: тахта в ее комнате так не скрипела. Уля испуганно открыла глаза – перед ними опасно закружились чужие стены. Прижимая к груди клетчатый, пахнувший пылью плед, Уля осторожно откатилась к самому краю дивана. Память возвращалась мучительными рывками, принося с собой похмельную тошноту.

«Лукавый Джим», беззащитно пустой в утреннем свете, валялся у ножек отодвинутого стола. Рядом с ним ехидно поблескивали два опрокинутых стакана. Кучка сигаретных бычков покоилась в выжатой дольке лимона. Ворох одежды – сорванной, скомканной вспотевшими ладонями, брошенной на пол, не глядя, не думая, – восстановил картину прошедшей ночи последней деталью пазла. Уля тоскливо застонала, уже понимая, кто мерно дышит за ее спиной.

Рэм спал, отвернувшись к стене. Из-под тонкого пледа выглядывало костлявое плечо, шрам стягивал кожу в грубый рубец, тянулся от него к лопаткам, пересекая спину, и прятался за краем клетчатой ткани. Уля с трудом сдержала желание дотронуться, провести пальцем по дну высохшего устья чужой боли.

Но Рэм, будто почуяв ее взгляд, дернулся и резко перевернулся на спину. Несколько томительных секунд он лежал с закрытыми глазами – теплый, спокойный, почти свой – а после глубоко вздохнул и повернул голову к Уле. Тонкие губы чуть заметно дернулись, но сам он не улыбнулся. Просто смотрел – тревожно, выжидающе. В лучах тусклого солнца его глаза непривычно блестели, наливались янтарной силой, чуть темнея к зрачку.

Уля замерла: по этому лицу – хищному, напряженному – она не могла прочесть ни единой мысли. Рэм снова стал для нее закрытой книгой, к тому же надежно упрятанной в сейф.

– Привет, – проговорил он шипло.

– Привет, – откликнулась Уля, подавляя желание вскочить и убежать к себе.

Рэм окинул ее взглядом и остановился на клетчатом пледе, который она продолжала прижимать к груди.

– У кого хватило ума достать одеяло?

– Точно не у меня. – Глупость разговора скрипела на зубах, как песок под тряпкой Оксаны.

– И не у меня. – Рэм продолжал смотреть куда-то сквозь нее.

По коридору зачастили тяжелые шаги Натальи – так в фильме про динозавров шли по джунглям страшные монстры, а вода дрожала в стакане.

– Пусть это был кто угодно, главное, чтобы не она, – задумчиво протянул Рэм, кивнув в сторону двери.

Уля на секунду представила, как Наталья пробирается в комнату, на цыпочках подходит к дивану, нависает над их голыми телами и осторожно укрывает пледом, чтобы так же неслышно выскользнуть вон. Картина была такой нелепой, что Ульяна откинулась на подушку, сдавленно фыркая. Рэм покосился на нее, вздернув бровь, и наконец рассмеялся.

– Остановимся на том, что это был Ипкинс, – пробурчал он, устраиваясь рядом. – Хотя я так набрался, что мог сходить за пледом в магазин и не вспомнить об этом.

– Или послать Ипкинса. Только он же черепаха, сейчас бы только к двери шел.

– Ты просто не знаешь, каким этот парень может быть быстрым при желании. – Рэм помолчал, продолжая улыбаться, а потом приподнялся на локтях и посмотрел на Улю.

Луч света падал на его щеку, подсвечивая щетину, у нижней губы можно было разглядеть шрам в пару легких стежков. Казалось невыносимым, что пару часов назад эти губы впивались в Улину шею – жарко, зверино, жадно.

– Ты как? Голова не болит?

– Есть такое дело. – Уля постаралась прогнать непрошенные образы. – А у тебя?

Рэм казался совершенно бесстрастным, словно они не лежали сейчас рядом, пряча обнаженные тела под тонким пледом. И это все было не с ними. Или не было вовсе. А если и было, то было. И не о чем вспоминать.

– Слегка. – Он огляделся, отыскал в ногах скомканные джинсы и потянулся к ним. – У меня, кажется, оставалось, сейчас посмотрим...

Уля почувствовала, как начинают пылать щеки. Ситуация становилась совсем уж нелепой. Она разворошила сброшенную одежду, скользнула в найденный свитер, заставила руки не дрожать, пока пальцы застегивали пуговицы на брюках, и встала.

В углу призывно хрустел камешками Ипкинс, пол, достаточно липкий, чтобы сделать все кругом еще более мерзким, охлаждал голые ступни. И только солнце, светившее в безмятежно голубом небе, продолжало лить в комнату яркие лучи.

Ульяна подошла к окну и оперлась руками на подоконник, смахнув в сторону полупустые пакеты с салатом для черепахи. Голые, а оттого совсем беззащитные стволы деревьев на просвет казались нежно-розовыми и делали воздух еще прозрачнее. Он звенел в своей упоительной осенней чистоте. Уле захотелось выбежать наружу, вдохнуть полной грудью эту терпкость увядания, эту сладкую пустоту. Давно уже она не ощущала себя такой легкой и свободной, как в этот миг, стоя босиком на холодном полу у чужого окна, разбитого на тысячу бликов выглянувшим солнцем.

За ее спиной хрустнула упаковка, потом в стакан полилась вода. Рэм кашлянул, проглатывая таблетку, и снова принялся копаться в разбросанных вещах.

– Солнце, – проговорила Уля, не в силах просто выйти из комнаты, оставив его и дальше делать вид, будто ничего не случилось.

Ладно бы только их тела вчера сплелись в пьяной темноте – на это можно было плюнуть и забыть. Но хриплый голос Рэма еще звучал в Улиных ушах, отдаваясь болью под ребрами. Все, что парень успел выболтать ей заплетающимся языком, теперь плескалось в Уле подобно мутной тяжелой воде стоячего озера.

– Что? – Рэм перестал шелестеть салатом, который скармливал черепахе, и повернулся к Уле.

– Солнце. Светит. Не помню, когда в последний раз оно было таким ярким. Даже летом в дымке постоянно... а тут. – Уля сбилась и облизнула пересохшие губы. – Посмотри сам: воздух совсем прозрачный и деревья эти... Без листвы.

Рэм осторожно положил остатки зелени на камешки, погладил Ипкинса по панцирю и шагнул к окну.

– И правда.... Красиво, – выдохнул он рядом. – Сегодня же суббота, да?

Уля молча кивнула.

– Хочешь, прогуляемся?

– Что? – Это предложение, как и вчерашнее, с выпивкой, было из другой, давно прошедшей жизни, поэтому сбивало с толку. – Ты хочешь что-то мне показать, да?

– И да, и нет. – Рэм тряхнул головой. – Просто давай погуляем. У меня есть одно место... Там здорово, тебе понравится. Только оденься потеплее.

Уля замерла, вглядываясь в мир за окном. Ей определенно хотелось туда, так что она подышала на стекло, стерла запотевшее пятнышко рукавом свитера и решилась.

– Хорошо. Пять минут. Переоденусь и вернусь. Пойдем посмотреть твоё здоровское место, – сказала она, чувствуя, как начинает суетиться, и злясь на себя за это.

Уже в дверях Рэм поймал ее за локоть. На мгновение Уле показалось, что он хочет обнять ее, она подалась вперед, сама не понимая, что делает, но Рэм то ли не оценил порыва, то ли сделал вид, что ничего не заметил.

– Только у меня условие, хорошо?

Ульяна замерла, надеясь, что горячие пятна на щеках бывают не так уж и видны в солнечном свете.

– Давай сегодня никакой полыни. – Янтарные глаза Рэма смотрели напряженно и строго. – Ни слова об этом всем. Просто погуляем, договорились? – Он еще сильнее сжал пальцами Улин локоть.

– Мы-то договорились, но обычно полынь не спрашивает нашего мнения. – Ульяна попыталась улыбнуться. – Но попробуем. Я не против провести день... Как нормальный человек.

Рэм удовлетворенно кивнул и распахнул дверь.

– Пять минут, ты обещала.

* * *

Куда они едут, Рэм так и не сказал. Спустя два часа и одну пересадку на продуваемой всеми ветрами станции они вышли из душного вагона. Уля тихонько ахнула, оборачиваясь еще одним витком колючего шарфа.

Прямо за платформой начинался лес. Голые деревья тянулись к небу – черные полосы на голубом безмятежном фоне. Воздух пряно пах лесной сыростью, травой и листьями, которые совсем уже истончились, упав к подножью стволов, чтобы весной ими питалась новая жизнь, проснувшаяся после снегов и мороза. Ветер играл в кронах, свистел там, подбрасывая веточки и унося их за собой. Если бы не солнце – то самое, что слепило Улю через окно электрички, – лес казался бы мрачным, пугающим в своем умирании. Но лучи пронзали его, прогоняя призраков ушедшего лета, делая воздух звонким и сочным, как хрустящее зимнее яблоко.

Уля осторожно вдохнула плотный дух близкого леса. С начала своих мытарств она избегала любую природу, отчего-то уверенная, что там полынь возымеет над ней большую власть. Но в воздухе не было мертвенной горечи. Была лишь бодрящая сила. Из года в год этот лес умирал, чтобы по весне восстать из собственного праха. Чем не победа над полынью? И почему бы не вдыхать осень, как вакцину бессмертия, позволяя ей пропитать истерзанное страхами нутро?

Уля зажмурилась. Сделала еще один вдох, чувствуя, как вскипают в горле непрошенные слезы. Рэм опустил ей на плечо руку, словно догадываясь, о чем она думает.

– Хорошо, правда? – шепнул он. – Ну, пойдём. Нас ждут. – Его телефон чуть слышно пиликнул. – Да, Варька уже чай поставила.

И потянул Улю вниз по расшатанной лестнице – никаких турникетов в такой глухомани, конечно, не было.

– Варька? – еле поспевая за ним, переспросила Ульяна. – Мы что, в гости идем? Я думала, просто в лес...

– Будет тебе лес. – Кажется, Рэм улыбался. – Но идем мы к старой знакомой, она тебе понравится.

– Так, стоп. – Уля решительно высвободила руку и встала. – Сначала объясни толком, где мы. И зачем.

– Вот черт, а! – И сам себя поправил: – Да-да, помню, не чертить.

– Рассказывай. Иначе я поеду домой. – Улыбка мешала быть грозной, но Ульяна пыталась.

– Ладно, прицепилась, как пиявка... – Рэм тоже остановился. – Мы познакомились с Варей, когда я жил в Клину... Ну, я рассказывал вчера. – Он помедлил. – В общем, у нее здесь питомник небольшой. По

выходным приглашают волонтеров погулять с собаками. Когда есть возможность, я приезжаю. Вот, тебя привез. Будем гулять. Согласна?

И протянул руку ладонью вверх. Уля громко хлопнула по ней ладошкой.

– Пошли. Собаки сами себя не выгуляют.

Тропинка, чуть заметная среди подгнившей листвы, долго петляла между деревьями, пока лес вдруг не расступился, оголяя широкую поляну, похожую скорее на проплешину. На другом ее конце примостился небольшой домик, старый, но ухоженный. Это было видно издали. И то, как аккуратно утоптаны к нему дорожки, и стены, выкрашенные в насыщенный голубой, и ладное крылечко с широкими ступенями, на которых так приятно, наверное, сидеть летним вечером. Сбоку от дома тянулась сетчатая ограда, за ней виднелся ряд приземистых будок.

– Там вольеры. – Рэм махнул рукой. – У Варьки обычно не больше десяти-пятнадцати собак.

– Им ищут хозяев?

– Ну да, сайт, группы в соцсетях. Пойдем. – И зашагал по хлюпающей тропинке к дому. – Волонтеры уже разбежались выгуливать, видишь, нет никого. А мы пока чаю поьем. Замерзла?

Уля помотала головой. Ей было тепло и спокойно – почти так же, как утром, когда она балансировала на грани сознания. Только теперь все происходило на самом деле. Солнце, бьющее в глаза, запах осеннего леса, которым просто невозможно было напиться, как свежей водой из родника, а теперь и голубенький домик на краю поляны. Почти не верилось, что это все могло существовать в одном мире с темными коридорами и кукольным лицом Зинаиды.

Горечь страха было поднялась к горлу, но Ульяна прогнала ее, почти не прилагая усилий.

«Ни слова о смерти, – напомнила она себе. – Мы же договорились».

Когда они подошли к крыльцу, за опушкой уже можно было различить счастливый собачий лай, – где-то там бродили волонтеры, даря свою заботу ничейным псам. Уля было направилась в ту сторону, но дверь дома распахнулась и на крыльцо вышла хозяйка.

Она была полноватой русой девушкой с глазами невероятной красоты. Казалось, что весь мир умещается в них, как в двух

бездонных озерах, наполненных серо-зеленой водой. Уля тут же потупилась: меньше всего ей хотелось бы сейчас разглядеть полынь в подруге Рэма. Потому она пропустила момент, когда Варя всплеснула руками, подскочила к парню и крепко обняла его, восторженно воркуя:

– Боже мой, Ромка, ну разве можно так пропадать? Сколько тебя не было? Месяц? Ужас какой! – Она чуть отстранилась, внимательно посмотрела на Рэма и снова прижала его к себе. – Уставший, что кошмар. Совсем себя не бережешь, паршивец. – И звонко засмеялась.

– Ну все, ну... – Рэм силился казаться недовольным, но Уля разглядела, как по его щекам разливается румянец. – Приехал же. И смотри, кого привез. – Он наконец выбрался из объятий. – Это Ульяна. Вот, решил приобщить к твоему собачьему делу.

Варя шутливо стукнула его в плечо кулачком и повернулась к Уле.

– Очень хорошо, что вы приехали. Меня Варя зовут. – Ее радушный тон не изменился, но в глазах читалась настороженность. – Проходите в дом. Там чайник горячий.

Комната, в которую они вошли через небольшой предбанник, оказалась такой же уютной, как весь дом снаружи. Развешанные по стенам фотографии, заваленный подушками старенький диван, рядом – низкий столик, милые безделушки на полках. Уля представляла себе собачий приют совсем иначе.

– Здесь мы с Сойкой живем, – словно почуяв ее сомнения, сказала Варя. – В этой комнате и следующей. И кухня еще. А остальное уже помещения приюта. Там и кабинет Сойкин, и места для работников. Нас тут немного, но все равно.

– Где Сойка-то? – спросил Рэм. Он успел уже завалиться на диван и расслабленно вытянуть ноги.

– Базиль опять забор повалил, она разбирается. – Варя горестно вздохнула и пояснила для Ули: – Один из псов вырос в теленка, никто его, конечно, не берет. Вот он и сходит с ума от скуки.

– А Сойка это... – осторожно спросила Ульяна.

– Моя подруга. – Варя улыбнулась, на щеках заиграли славные ямочки. – Так вы чай будете?

– Будем, – уверенно ответил Рэм. – И что-нибудь пожевать, мы не завтракали.

Варя довольно кивнула и поспешила в кухню, кутаясь в просторный вязаный кардиган. Когда они остались вдвоем, Уля

присела на краешек дивана и перевела дух.

– Ну что? Не очень страшно? – насмешливо спросил Рэм, кривя губы.

– Даже не начинай, Ромочка, – мстительно процедила Ульяна. – Я уже и не помню, когда последний раз знакоилась с людьми... Сам понимаешь. А тут твоя подруга, ну вдруг я... увижу...

– Так. – Рэм мигом подобрался. – Мы же договорились. К тому же ты теперь умеешь этим управлять, вот и тренируйся. В конечном счете месяц уже начался...

Варины шаги заставили его замолчать. Он снова откинулся на диван, подложив под голову сцепленные руки.

– Какие вообще новости?

– Ох, Ром, ну какие тут новости? Денег, как обычно, не хватает. Бабушка вроде бы еще сама ходит, но на улицу боится. Сойка палец отбила две недели назад, весь черный, а в больницу не хочет... – Варя замолчала. – И когда я стала такой скучной?

– Не скучной, а взрослой. – Рэм погрозил ей пальцем. – Бабка твоя еще всех переживет, ты мне уж поверь. Сойка сама знает, как ей лучше, она же врач...

– Ветеринарный.

– А я говорю: врач, и получше всяких, мне ли не знать. – Он ухмыльнулся. – И денег я привез. Все? Беды решены?

– Ром, мы ничего у тебя не возьмем. Сколько можно? – Варя закусила губу, в бездонных глазах опасно поблескивало.

– Сколько нужно, столько и можно. – Он дернул плечом. – Все, закрыли тему. Мы с Сойкой разберемся, а твое дело, женщина, подать мне вот тот пирожок. – Он ткнул пальцем в румяный бок пушистой булочки. – Сама пекла?

– Оболтус. – Варя улыбнулась. – Конечно, сама, с утра почувствовала, что ты приедешь.

Ульяна слушала их, не веря собственным ушам. Она успела увидеть Рэма совершенно разным. Он был испуганным и бравирующим, злым, хищным, пьяным, плачущим у ее ног, голым, спящим, избитым. Любым, но только не таким, как здесь, – частью незнакомой Уле истории, где для него занято место то ли старшего брата, то ли младшего, но успевшего вырасти раньше других.

Пока Рэм вгрызался зубами в сладкое тесто, Ульяна не могла отвести от него глаз. Куда делся забитый уличный пес? Кто этот добродушный сытый парень, умеющий так свободно, так открыто улыбаться в ответ на ласковые прикосновения теплой руки?

«Вот ты какой, Ромка, – подумала Уля. – Вот каким ты мог быть, но стал Рэмом».

Еще один счет, выставленный полыни, который никогда не будет оплачен.

– Эй! – Оказалось, что Варя все это время что-то говорила ей. – Будешь булочку?

– Да, спасибо, – чуть слышно пробормотала Уля, пряча взгляд от пронизательных серых озер.

Пирожок оказался очень вкусным. Только теперь Ульяна вспомнила, что почти сутки ничего толком не ела. А сладкое тесто – пушистое, тающее на языке, с кисловатой яблочной прослойкой – было просто упоительным.

– Возьми еще, ты такая худая, с ума сойти. – Голос Вари оставался холодным.

– Ну, вы сидите. – Рэм поднялся с дивана, облизывая сладкие пальцы. – А я пойду Сойку поищу, что-то она долго.

Когда за ним, скрипнув, закрылась дверь, а с улицы пахнуло свежим лесным ветром, в комнате воцарилась напряженная тишина. Варя крутила в руках пустую чашку, Уля сжимала в кулаке еще один пирожок.

– Ты, наверное, думаешь, что это за клуша такая, да? – глухо спросила Варя. – Он тебе про нас ничего не рассказывал?

Ульяна не знала, что ответить. В голосе Вари слышалась откровенная злоба – неожиданная, совершенно не сочетающаяся с ее мягким, уютным обликом.

– Нет, не рассказывал.

– Ну, разумеется. Так вот, Ульяна. – Варя повернулась к ней всем телом. – Мы – его семья, единственная, которая у Ромы есть. И я не позволю тебе делать ему больно, он и так слишком много пережил, ты меня понимаешь? – Озера ее глаз опасно потемнели, Уля тут же перевела взгляд на веселенькую обивку дивана. – Нет, смотри на меня! – Варя хлопнула ладонью по колену. – Я знаю, как ты с ним поступила в прошлый раз. Он никогда не говорил о тебе толком,

ничего, даже имени, но разве нужны слова? И так все ясно. Когда ты ушла, он почти умер, слышишь? Мы его еле выходили, как пса, попавшего под грузовик. И если ты еще раз... исчезнешь, я сама тебя разыщу, поняла меня?

Уля тяжело сглотнула и осторожно положила пирожок на край тарелки. От тихого злого голоса Вари пробирала дрожь. В нем не читалась угроза, он весь был угрозой – бешеной материнской заботой, способной остановить на скаку любую лошадь и выдрать волосы любой обидчице. Только Ульяна не могла быть той самой, чуть не убившей Рэма своим уходом. Никак не могла. Поэтому решительно посмотрела на Варю. Ей показалось, что она нырнула в ледяное озеро, даже сердце пропустило удар.

– Варя, послушай, я понятия не имею, о чем ты говоришь. Мы с Рэмом – соседи, познакомились меньше недели назад.

И сама удивилась этим словам. Сколько невыносимого успело вместиться в эту неделю! И как только они еще ходят, говорят, едят пирожки, объясняются с заботливыми подругами? Человеческий мозг – самый лучший обманщик, он умеет делать вид, будто ничего страшного не случилось, стоит только перелистнуть страницу дня.

– Как неделю? – чуть слышно проговорила Варя.

– Вот так. Он переехал в коммуналку, где я живу. Мы познакомились. Сходили выпить кофе. А сегодня он предложил мне поехать сюда.

По сути, Уля не врала, просто между походом в кафе и предложением погулять в лесу пряталась целая жизнь. Бесконечная, жуткая, лишаящая рассудка жизнь.

– И я не знаю, за кого ты меня приняла, но это не я. Честно. Спроси Рэма, когда он вернется.

– О боже... – Варя спрятала лицо в ладонях, на правой руке блеснуло серебряное кольцо. – Если Рэм узнает, что я на тебя так накинулась... Он меня убьет. Или обидится насмерть. Лучше пусть убьет.

– Мы ему ничего не скажем. – Уля дотронулась до мягкого Вариного плеча. – Все хорошо, здорово, что у Рэма есть кто-то, кто так волнуется за него... Правда, это очень здорово.

– Как тут не волноваться, он постоянно куда-то пропадает, по месяцам не звонит... а от той девушки, за которую я тебя приняла... –

она виновато улыбнулась, – Ромка еле отошел. Ничего толком не рассказывал, но мы знали, что у него кто-то есть, а потом он не приезжал месяца три и вернулся, как с войны... и больше о девушках даже не заикался. Я подумала, что ты... Ох, даже не знаю, почему я так подумала.

Уля подхватила со стола пирожок и впилась в него зубами. Сидеть здесь, рядом с такой домашней, такой уютной Варей казалось настоящим подарком судьбы, выигранной передышкой. Еще одной маленькой победой. Приветом из прошлых спокойных лет, где не было ни слова о смерти. И никакой полыни.

– А как вы познакомились с Рэмом?

Варя в этот момент подливала чай из пузатого заварника. Рука дернулась, и янтарная жидкость пролилась на блюдце.

– Наши бабушки живут в одном дворе. – Она промокнула пролитое салфеткой.

– Значит, вы с детства дружите?

– Не совсем. Он переехал в старших классах, ну ты знаешь, наверное. Там беспокойно было... в Клину. Рома меня спас от большой беды. Теперь мы как семья. – Варя говорила скомканно и уклончиво, не поднимая глаз от стола.

Ульяна хотела спросить еще что-то, но за дверью раздались лай и шаги.

– А вот и ребята! – Варя бросила пачку салфеток, которую вертела в руках, и поднялась на ноги. – Сейчас познакомлю тебя с Сойкой.

В предбаннике зашумели, распахнулась дверь. Первым в комнату, раскидывая по сторонам мокрые листья и капли воды, вбежал огромный пес с длинными висячими ушами и шерстью цвета топленого молока. Он взвыл от восторга и бросился к Уле, уселся рядом и тут же поставил передние лапы ей на плечи.

– А вот и Базиль собственной персоной, – делано заворчала Варя. – Уходи прочь, чудовище! Давай, давай! – Она замахала перед носом пса салфеткой. – Твое место во дворе, иди-иди!

Пес покосился на хозяйку, нахмурил кустистые брови, становясь совсем уж похожим на заросшего мхом лесовичка, и оглушительно чихнул. Ульяна робко потянулась к нему ладонью. Пес бешено завилял хвостом и боднул руку широким лбом.

– Хороший мальчик, – прошептала Уля, зарываясь пальцами в шерсть. – Какой хороший мальчик...

Она так увлеклась собакой, что не заметила, как в комнату вошел Рэм, а за ним – высокая темненькая девушка с короткой, но очень подходящей ее мальчишеской фигуре стрижкой.

– Ну-ка, бегемот, пошли во двор! – сказала она, подхватывая пса на ошейник. – Значит, вот ты такая – Ульяна, привет! – Это девушка бросила через плечо, волоча за собой упиравшегося Базиля.

– Это Сойка, как ты уже поняла. – Рэм подержал дверь, пока собака не оказалась снаружи, и аккуратно ее захлопнул. – Мне б еще чайку...

– Нет уж, дорогой мой. – Варя прищурила глаза, по озерной глади прошла легкая рябь. – Сейчас мы будем обедать, до вечера я вас домой не отпущу, а может, и до утра, понял?

И, не слушая возражений, решительно пошла в сторону кухни.

– Кажется, мы в заложниках, – протянул Рэм, рухнув на диван. – Ты как?

Уля на секунду замерла, прислушиваясь к себе.

– Ты знаешь, на удивление хорошо.

– Вот и здорово. – Он дернулся, словно хотел придвинуться поближе, но все-таки остался на месте. – Тебе не мешает передышка.

Во дворе что-то крикнула Сойка, собаки ответили оглушительным лаем, Рэм вздохнул и поднялся на ноги.

– Пойду помогать, а ты отдыхай.

В его глазах, при солнечном свете мерцавших янтарем, читалась неуместная сейчас тревога. Казалось, он постоянно хочет сказать что-то еще, но не дает себе волю. Ульяна вопросительно посмотрела на него снизу вверх, тихонько погружаясь в мягкий плен подушек.

– Иди, со мной все в порядке. Я пока не хочу на улицу, только согрелась.

Рэм кивнул, но не шелохнулся.

– Что? – Уля сонно улыбнулась, ее совсем разморило в тепле.

Рэм наклонился и осторожно прикоснулся губами к Улиной щеке. От него пахло осенью, табаком и чем-то сладким, похожим на исходящее паром горячее вино. Один бесконечный миг он стоял так, неудобно склонившись и царапая ее кожу щетиной. Неловкий,

испуганный, давно забывший, как это – быть рядом с кем-то без пьяного морока, осознанно принимая решение этого «быть».

– Спасибо тебе... За вчера, – хрипло проговорил он. – И за сегодня тоже.

Ульяна не успела ответить, чувствуя лишь, как сердце замерло и подпрыгнуло в груди, а Рэм уже шагнул к двери и вышел наружу.

Из кухни доносились упоительные запахи жареного мяса, комната тонула в уютной тишине дома, где все идет своим чередом. Уля откинулась на подушки и закрыла глаза. Где бы сейчас ни цвела полынь, как бы стремительно ни начинался месяц игры, какие бы тайны ни прятались в настороженных глазах Рэма, все это ушло далеко-далеко. За границы дня без полыни и смерти.

А если представить, что этот день бесконечен, то можно было просто тонуть в мягкой обивке подушек, храня на щеке колкий поцелуй сухих губ. Для счастья, неожиданного, а оттого всеобъемлющего, больше ничего нужно и не было.

Воробьи на проводах

– Ну-ка, бери, кто тебя еще накормит? – Варя решительно переложила на Улину тарелку пухлую котлету с божественной корочкой. – Вот ее точно надо съесть... и салат. Тут две ложки осталось, давай, а?

– О нет, я правда больше не могу... – Уля сдавленно охнула, откидываясь на спинку дивана.

Они сидели за столом, ни на секунду не переставая жевать, подкладывая добавки и облизывать пальцы от наслаждения. Стряпня – простая, домашняя, наполненная любовью и заботой – таяла во рту. И как только Ульяне казалось, что больше ни кусочка не поместится в ее раздувшийся живот, Варя приносила из кухни новую тарелку с пирожками и политой маслом, светящейся изнутри вареной картошкой, или целую кастрюльку горячих котлет, пахнувших так вкусно, что Уля стонала, но тянулась за добавкой.

Когда Варя положила Рэму оставшуюся горку салата, тот решительно поднялся на ноги.

– Ой, нет, старушка, я все. Выключай свой синдром бабушки, ты нас накормила, перекормила, выкормила... Хочешь, можно и на убой. – Он покосился на сидевшую с краю Сойку. – Покурим?

Та молча кивнула в сторону Вари, продолжая елозить вилкой по недоеденному кусочку, – Уле показалось, что Сойка так ничего и не съела, только пила томатный сок из высокого бокала да поглядывала на всех, рассеянно улыбаясь шуткам.

– Совсем она тебя захомотала, а я говорил: хорошее дело браком не назовут. – И вышел за дверь, закуривая на ходу.

Уля притихла, поглядывая на раскрасневшуюся от готовки Варю. Та почувствовала взгляд и улыбнулась.

– Ромка тебе не говорил, что ли? – Она подняла правую руку и потрясла ею в воздухе. Кольцо сверкнуло на солнце, которое щедро лилось из окон. – Неофициально, конечно, сама понимаешь, но все-таки.

– Ой, – смущенно проговорила Уля. За годы побега от жизни она успела отвыкнуть от пар вообще и таких в частности. – Это здорово! Я

вас поздравляю! – нашлась она наконец.

Сойка хмыкнула, отодвигая от себя нетронутую тарелку.

– Ромка – дитя леса, все пускает на самотек, даже не познакомил нас как следует. – И подняла на Улю почти прозрачные, светло-голубые глаза, отличавшиеся от Вариных, как воды горной речки от спокойной глади лесного озера. – Значит, вы соседи, да?

– Представляешь, я подумала, что Уля... та девушка, – громким шепотом сказала Варя и встала, чтобы собрать тарелки.

– Да перестань, привел бы он ее, как же. – Сойка презрительно хмыкнула, помогая соорудить башню из грязной посуды. – Ну и как он живет, наш чудо-мальчик?

Уля принялась было сметать все недоеденные кусочки в одну кучку, но замерла от этого вопроса. Что ответить им, волнующимся за Рэма? Что сам он успел рассказать о своей жизни, такой неуместной в этих стенах? И что теперь говорить Ульяне? Какую ложь топить в лужице правды, лишь бы она прозвучала правдоподобнее?

– Ну, мы живем в неплохой коммуналке, в общем-то. Дешево, но чистенько. Кроме нас – еще две женщины, одна с ребенком. Постоянно что-то моет, – проговорила Уля, старательно улыбаясь.

– Звучит хорошо. – Сойка подхватила башенку тарелок и направилась к кухне, напоследок успев бросить на Улю напряженный взгляд. – А кроме житья в общей коммуналке чем вы занимаетесь?

Варя за стеной уже включила воду и загремела посудой. Разговор она точно не слышала. Уля аккуратно поставила на стол еще одну кружку и выпрямилась.

– Я работаю в страховой фирме. – Это был первый раз за дни после встречи с Гусом, когда Уля вспомнила об офисе. – А Рэм... Лучше тебе спросить у него самого. Мы знакомы неделю, я не люблю выпытывать, а он не слишком разговорчивый.

Сойка смотрела на нее испытующе, будто пронизывая холодной водой.

– Не слишком близки, значит, ну ладно. – Она пожала острыми плечами под мешковатой толстовкой и скрылась за дверью кухни.

Уля судорожно выдохнула. В Сойке не было ни грамма той очаровательной мягкости, которая щедро лилась от каждого жеста Вари. Она вся была мерзлый поток, стремительный и цепкий. И в чем-то подозревала Улю. В чем-то нехорошем, опасном, даже постыдном.

Это было видно по презрительно поджатым губам и по взгляду – так не смотрят на новую знакомую, которую привел в гости старый друг. Не будь на худом пальце Сойки кольца, Уля посчитала бы, что та ревнует.

Входная дверь, скрипнув, открылась, впуская в комнату свежий запах леса и горьковатый – сигаретного дыма. Рэм скользнул в комнату и широко улыбнулся.

– Ну что, Варька заставила тебя все доесть? Она может... – Но, увидев выражение ее лица, замолчал. – Что? – спросил он, подходя ближе. – Полынь?

Уля помотала головой.

– Нет, все в порядке... Когда мы поедем домой? – Ей вдруг стало неуютно в комнате, которая еще четверть часа назад казалась самым лучшим местом на земле.

– А ты хочешь домой? – Рэм прикусил нижнюю губу. – Ну и кто из них, – он кивнул в сторону кухни, откуда раздавался шум воды, – успел тебя обидеть?

– Нет, ну что ты... Они хорошие... Просто что мы тут делаем? Что я тут делаю?

– Я думал, тебе здесь понравилось... – Теперь Рэм выглядел по-настоящему расстроенным.

– Да, но... они твои друзья. А я даже не знаю, что отвечать на их вопросы.

– Забей, а? – Он раздраженно пнул столик, и тот рассерженно скрипнул. – Ты не обязана ничего говорить, я просто привез тебя... и все. Хотел, чтобы ты отдохнула. – Он поморщился. – Идиотизм какой-то. Я поговорю с ними. Это же Варя, да? Она вечно лезет, куда ее не просят.

– Нет, подожди. – Уля вцепилась в его локоть. – Они просто волнуются, ты же ничего не рассказываешь о себе... Конечно, им хочется меня расспросить.

– А что я могу им рассказать? Про Гуса? Про полынь? – не оборачиваясь, глухо проговорил Рэм. – Нам и правда лучше уехать... Глупая была идея.

Услышав его, из кухни, вытирая ладони о полосатое полотенчишко, выскочила Варя.

– Ром, у нас там кран течет, как проклятый. Ты же знаешь, Сойка умеет все, кроме сантехники. Подтянешь?

– Вообще-то, мы уже поедem, наверное... – Рэм отвел взгляд, не желая видеть, как расстроено вытянется Варино лицо после этих слов.

– А почему так быстро? Я думала, вы ночевать останетесь.

– Нет, мне завтра на работу, а Ульяне вечером надо еще делами заняться, да?

Уля осторожно кивнула.

– Почту разобрать, – не особо понимая, что это значит, пискнула она.

– Ну хоть давайте я чаю поставлю, выпьете и пойдете... Пожалуйста, Ром. – Варя сделала маленький шагочек вперед и, словно ребенок, жалобно потянула Рэма за рукав.

Тот вздохнул, покосился на Улю и сдался.

– Хорошо, ставь чайник, а я пока кран посмотрю.

Они вышли из комнаты – Рэм впереди, а Варя следом, продолжая держаться за него, как младшая сестренка за брата, вернувшегося из армии совсем взрослым, почти незнакомым, но точно родным.

Уля потопталась на середине комнаты, не зная, куда себя деть, а потом выскользнула на улицу.

Горячие щеки приятно защекотал прохладный ветерок. Солнце клонилось к закату, продолжая светить безудержно чистым светом, будто понимая, что еще одного шанса может и не случиться. Уля застыла на крыльце, до рези в глазах всматриваясь в разлитое кругом сияние.

Мысли истончились, тревоги ушли далеко-далеко, сердце стучало мерно и ровно в такт свободному дыханию. Лес тянулся к Уле голыми ветками, где-то в отдалении лаяли собаки, с которыми она так и не успела познакомиться, переговаривались люди, пахло костром и сигаретами. А Ульяна стояла на первой ступеньке, запоминая этот миг, пряча его подальше, чтобы все, что еще случится с ней дальше, не пробралось туда, не испачкало памяти о солнце, горьком запахе листвы и леса.

– Тебе здесь нравится? – Голос Сойки заставил Улю вздрогнуть. – У нас. Тебе нравится?

– Да, конечно... Здесь спокойно и уютно.

– Это все Варя, до нее тут был обычный питомник – грязные собаки, уставшие мы, редкие волонтеры, которые сбегали раньше, чем я закрывала вольеры. Но с Варей... – Она достала из кармана сигарету, подержала в пальцах и убрала обратно. – Тут стало по-настоящему хорошо. Она руководит всеми этими группками в Сети, записывает нас на ярмарки и благотворительные фестивали, для каждого пса у нее найдется время и тепло, понимаешь?

Уля вцепилась в деревянную балку, старательно делая вид, что Сойку она не боится.

– Так вот... Рома для нее – не еще один уличный пес, как ты могла бы подумать. Если бы не он... Ее бы здесь не было, и со мной бы не было, и вообще бы не было. Я обязана ему, потому и лезу в ваши дела. Когда он пропадает, Варя сходит с ума, она даже молится... Хотя не верующая совсем. Лишь бы он вернулся. Злой, побитый, но живой. – Сойка подошла вплотную, теперь Ульяна чувствовала ее дыхание на своей коже. – Она винит себя, что Ромка вляпался в какую-то беду и столько лет не может выбраться.

– Почему? – прошептала Ульяна, чувствуя, как страх сжимает горло.

– Тебе виднее. – Сойка навалилась на нее, прижимая к балке, и одной рукой вцепилась в запястье – рукав сбился, оголяя травяную вязь на коже. – Я знаю, что у Ромы точно такая же татуировка. А еще знаю, что в самом начале ее не было. Так что скажи мне, Ульяна, чем живет наш чудо-мальчик?

Уля дернулась, но Сойка была куда сильнее.

– Что это у вас? Секта? Или, я не знаю, банда, группировка, клан? Говори!

– Отпусти меня, – только и сумела выдавить Ульяна. – Я не знаю, я ничего не знаю. Отпусти.

– Наколка. Как у Ромы. Откуда она у тебя?

– Да это типовая, у половины Москвы набито что-то похожее. – Уле почти не пришлось играть, добавляя в голос слезы. – Мне больно, отпусти!

Сойка на секунду замерла, ее крепкое, жилистое тело больно придавливало Ульяну, мешая вдохнуть.

– Я тебе не верю, – процедила она, расслабляя хватку, и зашла в дом.

* * *

Чай они пили в тишине. Варя пробовала что-то говорить, но ее слова вязли, и она растерянно улыбалась, замолкала, жалобно поглядывая на остальных. Сойка сидела на самом углу, нервно постукивая ложкой по краю блюда, и не сводила тяжелого взгляда с Ули, которая к угощению не прикоснулась вовсе. Даже будь она голодной, ком встал бы в горле от этой тишины и злых глаз напротив.

Один Рэм с удовольствием жевал еще теплые пирожки, что-то набирая в телефоне. Когда он наконец поднялся из-за стола, Уля с облегчением вздохнула и поспешила на улицу. Варя выскользнула вслед за ней, пока Рэм прощался на пороге с Сойкой и прибежавшим Базилем, который оставался таким же всклокоченным и счастливым, как все уличные псы, сумевшие обрести дом.

– Я очень рада, что ты приехала, – горячо заговорила Варя, беря Улю за руку. – Только ты грустная, тебя, наверное, Сойка чем-то обидела, да? Не бери в голову, пожалуйста, она сложно сходится с людьми... – И, не слушая жалкого бормотания в ответ, повернулась к Рэму. – Обещай, что в следующий раз снова возьмешь ее к нам. Обещаешь?

Тот кивнул, обнимая подругу за плечи. Уля заметила, как глубоко он напоследок вдыхает в себя запах дома и живой теплой женщины, только что отошедшей от плиты. Варя вздрогнула, шепча что-то несвязное, еще крепче его обхватила, но Рэм уже отстранился и зашагал по тропинке.

– До свидания, – проговорила Уля, не зная, что еще сказать. – Спасибо за обед... – Но Варя ее не слушала, продолжая неотрывно смотреть вслед удалявшейся фигуре.

Ульяна догнала Рэма только у перелеска. Он молча шел вперед, низко опустив голову.

– Если тебе так хорошо здесь, то почему ты уезжаешь? Они ведь тоже в тебе нуждаются.

Рэм дернул плечом, но все-таки ответил.

– А сама как думаешь? Жить здесь, с ними... когда я такой?

– Они бы приняли тебя любым.

– Я знаю... Но обречь их на себя не могу.

Быстро темнело. Лес больше не казался прозрачным и звенящим, он наполнился тенями – те прятались между стволами, подглядывали

за идущими, норовя броситься им под ноги корнем или веткой. Уля осторожно ступала по хлюпающей листве, пытаясь найти слова, чтобы разорвать напряженное молчание. Наконец она решилась.

– Послушай. – Рэм сбавил шаг, но не обернулся. – Сойка знает про татуировку.

– Да, я как-то задрал рукав, пока сток прочищал... и она увидела. А что?

– Мою она тоже заметила, – виновато проговорила Уля. – Видимо, когда я пса гладила... Прости.

Рэм помолчал, откидывая с дороги поваленную корягу.

– И что ты ей сказала?

– Что это совпадение. Что мы ни в какой секте не состоим. Что пол-Москвы ходят с такими веточками... Она не поверила.

– Ну еще бы.

– Рано или поздно тебе придется рассказать им хоть что-нибудь. Или перестать сюда ездить. – Уля чувствовала, что ее несет, но не могла остановиться. – Варя так к тебе привязана, она очень волнуется... а ты только хуже делаешь своими внезапными приездами... и отъездами.

Рэм остановился. Под его ногами мягкий ковер опавшего леса сменялся каменистой дорожкой к станции. Он замер на самой границе, чуть покачиваясь на пятках. Ветер трепал его волосы, взлохмаченные Вариной рукой. Уле захотелось пригладить их ладонью, прижаться к Рэму, ощутить тепло. Встряхнуть его, вновь погружавшегося в пучину полынных тревог. Но то, что так легко и бездумно происходит ночью, почти всегда оказывается невозможным в лучах солнца. Даже закатного, уходящего за мрачный осенний горизонт.

Потому Уля осталась стоять, обхватив рукой холодный ствол ближайшего дерева. Где-то вдалеке раздался протяжный гудок электрички. Рэм встряхнул головой и пошел по тропинке к станции.

Они успели купить билеты, вскочив в пыхтящий вагон за секунду до отправления. Тьма за окнами, мутными и запотевшими, сгущалась, точно не было никакого солнца и воздуха, терпкого на вкус. Уля устало вытянула ноги и прислонилась плечом к тонкой стене. Рэм сел напротив, сумрачно уставившись в пол. Говорить не хотелось, да и не о чем было. Попытка бегства от полынной реальности с треском провалилась. А невозможность сказать правду, помноженная на

долгую ложь, оказалась такой же удушающей, как травяная горечь чужой смерти.

Уля почти задремала, убаюканная теплом и мерным покачиванием, когда раздался приглушенный голос Рэма:

– А ты сама как справляешься с этим? Что говоришь родным? Друзьям?

– Знаешь... – Ульяна тяжело сглотнула, прогоняя мигом накрывшую ее дурноту. – У меня просто не осталось никого, кто мог бы задать вопросы. Я... не общаюсь с матерью, отца у меня никогда не было. Так что... в каком-то смысле мне повезло.

– А друзья? Не поверю, что ты всегда жила одна в квартире с сумасшедшими бабками.

– Нет, конечно, до... всего этого... рядом со мной была куча народа. Но сам знаешь, как бывает. Страх, что полынь придет ко мне через них. – Уля стиснула кулаки и медленно их разжала, на ладони отпечатались следы ногтей. – С этим сложно оставаться душой компании.

– И что? Ты просто ушла? И никто тебя не искал? – Рэм хмыкнул. – Так не бывает. Обычный мир так просто не отпустит из своего распорядка молодую девчонку. Тебя должны были вернуть домой с полицией.

– Тебя же не вернули, – буркнула Уля. Разговор нравился ей все меньше. – А я была старше, чем ты, когда все началось.

Рэм хотел сказать что-то еще, но Ульяна натянула на лоб капюшон и отвернулась. Прошлым вечером она была готова ему все рассказать. О солнечном утре последнего нормального дня ее жизни, о красной сандалке, упавшей на асфальт, и о полыни, что на мгновение опередила грузовик. Даже о Никитке. Каким забавным он был, смешным и добрым. Как любил сидеть рядом, привалившись к ней боком, как сопел, как пихался локтем. Как приносил сок и печенье, когда она болела. И как медленно стекленели его удивленные глаза, направленные в то яркое июльское небо.

Но Рэм не спросил. Он сам тонул в океане горечи и крови. Он сам не знал, как выбраться на сушу и есть ли этот берег вообще. Уля просто не решилась вывалить на него тяжесть своих воспоминаний. Может быть, когда-нибудь потом, в следующий раз.

Но шумный вагон, который плелся сквозь сгущающиеся сумерки, не был тем самым шансом раскрыть душу. Яркий свет ламп обесценивал все, что звучало здесь, делая любую истину базарной болтовней. Рэм и сам это понял, потому умолк, провожая глазами станции, которые медленно отсчитывали их путь домой.

Двери вагона разъехались, и внутрь ввалилась женщина с большой сумкой. Она зашуршала пакетами, щелкнула кнопкой маленького приборчика, и ее голос разнесся между сиденьями.

– Предлагаю вашему вниманию товары для дома, – заученно пробубнила она. – Универсальная овощерезка – помощница любой хозяйки...

Уля скривилась: дорожные продавцы вызывали у нее неконтролируемое раздражение. Их наигранное воодушевление, неподъемные баулы, громкие голоса и навязчивые выкрики – все это мешало забыться сном – единственным способом пережить долгую дорогу после работы. Но Рэм встрепенулся.

– Что, хочешь овощерезку приобрести? – насмешливо спросила Уля.

– Да, Варя просила купить ей такую насадку на кран... – И вдруг осекся, замер, понимая, как несуразно выглядят его попытки быть семьянином. – Послушай, я сам не хотел, чтобы она ко мне привязалась. Так вышло. Это... как болезнь, что ли. После пережитого стресса. Даже название какое-то есть.

Рэм выглядел смущенным и потерянным, казалось, он сам не понимает, почему оправдывается, но остановиться уже не мог.

– Она сказала, что чем-то обязана тебе. Что ты ее спас, – тихо подсказала Уля.

– Можно и так сказать. – Он поморщился. – Помнишь, я рассказывал, что жил в Клину? Там была мутная компания, ничего хорошего. Варя жила в соседнем подъезде. Вот к ней и пристали. Короче, я вступился, когда ее пытались изнасиловать.

Уля шумно выдохнула, чтобы сдержать болезненный стон. Милую, нежную Варю, полную истинной женской силы, никак не выходило представить в грязной подворотне. Тем более в руках каких-то отморожков. Даже мысли об этом навязчиво отдавали полынью – горько и мерзко.

– Собственно, тогда я на деньги и попал. – Рэм скривил губы в жесткой усмешке. – Со всеми вытекающими... а Варя до сих пор думает, что это ее вина.

По проходу уже начала свое грузное движение продавщица. Рэм махнул рукой, подзывая ее к себе. Пока он рылся в коробке с насадками, выбирая нужную, Уля неотрывно смотрела на него, все думая, как столько боли вмещается в одно худое измученное тело. Она сама, пережившая куда меньше, с трудом держалась на ногах, готовая рухнуть под гнетом вины и памяти. А этот парнишка не только умел говорить о прошлом, но и жить с ним, как с данностью.

Ульяна не отвела взгляда, когда Рэм расплатился, спрятал пакетик в карман и наконец-то на нее посмотрел.

– Что? – спросил он. – Слишком много исповедей для такого недолгого знакомства? Прости. С похмелья меня несет не меньше, чем с бухла. Больше не буду. – И, помолчав, продолжил: – Просто мне хочется, чтобы ты поняла: в жизни вообще много всякого говна – ни вычерпать его, ни пройти, не испачкавшись. Но это не значит, что ты обязана торчать в грязных клоповниках и оплакивать прошлую жизнь, пока не помрешь.

– Я просто боялась их смертей, поэтому и сбежала, – чуть слышно выдохнула Уля, едва шевеля онемевшими губами.

– Знаю. Но сейчас ты научилась этим управлять. – Рэм улыбнулся. – Ведь правда, научилась. У тебя есть еще целый месяц на жизнь, успеешь сделать хоть что-нибудь толковое.

Вагон дернулся и остановился. Пора было выходить, но Уля не чувствовала ног. Сказанное больно ударило ее, пригвоздило к истертому сиденью стыдом и болезненным пониманием – Рэм прав. И в том, что последние годы она тонула в пустых сожалениях, и в том, что времени осталось всего ничего. Месяц. Один-единственный месяц. Пока не закончится игра. Только богу известно, что будет после. Если бог, конечно, имеет здесь хоть какую-то власть.

– Пойдем. – Рэм склонился над Улей, протягивая ладонь. – Вечно ты так... слишком много думаешь, сидя на месте. А иногда нужно просто идти дальше. Особенно если твой поезд остановился на конечной.

Город встретил их промозглым ветром, начал накрапывать привычный маленький дождь. Уля запнулась, спрыгивая с лестницы,

Рэм подхватил ее и положил на плечо тяжелую руку. Так они и пошли. Молчаливые, нахохлившись, словно два воробья на проводах. Рассеянный желтый свет фонарей вытягивал их тени, сливая силуэты в один – многорукий, похожий на чудище из детской сказки, – и он скользил впереди, чуть обгоняя идущих.

В первый раз Уле не хотелось, чтобы дорога от станции к дому заканчивалась. Этот долгий странный день ставил точку на всей ее прошлой жизни, давая отчет лунному месяцу игры. И отчего-то Ульяна знала: Рэм не пойдет с ней дальше. Он останется по эту сторону. Мрачно курить, согревая ободранные пальцы, ежиться, втягивать голову в плечи и кривить губы горькой усмешкой.

И пока они шли по двору к подъезду, и пока поднимались по лестнице, звенели ключом в замке и проходили в пустой сонный коридор, она все ждала, что сейчас Рэм исчезнет, растворится в тишине, будто его и не было.

Они замерли в паре шагов друг от друга, не зная, как разойтись, что сказать, но и не в силах вымолчать рвущееся наружу. Рэм мял в пальцах сигарету, не решаясь закурить, и смотрел в сторону, где слабый свет молодой луны пробивался через открытую дверь кухни. Наконец он поднял на Улю глаза. В сумрачном свете они налились плотной, осязаемой тьмой. Горькой, как полынь, как невысказанное прощание.

– Ну. До встречи, да?

– Да, Ром... – Слова царапали горло. – До встречи.

Выговорить что-то еще было невозможно. Уля зажмурилась, лишь бы не видеть, как Рэм сейчас развернется, сделает два шага к своей двери и хлопнет ее. А завтра его, конечно, здесь не окажется. И все обернется сном, полынным туманом из-за стены.

Послышался шорох, потом шаги. Уля судорожно глотнула воздух – вместо привычной пыли коридора в нос ударила дымная горечь и запах живого горячего тела. Не открывая глаз, Уля подалась вперед, но Рэм нашел ее первым. Его жадные сухие губы, еще вчера так яростно, до синяков впивавшиеся в Улину шею, стали вдруг робкими. Словно Рэм и не знал, как это – целовать кого-то, задыхаясь от щемящей нежности, а не от голода и страха оказаться одному.

Уля провела ладонью по его колючей щеке, позволяя миру терять свои очертания, уходить плавной дугой, забирать с собой все лишние

мысли. Тьма сгустилась вокруг – в ней утонули и замызганный коридор, и дверь, которая больно впиалась Уле в спину. Остались лишь горячее дыхание и губы Рэма – нежные, упоительно горькие – это сама польнь целовала ее сейчас, притягивая к себе и сводя с ума.

Когда зазвонил телефон, Уля почти уже поверила, что глупые предчувствия ее обманули. Она все никак не могла оторваться на единственный миг, чтобы отпереть дверь, ввалиться в комнату, расстегивая на ходу ставшую тесной куртку, чтобы наконец перестать балансировать на грани сознания и шагнуть туда, в сладостную тьму, крепко прижимаясь губами к Рэму.

Но телефон звонил. В самом деле звонил. Надрывно, мерзко, увеличивая громкость каждой новой трели. Рэм отшатнулся. В темноте блеснули его расширенные зрачки. Он медленно засунул руку в карман, достал телефон и, не взглянув на экран, поднес его к уху.

Из динамика не раздалось ни звука – только тишина, нарушенная было звонком, снова обволокла их. Уля с трудом перевела дух. В сумраке коридора разглядеть выражение лица Рэма не получалось, но она отчетливо слышала, как прервалось его тяжелое дыхание.

Каким-то новым, не умевшим ошибаться чутьем Ульяна поняла, что звонит кто-то чужой, кто-то смертельно опасный. Может быть, не сам Гус, но соизмеримый ему. Тот, кто наблюдал за ними все это время.

Между лопатками заструился холодный пот. Пульс оглушающе бился в ушах. Мерзкая дурнота, отступившая было, поднималась к горлу. Рэм продолжал стоять, прижимая к уху немой телефон. Через силу, будто рассекая плотную воду, Уля потянулась к нему ладонью.

– Рэм... – Сиплый шепот неожиданно громко разнесся по коридору.

Парень вздрогнул всем телом, приходя в себя. Он медленно опустил руку, в которой сжимал трубку. Теперь Уля видела, каким мертвецки бледным стало его лицо. Рэм тяжело сглотнул, засунул телефон в карман и попятился, словно боясь поворачиваться спиной.

– Рома, – повторила Уля, не чувствуя, как слезы начинают течь по щекам. – Рома, пожалуйста...

– Мне нужно идти... – Чужой скрипучий голос заставил ее сдавленно вскрикнуть от ужаса.

Звякнули ключи. Рэм проскользнул в приоткрывшуюся дверь. Воцарилась тишина.

Уля всхлипнула, прижав к лицу сжатые ладони, и медленно сползла по стене. Из кухонного окна на пол лился холодный свет молодой луны.

Номер SOS

В жизни каждого есть номера, которые нет смысла записывать в адресную книжку или забивать в телефон. Они и так отпечатаны в памяти и вспыхивают неоновой вывеской перед глазами, стоит лишь вспомнить о человеке. По ним скользит палец, как только дисплей зажигается окном набора. Те самые цифры, что без запинки продиктуешь на одном дыхании, разбуди тебя на рассвете.

Номера SOS. Мамы, отца, учителя йоги, того, кто засыпает с тобой под одним одеялом, надоедливого соседа сверху. Каждому свое.

Для Ульяны номер Вилки был именно таким. Одиннадцать цифр, в последовательности которых не ошибиться. Сколько раз она звонила? Сколько дозвонив кидала, сколько СМС? Не задумываясь, не медля, просто потому что голос подруги был тем самым голосом, способным поддержать, рассмешить, вселить беззаботную уверенность в простое и понятное «все будет хорошо».

Потому-то так жутко было извлекать эти цифры из самого далекого уголка памяти, куда Уля их сама же запрятала, схоронила, оставив еле заметный холмик сырой земли. Никаких крестов, никаких опознавательных знаков, ничего, что приведет ее обратно. Тогда дороги назад просто не существовало. Полынь властвовала над всей жизнью, окружая ее, отрезая пути к отступлению.

Теперь Ульяна сидела на продавленном диване сырой комнаты, сжав в потной ладони темную коробочку телефона, и не могла заставить себя нажать на клавишу с потертой восьмеркой. У ее ног стояла прозрачная пластиковая коробочка террариума. Внутри, недовольно шурша камушками, ползал голодный Ипкинс.

От ночи, проведенной на холодном полу коридора, ломило спину. До самого рассвета Уля не сводила воспаленных глаз с запертой двери Рэма. За ней не раздавалось ни единого звука. Ни шороха шагов, ни случайного покашливания, ни скрипа топчана под весом тела. Царство полного безмолвия. словно бы скрывшийся там Рэм истончился в неверном свете молодой луны и исчез, а может, его и вовсе никогда не было.

Сон подкрадывался к Уле ненавязчиво, чуть заметно, неотвратно. Веки тяжелели. Жаркая куртка, которую она так и не додумалась стянуть, становилась уютным коконом одеяла. Хотелось свернуться калачиком прямо на полу и уснуть. Сама того не замечая, Ульяна проваливалась в дрему, ощущая томительную, сводившую скулы тревогу, но ничего не могла с собой поделать. Тяжелая голова так и норовила упасть на грудь. Дыхание становилось глубоким, силовым.

Уля вздрагивала всем телом и просыпалась. Бросала испуганный взгляд на дверь, но та оставалась закрытой. Больше всего на свете Уля боялась пропустить момент, когда Рэм с сумкой и Ипкинсом выйдет наружу, оставит ключ в замке и перешагнет порог квартиры, чтобы никогда больше сюда не вернуться. Ульяне было необходимо увидеть его еще раз. Увериться, что его кожа не приняла глянцевого вид пластмассы, а глаза под нахмуренными бровями не обратились в прозрачно-кукольные пуговицы. Что весь он не стал похож на ростового манекена, целлулоидную куклу из страшного детского сна.

Но, конечно, Уля его упустила. Когда сон снова накрыл ее измученное сознание пеленой сумбурных видений, она поддалась его вкрадчивой силе всего на одно мгновение, которого хватило, чтобы безжизненный рассвет за окном сменился утром. За стеной шумело семейство Оксаны, Наталья тяжело топала в своей комнате, а дверь Рэма, настежь открытая, блестела в сумрачном осеннем свете связкой оставленных в замке ключей.

Ульяна вскочила, беззвучно охая от острой боли в затекшей пояснице, и застыла на пороге покинутой комнаты. По вещам, разбросанным на полу, казалось, что Рэм и не думал собираться, что он провел эту ночь, застыв у дверного глазка в ожидании, когда Уля наконец уйдет к себе. Или крепко уснет.

Осторожно обойдя комнату, Ульяна наткнулась на одиноко стоявший в углу террариум. Ипкинс в нем выражал все негодование, на которое только может быть способна черепаха. Вытянув шею, он смотрел на Улю крошечными бусинками глаз, будто спрашивая, куда делся Рэм, почему он все еще не покормил его, хотя утро давно уже началось. Уля отыскала на подоконнике жухлый листок и протянула черепахе. Ипкинс чуть слышно фыркнул и поспешил к еде. И пока он отдирает от салата кусочки, придерживая его на месте корявой лапицей

с длинными когтями, Уля продолжала стоять у стола, нервно постукивая по дереву костяшками пальцев.

Вчерашний испуг Рэма еще отзывался в ней, как эхо пронзительного крика в горах. Звонок привел парня в ужас, одним мигом сломав его волю. И если он сбежал, бросив вещи, бросив Ипкинса, бросив Улю, скорчившуюся у порога, значит, страх этот был сильнее, чем мог выдержать человек. И некого тут винить. Точно не Рэма. А тому, кто повинен во всем на самом деле, глубоко плевать на любые обвинения.

Ульяна задержала дыхание, учась жить с еще одной потерей, и медленно выдохнула. Потом подхватила тяжелую коробку террариума и вышла из комнаты, прикрыв за собой дверь.

Мысль позвонить Вилке назойливо вертелась в голове со вчерашнего вечера. То, как решительно защищал свое право на близких Рэм, как уверенно он цеплялся за прошлое, за Варю и Сойку, за их размеренную жизнь, сбило Улю с толку. Она была уверена, что прошлое навсегда утеряно вместе с людьми, которые его населяли. Но ведь получилось у неприкаянного Рэма сохранить в себе Ромку, так почему она боится оглянуться? Чем она рискует? Одиночеством? Серой комнатой с плесенью по углам? На кону стояло куда больше – целый месяц жизни, возможно, последний ее месяц.

Тишина забивалась в уши. Оказалось, что пары громких, сметающих все на своем пути дней с Рэмом хватило, чтобы привыкнуть к жизни рядом с людьми. К разговорам и смеху. К тому, что раньше наполняло всю ее, не оставляя ни минуты тишины. Но Рэма больше не было рядом. Он сбежал, гонимый своими демонами. А Вилка была. В это Уля все еще верила. Потому и сжимала в ладони телефон, не решаясь набрать номер.

Что, если Вилка не узнает ее голос? Что, если равнодушно бросит пару дежурных фраз и нажмет отбой? Что, если она давно сменила номер? Что, если Уля со всеми ее необъяснимыми бедами окажется ей ненужной и чужой?..

– Нет, глупая идея, – прошептала Ульяна, откладывая телефон.

Ипкинс равнодушно возился в камнях, всем своим видом давая понять, что он ни капли не удивлен ее малодушию. Пора было вставать, выходить наружу, закрывать глаза, как учил Рэм, и искать будущих мертвецов. Готовых бросить свою смерть напоказ. Глупый

стишок назойливо закрутился на языке, как припев детской песенки. Уля поморщилась, и он сбежал.

Выходить на охоту не было сил. Прямо как вставать к первой паре в холодном ноябре. Только не сейчас. Ну пожалуйста. Еще пять минуточек. Только просить об отсрочке было некого, никто не подгонял ее вперед. Просто время бежало, отсчитывая лунный месяц. И где-то совсем близко плотоядно потирал сморщенные ладони Гус.

В ее же руке продолжал лежать телефон. Не давая себе ни секунды задуматься, Уля быстро набрала одиннадцать заветных цифр и нажала зеленую клавишу. В динамике зашумело соединение. Уля испуганно охнула, но поднесла трубку к уху. Первый гудок набатом разнесся по всей комнате, да что там, по всему миру. Землетрясения, цунами, сдвиги тектонических плит – вот что мог вызвать этот гудок, вот что он вызвал в застывшей Уле. Один. Второй. Третий.

На четвертый раздался делано официальный голос Вилки – она всегда отвечала на незнакомые номера голосом выдавшей виды секретарши.

– Я вас слушаю.

Уля попыталась, но не смогла издать ни звука.

– Я вас слушаю, – повторила Вилка. – Алло!

Уля пробормотала что-то несвязное, чувствуя, как дрожит рука с телефоном.

– Что? Я вас не слышу! Кто это? – Вилка начинала сердиться.

– Это я... – Слова застревали в горле.

– Кто? – Секундное молчание, и наконец чуть слышный выдох: – Улька, ты?

Ульяна прижала вторую ладонь ко рту и всхлипнула.

– Улька... Улечка, я не верю, это правда ты? – причитала Вилка, громко шмыгая. – Где ты? Господи, скажи мне, где ты, я приеду, пожалуйста, Улечка!

* * *

Как они договаривались встретиться в старом кафе напротив универа, о чем говорили при этом, что вообще происходило те полтора часа, пока Ульяна добиралась до места, продолжая сжимать в кулаке телефон, она толком не помнила. Тепло, накрывшее ее плотным, мягким одеялом при первом звуке Вилкиного голоса, отделило Улю от

остального мира – ласковая пелена внезапной близости с кем-то родным, понятным, далеким от ужасов теперешней жизни. Уля давно перестала мечтать об этом, смирившись с полынной данностью. А оказалось, что все это время Вилка была рядом, на расстоянии одного звонка.

Уля ввалилась в пахнувший кофе и корицей холл и огляделась. Ей показалось, что за годы ее отсутствия тут почти ничего не изменилось. Даже бородатый бармен у стойки был тот же самый, только татушек на руках поприбавилось.

Рассеянно кивнув в ответ на приветствие девочки-официантки, Уля прошла в глубь зала. Ноги сами несли ее к любимому столику в самом углу, рядом с кованой вешалкой. Там, спиной к проходу, сидела Вилка. Ее хрупкие плечи тонули в клетчатом шарфе, она куталась в него, ежась и чуть вздрагивая каждый раз, когда мимо кто-то проходил. Уля нерешительно замерла, но официантка слегка подтолкнула ее вперед, продолжая щебетать что-то о новых согревающих коктейлях и необычайно вкусном штруделе от шефа.

Услышав их, Вилка с шумом отодвинула стул и вскочила на ноги, но так и не решилась обернуться, пока Уля сама не подошла к ней и не прикоснулась дрожащей ладонью к клетчатому плечу. Когда они, взыв, вцепились друг в друга и застыли, чуть покачиваясь из стороны в сторону, всхлипывая и лопоча что-то неразборчивое, официантка хмыкнула, положила на столик две папки с меню и пошла по своим делам.

– Вилка-а-а, – тянула Уля, размазывая по щекам слезы. – Как же я скучала...

– Молчи! Это ты пропала! Мы с мамой чуть не рехнулись, искали тебя... а когда твои съехали...

Ульяна разжала объятия и медленно опустилась в кресло.

– Съехали? – Сердце больно сжалось, но почти сразу отпустило.

– А ты разве не знаешь? – Вилка потерла красные глаза и уставилась на подругу, удивленно моргая. – Почти сразу... – и сморщилась. – Господи, я столько всего хотела тебе сказать, а сейчас никак не соберусь с мыслями. Как ты? Где ты? Почему не звонила?

Этих вопросов Уля боялась не меньше полыни, которая могла настигнуть их в любой момент. Она беспомощно опустила ладони на столик и принялась вертеть в пальцах меню.

– Ох, да что я? – Вилка подалась вперед и нерешительно погладила подругу по запястью. – Прости... Это все неважно, не хочешь, не рассказывай. Главное, что ты здесь. Уль, я так скучала...

Она выглядела испуганной. Было заметно, что собиралась сюда Вилка второпях: грязные волосы собраны в неряшливый хвостик, тушь осыпалась, а потом и размазалась от слез, подчеркнув синяки под глазами. Вилка нервно покусывала ноготь на большом пальце, как всегда делала в моменты наивысшего волнения.

Уля всматривалась в знакомые черты, толком не зная, что сказать. Внутри нее зрела глухая злость на Рэма. Он так уверенно и легко говорил о прошлом, от которого нет смысла отворачиваться, будто вернуться будет самым простым и легким на свете. И океан вопросов, оправданных и верных, не собьет решившего причалить к родным берегам беглеца.

– Ты так похудела, – вдруг сказала Вилка и сама удивилась прозвучавшим словам: – Что я вообще говорю? – Потерла лоб, помолчала, но молчание явно давило на нее сильнее, чем на привыкшую к нему Ульяну. – У тебя точно все в порядке?

– Да. У меня все хорошо. – Уля слабо улыбнулась. – Я просто... должна была уехать. Так сложно это все... я не справилась. Потому сбежала. Вил, прости меня... Ты не заслужила, чтобы я вот так... Не объяснившись... Сначала исчезла, потом появилась. Просто мне сегодня стало совсем невмоготу, а один человек... Сказал, что нельзя постоянно бежать. Вот я и позвонила.

– Это хорошо, что позвонила! – Схватившись за ее сбивчивые объяснения, как за соломинку, Вилка распрямила плечи и улыбнулась. – Ну, рассказывай, где работаешь? Или учишься?

– Работаю... На одного человека. – Про страховую фирму Уля и не вспомнила. – Собираю для него... всякие вещи.

– О-о-о! Антиквариат?

Колючий смешок почти вырвался из Улиного рта, но она сдержалась.

– Типа того. А ты? – Говорить о таких обыденностях было до смешного просто.

– А я бросила филфак. – Вилка пожала плечами. – Как ты... – Она сбилась. – Уехала. Так я и бросила осенью. Перешла на социальную психологию. Изучаю всякие подростковые девиации. Помнишь,

какими мы были? Так вот! Бывает куда хуже! – И засмеялась, легко и беззаботно.

Уля заставила себя улыбнуться, губы через силу растянулись. Какой диагноз поставила бы ей Вилка, расскажи Уля правду, знать не хотелось.

– А там познакомилась с аспирантом. Зовут Влад. Во-о-от... – Она лукаво поглядела на Улю и вытянула правую руку, демонстрируя тоненькое колечко с бирюзовым камешком. – Мы съехались год назад, а весной собираемся расписаться.

Еще одна слабая улыбка оказалась единственным, что Уля сумела выдать из себя.

– Поздравляю, – проговорила она, просто не зная, что еще сказать.

Вилка чуть нахмурилась и тут же жалобно ойкнула.

– Ты сказала, что у тебя что-то случилось сегодня... Ты рассталась с кем-то?

Сумрак коридора, жадный, голодный поцелуй в дверях, пронзительная трель телефона пронеслись перед Улей. Затекшую за часы сидения на полу поясицу снова кольнуло.

– Да... Можно и так сказать.

– Улечка, да забей. – Вилка снова погладила ее по запястью чуть ближе к кисти, чем начиналась скрытая рукавом ветка полыни. – Ты такая красавица, еще сто штук себе найдешь! По кофейку?

Уля кивнула, убирая руку и натягивая рукав до самых пальцев.

– Давай. Мне капучино.

– С корицей и шоколадной крошкой, я помню. – Вилкины глаза были добрые-добрые, но тревожные-тревожные.

Они молчали, прислушиваясь к шуму кофейной машины, пока официантка не принесла две больших чашки кофе и осторожно поставила между ними блюдце с печеньем. Это было особой фишкой заведения, за которую его так любили голодные студенты.

Уля обхватила ладонями горячие керамические бока и втянула плотный аромат свежесваренного кофе. Ей вспомнился картонный стаканчик, купленный у метро всего за пару минут до того, как Вилка обогнала ее на узкой тропинке к дому. Подруга угадала ее мысли и, шумно отхлебнув из своей чашки с высокой шапкой взбитого молока, спросила:

– Слушай, а я не могла тебя видеть... у нашего метро пару дней назад?

Уля сделала маленький глоток и зажмурилась, наслаждаясь сливочной горечью на языке.

– Да... я была там. Не решилась тебя окликнуть.

– Я потом Владу так и сказала, что это, кажется, была ты... а он отмахнулся: мол, у меня глюки. Такой дурак... – Вилкин голос потеплел, она не смогла сдержать глупой влюбленной улыбки. – Я так хочу вас познакомить! Давай ты к нам приедешь?

Ответить было нечего. Врать не хотелось, хватило глупости про антиквара Гуса, но и мысль, что Уля когда-нибудь поедет в гости к будущей семейной паре слушать, как нелегко дается подготовка к свадьбе, откровенно смешила. Насколько легко было говорить с Рэмом о страшных, неминуемых, жестоких в своей реальности вещах, настолько сложно оказалось поддерживать легкую беседу с подругой. Хотя именно так, за болтовней в кофейне, они проводили долгие часы каждый день. Даже без участия полыни, которая смиренно пряталась теперь на задворках Улиного сознания, оказаться своей в этом странном мире обычных людей стало почти невозможным. Нужно было срочно искать пути отхода. Уля сделала большой глоток, обжигая язык, и подняла взгляд на Вилку, которая выжидательно смотрела на подругу.

– Может, в пятницу?

Еще один глоток горячим комом провалился в горло. Уля медленно поставила чашку на стол и вытерла салфеткой пару расплесканных капель, раздумывая об ответе. Бармен за стойкой громко звякнул стаканами и включил висевший на стене телевизор. Вилка обернулась на звук. На экране появилось озабоченное лицо ведущей. Совсем молодая девушка с темными вьющимися волосами поправила очки и продолжила прерванный роликом репортаж.

– Эти подростки называют себя зацеперами. В поисках острых ощущений они катаются на крышах вагонов, вагонных сцепках электричек и скоростных поездов. Часто – со смертельным исходом.

Кадр сменился: теперь на экране неслась пригородная электричка. Держась за выступы последнего вагона, на нем со смехом и визгом повисли трое парней. Они что-то кричали оператору, размахивая руками. Уле показалось, что самый высокий из мальчишек сейчас

сползет вниз, рухнет на рельсы и пока инерция будет тащить его вперед, от этой хрупенькой фигурки не останется ничего, умеющего материться и нахально скалиться в камеру.

Но поезд скрылся, и в кадр вернулась девушка-репортер.

– Сегодня зацепинг – это молодежное движение со своим уставом, традициями, негласными правилами этики, языком общения. Многочисленные группы трейнсёрферов общаются в Сети, создают сообщества. Остановить таких экстремалов-любителей могут только серьезные травмы, которые, впрочем, не заставляют себя ждать. – Девушка сморщила аккуратный носик. – Молодые люди получают тяжелые увечья, падая на железнодорожные пути, погибают от удара током во время езды на крыше поезда. Но даже прямая угроза жизни и многотысячные штрафы их не останавливают.

Вилка кивала, слушая репортаж, а потом повернулась к Уле.

– Хорошая программа, нас ее в универе заставляют смотреть, называется «Номера SOS», не слышала? Ну да ладно, я просто писала работу на эту тему. Многие из таких ребят живут в обеспеченных семьях и таким образом просто пытаются обратить на себя внимание вечно занятых родителей. Им не хватает проблем в реальной жизни, они ищут приключений на стороне. Дураки, конечно. – Она рассеянно улыбнулась. – Но насильно никого счастливым не сделаешь, так ведь?

Уля кивнула, продолжая вслушиваться в бормотание телевизора. Внутри зарождалось ощущение тревоги и томительного ожидания скорой беды. На языке привычно горчило. Рядом с ней сейчас был тот самый будущий мертвец. И Вилка казалась самым подходящим кандидатом. Потому Уля не отрывала взгляда от экрана, только бы не смотреть подруге в глаза, судорожно обдумывая, как бы провалиться сквозь землю. Потому что увидеть смерть в счастливой невесте, беззаботной болтушке Вилке было выше Улиных сил. Она так долго бежала от этого, обрывая все связи, не оборачиваясь, не давая себе права на возвращение. И надо же было послушаться Рэма! Повестись на его сладкие речи о полыни, которая уже подчинена. Поверить, что она никогда больше не обрушится на Улю потоком невыносимого горького знания.

Девушка на экране все говорила и говорила, крутились ролики, в которых оборванные грязные подростки, запрыгивавшие на товарняк, сменялись хорошо одетыми парнями, лихо высовывающимися из

дверей несущегося вагона. Вилка тоже что-то щебетала, рассказывая, как пыталась пообщаться с таким вот зацепером, пока писала свою работу, и как далеко она была послана в ответ на все свои исследовательские потуги. Уля кивала, думая, что, вот, еще минута, и она встанет, рассыпаясь в тысяче извинений, подхватит куртку и побежит отсюда, не чувствуя ног, а потом, конечно, придется менять номер телефона, чтобы Вилка никогда ее больше не нашла.

Размышляя об этом, Уля не сразу поняла, что мир начал расплзаться, кафе наполнилось густым полынным туманом. Он заволок все – и столики, и барную стойку, и официантку, и посетителей, и даже Вилку. Один лишь экран телевизора на стене продолжал светиться чуть размытым в белесом мареве пятном.

Кудрявую репортершу сменил фарфорово красивый, очень худой мальчик. Ролик определенно снимался на телефон, но даже дрожащая, замыленная картинка не могла скрыть аристократических черт паренька. На вид ему было не больше восемнадцати. Откинув капюшон со смоляных волос, он посмотрел прямо в камеру. Полынь уже захлестнула Улю, оглушила травяной горечью, но она успела разобрать слова этого мальчика, не подозревавшего, что смерть уже указала на него своим корявым пальцем.

– Меня зовут Глеб Ямской, и вы меня знаете! – нахально выкрикивал парнишка, отчаянно бравируя, но улыбка с щербинкой выдавала его детскость. – Сейчас я готовлю для вас крутой ролик! Вы офигеете, когда увидите его! Подписывайтесь на мой канал, ставьте лайки, когда я наберу больше ста тысяч просмотров этого видео...

Он говорил что-то еще, но Уля уже стояла рядом с ним на крыше несущейся электрички. Ветер бил сразу со всех сторон, сбивая дыхание. И если бы Ульяна на самом деле оказалась там, то рухнула бы вниз в доли секунды. Но ее не было. Была тоненькая фигурка мальчика в балахонистой толстовке. Он стоял, чуть согнув колени и держась рукой в резиновой перчатке за скобу у самого края вагона. Ветер сорвал с него капюшон, оголяя обхваченную ремешками голову, – на лбу парня красовался значок камеры GoPro. Он что-то кричал, размахивая свободной рукой. Но рев электрички наполнял грохотом все вокруг. Уля слышала его даже через полынную пелену.

Когда поезд начал замедлять ход, парень потянулся, чтобы поправить ремешок камеры, крышу трянуло и пластик соскочил с

пальцев. Мальчишка резко дернулся, попытался схватить ускользающий коробок и оторвал вторую руку от скобы.

Время почти остановилось. Уля успела разглядеть, как недовольство на юном лице сменяется страхом, когда опора вдруг уходит из-под ног. Он еще пытался схватиться за что-то, остановить падение, но Ульяна была уверена: не выйдет. Вот поезд дернулся, переходя по стрелке на соседний путь, и мальчишка соскользнул вниз. Последним, что видела Ульяна, была крупная бисеринка пота на мигмом побледневшей, обескровленной губе, над которой только-только начали пробиваться тонкие смоляные волоски.

Полынь нестерпимо сгустилась, заполняя горечью все внутри, но Ульяна уже научилась с этим мириться. Она сделала глубокий вдох, позволяя туману пропитать себя насквозь. Когда бескрайняя ширь железнодорожных путей сменилась полутемным уютом кофейни, Ульяна точно знала, что вещица, запомнившая смерть, брошенную напоказ Сети красивым мальчиком Глебом Ямским, осталась валяться на острых камешках возле рельсов. Разбитым глазом маленькая камера продолжала снимать, как обмякло бездыханное, поломанное молодое тело. Гусу этот ролик определенно бы понравился.

Вилка что-то щебетала, рассказывая о свадьбе, Владе, маме и поездке на теплое море, но Ульяна ее почти не слушала. Сладкая кофейная горечь на ее языке мешалась с горечью полынной.

Лось

Ноутбук загудел особенно жалобно и завис. Уля чертыхнулась под нос, подергала мышку и откинулась на спинку дивана. Компьютер давно уже работал на последнем издыхании, как старый курильщик, поднимающийся на двенадцатый этаж без лифта. Пора было выбросить эту железяку в потертый сером корпусе на помойку. Купленный в надежде, что затворничество может приносить какие-то средства к существованию, если работать удаленно, ноутбук не сумел окупить даже свое приобретение.

Но сейчас его помощь была просто необходима. Как отыскать нужного ей Глеба Ямского, Уля представляла вполне отчетливо. Такие, как он, не пытаются скрыть свою личность, не забиваются в угол, обрывая все контакты. Нет. Дефицит внимания, подростковая жажда стать особенным, популярным, не таким, как все, толкают человека на глупые поступки. Или опасные. Чаще всего опасные.

Красивый, тонкий, лишенный юношеских проблем с кожей, этот самый Глеб стоял перед Улиными глазами, нахально скалясь в камеру. Он ждал от своих почитателей признания. Сто тысяч просмотров от ста тысяч мертвецов. Аристократические черты в памяти Ули сменились кривой ухмылкой Рэма. Еще немного, и она почуяла бы табачный дым, и хриплый голос прошептал бы в самое ухо: «Они все уже мертвы. Сто тысяч золотых рыбок». Но рядом никого не было. Рэм исчез, не оставив ни записки, ни подсказки, как его отыскать. И Уля удивлялась собственному безразличию.

Ей не было обидно, пусть и проведенная вместе ночь обязывала хотя бы попрощаться. Ей не было страшно за него, а беззвучный разговор по телефону, приведший Рэма в такой ужас, теперь вызывал лишь слабый интерес. Даже встреча с Вилкой отошла на второй план, куда-то далеко, за полынную пелену.

Как только туман в кафе рассеялся, а голову перестало кружить, Уля спешно попрощалась с щебечущей Вилкой, пообещав обязательно позвонить ей на неделе. Разочарование в глазах подруги, ее обиженно сморщенный нос, то, как она куталась в платок, пока Ульяна натягивала на себя куртку и отыскивала в карманах мелочь, чтобы

заплатить за кофе, – все это не произвело на Улю никакого впечатления. В ушах стучала кровь, пульсу вторил голос из ролика.

«Подписывайтесь на мой канал, ставьте лайки, когда я наберу больше ста тысяч просмотров этого видео...» – говорил с экрана Глеб, и если бы Уля могла, то начала бы молиться, чтобы мальчик не ринулся снимать новый сюжет до того момента, пока она не отыщет его в Сети и не поймет, как перехватить в реальном мире.

Проносившиеся мимо электрички теперь вызывали в ней сладостное предвкушение. Невыполнимая задача по поиску трех вещиц для Гуса вдруг оказалась вполне себе выполнимой. Всего-то нужно было научиться контролировать свои умения, не бояться их. Смотреть во тьму. И радостная злость теперь плескалась в Уле вместо страха.

«Когда ты злишься, у тебя больше шансов выжить, – говорил Рэм. – Страх загоняет тебя в тупик».

– Предвкушать полынью, а не бояться... – шептала Уля, взбегая по грязным ступеням подъезда. – Все так и есть.

Переступив порог, Ульяна сразу же споткнулась о раскиданные у входа тюки. Оксана копалась у большого шкафа, который вновь загородил собой проход в комнату Рэма. В сердце что-то кольнуло – чуть ощутимо, издалека. Больно больше не было. Злая, колючая энергия мешалась с кровью и текла по жилам. Когда Уля обошла очередной пакет с пакетами, Оксана услышала ее шаги и разогнулась. По красному отеку лицу щедро расплзались белые пятна.

«Сердечная недостаточность, – равнодушно подумала Ульяна, отвечая на приветственный кивок соседки. – Еще один мертвяк».

И сама испугалась своей жестокости. Ровно на одну секунду, пока ключ поворачивался в замке. В комнату она вошла, уже не вспоминая об Оксане. Все мысли занимал спящий мертвым сном ноутбук, покрытый слоем пыли.

Теперь оживленный правдами и неправдами компьютер шумел, стоя на столике у дивана, а Ульяна нетерпеливо выстукивала пальцами раздраженную дробь. Скорее, еще скорее, так быстро, как только могут отмирающие микросхемы в теле еще одного – неживого – мертвеца. Может быть, в этот самый момент Глеб Ямской уже забирался на крышу, схватившись рукой в прорезиненной перчатке за скобу вагона. Может, он уже потянулся поправить ремешки на лбу. Может, вагон уже

дернулся на переезде. Может, Глеб уже рухнул вниз, ломая тонкий мальчишеский хребет, а камеру подхватили загребущие лапищи полицейского и поместили ее в прозрачный пакет с биркой «Вещдок». И тогда первая вещица ускользнет от Ули без возврата.

Она скрипнула зубами. Экран наконец моргнул, выдавая целый список видео, найденных по запросу «глеб ямской зацепинг видео».

Первая же ссылка вела на личную страничку. Фото на главной – смазанное, черно-белое – силилось скрыть природную красоту запечатленного, но выходило плохо. Мальчик был похож на фарфоровую куклу. Тонкими пальцами он прижимал к лицу черную ткань, кажется, шарф, который лишь подчеркивал его острые скулы и восточный разрез глаз.

– И чего тебе дома не сидится? – спросила Уля, пролистывая многочисленные фото на стене.

Спокойствием и прилежностью Глеб точно не отличался. Фоном для его отчаянно храбрящегося лица то и дело служили крыши высоток, заброшенные дома, территории строек и заводов. Но своим новым чутьем даже через экран монитора Уля ощущала страх. Не нужно было заглядывать во тьму, чтобы понять: Глеб боялся каждого трюка, совершенного на потеху подписчикам. Но все равно раз за разом залезал туда, куда не следует. Чтобы сердечек у фотографии набралось на пару сотен больше, чем у предыдущей.

Уля листала записи, нетерпеливо шурша колесиком мыши. Она искала зацепки. Последнее фото, опубликованное всего пару часов назад, доказывало, что Глеб еще жив. Но как найти его в огромной столице? Слишком широким был охват опасных прогулок. Слишком непредсказуемо передвигался он в поисках острых ощущений и признания невидимых наблюдателей.

Когда среди потока снимков очередной покоренной верхотуры с экрана на нее посмотрела еще молодая, но очень утомленная женщина, Уля пролистнула и ее, но потом замерла и медленно вернулась наверх. Опубликованной записи было три месяца.

Короткая подпись: «С днем рождения, ма!». Ни смайлика, ни хештега. Только фото, где тонкие материнские руки прижимают к себе чуть смущенного, но улыбающегося Глеба. Даже на семейном снимке было видно, как тревожится она за своего непутевого сына, с которым была очень похожа, – восточная красота, смоляные волосы, тонкие

черты, фарфоровая кожа. И скованная нежность в легких прикосновениях.

Что почувствует эта женщина, когда официальный голос в трубке скажет ей, что Глеба больше нет? Горе? Вину? Непонимание? Недоверие? Что? Боль от хрустящих в жерновах смерти костей. Треск разрываемой пополам жизни. До и после. Уля знала это отчетливо, она уже однажды это пережила.

И вот теперь, может, сегодня, может, через неделю, эта женщина, мигом омертвевшая, сползет по стене. И будет выть, скребя пальцами по полу. Раскачиваться, причитать, моля сердце остановиться. И не получит этого избавления. Человек способен выдержать куда больше боли, чем нужно, чтобы сойти с ума.

Уля смотрела, как несмело, но счастливо улыбаются эти двое с фотоснимка, и не могла отвести взгляд. Она все ждала, что слезы хлынут из глаз, что невероятная боль за всех, потерявших детей, сомнет ее, швырнет на пол, заставит скулить и оплакивать каждую душу, ушедшую слишком рано. Но ничего не произошло. Только полынть, что неотрывно горчила на языке с самого кафе, чуть сгустилась, заставляя сморщиться. Уля сглотнула, прогоняя этот вкус.

– Прости, – шепнула она, пролистывая запись. – Я ничем ему не помогу. Я уже пробовала.

Спустя четверть часа Уля поняла, что фотографии ей не помогут, как и однотипные комментарии под ними. Глеба хвалили, Глебом восхищались. У него спрашивали совета. Его унижали, издевались и откровенно выводили на конфликт. Все как обычно. Со времен Улиной социальной жизни ничего толком не изменилось.

Она закрыла вкладку и загрузила страницу YouTube. Закрепленное видео в шапке сработало. Знакомый по передаче мальчик кричал в камеру, ослепительно улыбаясь:

– Меня зовут Глеб Ямской, и вы меня знаете! Сейчас я готовлю для вас крутой ролик! Вы офигеете, когда увидите его!

Под записью уже собралось сто четыре тысячи просмотров и пара сотен комментариев. Уля пробежала по ним глазами, но не нашла ни единой отсылки к реальному миру. Подписчики подбивали парня на жуткие трюки, уверяя, что, мол, на это у него точно не хватит духу. Каждый прятал лицо за картиночным аватаром. И ни один не знал, к

чему приведет красивого мальчика Глеба очередная поездка на крыше поезда.

Уля поморщилась. Когда-то давно, в прошлой жизни, она была одной из них. Этих бездумных любителей зубоскалить над другими, скрываясь в безопасности по другую сторону монитора. И к чему это привело? К Никитке, который выскочил на дорогу. Внутри тяжелой волной поднималась злоба. В это мгновение Уле хотелось, чтобы с каждым любителем просиживать реальную жизнь в Сети случилась беда. Настоящая, дикая, страшная беда. Которая выкорчует их, словно сорняки, из привычных будней. Бросит на обочину. Как однажды случилось с ней.

«Все они – мертвецы», – шепнул в отдалении Рэм, и Ульяне стало легче.

Беда обязательно случится с каждым. Рано или поздно. А она будет смотреть на это сквозь тьму. Просто потому что может. Эта злоба, отчаянная и яростная, почти не пугала Улю. А может, всегда была в ней. Как единственный способ не сойти с ума. Кажется, этому ее учил Рэм? До того как размяк, обпившись таблетками и бухлом. До того как позволил прошлому захлестнуть его.

Уля дернула плечом, прогоняя мысли, – казалось, кто-то сидел на нем, шепча ей в ухо злые холодные истины. Уле хотелось верить, что это Рэм шлет ей привет из далекого нигде, куда он устремился, не попрощавшись. Но что-то в ней, еще сопротивляющееся предвкушению охоты за вещицей, чувало: демон на плече скорее окажется Гусом.

– Ну и пусть, – прошипела она, не зная толком, к кому обращается. – Пока я злюсь, я выигрываю.

Компьютер надсадно загудел, обновляя страничку. Экран мигнул и подкрасил новое видео в чуть заметный голубой цвет. Глеб добавил ролик. Мобильному Интернету понадобилось с пяток минут, чтобы его загрузить. Все это время Ульяна не двигалась, боясь даже вдохнуть, – вдруг это спугнет удачу.

Глеб стоял у подъезда невысокого бледно-желтого дома. На нем была темная куртка, синяя спортивная шапка, а сам он выглядел уставшим. Но довольным.

– Привет всем! Я Глеб Ямской. – Он хмыкнул, будто удивляясь, что кто-то может его не знать. – Сегодня мое видео набрало сто тысяч

просмотров. Спасибо за это программе «Номера SOS». На будущее знайте: если хотите кого-то опустить, не пиарьте его на местном канале. – И осклабился, показывая ряд ровных белоснежных зубов. – Короче, завтра в десять утра я открою на своем канале трансляцию, где в реальном времени покажу вам, как прокатиться на крыше электрона без регистрации и СМС.

Уля скосила взгляд: в углу экрана отображалось время «21:26». До съемок последнего своего ролика у Глеба оставалось чуть больше двенадцати часов.

– Я залезу на транспортном узле своей станции и слезу на самой оживленной платформе. Вы офигеете. Все эти ваши катания в глуши – херня по сравнению с тем, что я сделаю. Ясно? Завтра. В десять утра. До связи. – Он отключился.

Уля чуть отмотала запись.

– И слезу на самую оживленную... – повторил Глеб.

В этот момент он чуть отошел в сторону – за спиной мелькнула стена дома. С табличкой. Рудневая улица, дом 6. Желтая кладка, красный бордюр. Арочки въезда во двор. Голые деревья у палисадника. Чуть дальше, наверное, детская площадка. Где этот самый Глеб, который собирается завтра в районе одиннадцати погибнуть на железнодорожных путях, совсем недавно копался в песочнице и осваивал трехколесный велосипед. Такой же вихрастый и суматошный, как Никитка. Такой же живой.

– Все там будем, – шепнула Ульяна, глядя в наглые мальчишечьи глаза на стоп-кадре. Пушистые ресницы делали их беззащитно женственными. – Не привязываться. Как к рыбкам.

И вбила адрес в строку поиска.

На карте зеленели деревья. Узенькая уютная Рудневая улица шла напрямик к станции электрички.

– Лосиноостровская, – протянула Уля; она каждый день проезжала мимо, прячась от взглядов соседей по вагону. – Значит, здесь ты залезешь... Хорошо. Но где же ты упадешь?

Ждать нужно было не внутри поезда. Снаружи. Точно зная, куда рухнет потерявшее опору тело мальчика, чтобы первой оказаться рядом, схватить камеру и убраться оттуда раньше, чем приедут полиция и скорая.

Сбитая с толку внезапным видением, Уля не смотрела по сторонам, да она и не была уверена, что полынный туман пропускал сквозь себя детали. Хоть что-нибудь, кроме самой смерти. Силясь вспомнить, она оперлась на спинку дивана, рассеянно всматриваясь в замершего на экране Глеба.

В комнате было тихо, только ноутбук гудел ровно и убаюкивающе. Еще немножко, и Уля поверила бы, что полынных лет в бегах просто не было. Что она сидит в своей комнате, а за стеной Никитка мучает первые прописи и что мама скоро позовет их ужинать, а пока она бесцельно кликает мышкой по ссылкам, убивая время. Веки стали совсем тяжелыми, сопротивляться сну было утомительно, и Ульяна медленно закрыла глаза, отдаваясь уютной тьме.

Тьма встретила ее порывами горького ветра. Он дул в лицо. Это было похоже на дыхание. Пауза вдоха, поток выдоха. Дыхание тьмы под веками. Зачарованно подавшись вперед, Уля подстроилась под этот ритм, не боясь горечи, а предвкушая ее.

Вторя ей, вдали зажегся свет. Он рассеял сгустившуюся, живую тьму, обращая ее в сумрак. Теней не было. Конечно, не было. Уля сидела на продавленном диване собственной комнаты. Кто мог ходить здесь, пряча черты лица, чтобы смерть не разглядела их, выбирая своей жертвой самого неосторожного?

Уля собралась было открыть глаза, но в последний миг чиркнула взглядом перед собой и обмерла. В сумрачной пустоте отчетливо виднелось лицо Глеба. Он висел в воздухе обездвиженной картинкой. Но это точно был он. Острые скулы, восточный разрез глаз. Даже вихры под шапкой. Красивый мальчик, который умрет через несколько часов, повинный в собственной гибели.

«Значит, ты и так работаешь, да?» – подумала Уля, и ей показалось, что полумрак качнулся, кивая: мол, да, я и так могу. Я могу все, на что ты решишься, глупая-глупая девчонка. Думаешь, поняла все, разобралась? Думаешь, этот побитый жизнью Ромка все тебе рассказал и теперь хоть диплом пиши? Как бы не так.

Если бы в груди не ныло от стремительной нехватки воздуха, который она успела вдохнуть, шагая в полумрак век, Уля бы продолжала этот диалог еще долго. И, наверное, сошла бы с ума, костеря себя за самонадеянность двумя голосами.

«Может, это защитный механизм такой? – пронеслось в ее голове. – Чтобы меченый не застрял там, как бабочка на булавке... Надо спросить Рэма».

И только открыв глаза, Уля вспомнила, что Рэма больше нет рядом. Что он сбежал, поджав хвост, оттолкнув от себя ее готовое на все тело. Да и душу, чего скрывать. Сердце сжалось от пронзительной обиды, но где-то далеко, там же, где зажигается прожектор, разгоняющий тьму под веками. Эта боль была не ее. Мелочь настолько несущественная, что она не в силах помешать охоте за вещицей для Гуса.

И снова часть сознания взбунтовалась. Уля понимала: с ней что-то не так. Сейчас она должна кусать губы от ужаса или блевать в углу, наглотавшись полынного тумана. Но вместо этого осталась сидеть на диване, вглядываясь в стоп-кадр.

– Ну же, – настойчиво шептала она. – Покажись мне снова, давай... Где мне тебя искать?

Глеб молчал. Уля щелкнула мышкой, и он ожил.

– Короче, завтра в десять утра я открою на своем канале трансляцию, где в реальном времени покажу вам, как прокатиться на крыше электрона без регистрации и СМС, – послушно повторил мальчик.

И еще. И еще. По дурацкому кругу, зацикленному, как змей, что жрет себя с хвоста.

На пятый раз нахальная улыбка Глеба стала казаться оскалом загнанного зверя, а голос его, еще не окрепший мальчишеский голос, резал слух, будто пенопласт, скользящий по стеклу.

– Вы офигеете, – твердил и твердил Глеб. – Все эти ваши катания в глуши – херня по сравнению с тем, что я сделаю. Ясно? Завтра. В десять утра.

Сейчас он скажет «До связи» и оборвет съемку. Уля потянулась курсором к кнопке повтора ролика, но рука ее не послушалась. Она попыталась отвести взгляд от экрана, но глаз у нее больше не было. Как не было и комнаты, дивана, компьютера, стоящего на столике. Как не было ее самой. А были летящая по путям электричка и глупый мальчик по имени Глеб Ямской, верящий в собственную неуязвимость сильнее, чем в предчувствие гибели.

Вот тонкая фигурка в балахонистой кофте поднимается по скобам вагона. Вот она выпрямляется в полный рост. Вот тянется поправить

ремешок на лбу.

Немыслимым, абсолютно нечеловеческим усилием Уля заставила картинку сдвинуться в сторону. Она не повернулась, ей нечего было поворачивать, у нее не было тела, не было мыслей, не было ничего, кроме полынного тумана из-за стены, но мир расширился, открывая ей голые деревья, сухие кусты и насыпь по обеим сторонам рельсов. Поезд летел мимо платформы, видимо, это был экспресс, не делающий остановок на каждой станции, вагон дернулся, переходя на соседнюю колею, оставляя за собой полупустые перроны.

Через туман до Ули донесся приглушенный ветром вскрик. Это Глеб потерял равновесие, отпуская из рук скобу, и рухнул вниз. Все было кончено. Полынь взяла свое.

Ульяна открыла глаза, видя перед собой не обшарпанные стены коммуналки, а смазанную от скорости движения поезда табличку. Белую с красными стрелками в обе стороны. И черной надписью: «Лось».

– Значит, ты проехал совсем немного... – сказала Уля экрану. – Только забрался. И сразу упал.

Ее всегда смешило это название. Лось. И сразу кажется, что поезд несется мимо лесных полянок, а навстречу ему степенно выходит могучий зверь с ветвистыми рогами. Качает тяжелой головой, провожая тебя взглядом маленьких, но очень мудрых глаз.

Ничего подобного там, конечно, не было. Промзона и граница между Москвой и областью. Впрочем, однажды Уля задремала, забившись в самый угол у окна. Позади был муторный день в архиве, она запнулась на ступеньках перехода, упала, пропустила свою электричку. И целый час бесцельно слонялась по станции. Был пыльный июль, полуденное пекло, пересохшая трава, выжженный воздух и ни одного кондиционера в транспорте. Такая жара донимает сильнее зимнего мороза.

Хотелось выпить чего-нибудь, что взбодрит, но в магазинчике на перроне не осталось ничего охлажденного, кроме пива. Зеленая бутылка призывно смотрела на Улю через стекло холодильника, и все, что оставалось, – покориться и купить ее.

На вкус пиво оказалось совсем мерзким и каким-то выдохшимся. Хмель сразу ударил в голову, тело потяжелело с первых глотков. Уля

ругала себя за потраченные деньги и гнусное пойло, от которого только сильнее чувствовался голод.

Она забылась тяжелой дремой, как только села в вагон. Ее разбудил контролер. Проверив билеты, женщина неодобрительно смерила заспанную Улю взглядом, но промолчала. Ульяна и сама чувствовала, как от нее разит. Стало совсем уж неуютно, и она уставилась в окно. Мимо пролетала станция Лось. Когда серые постройки на мгновение расступились и открылся пригорок, ведущий к лесному заказнику, Уле показалось, что в отдалении стоит огромный зверь – косматый, старый, с большими рогами, похожими на лапищи елей.

Она моргнула, прогоняя морок. Поезд проехал мимо. Но Ульяне хотелось верить, что лось и правда вышел посмотреть на нее из чащи, почуяв, что сейчас ей нужно хоть какое-нибудь чудо. Светлое, простое, не пахнущее полынью. Это было давно. Тогда она еще умела мечтать и верить в добрые знаки.

Уля хмыкнула и захлопнула крышку ноутбука. Нужно было поспать хотя бы пару часов перед тем, как ехать к дому Глеба Ямского, дожидаться его у подъезда, идти следом до самой станции и садиться в вагон, на который мальчишка заберется, чтобы упасть.

Думая так, Ульяна стянула джинсы и кофту, шмыгнула под одеяло и с наслаждением вытянула ноги. Будильник должен был разбудить ее в семь утра. Сон пришел быстро: смутные образы сменялись непроглядной тьмой – Уля то плыла по холодной подземной реке, то опускала лицо в густой туман, пытаясь разглядеть, что же скрывается за ним. Ей не было страшно. Полынь дремала в ногах, как прирученный пес. Злой, безжалостный, однако признавший в ней пусть не хозяина, но спутника. Товарища по охоте.

Когда перед глазами появилось бескрайнее травяное поле, Уля позволила туману наполнить ее. Это оказалось совсем просто – дышать там, стоять, ощущая, как мягко щекочет голые ступни полынь. Терпкая, горькая, в седом цвету. Если бы Уля захотела, то разглядела бы ее ажурные листики, ее крепкие стебли. Она опустилась на колени – голое тело погрузилось в туман, как в молоко. Не больно, только щекотно чуть-чуть. И от этого хотелось спать.

– Странно, – вслух сказала Ульяна, обращаясь к полыни. – Я ведь на самом деле сплю.

Туман всколыхнулся ей в ответ. Уля протянула руку, и ладонь уткнулась во что-то мягкое. Холодное, но определенно живое. Ледяной пот выступил на спине. Ульяна хотела закричать, но осталась спокойной. Внутренняя она больше не имела власти над внешней.

– Здравствуй, Никита, – сказали ее губы.

Мальчик в цветастой футболке шагнул ей навстречу. Мультишная утка с его живота, обтянутого тканью, неодобрительно смотрела на Ульяну. Бледный, синеватый в неверном свете, Никитка злобно осклабился ей в ответ. Он никогда так не улыбался. Просто не умел. И это успокоило вопящую от ужаса и боли Улю. Вопящую где-то в глубине, беззвучно и отчаянно.

Конечно, это сон. Страшный сон. Глупый, немыслимо жестокий сон. Она перенервничала. Не спала толком. Вот и привиделось.

Никитка глядел на нее, чуть склонив голову набок. Насмешливо, пренебрежительно, зло.

– Ну, чего пришел? – спросила та Уля, которая в ответ спокойно смотрела на брата.

– Меня зовут Глеб Ямской, и вы меня знаете! Сейчас я готовлю для вас крутой ролик! Вы офигеете, когда увидите его! – голосом с видео проговорил Никитка, скаля мелкие зубы.

Ульяна засмеялась, толкая его в грудь. Мальчик пошатнулся и упал навзничь, прямо в туман, который тут же поглотил его, разошелся кругами, словно бы он – вода, а Никитка – всего лишь камень, брошенный сильной рукой.

Продолжая хохотать, Уля открыла глаза. Внутри нее кто-то тихо плакал. Но ей было все равно. Она вытерла лицо – ткань покрывала легко впитала чужие слезы – и подняла крышку ноутбука.

Цифры «6:59» на экране сменились на «7:00».

Раздалась первая трель будильника. Начался новый день.

Старухи Мойры

Шестой дом на Рудневой улице оказался приземистой пятиэтажкой с обшарпанными балконами и тяжелыми дверьми, ведущими в подъезд. Уля топталась у выхода из арки, посматривая в глубь двора. Из дома то и дело выскакивали мрачные жильцы и ежились, понимая, что за ночь мир сделал еще один шаг навстречу промозглой зиме.

Воздух с трудом прогревался выше нуля, под ногами первым льдом хрустели лужи. Люди шагали по ним от дверей подъезда к спящим машинам, проходили мимо Ульяны, спеша к станции автобуса и электрички. Ни один не поднял взгляда на прячущуюся в арке девушку. Ни один из них не был Глебом Ямским.

Уля нервно поглядывала на дисплей телефона: циферки вначале достигли девяти, потом поползли дальше, приближая время прямого эфира, который себе на беду затеял Глеб. Но мальчишка не спешил выдвигаться из дому. Мог ли он передумать? Или опоздать? А может, он уже на месте, и Уля упустила свой единственный шанс перехватить его на подходе к станции?

Спрашивать было некого. Потому Ульяна жалась к холодной кирпичной кладке, втягивая носом воздух, который все отчетливее отдавал травяной горечью.

Глеб вышел на улицу в полдесятого утра, когда Уля была готова бросить наблюдательный пункт и устремиться к гудящим в отдалении электричкам. Черный балахон из видения оказался просторной темно-синей курткой с глубоким капюшоном, который заботливой рукой натягивала на макушку сына худенькая женщина в сером пальто.

Она что-то говорила, озабоченно смотря на Глеба. Уля качнулась вперед в попытке поймать обрывки разговора.

– И не снимай капюшон, обещаешь?

– Хорошо, мам. – Мальчик напряженно застыл напротив матери, явно мечтая поскорее сорваться с места.

Уля почувствовала, как кипят в нем нетерпение и страх. Она закрыла глаза, вдохнула, позволяя тьме себя обступить, и увидела точную копию Глеба, подсвеченную далеким прожектором. Красными вспышками в мальчишке пульсировало предвкушение трюка и ужас,

который тот в него вселял. Нет, конечно, Глеб не мог чувствовать беду, но что-то в нем натянулось, готовое лопнуть, как струна в натруженном инструменте. Как нить судьбы в морщинистых руках старухи Мойры.

Уля открыла глаза, удивляясь собственной памяти, которая услужливо подсказала ей верный образ. Думала ли девочка Ульяна, ученица выпускного класса, зубрящая мифологию перед вступительными экзаменами, что однажды сама увидит, как готовится быть обрезанной ниточка чьей-то жизни?

И когда Глеб позволил матери осторожно поцеловать его в щеку на прощание, и когда высвободился из ее объятий – помятый, насупленный, но решительный, – и когда прошел мимо Ульяны, стаскивая на ходу капюшон, она представляла себе темную комнату с тремя сестрицами. Одна – та, что бросает жребий, знающая заранее, какие беды обрушатся на человека во время его пути. Вторая – ведущая нить по полотну жизни. И третья, что уже заточила ножницы. И дня не успеет пройти, как они щелкнут, перерезая жизнь еще одного мертвеца. И ничего с этим не поделать.

Уля было двинулась за Глебом, но последний взгляд, брошенный во двор, заставил ее замереть, прижавшись к стене арки всем телом.

Худенькая женщина в сером пальто продолжала стоять, провожая сына тоскливым взглядом. В ее глазах было столько горечи, что весь полынный туман из-за стены как-то съеживался, терялся на этом фоне. Не шел ни в какое сравнение с тревожным омутом темных восточных глаз.

Она не могла знать грядущего. Ульяна была в этом уверена, иначе та бы кинулась за сыном, заперла его дома и выбросила ключи. Материнское сердце предчувствовало беду, вот только разум, уставший от каждодневных проблем, не сумел принять эту тревогу всерьез. Женщина чуть покачивалась на низких каблуках, теребя потертые ручки сумочки.

Можно было ей подсказать. Ринуться через весь двор, распугивая редких прохожих, вцепиться в острый локоть, посмотреть в несчастные, еще не ведающие причины своего несчастья глаза и прошептать:

– Не пускайте его. Увезите в глушь, где нет Интернета и этих дебилов в комментариях. Вы еще можете его спасти. Есть еще время.

Звоните ему, требуйте остановиться, бегите за ним.

И она бы все поняла. И побежала бы. И догнала. Материнская любовь вершит настоящие подвиги, не отдавая себе отчета. Если бы кто-нибудь шепнул Уле о грузовике на спящей улице. Если бы кто-то запретил маме покупать дочери навороченный телефон, который станет причиной всех бед. Если бы кто-то решил им помочь, Уля бы не стояла сейчас тут. А Никитка не лежал бы в промерзшей земле. Или не бродил бы по полынному полю, что хуже в сотню тысяч раз.

Уля сжала озябшие ладони и решительно шагнула во двор. Погруженная в свои мысли женщина ее не заметила. До нее оставалось меньше десяти шагов. В голове Ульяны звенела кристальная, оглушительная тишина. Она не знала, что скажет матери Глеба, но была уверена, что слова найдутся.

Сквозняк, всегда гуляющий в арках, ударил Уле в лицо. Она поморщилась, заслоняясь локтем. Ветер был мерзлый и затхлый. Горький, травяной. Полынный ветер, который толкал Улю назад, в арку, к станции, где собирался начать эфир красивый мальчик Глеб.

Но его мама, такая же красивая, уставшая и истощенная постоянными тревогами, была совсем близко. Только протяни руку, только прошепчи ей...

«Но тебе же никто не прошептал, – раздалось в Улиной голове. – Никто тебе не помог. Никто не предостерег. Потому что первая Мойра уже давно бросила жребий. И твой, и Никиткин, и этой женщины. И Глеба, конечно. Потому что вторая Мойра устала плести нить его судьбы. Потому что третья уже наточила ножницы. Потому что так суждено».

Это не был голос Рэма. Это не Гус шептал ей на ухо злые истины. Это не полынь мутила рассудок. Это она сама заставила себя остановиться.

Ульяна постояла немного, наблюдая, как женщина в сером пальто наконец разворачивается и идет к машине мелкими шажками, чтобы не поскользнуться. Проводив ее взглядом, Уля вернулась в полумрак арки, засунула руки поглубже в карманы и пошла к станции. Время бежало вперед, чтобы Глеб скорее начал свою трансляцию, которая, без сомнений, наберет сотню тысяч просмотров. Людям нравится смотреть на чужое горе. Особенно на чужую смерть.

Уля догнала мальчика у самой станции. Он лавировал в потоке людей, не отрывая глаз от грязной дорожки под ногами. Вцепившись в него взглядом, Ульяна пристроилась позади, старательно делая вид, что просто спешит на поезд, как и все вокруг.

Глеб выбился из толпы на подходе к кассам. Воровато огляделся и одним прыжком вскочил на невысокий заборчик, отделявший станцию от платформ. Шедший позади него мужчина в ярко-красной дутой куртке неодобрительно покачал лысоватой головой, но не остановился, а лишь ускорил шаг. Скоро должен был прибыть поезд.

Уля взбежала по лестнице, ведущей к терминалам, чтобы оплатить проезд до Лося, бросила монетки и получила еще тепленькую бумажку билета. Когда она прошла на платформу, Глеба там, конечно, не было. Уля закрыла глаза.

Ее наполняло злое возбуждение. Если придется, она была готова бежать вслед за вагоном. Только бы оказаться рядом с вещицей в момент, когда ее полынная суть сольется с вещным обликом. Откуда-то Уля точно знала, как это будет. Она протянет руку во тьме, а пальцы отыщут холодный пластик камеры. Как это будет верно.

Кусая губы, чтобы сдержать рвущееся изнутри ликование, Уля сделала еще один плоток полынного тумана и разглядела во тьме под веками тонкую фигурку мальчика, прячущегося под платформой. Все остальные тени, снующие тут и там, и еле заметные, и плотные в своей скорой гибели, перестали существовать. Весь мир перестал иметь хоть какое-то значение. Все, кроме Глеба, который уже закреплял камеру на ремешках.

– Надень капюшон, – прошептала Уля, открывая глаза. – Ты же обещал маме.

Будто услышав, Глеб потянул за плотную темно-синюю ткань, накидывая ее на голову. Вот теперь он был точь-в-точь таким, как виделся Уле в полыни. Она кивнула кому-то невидимому и подошла к краю платформы. В отдалении загудела подходящая электричка. На часах светилось 9:58.

Уля вошла в тамбур и забилась в самый дальний угол. Мимо, толкаясь и спеша, повалил поток пассажиров, мечтающих занять удобное место. Мест никогда не хватает на всех. Электрички лишь подтверждают это жизненное правило. Готовят человека к тяжелому

дню, полному схваток за самый лакомый кусок. Да что там – хоть какой-нибудь кусок.

Поезд отошел от станции ровно в десять. Глеб остался стоять под платформой в ожидании шедшего следом экспресса. А значит, трансляция началась, чтобы запечатлеть ожидание и восхождение. И падение тоже.

Уля покачала в руке старый потертый телефон, но с раздражением убрала его в карман. В этот момент она не помнила, почему не покупала новый, умеющий залезать в Сеть и загружать видео с YouTube. Она вообще ничего не помнила – глаза застилал полынный туман, упоительно густой, кружащий голову своей горечью.

Уля барабанила по дверному стеклу пальцами не в силах терпеть жгущий изнутри азарт. Это было похоже на жажду. На электричество, которое зарождалось в ней от горячего дымного дыхания Рэма той ночью. Предвкушение. Вот чем это было. Она так старательно выслеживала подарочек, а теперь до него оставалось всего ничего.

– Быстрее, быстрее, быстрее... – шептала Уля.

Мужчина, стоявший рядом, заинтересованно на нее покосился.

– Опаздываете, дамочка? – спросил он, приосанясь и втянув рыхлый пивной живот.

Уля бросила в его сторону один-единственный взгляд. Мужик тут же сдулся, словно уменьшился в росте, и поспешил скрыться в толпе. Ульяна хмыкнула. Ее никогда и никто не боялся. Ни в прошлой жизни, когда она из кожи вон лезла, только бы нравиться всем и каждому. Ни в новой, когда боялась она – всех и себя в первую очередь. И вот гляди-ка ж. Значит, в ней появилось что-то опасное, умеющее прогнать прочь любого идиота, который решит отвлечь от главного. От охоты. От полыни. От ее судьбы.

Электричка замедлила ход. Уля выскочила наружу, как только двери оторвались друг от друга, похожие на разлученных сиамских близнецов. Ее встретил знакомый горький ветер. Ульяна улыбнулась ему, как старому приятелю. Ей не было холодно или страшно. Она прекрасно знала, что нужно делать.

Не глядя по сторонам, Уля прошла к самому началу платформы, присела на корточки, примеряясь, как бы удачнее прыгнуть. Высота была небольшой, но подвернутая нога – недостойная причина, чтобы упустить первый подарочек. Глеб уже несся на крыше экспресса,

бросая собственную гибель напоказ безликим подписчикам с котиками на аватарках.

– Это раз, – ухмыльнулась Уля, пряча злой оскал в шарф, которым замоталась по привычке, – сегодняшний ветер все равно не смог бы ей навредить.

Она спустилась вниз по насыпи и тихонько пошла вперед. Низкие тучи нависали над землей, в облетевших кустах прятались ночной туман и талая изморозь. Уля кивнула им, говоря: вот она я! Пришла, чтобы взять свое.

Экспресс оглушительно загудел за спиной. Ульяна шагнула в сторону, поскользываясь на грязи, но удержалась на ногах. Она насчитала двенадцать пролетевших мимо вагонов. В окнах можно было разобрать смазанные фигуры людей, едущих в пригород. Они что-то читали, смотрели, дремали, обдумывая дела, и не знали, что их поезд сейчас мягко уйдет по стрелке в сторону. А мальчишка, стоящий на крыше последнего вагона, потеряет равновесие, отпустит скобу и упадет вниз.

Уля проводила взглядом черную фигурку, выделяющуюся на сером полотне неба, и прибавила шагу. Старая Мойра уже схватила нить судьбы Глеба, слишком короткую, чтобы назвать ее счастливой, и поднесла к ней холодное лезвие. Ульяна прошла мимо стрелки, осторожно переступая ее. Мир заволкло туманом. Тонкая грань между тьмой под веками и реальностью больше его не сдерживала.

Уля шла по колено в горьком молоке, толком не понимая, что делает, но точно зная, что делает это правильно. Вот она свернула на соседнюю колею, повторяя движение поезда, и увидела его бегущим вперед. Вот пошла быстрее, неловко перескакивая со шпалы на шпалу, боясь оступиться, потерять драгоценные секунды на падение. Даже сквозь туман Уля разглядела, как на рельсах что-то темнеет. Сердце пропустило удар, но Уля и без этого понимала, что это. Кто это.

Она побежала, разгоняя собой туманную мглу, ничего не чувствуя, кроме пропитавшей тело травяной горечи. Губы пересохли – она ловила ртом воздух, подгоняя себя.

– Быстрее, еще быстрее! – билось в ушах вместе с пульсом.

За несколько шагов до лежавшего без движения Глеба она остановилась, будто со всего маха налетела на прозрачную стену. Мальчик упал ничком, раскинув ноги, неловко подвернув под себя

левую руку и вытянув вперед правую. Сбившийся капюшон не скрывал растрепанных смоляных волос. Рядом валялась разбитая камера.

Дрожащей рукой Уля потянулась к ней, стараясь не смотреть на Глеба. Глаза сами собой закрылись, темнота хлынула из-под век, и лишь камера – темный корпус на ремешках – виднелась в ней отчетливо. Уля застонала от наслаждения, когда ее пальцы нащупали холодный пластик. Никогда еще она не испытывала такого восторга, такой всецельной мощи, бегущей по венам. Туман подчинился ей, расступаясь перед своей повелительницей, темнота стала податливой, робкой, просящей. Она сама толкнула камеру в Улину ладонь, помогая вытащить первый подарочек из видения. Объединить его, меченый смертью, с вещицей, расколотой о каменную насыпь.

Уля открыла глаза, стиснув в пальцах ремешки. Тумана больше не было. Воздух казался прозрачным и очень холодным. Он мигом пробрался под куртку, обжег вспотевшую спину, погасил довольный румянец на щеках. Ничего больше не дурманило взгляд. И мальчик на рельсах перестал видаться Уле бездушной куклой, кадром дурацкого фильма. Он медленно остывал. Из-под него уже натекла лужица крови и медленно впитывалась в землю между шпалами, окрашивая ее в бурый цвет.

Ульяна попятилась, с ужасом понимая, что все это произошло на самом деле. Что красивый мальчик Глеб, которого мама просила не снимать капюшон, лежит у ее ног сломанный, окровавленный, неживой. Не спасенный ею. Прямо как Никитка.

В стороне взвыли сирены – скоро сюда должны были приехать врачи и полиция. Уля сделала еще пару шагов, не в силах отвести взгляда от тела. Не глядя, она нащупала кнопку и выключила камеру, которая продолжала вести трансляцию разбитым зрачком. Восторг покидал Ульяну вместе с предвкушением и полной уверенностью в собственной правоте. Она судорожно глотнула воздух, но в нем больше не было полыни. Только тяжелый запах крови и нагретых рельсов.

И тогда она побежала что было мочи. В сторону, по насыпи, падая, вставая и снова устремляясь, не зная, куда и зачем. Просто бежала, пытаясь оторваться от самой себя. Отделиться от той, что хохотала в расветной комнате, увидев во сне Никитку. Желая не иметь ничего

общего с человеком, не предупредившим о беде мать красивого мальчика Глеба. С существом, что предвкушало чужую смерть.

Силы покинули Улю у старых гаражей. Она скорчилась у разрисованной стены, стараясь восстановить дыхание. Только теперь она поняла, что все это время сжимала в кулаке ремешки. Сам пластик оказался вымазанным кровью. Уля стерла ее рукавом, посмотрела на бурый след, появившийся на ткани, и медленно сползла по стене на землю.

Она не плакала. Ее не выворачивало наизнанку. Она просто сидела у пахнувшей мочой и пивом стены заброшенного гаража и смотрела на свой побелевший кулак, на тонкие ремешки, которые подвели Глеба, на измазанный его кровью пластик, и не могла найти в себе сил встать.

Что делать дальше, ей никто не объяснил. Рэм рассказывал, как найти вещицу. Но куда нести ее потом? И нужно ли? Или лучше прямо сейчас выйти на полотно рельсов, чтобы следующий экспресс закончил и ее жизнь? Чтобы в новостях рассказали о двойной смерти рядом с пригородной станцией Лось. Жалко, слишком уж хорошее название для таких новостей.

– Пойдем, – раздалось над ней.

Уля подняла голову, готовая увидеть полицейских, которые отследили ее бестолковый бег с места преступления. Но рядом стоял приземистый крепкий мужик с пивным животом. Тот самый, что испуганно вышел из тамбура, стоило ей на него посмотреть. Теперь он не боялся, наоборот, сам протягивал руку.

– Вставай. Ехать надо, – сказал он, переминаясь с ноги на ногу.

– Куда? – равнодушно спросила Уля.

– Какая разница? Мне велено тебя отвести к Гусу. Я отвезу. Вставай.

Ульяна послушно поднялась, опираясь на сухую гладкую ладонь незнакомца. И пошла следом за ним через гаражи к спрятанной в голых кустах машине.

И пока они ехали, то лавируя в пробках, то объезжая их по обочине, то зло сигналив таким же уставшим и грязным машинам, скорчившаяся на заднем сиденье Уля не открывала глаз. Живая тьма уступила место тьме обычной, пустой и бездонной. Простому ничему, которое было теперь для Ульяны избавлением. Пусть недолгим. Но пока можно было ехать, прогоняя образ грустной красивой женщины в

арочном дворе на Рудневой улице. И старухи Мойры, которая отложила в сторону натруженные ножницы, приступая к поиску следующей нити.

Молчаливый водитель остановился рядом со зданием, больше похожим на склад, чем на место переговоров.

– Выходи, – буркнул он.

– И куда мне?

Мужчина молчал, похлопывая ладонью по рулю. Уля посидела еще немного в надежде услышать объяснения, но водитель равнодушно ждал, пока она выйдет, и не собирался что-либо говорить.

Уля потянулась было к его плечу, чтобы схватить, растормошить, заставить сказать хоть слово, но, приблизившись, охнула и метнулась назад. Из-под редких русых волос виднелась обрюзгшая шея, с которой, как старая штукатурка со стены, лохмотьями свисала кожа, растресканная, словно глина на солнце.

Уля зажала рот, чтобы не вскрикнуть, открыла дверь машины и боком из нее выпала. Водитель тут же сорвался с места, обдав замершую Ульяну облаком дурно пахнувшего выхлопа. Она осталась одна. Сразу со всех сторон ее обступала безжизненная промзона. Высокое здание – грязно-серое, многоэтажное, с узкими окнами и железной дверью с торца – нависало, подчеркивая, как мала она по сравнению с тем, кто ждет ее внутри. И как легко он может ее раздавить.

Ремешок расколотой камеры жег ладонь. Уле хотелось как можно скорее избавиться от этой ноши и долго скрести руки мылом, чтобы на них не осталось ни следа от совершенного ею. Потому она решительно шагнула к двери, потянула ее к себе, удивляясь тому, как легко это удается, и скользнула внутрь. Дверь с лязгом захлопнулась, вмиг обретая подходящую ей тяжесть.

Под потолком тускло светила лампочка без плафона. В длинном коридоре никого не было. Кабинеты по обе его стороны казались запертыми, и лишь один, у противоположной стены, приоткрытой дверью и лужицей света на полу.

Жжение поднималось от ладони к запястью. Теперь зудела вся рука, особенно там, где кожу украшала вязь поджившей татуировки. Делая робкий шаг вперед, Уля нервно почесала раздраженную кожу и

натянула рукав до самых пальцев. Камера закачалась на ремешках подобно маятнику.

Шаг. И еще один. И еще.

«А что, если там Рэм?» – вдруг подумалось Ульяне.

И мерзкая, тянущая сердце боль чуть отступила. Рэм сумеет ее успокоить. Напомнить, ради чего все это. Игра, вещицы, смерть Глеба. И даже горькие глаза женщины в сером пальто, которой, наверное, уже сообщили о случившемся.

Уле вспомнилось, как была ее мама, вернувшись из морга. Этот вой и этот вечер, который никак не хотел заканчиваться, долго потом преследовали Ульяну. Иногда ей казалось, что таким и будет ее собственный ад. Темная комната, свет в коридоре и материнский плач, который ничем не приглушить, не закончить, не прервать. Потому что боль эта неутолима.

Гус ждал ее, прислонившись к низкому подоконнику. Когда Уля вошла в кабинет, глупо перед этим постучав, он поднял голову и долго смотрел на нее – испытующе, с явным интересом. Сегодня он не был похож на пропитого бездомного, но и на приятного пенсионера из соседнего подъезда, как в прошлый раз, он тоже не походил.

Старик слился со стеной, на нем невозможно было сосредоточить внимание и взгляд. Как только Уля пыталась рассмотреть, во что он одет, то понимала, что разглядывает трухлявый стол у стены или побитый молью диван в углу. Гус молчал, чуть слышно поскрипывали под его ногами половицы. Он поднял руку и задумчиво почесал заросший седыми волосами подбородок длинным ногтем на правом мизинце.

– Тебя можно поздравить, кисонька? – мягко спросил он. – Ты все принесла?

Уля сглотнула ком, мигом вставший поперек горла. В этот раз старик не пытался ее напугать. Она отвлекла его от каких-то дел, и теперь он хотел поскорее уладить с ней все вопросы, чтобы продолжить прерванное.

– Я принесла, – выдавила она и не узнала собственный голос. – Вот.

И протянула старику ладонь. Между пальцев был продет ремешок, на котором, качаясь из стороны в сторону, висела камера. Гус оценивающе поглядел на вещицу и медленно двинулся к Уле. С

каждым его шагом она все сильнее вжималась спиной в стену. Плотный полынный дух настиг ее раньше старика. Она задышала, давясь травяной горечью, но не отшатнулась – так и держала на весу мелко трясущуюся руку.

Гус вцепился в камеру и осторожно, почти нежно снял ремешок с судорожно скорченных пальцев.

– Ну-ка, ну-ка, – пробормотал он, вертя пластмассовый корпус. – Посмотрим, что у нас здесь...

– Это камера... Мальчик снимал ей... как он... – Уля задохнулась воспоминаниями. Она просто не смогла произнести все это вслух.

Старческие губы растянулись в хищной улыбке.

– Нет, ты скажи, деточка. Словами скажи. Все уже свершилось, так не стыдись выбора. – Ледяные, пыльные глаза опасно сверкнули. – Говори!

– Он упал с поезда. Видео транслировалось... Он... Он бросил смерть напоказ. Первый предмет. Как вы сказали, – просипела Уля, чувствуя, как поднимается тошнота, как слабеют ноги, как она снова становится той, что рыдала, видя чужую смерть в глазах прохожих.

– А ты все знала. И не остановила, да? Знала и смолчала. Молодец. – Гус протянул руку и обхватил ладонью Улино лицо, сжал, заставил приблизиться. – Так теперь и будет. Пусть другие оплакивают своих мертвецов, сколько им хочется. Но мне нужны еще две вещицы. И ты принесешь их мне, поняла?

Уля закивала, пытаясь вырваться. Старик разжал пальцы, но тут же вцепился в ее запястье. Чернильная полынь откликнулась острой болью.

– Мать этого мальчишки сойдет с ума от горя. И выбросится в окно, – зло продолжил Гус. – Ты же знаешь, как это больно, как невыносимо терять кого-то. Такого юного. Ни сберечь, ни защитить. Твоя вина. Ее вина. Нет никакой разницы.

Уля из последних сил сдерживала слезы. Она не могла разрыдаться, глядя в лицо мерзкого старика, который упивался ее беспомощностью. А тот распахнул дверь свободной рукой, на запястье которой качалась камера, и потащил Ульяну к выходу, продолжая говорить:

– Хорошо тебе было, пока охота тебя вела? Вкусно, ярко, легко? И нет в тебе совести. Так и должно быть. Всегда. Зачем она тебе, если с ней ты проиграешь, да, деточка? – Он зашелся грубым смехом. – Ты и

сама это поняла, не особо и сопротивлялась, любо-дорого было за тобой следить! Уж порадовала старика.

Он вытолкнул Улю за порог, выпуская из цепких пальцев ее запястье, а сам остался стоять в тени.

– С тебя еще две вещицы, Ульяна. Две. Будешь слезы лить – не принесешь мне ничего. На вот, держи. – Он покопался в кармане пиджака и бросил Уле маленький бумажный сверток. – Если умная, послушаешь меня и примешь. Не будет в тебе ни совести, ни страха. Одна радость от игры. Игра же должна приносить радость, правда?

И захлопнул дверь.

А Уля осталась стоять, прижимая к груди пойманный сверток. Когда она наконец решилась его развернуть, то точно знала, что найдет внутри. Пригоршня знакомых таблеток, точь-в-точь таких, какие глотал Рэм, запивая «Лукавым Джимом». Как способ не чувствовать страха, боли и совести.

Слово из четырех букв

Жухлый, побитый долгой дорогой от склада на полку салат стоял на прилавке супермаркета и равнодушно смотрел на Улю. Она осторожно потрогала его пальцем – холодный, влажный, абсолютно безвкусный на вид. Понравится ли такой ужин Ипкинсу, она не знала. А спросить было не у кого. Хозяин безмолвной зверюги так и не объявился. Друзей-ветеринаров у Ульяны не случилось. Как и друзей вообще. Поэтому она схватила тоскливую упаковку салата, два банана и яблоко, решив, что черепахе этого будет достаточно. А если нет, то бедолага все равно не сможет выразить свое неудовольствие.

О том, что она сама не ела уже больше суток, Уля вспомнила, только проходя мимо прилавка со свежей выпечкой. Втянув носом сладковато-коричный аромат, она направилась в хлебный отдел.

«Глеб, наверное, тоже любил такие булочки, – вкрадчиво проговорил внутренний голос, заставляя Ульяну отшатнуться от ряда пухлобоких плюшек. – Может быть, ему мама их пекла. Каждую субботу. Как думаешь?»

Желудок скрутило судорогой. Уля тяжело сглотнула горечь – не травяную, а желчную, больную, мерзкую, точно гнила она сама.

Всю тягучую, как пережеванная резинка, дорогу домой Ульяна пыталась заставить себя не думать. Твердила, как мантру, что Глеба все равно было не спасти. Смерть выбрала его, полынь отметила его, и судьба оказалась предрешенной. Чем могла она, испуганная девчонка, помочь этому малолетнему дураку, который сам накликал на себя беду? Только все эти разумные доводы разбивались в щепки, стоило вспомнить женщину в сером пальто, провожавшую сына глазами, полными страшного предчувствия.

«Сказала бы ей, – твердил ничейный голос, наверное, тот самый, что звучит в голове, пока скользишь глазами по строчкам книги, – пару слов. И убежала бы из арки на улицу. Что тебе стоило?»

«Это бы не помогло, – отвечала себе же Уля, уставившись в туманную пелену за окном электрички. – Он все равно бы погиб, как та девушка на станции. Полынь бы взяла его».

«Его – может быть. А тебя – нет. А теперь ты ее с потрохами», – мстительно шепнул голос и исчез, оставив Ульяну ежиться от холода в одиночку.

И чем глубже она погружалась в омут стыда и сожаления, тем горячее становился кулек с таблетками, надежно запрятанный во внутренний карман куртки. Уля решила их не принимать. Конечно, она так решила. Но мысли все возвращались к ним, как к желанному избавлению от невыносимой зубной боли. Пока еще Ульяна могла терпеть, прислоняясь лбом к холодному стеклу, всматриваясь в темноту за ним, вслушиваясь в суетливый шум вечерней электрички. Что будет с ней в замкнутой, пыльной, гнетущей тишине сырой комнаты, Уля не знала, и думать об этом не оставалось сил. Она схлопнулась, словно Ипкинс, втягивающий голову в панцирь, решив делать вид, что ничего не произошло, так долго, как только получится.

Запах коричных булочек смел нехитрую оборону, оголяя ужас произошедшего во всей пугающей правдивости. Еще вчера красивый мальчик Глеб мог есть сдобное тесто и даже помогать маме его месить. А может, он и вовсе не любил сладкое. Может, его мама жарила блины. А может, котлеты. Прямо как Варя – поджаристые и сочные. Или варила борщ. Вкус покоя и уютного дома. Вкус маминой стряпни. Вкус жизни. Словом, всего, что навеки теперь утеряно для Глеба. И только она, Уля, осталась в выигрыше. Первая вещица перекочевала в скрюченные старые лапищи Гуса. И теперь можно праздновать это, верша пир во время чужой чумы.

Уля выбрала самый сухой и черствый на вид хлеб, порезанный на неаппетитные ломтики, и заветренный кусок желтоватого сыра. Было глупо так наказывать себя. Малодушно и по-детски. Несоизмеримо с масштабами ее поступка. Но иначе не получалось. Гус снова оказался прав: дело сделано, и подло было бы отрицать, что она получала удовольствие от охоты.

– Вот и ешь теперь всухомятку, если кусок в горло ползет, охотница чертова, – зло прошептала Уля, топчя грязь на дорожке к дому.

Громкие голоса в квартире были слышны еще в подъезде. Кто-то спорил, то повышая голос, то начиная шептать так оглушительно, что старая штукатурка на лестнице опасно подрагивала, готовая осыпаться к Улиным ногам. Так разговаривать умела лишь Наталья, и

то исключительно в моменты наивысшего возбуждения, граничащего с истерикой.

Для замечательного окончания дня не хватало только скандала с соседками. Уля скрипнула зубами и огляделась. Идти было некуда. Только в сырую коробку чужой комнаты, волей судьбы и Гуса заменявшую ей дом.

Спорщики не услышали, как Уля копалась ключами в расшатанном замке. Наконец раздался характерный лязг, и она смогла перешагнуть порог, моля всех богов, чтобы соседи просто ее не заметили. Мазнули бы рассеянным взглядом, как по еще одному сырому подтеку на обоях.

Лампочка под потолком освещала проход к комнатам, из двери кухни тоже лился яркий электрический свет. Там-то и разговаривал кто-то громкий и тяжелый. Звук шагов и лязг посуды, задетой неловким поворотом большого тела, выдавали Наталью с потрохами. Но соседка определенно была не одна. Конечно, с нее сталось бы вести разгоряченную беседу самой с собой, но второй, низкий голос было не спутать с привычным одиноким гудением. Она разговаривала, к тому же с мужчиной. Уля замерла на пороге, прислушиваясь. Пройти мимо такого события было бы сродни игнорированию приземлившегося под окнами НЛО.

– И я ему говорю, – захлебываясь смехом, бормотала Наталья. – Ты куда идешь-то? Очередь! А он... – Тут она сдавленно икнула. – «Мне только спросить, я на секундочку». А я ему... – и замолчала, наслаждаясь театральной паузой.

– Что? – Голос был мужским.

– А я ему дулю показала! – с восторгом ответила Наталья, и к ее повизгиваниям прибавились сухие смешки, больше похожие на кашель. – И сама пошла! Что я, ждать буду? Пока он там свое хозяйство чешет?

Нервный смех, больше похожий на отзвук затаенной истерики, накатила на Улю так стремительно, что она не сумела его сдержать. Секунда – и она уже уткнулась лбом в стену, чуть слышно захихикала, кусая губы, чтобы не расхохотаться в полный голос. Из ослабевшей руки выпал пакет. Шурша, он бухнулся к Улиным ботинкам, и та, не думая, поддела его ногой.

Голоса на кухне мигом притихли. Потом раздался грохот отодвигаемого стула, и в дверях появилась грозная фигура Натальи.

Уля оторвалась от стены – ко лбу успел прилипнуть крошечный клочок старых обоев – и только потом с ужасом поняла, что Наталья глядит на нее, подслеповато шуря и без того маленькие глаза.

– Ты? – спросила она, упираясь кулаками в бока.

На соседке была ужасающе розовая кофточка с блестящими пуговками и синяя юбка, плотно обтягивавшая массивные бедра. Ульяна подняла глаза выше и заметила, что на полных губах Натальи виднеются следы помады. Видимо, мир окончательно сошел с ума.

– Я, – ответила Уля, просто не зная, что еще придумать.

– Хорошо. Ну, пошли, – кивнула Наталья, проворно схватила ее за плечо и потащила в кухню, будто они давно договаривались о совместном ужине.

За столом, занимая почти все свободное место, сидел мужчина, обросший бородой настолько густо, что под ней легко бы скрылась человекоподобная ящерица, – не проверишь, пока не сбреешь все лишнее. Возможно, газонокосилкой. Он был одет в темный вязаный свитер поверх клетчатой рубахи и джинсы, вытертые на коленях. Свободно откинувшись на стенку холодильника, мужчина попивал чай, громко цокая и прихлебывая.

– Вот. – Наталья подтолкнула Улю поближе к своему гостю. – Николай это. Чуешь? На-та-лья. Ни-ко-лай. Одинаково! – И вдруг принялась хлопать в ладоши, покачивая головой.

Уля вымученно улыбнулась в ответ. Мужчина, впрочем, смотрел на нее вполне осознанно.

– Здравствуй, – кивнул он. – А тебя как звать?

– Ульяна, – пискнула Уля, ища пути отступления, но дверь загораживала восторженно настроенная соседка. – Очень приятно.

– И нам, и нам. – Названный Николаем сделал еще один громкий хлоп. – Называй меня дядя Коля, – вдруг решил он. – Что уж теперь...

– А что теперь? – Уля растерянно оглянулась на соседку, но та лишь осоловело моргала – период активности стремился к своему финалу.

– Ну так... Соседи все-таки, – хмыкнул дядя Коля, протягивая руку к подоконнику, чтобы достать оттуда остатки бледно-розового торта.

– Вы... переезжаете сюда?

Николай сурово сдвинул кустистые брови, взял в руку складной нож, который лежал рядом с ним на столе, раскрыл его и принялся

кромсать лакомство на неровные кусочки. Во все стороны полетел маслянистый крем. Вот будет Оксане радости.

– Ну, так... как теперь-то? Что уж. В разделку, что ль, жить, а? – спросил он, обращаясь к торту.

Торт молчал. Наталья мерно раскачивалась на скрипучем табурете. Мысль переночевать на улице больше не казалась Ульяне такой уж глупой.

– Ну и хорошо, – растерянно проговорила она, пятясь к выходу. – С новосельем, значит.

– Так и со свадьбой! – громко выкрикнула Наталья и выставила перед собой правую руку, на которой слабо блестело желтое кольцо. – Сегодня поженились, сегодня и празднуем!

Уля вздрогнула от неожиданности. Николай перевел взгляд с торта на нее и залился кхекающим смехом. Ситуация переставала казаться нормальной даже по меркам этой странной квартиры.

– И со свадьбой, – покорно согласилась Уля, боком протискиваясь между счастливой женой и дверным косяком.

Она была на полпути к своей двери, когда ее настиг голос Натальи.

– Эй! Эй, говорю!

Уля прижалась спиной к стене, надеясь, что соседка пронесется мимо, но та остановилась, нависла, грозно замерла.

– Да?

– Тут вот... Это. На! – И протянула ей смятый листок. – Пришла бумажка, оплатить надо. Свет. Оплатишь?

Уля осторожно вытащила из сжатого кулака соседки платежку и не глядя засунула в карман.

– Да.

– Неразговорчивая какая, а! – заблеял показавшийся в дверях дядя Коля. – Все «да» и «да». А ты по-другому скажи. Можешь?

Ульяна перевела на него тяжелый взгляд. Мужчина ей откровенно не нравился. Было что-то наигранное в его расхлябанном сумасшествии, ином, чем ненормальность Натальи. Он играл психа, чтобы казаться подходящим своей молодой жене. И каждое его слово, как прогорклым маслом, отдавало мерзким привкусом вранья. Но – никакой полыни, а значит, это было не Улино дело.

– Могу, – буркнула она, вставляя ключ в замок.

– Вот и скажи. Хорошо, там. Или ладно.

Замок как назло заело.

– Или вот... – Он смачно хлопнул себя по лбу. – Вспомнил! Слово есть. Хорошее. Догадаешься?

В двери что-то щелкало. Уля потянула ее на себя – щелчок повторился, ключ вошел до половины и застрял. Николай был уже рядом. Он пытливно посматривал на Улю, неся какую-то околесицу, только вот глаза оставались ясными и злыми.

– Догадаешься, я дверь открою. Пойдет? – спросил он.

Ульяна молча отвернулась от его заросшего лица. Взятая под контроль полынй была бы сейчас очень кстати, но она спала, набираясь сил. Так что насладиться смертью противного мужика сегодня суждено не было.

– Ну смотри. Слово хорошее. Четыре буквы. Как ладно, да не ладно. А?

В коридоре повисла тишина. Ульяна пыталась вытащить ключ, но тот намертво застрял в замке. Наталья напряженно топталась около них, не понимая, что происходит. Дядя Коля же просто стоял, опершись рукой на дверь, и ждал, пока Уля отгадает.

– Ну? Знаешь?

– Нет, – буркнула Уля, подхватывая пакет. Ей стало невыносимо толпиться в узком коридорчике с двумя грузными потными телами, к тому же лишенными разума. Она было шагнула к выходу, но Наталья схватила ее за плечи и повернула обратно.

– Скажи, – попросила она мужа. – Сам скажи.

Николай насупился, но тут же рассмеялся, закашлялся и проговорил:

– Слово из четырех букв, как ладно, но не ладно. – Он замолчал, поглядывая на жену, и пропел, вытягивая влажные губы трубочкой: – Лююю-боооо. Просто – любо...

В этот момент Уля со всей силы налегла на ключ: тот вошел в замок, мягко повернулся, и дверь распахнулась. Ульяна скользнула внутрь, слыша, как за спиной у нее раздается отвратительный звук чужих поцелуев. Когда она запирала дверь, раздался металлический лязг. Это Оксана, внимательно следившая за сценой в коридоре через глазок, накинула дополнительную цепочку. От греха подальше. И видит Тот, что смешал их всех в одном коммунальном котле, первый раз в жизни Ульяна была с ней полностью согласна.

* * *

Ипкинс встретил Улю сердитым шипением. Стоило ей опустить руку в террариум, как он подался назад, втягивая голову в панцирь. Чужая, что она для него чужак. Зная, как она себе противна, и разделяя с ней это презрение. Но салатом принялся хрустеть споро, а кусочек банана прижал к камням когтистой лапой: мол, мое, и не думай даже забрать.

Уля постояла немножко у столика, направив свет лампочки на остывшие за день камни, а потом медленно пошла к раковине в углу, нагнулась, протянула руку к ржавому вентилю и пустила воду по пересохшей трубе. Она долго и тщательно терла руки старым обмылком, найденным в уголке раковины. Ей хотелось смыть грязь и холод, прикосновения к ремешку злополучной камеры, а главное, саму память, которая въелась в кожу там, где темнела вязь татуировки.

Рыжая струйка воды нехотя выливалась на подставленные ладони, и грязные хлопья мыльной пены падали на дно умывальника, медленно тая первым снегом, выпавшим прямо на грязь. Как замороженная, Уля смотрела на закрученную в спираль слива воду и продолжала тереть ладони, уже покрасневшие от ее усердия.

Когда за стеной, граничащей с комнатой Натальи, раздался скрип кроватных пружин, а после – первый сдавленный вздох, Уля поняла, что дело совсем плохо. Ей грозило стать невольным свидетелем первой брачной ночи двух особей совсем нечеловеческого вида.

Уля завернула вентиль – тот скрипнул, попадая в тон нарастающему скрипу за стеной. Кажется, там кто-то охал, скорее болезненно, чем возбужденно. Хотелось смеяться и плакать одновременно. Хотелось броситься прочь, лишь бы не быть тут. В окружении чужих странных людей. В плену собственных страшных мыслей и угрызений.

Она рухнула на диван, поставила на колени спящий ноутбук, подняла крышку, одной рукой нащупывая под столом покрытые пылью наушники. Уля и не помнила, когда в последний раз пользовалась ими да и слушала ли музыку вообще. Но в этот вечер ей было просто необходимо занять свой слух хоть чем-нибудь, кроме звуков, доносившихся из соседней комнаты.

Компьютер загудел, просыпаясь, и принялся подгружать неправильно завершённые программы. Первым вспыхнуло окно

браузера. И пока Уля распутывала проводки наушников, ноутбук успел подключиться к Сети и вывести на экран страницу канала Глеба.

Не глядя в монитор, Ульяна засунула в уши две маленьких горошинки с надеждой отыскать спокойную мелодию, под которую получится подремать. Слух уловил шипение, а после громом среди зимнего ясного неба прозвучали знакомые слова.

– Привет всем! Я Глеб Ямской. – Мальчишка нахально скалился, сдвигая от глаз спортивную шапку. – Сегодня мое прошлое видео набрало сто тысяч просмотров...

Дрожащей рукой Уля навела курсор на «стоп» и остановила видео. Глеб замер, глядя прямо на нее. Конечно, он смотрел в глазок камеры, Ульяна это понимала. Но легче не становилась. Фарфоровый мальчик, обряженный в грубые тряпки, не скрывавшие его красоты, смотрел ей в глаза, вопрошая: «Ну как? Теперь ты довольна? Все вышло наилучшим образом?».

Гус обзавелся еще одним подарочком, она исполнила условие на треть, и только этот мальчик лежит сейчас на холодном столе, а чужие руки ощупывают его, моют, готовят к погребению. И воеет, скорчившись в углу, его мама.

Уля застонала, стискивая зубы, и поскорее перелистнула страницу дальше. Под роликом собрались десятки тысяч комментариев. Сколько бездельников, увидевших трагедию в эфире, ринулись теперь обсасывать ее, радостно скалясь за своими мониторами в тепле и безопасности? Сколько их? Тысячи. Десятки тысяч. Сотни тысяч мертвецов, счастливых оттого, что сегодня смерть выбрала другого.

Ее мутило. Голод, помноженный на усталость, отвращение к себе и этому миру – все вместе впечатало Улю в диван, не давая пошевелиться и вдохнуть. Остались лишь мышка под рукой и курсор, скользивший вдоль однотипных комментариев до тех пор, пока не наткнулся на повторяющуюся из поста в пост ссылку.

Кто-то с нечитаемым ником написал: «Мать Глеба в телике, офигеть круто, да?».

Уля знала, что ей нельзя это смотреть. Знала, что не выдержит боли, стыда и ужаса, если снова увидит отчаянные глаза сухонькой женщины в сером пальто. Но все равно кликнула по ссылке. Ноутбук зажужжал, будто давая хозяйке время опомниться, захлопнуть крышку, выбросить компьютер в окно, выпрыгнуть следом – словом, сделать

хоть что-нибудь. Но Ульяна осталась на месте. Так сдирают болячку, только покрывшуюся защитной корочкой, боясь новой боли, но предвкушая ее. Словно кровь, которая потечет из раны, сможет смыть пережитый страх. Словно хоть что-то сможет его избыть.

Экран мигнул, и на нем появилась запись телепередачи с крикливым лохматым ведущим, который натруженно кричал в камеру, все быстрее и быстрее проговаривая слова. Он размахивал руками, метался по студии, поднося микрофон к лицам зрителей и участников. Уля немного посмотрела на его ужимки, вспоминая название передачи, но лишняя информация никогда не задерживалась в голове. Потому Ульяна дернула курсором, наугад перематывая видео к середине.

Конечно же, она попала в точку. Злая сила, управлявшая ее рукой, знала, где начинается интервью, взятое у убитой горем матери. Уля зажмурилась, чтобы не видеть стены, замазанные казенной зеленой краской, темные круги под запавшими глазами женщины, которая даже стала меньше ростом, уже в плечах за минувший день. Чтобы не видеть бегущую строку внизу экрана: «Нина Ямская, мать погибшего зацепера». Но голос все равно пробивался через горошинки наушников, а сил, чтобы вытащить их, отбросить в сторону, просто не было. Потому Уля слышала каждое слово, которое с нестерпимой болью отдавалось в голове.

– Я не знала, чем он занимается, – безжизненным, еле слышным голосом говорила женщина. – Я не знала... Он просто... Снимал всякое. Говорил, что так общается со сверстниками.

Но корреспондент тут же увел разговор в нужном направлении.

– Нина, скажите, он был проблемным ребенком?

– Нет! – вскинулась названная Ниной. – Он очень хороший мальчик! – осеклась, помолчала и выговорила на выдохе: – Был. Хорошим мальчиком. – Уля услышала сдавленный всхлип.

– И у него не было проблем в школе? С одноклассниками, например? Почему он занялся зацепингом?

– Чем? – Женщина снова замолкла. – Это так называется? Господи, да я не знаю! Я ничего не знаю! Отец его, мой муж... Он ушел давно. Я одна его ращу.... Растила. – Пауза, всхлип. – Он такой красивенький у меня... Нежный, ласковый, всегда со мной разговаривал. – Нина запнулась, но решительно продолжила, словно ее защита еще могла что-то изменить. – Ребята над ним издевались, говорили, что он...

Слишком мягкий. Спорт не любил, читал. Даже стихи сочинял. Они говорили... что он... не такой. Нетрадиционный. Это неправда! Просто ему не нужно это еще было. Девочки всякие. Он мне так сказал...

И зашлась плачем, скуля, как побитая и выброшенная за порог собака. Уля откинулась на спинку дивана, вросла в него, пытаюсь укрыться от страшных звуков рыдания, но они подавались прямо в мозг равнодушной силой пары проводков.

– Нам всем очень жаль, примите наши соболезнования, – сухо проговорил репортер, намереваясь завершить интервью.

– Нет! – крикнула Нина, послышался шум, она схватила микрофон и притянула к себе слишком близко, и теперь казалось, что женщина говорит лично Ульяне, чуя, что та слышит ее. – Я скажу! Это они виноваты! Все эти дети, их родители. Я ведь поднимала вопрос, я говорила, что Глеба обижают. Над нами посмеялись. Кто мы? Не богатые, не русские, без связей. А потом он стал таким. Отдалился, окаменел. Начал снимать свой чертов блог! Хотел им что-то доказать... Говорил мне: мама, так они меня уважают, так я им интересен. И что теперь? – Она кричала, стуча зубами об микрофон. – Они живые! Грязные свиньи, злые сволочи и родители их проклятые! А он... Мой сын мертв! Что он им доказал?

Вопрос повис в воздухе. Уля дернулась, почуяв, как хватка чужой силы ослабла. Теперь она могла открыть глаза и свернуть окно, сметая видео с монитора. Но что бы это изменило? Отчаянный крик матери, полный чистой ненависти и боли, по-прежнему звенел в ушах.

Будто чумная, Уля поднялась на ноги, шатаясь, прошла по комнате, не видя ничего перед собой. К голосу Нины в голове прибавился еще один, чуть слышный, вкрадчивый.

«Будешь слезы лить – не принесешь мне ничего, – шептал Гус. – Если умная, послушаешь меня и примешь. Не будет в тебе ни совести, ни страха».

Прогоняя его, Уля мотнула головой.

«И что теперь? – вопила в ней Нина Ямская. – Они живые! Грязные свиньи, злые сволочи и родители их проклятые! А он... Мой сын мертв! Что он им доказал?»

«Ни совести, ни страха», – вторил ей Гус.

«Он такой красивенький у меня... Нежный, ласковый, всегда со мной разговаривал...»

«Хорошо тебе было, пока охота тебя вела? Вкусно, ярко, легко? И нет в тебе совести. Так и должно быть. Всегда», – хрипел старческий голос.

«Я скажу! Это они виноваты! Все эти дети, их родители», – надрывалась Нина, и ее голос становился похожим на безжизненный голос Улиной матери: «У меня только один ребенок. И он умер. По твоей вине. Это твоя вина, Ульяна. Твоя вина».

Уля шагнула в коридор, запустила руку во внутренний карман и нащупала там сверток. Ей понадобилось одно бесконечное мгновение, чтобы вытащить таблетку и сунуть ее в рот, зажимая зубами. Пока она шла к капавшему ржавчиной крану, Нина Ямская твердила:

«И что теперь? И что теперь? Что теперь?» – все громче, все отчетливее, все невыносимее, перебивая тяжелое шевеление тел за стеной. «Это ты виновата, Ульяна!» – наконец выкрикнула она, когда Уля поднесла ко рту пригоршню мутной воды, и замолчала.

«Игра же должна приносить радость, правда?..» – чуть слышно спросил Гус, растворяясь в горечи на ее языке.

На вкус таблетка оказалась чистой полынью. Терпкой, горькой, ободряющей. Боль сразу отступила. Ей просто не осталось места. Внутри разливался покой, который в мгновение ока мог смениться восторгом предвкушения, стоило только отыскать след. Начать охоту. Уля зачерпнула еще воды, наслаждаясь горькими волнами внутри. Умыла лицо, отыскала на полке деревянную расческу, провела ею по волосам, удивляясь, какими длинными и плотными они выросли, хотя она совсем за ними не ухаживала. Пожурила себя за это, крепко решив, что завтра же отправится в салон. Кто знает, может, по пути ей встретится тот, кому смерть будет выдана за слова.

Она хмыкнула, потягиваясь. Сероватые джинсы тоже следовало сменить на что-то посимпатичнее, да и кофточка новая не помешала бы. За стеной сдавленно охнула Наталья, раздался скрип пружин.

– Да сколько можно, кролики, – поморщилась Уля, но это не испортило ей настроения.

Сегодняшний успех стоило отметить. Заветренный кусок сыра и старый хлеб точно не походили на праздничный ужин. Уля потянулась

к куртке, решив выйти на улицу и отыскать что-нибудь съестное, пока не стало совсем уж поздно.

Телефонная трель застигла ее в дверях. Ульяна нехотя потянулась к трубке, повернула ее экранчиком к себе и удивленно хмыкнула. На старом черно-белом мониторе светилось слово из четырех букв, которое никогда прежде не бывало в списке входящих.

Мама. Звонила ее собственная мама. Но это не вызвало в Уле ни страха, ни радости. Ровным счетом ничего. Она нажала отбой, дождалась, пока экран потухнет, бросила телефон на диван и вышла из комнаты.

Пропавший без вести

Ступеньки крошились под ногами. Уля перепрыгивала их, ощущая в теле непривычную, но упоительную легкость. Она проигрывала в голове, как сейчас выйдет на воздух и поспешит в центр – туда, где даже эта замкадышная дыра наполняется подобием жизни. Там много огней и витрин, там шумят машины, там ходят будущие мертвецы, уверенные в своей неповторимой важности.

«Забавно смотреть им в глаза, зная, что в любую секунду можешь вызвать образ смерти», – думала Уля, отталкивая скрипучую дверь подъезда.

Ночь окончательно спустилась на двор. Мир отдался во власть бесконечным месяцам темноты, что высасывала силы, опрокидывала навзничь, заставляя нелепо корчиться, суча лапками, как черепаху, перевернутую на спинку панциря. Но даже конец ноября не имел над Улей своей промозглой власти. Она дышала, наслаждаясь тем, как наполняются прохладой легкие.

У подъезда стояла большая серебристая машина, высокая и блестящая. Абсолютно чуждая унылой разрухе двора. Ульяна скользнула по ней взглядом, засунула руки поглубже в карманы, чтобы согреть пальцы, и двинулась по тротуару.

Ярко вспыхнувший свет фар ударил ее в спину, удлинняя тень. Уля неохотно повернулась, готовая дать отпор любому пожелавшему нарушить ее планы. Прикрывая глаза, она сделала шаг в сторону, выходя из ослепляющего потока. В ту же секунду стекло со стороны водителя бесшумно опустилось, и знакомый, изученный до мельчайшего полутона голос позвал:

– Ульяна!

Теперь Уля видела, кто скрывался в машине. Мама сидела за рулем, чуть склонившись к окну. Из проема выглядывала ее тонкая рука, сжимавшая в пальцах сигарету. Раньше мама не курила. И не ездила на такой крутой тачке. И не смотрела на Улю со смесью удивления, настороженности и легкого презрения в глазах.

Одурманенная силой Гусовской таблетки Уля – та, что почти не имела власти над телом и мыслями, – болезненно охнула и качнулась

вперед. Но сама Ульяна осталась стоять на месте, ответив на материнский взгляд взглядом еще более тяжелым и пронзительным.

– Ульяна! – повторила мама и скрылась в салоне. Пассажирская дверь медленно распахнулась, приглашая внутрь, но Уля не пошевелилась. – Я прошу тебя, сядь. – Мама снова выглянула в окно и призывно махнула рукой. Огонек сигареты качнулся в полутьме.

Не сводя с него глаз, Ульяна сделала пару шагов и застыла у открытой двери, прислушиваясь к затаенным за ней всхлипам, но все-таки полезла внутрь. Теплый кожаный салон встретил ее приятным скрипом. Сиденье подогревалось, машина пахла чистотой, мамиными сладковатыми духами и деньгами. Да, определенно деньгами.

– Ну, привет.

– Здравствуй... – Мама смотрела сквозь лобовое стекло, не оборачиваясь. – Нам нужно поговорить.

– Хорошая машина, – протянула Уля, без стеснения рассматривая напичканную электроникой панель. – Значит, живете тоже хорошо. Молодцы.

Воцарилось напряженное молчание. Мама явно не знала, с чего начать, а брошенная наобум реплика, кажется, окончательно выбила ее из колеи. Уля с наслаждением потянулась, чувствуя, как согреваются озябшие ноги. Срочно нужно было покупать обувь. И куртку новую. И джинсы. Лучше, если за счет неразговорчивой матери. Эта мысль заставила Улю улыбнуться своему отражению в лобовом. Мама заметила эту улыбку и дернулась, как от удара.

– Какими судьбами в нашей глуши? – растягивая губы еще шире, спросила Ульяна. Она всю наслаждалась маминым замешательством.

– Не ерничай, пожалуйста. – Голос напряженно дрожал, между тонких бровей пролегла складка.

Раньше Уля боялась этого как огня. Стоило маме нахмуриться, и все вокруг мигом становились шелковыми, ласковыми и послушными. Ей было достаточно посмотреть на дочь с особой холодной строгостью, чтобы добиться порядка и послушания. И как в этой хрупком женственном теле помещался домашний тиран? Никогда прежде Уля не думала так о матери, но теперь, спустя три года разлуки, она вдруг увидела все, будто вспыхнувшие фары осветили не комья подмерзшей грязи двора, а всю ее, Улину, жизнь. Мама

ненавидела, когда что-то шло не так, как она продумала. Мама ненавидела, когда с ней спорили. Да и любовь к дочери в ней постоянно мешалась с недовольством. И оно превратилось в настоящую ненависть, стоило произойти чему-то по-настоящему плохому.

Уля почувствовала, как внутри нее всколыхнулось несогласие с крамольными мыслями. Но тут же утихло, ведомое полынным дурманом. Ей показалось, что дело не только в таблетках. Она и правда так думала, просто не находила в себе сил признаться. Сейчас же равнодушная уверенность наполняла ее до краев, поэтому Уля повернулась к матери, неприкрыто ее рассматривая. Вблизи, подсвеченная верхней лампочкой, мама выглядела уставшей и поблекшей. Желтоватая кожа, обветренные губы, помада, сбившаяся в уголках, тусклые волосы по плечам, сеть морщинок у глаз.

«Да ты постарела, голубушка, – мстительно подумала Уля. – В этом, наверное, тоже я виновата?»

– Нам нужно поговорить. – В затянувшемся молчании голос мамы звучал напряженно.

– Значит, ты по делам, да, мамочка? Столько лет прошло, и даже не спросишь, как у меня дела? – Уля скривила губы, чувствуя, как нижняя чуть отстает от верхней, прямо как у Рэма, придавая лицу еще более презрительное выражение. – Адреса ты мои знала. Но что-то ни одной поздравительной открытки я не помню. А тут приехала – и нам нужно поговорить, так просто, да?

Ульяна поскребла ногтями по дорогой обивке кресла и наклонила голову.

– Ну так я не хочу с тобой разговаривать, мам. Абсолютно не хочу.

– Ты сама знаешь... почему все так... сложилось, – безжизненно проговорила мать, не отрываясь от темноты за стеклом.

– Сложилось? – Теперь Ульяной правила чистая ярость, праведная, как священный огонь. – Это ты так сложила. Ты выгнала меня из дома. Пойми это, наконец. Осознай весь масштаб. Ты – благопристойная женщина, муж, квартира, бизнес, все как у людей – выгнала из дома свою дочь, обвинив ее в гибели младшего брата. Как звучит, да? Хоть в ток-шоу иди.

– Замолчи! – выкрикнула она, сорвав последний слог в настоящий визг.

Уля поморщилась и потянулась к дверце.

– Да запросто, мам. Я пойду. – Заблокированная дверь не поддавалась. – Открой, пожалуйста, – с нажимом проговорила Уля, не оборачиваясь на застывшую рядом мать.

– Это насчет твоего отца. Посиди и послушай, пожалуйста.

Оставалось хмыкнуть и откинуться на мягкую спинку кресла, что Ульяна и проделала, демонстративно размазывая грязь, натекшую с ботинок, по аккуратному коврику под сиденьем.

– Отца, говоришь? Того самого, что бросил меня в нищете и малолетстве?

– Он бросил не только тебя, Ульяна. – Мама цедила слова, но, кажется, немного успокоилась. – Да, того самого отца.

– И что с ним? Он объявился? Хочет прижать меня к своей теплой груди? – Уле стало смешно и противно.

– Напротив. Его наконец признали умершим.

«Умер и погиб. Ты знаешь разницу?» – прошептал голос Рэма – тихий, пахнувший табаком и полынью. Уля кивнула ему в ответ и взглянула на мать.

– Признали? Или он на самом деле... умер?

– Он много лет считался пропавшим без вести. – Мама презрительно скривилась. – Давно пора было поставить в этом деле точку. Да все руки не доходили.

– Ты говорила, он нас бросил. А на самом деле пропал?

– Да нет же. Он сначала ушел от меня, ты была совсем маленькой. Около года. – Ее голос потеплел на одну сотую градуса. – А потом до меня дошли известия, что он исчез. И никто не мог его найти. По закону должно пройти больше пяти лет, чтобы человека признали умершим. Но в этот раз все затянулось. И вот буквально в том месяце был суд...

– А тебе это зачем? – Известие о пропаже и смерти незнакомого мужчины, пусть и связанного с ней кровным родством, мало задело Ульяну. Поведение матери казалось ей куда более интересным.

– Я была его женой. Он – отец моего ребенка...

– Как-то ты сказала мне, что я больше не твоя дочь, – мстительно протянула Уля. – А про первого мужа ты не вспоминала годами, да что там, десятилетиями. Так почему?

– Какая же ты стала... – сорвалось с губ мамы, и она вцепилась пальцами в руль, пытаясь успокоиться.

– Умная? Взрослая? Подозрительная? Это тебе спасибо, ма. Мне пришлось выживать здесь, когда ты меня выгнала, хорошо еще, что в яму не столкнула, как бракованный экземпляр.

– Зачем ты это все говоришь? – Пальцы, стискивавшие оплетку руля, побелели. – Хочешь вызвать мою жалость? Ты была совершеннолетней, а после... – она запнулась, – случившегося... мы не сумели бы жить под одной крышей.

– Да-да, я помню. – Уля дернула плечом. – Но мне совсем не сдалась твоя жалость, мам. Мне вообще от тебя ничего не надо. А вот если ты терпишь мое присутствие и еще не укатила в свой счастливый мир на роскошной машине, значит, тебе от меня что-то нужно. Так что?

Она проговаривала слова – хлесткие, исходящие желчью, попадавшие в цель, – наслаждаясь каждым звуком. Три года тоски по дому в одно мгновение обратились в холодную ярость, в тяжелую воду, что выплескивалась за край, переполнив чашу терпения и кроткого осознания собственной вины. К черту вину! К черту скорбь! К черту мать, сумевшую прогнать свое дитя в холод, голод и нищету. Будь это следствием шока и потери, как успокаивала себя Уля все это время, мама бы давно утешилась и поспешила отыскать ее, привести домой, да хотя бы узнать, не сдохла ли дочь в соседней канаве. И вот мама рядом. Мама, которой что-то нужно, и это единственная причина ее визита. А значит – к черту!

– Он что-то оставил нам, да? Что-то большое и ценное? – спросила Уля, уверенная в истинности своего предположения.

Мама скосила на нее идеально накрашенные глаза, но тут же отвела взгляд.

– Ага... Но без меня ты не можешь с этим разобраться, да? Тебе нужно мое согласие?

– Он завещал нам засранную хрущевку на юго-западе, – выплюнула мама, скривившись. – Жить там невозможно. Грязь, влажность, ужасный район.

– Что, даже хуже, чем здесь?

– Долг по коммунальным платежам, какой-то притон в соседней квартире. – Она проигнорировала вопрос, продолжая сверлить глазами

темноту за лобовым стеклом. – Привести ее в нормальный вид практически невозможно, а главное – бессмысленно. Я чудом нашла риелтора, готового выкупить эту дрянь по приемлемой цене.

– И хочешь поделиться со мной вырученными деньгами? Мамочка, да в тебе проснулась совесть! – Уля глумливо улыбнулась, желая ее обнять, и та шарахнулась в сторону, сделав вид, что поправляет ремень безопасности.

Внутри что-то болезненно охнуло, падая, разбиваясь, впиваясь в сердце острыми осколками, но Ульяна только хмыкнула и снова развалилась в кресле.

– Завтра в десять утра тебе нужно быть вот здесь. По адресу квартиры. Держи. – Мама протянула ей аккуратную желтую бумажку, на таких она всегда писала записочки, а после приклеивала на холодильник – хоть что-то в этом мире оставалось неизменным. – Не забудь паспорт, остальные документы мы с риелтором уже подготовили.

Холеный палец вдавил кнопку разблокировки двери. Раздался щелчок.

– Не опаздывай.

– погоди-погоди! – Уля хлопнула себя по коленям, с болезненным удовольствием отмечая, как взгляд матери мазнул по ее коротким ногтям и обветренной на холоде коже. – Давай сразу обговорим, что мне с этого будет.

Мама замерла на одно мгновение, которого хватило, чтобы заметить ее хищно раздувшиеся ноздри и складку между бровями, – она собиралась врать. Уля слишком хорошо изучила ее за годы совместного житья. Возможно, лучше, чем мама могла себе представить.

– Я думаю, что тебе отойдет тридцать процентов от вырученных денег минус затраты на услуги риелтора, конечно, – ровным голосом проговорила она.

Уля помолчала, улыбаясь своему отражению в стекле.

– Фигушки, ма. Ты не зря платила за мое образование: я прекрасно помню, что квартиру наследуют в равных частях и дети, и супруги почившего. Но вы развелись, иначе как бы ты вышла за Алексея, – кстати, как он там? – Секунда молчания, и еще один смешок. – Если бы не было завещания, тебе бы вообще ничего не досталось. Но оно

есть, и мы там указаны вместе. Выходит, квартиру надо делить поровну. Откуда же тридцать процентов?

Она больше не казалась себе грязной, несчастной и жалкой. Нет, она была куда сильнее матери. Теперь уж точно.

– Хорошо. – Ровный голос оставался таким же ровным, только напряженные пальцы принялись стучать по рулю. – Будет тебе пятьдесят. – И все-таки сорвалась на едкий, почти змеиный выпад: – Довольна теперь?

– Нет. – Уля улыбнулась еще шире. – Мне нужно шестьдесят процентов с продажи квартиры моего бедного, потерянного на просторах страны папочки. И все издержки общения с риелтором ты берешь на себя.

– Это еще почему? – Теперь мать смотрела на нее, хлопая тяжелыми ресницами.

– Потому что мы сидим в твоей дорогой машине около дома, где я живу в нищенской съемной коммуналке, – отчеканила Уля, меряя мать презрительным взглядом. – Потому что без меня ты ничего не сделаешь с бомжатской хрущевкой на юго-западе, сама же сказала: чудо, что нашелся покупатель. Но то на целую – а на половину найдется, ма? Неужели сорок процентов хуже, чем ничего?

Ульяна почти слышала хруст стиснутых зубов, но на лице матери ничего не дрогнуло – она умела держать удар.

– Завтра. В десять утра. Не забудь паспорт.

– Вот и здорово! – Уля потянулась к дверце. – К себе не приглашаю, сама понимаешь. – Она вдруг резко обернулась и почти дотронулась до окаменевшего лица матери обветренными губами. – Я возьму такси завтра, так что встречай меня во дворе с разменом для водителя.

Они были совсем близко. Уля чувствовала гладкость кожи, видела мельчайшие морщинки, комочек туши на реснице, чужая сладковатое тепло материнского тела. И то, как напряглось это тело с явственным отвращением и яростью, она тоже чужая.

– Ну, до завтра, – прошептала Ульяна и выскользнула в холодную тьму.

Как только дверца захлопнулась, машина, отчаянно газуя, рванула из двора. А Уля осталась стоять у покосившейся лавочки, с трудом переводя дух. Сердце kloкотало, пульс частил в висках, дышать было

нестерпимо больно. Только оседая на мокрые доски скамейки, Ульяна поняла, что так заканчивается действие таблетки, истратившей свои возможности на томительную борьбу в машине.

Ульяна не запомнила, как тащилась вверх по лестнице. Ноги казались пудовыми, голову вело в сторону, желчь на языке выворачивала пустой желудок, но нужно было идти. И Уля шла, считая про себя ступеньки. Дверь была неподъемно тяжелой, а тишина в коридоре – вязкой. Никогда еще ей не было так плохо. Самое жуткое похмелье, помноженное на самые страшные байки о наркотических отходняках, теперь казалось Уле детской сказкой. Ничто из пережитого человечеством просто не могло сравниться с ее тягучим мучением.

Она доползла до дивана и рухнула навзничь. Полежала так, пытаясь совладать с мигренью, но все-таки приподнялась, со стоном дотянулась до брошенного телефона и поставила будильник на восемь. А после была одна темнота, горькая, как туман на полынном поле.

* * *

Таксист приехал вовремя. Пошатываясь на слабых ногах, Уля спустилась по лестнице и села на продавленное сиденье машины. Конечно, не мамина роскошная тачка, но все же лучше, чем трястись в медлительной электричке, от которых Ульяну теперь бросало в нервную дрожь: слишком реальными еще были воспоминания об охоте на первый подарочек.

Пока такси объезжало пробки, Уля тонула в сонном забытье. В восемь утра, еле продрав глаза по звонку будильника, она потянулась было к заветному свертку во внутреннем кармане куртки – сегодня ей точно нужна была поддержка. Битва с мамой, да и просто встреча с ней не по силам живому трупу на отходосах. Но в бумажке остались завернутыми всего две таблетки. Тратить их сейчас, на дело, не связанное с поисками вещей для Гуса, было невыносимым расточительством. Потому Уля поплелась по коридору, встала голыми пятками в растрескавшуюся ванну и пустила холодную воду. Подождала, пока озноб доберется до самых костей, и крутанула вентиль на кипятик. Закусила губу, сдерживая крик, понаблюдала, как краснеет кожа под ржавыми струями, и снова направила на себя поток холодной воды.

Контрастный душ помог ощутить костность скелета и вещность всего существования. Но от слабости в мышцах и тремора он не избавил. Как и от страха перед грядущей встречей. Вспоминая прошедшую перепалку, Уля со скрытым восхищением ужаснулась собственной дерзости. Или смелости, тут уж как посмотреть.

Но вчера на ее стороне был эффект неожиданности: мама просто не могла предвидеть, что дочь не упадет, рыдая, ей на грудь, и не согласится со всеми требованиями. Откуда было знать ей, как сильно успела поменяться Уля? За ночь же мама могла собраться с мыслями и приехать на встречу, готовая дать отпор.

Уля потянулась к внутреннему карману куртки, вытащила сверток и достала из него один крошачийся кругляшок. Соблазн положить его на язык, пропитаться его бесстрашной смелостью и ледяным безразличием был слишком велик.

Водитель недовольно завозился. Уля встретила с ним взглядом в зеркале заднего вида. В глазах его читалось неодобрение. Конечно, кому захочется везти потрепанную наркоманку с дозой на ладошке?

– Меня иногда укачивает в транспорте, вот думаю, пить или нет... Лишняя химия все-таки.

– Ну вы это... – Мужик смешался и мигом уставился на дорогу. – Если плохо станет, скажите, я остановлю.

Еще одной слабой улыбки хватило, чтобы он окончательно успокоился. Но за ту секунду, пока их взгляды пересекались в маленьком зеркале, Уля успела почувствовать, что жить мужичку осталось совсем недолго. Разобьется на скользкой трассе, как только выпадет первый снег. Возможно, прямо сегодня. Та же куртка, тот же затертый воротник клетчатой рубашки, тот же седоватый пробор, только дорога в отголоске видения была не грязная и раскисшая, как сейчас, а припорошенная торжественной белизной.

Уля осторожно вернула таблетку в бумажный сверток и спрятала его в кармане. Водителя было жалко, но только слегка. Все там будем. Кто-то раньше, кто-то позже. Но без исключений. Рэм снова оказался прав: нет смысла сочувствовать золотым рыбкам. Все предопределено.

Но до конца пути Уля все равно поглядывала в окошко: не начнется ли снег? Снег не начался. Таксист осторожно зарулил во двор низенького дома на задворках застроенного такими же серыми зданиями района.

На часах было без трех минут десять. Пунктуальная мама стояла у подъезда, кутаясь в пушистую серебристую шубку до колен. В окружающих серости и грязи она казалась гостем из другой планеты. Раньше в ней не было этого тщеславного желания выделяться роскошью на фоне середнячковой нищеты.

– С вас тысяча сто, девушка, – проговорил шофер.

– Вот она с вами сейчас и расплатится, сдачу даже не предлагайте, никогда не берет, – ответила Уля, выбираясь наружу.

– Здравствуй. Таксисту нужно две тысячи рублей. Спасибо. – Мама молча кивнула.

Сохраняя молчание, они поднялись на второй этаж по прокуренной, но чистой лестнице. Подъезд не выглядел обиталищем жителей социального дна. Вполне себе ухоженный, пусть и старый. Как и дверь, обитая коричневым блестящим материалом, которую решительно потянула на себя мама.

В узкой прихожей пахло пылью. Таким воздух становится в квартирах, давно покинутых хозяевами. Ульяна огляделась: блеклые от времени обои, скрипучий палас, старенькая этажерка на входе. Ничего особенного, но точно не засранная хрущевка, как выразилась мать.

– А здесь неплохо, – бросила Уля ей в спину.

– Не говори глупостей! – Мама нервно дернула плечом и пошла в глубь квартиры по коридорчику, ведущему на кухню.

Уля прислушалась к себе. Ей определенно нравились рассеянный свет из-под пыльного абажура и старенькое зеркальце трельяжа. В квартире было тепло и сухо. А еще тут не было соседей. Ни тебе надоедливой Оксаны, ни сумасшедших новобрачных. Тишина, потрепанная жизнью мебель и даже просторная душевая, в чем Уля убедилась, заглянув в двери ванной.

– Где ты там ходишь? Иди сюда! – крикнула мама и вполголоса продолжила разговор с тем, кто уже расположился на кухне.

На ее, Улиной, кухне. Кухне, где когда-то, наверное, завтракал ее отец. Пропавший без вести. Признанный погибшим. Ульяне некогда было подумать об этом всем. Одурманенная таблеткой, она приняла новости как данность. Но теперь, осторожно ступая по скрипучему полу, она вдруг ощутила тепло к человеку, оставившему ей эту квартиру, может быть, в надежде, что она станет для Ули домом. А теперь ее почему-то нужно продать, поспешно и необдуманно.

– Ульяна! Ты что, провалилась в прогнувшийся пол? Иди скорее, – все еще наигранно поддерживая шуточный тон, крикнула мама.

– Сейчас, – чуть слышно прошептала Уля и остановилась напротив плотно прикрытой двери.

Когда она потянула ее к себе, ощущая под пальцами прохладный металл ручки, сердце уже знало, что в эту минуту все изменится. Оно больно дернулось, заставляя Улю застыть на месте, хватая воздух ртом. И горький запах полыни сразу забился в горло, защипал в глазах.

Уля шагнула через порог и с трудом сдержала крик, до боли прикусив губу. Небольшая квадратная комната была практически пустой. Только узкий диван у окна да большой стол в углу. Все стены были завешаны приколотыми прямо к обоям бумагами. Пожелтевшие, старые, испещренные записями и рисунками, они занимали собой всю площадь, от пола до потолка. Невозможно было разглядеть ни единого просвета. Мама что-то кричала в коридоре, но Уля не слышала. Она шагнула ближе и дрожащими пальцами прикоснулась к ближайшей бумажке.

«Что, если дурная смерть вообще не должна случаться? – писал кто-то разборчивым, четким почерком. – Что, если все Его слова об этом – ложь? Что, если предостерегать, мешать исполнению не только можно, но необходимо? Что, если мы сами творим высшее зло своим бездействием? Что, если полынь – не проклятие, а дар, направленный на помощь? Что, если все мы – потворщики дурной гибели и воры?»

Не чувствуя под собой ног, Уля отшатнулась от стены. Постояла немного, покачиваясь, а потом вышла в коридор, плотно прикрыв за собой дверь.

За низким кухонным столиком сидела полная женщина в шерстяном костюме. Она что-то показывала маме в ворохе распечатанных документов. Обе были так увлечены, что Ульяне пришлось повторить дважды, прежде чем ее услышали:

– Я не стану продавать эту квартиру.

Череда, цикорий, розмарин

Риелтор и правда оказалась профессионалом. Как только атмосфера в квартире опасно накренилась в сторону первой волны разрушения, тетка подхватила ворох бумажек, небрежно засунула их в сумку и бочком направилась к выходу.

– Светлана, позвоните мне, как только определитесь, – щебетала она, натягивая каракулевую шубку. – Нет-нет, даже не извиняйтесь, недвижимостью по завещанию – острая тема, вам нужно обдумать, я понимаю...

Мама сдавленно скалилась в попытке выдавить улыбку, но получалось плохо. Побелевшими пальцами она стискивала круглую ручку кухонной двери – казалось, без этой опоры она бы рухнула вниз, пробивая все этажи до самой земли. А может, и дальше.

Уля ощущала ее беззвучную ярость, но это не вызывало в ней ни страха, ни беспокойства. Все мысли были там, в полупустой комнате, среди сотен записок, сделанных ровным сильным почерком. Среди вопросов, заданных кем-то, может быть, и ее отцом.

Когда риелтор скрылась из виду, Уля готова была поклясться, что услышала ее облегченный выдох на лестнице. Мама осталась стоять, чуть поскрипывая каблуками по старому линолеуму. Улья машинально потянулась к свертку с таблетками, но остановила себя, осознав, что не боится. Совсем. И без всякого допинга.

Увиденное в комнате сумело изменить нечто очень важное. Мысль, что полынь не была в Улиной жизни несчастливим роком, что в ее появлении скрыта закономерность, наследственность, а может, и смысл, в одну секунду примирила ее с действительностью.

Оставалось только выставить вон последнюю помеху. И кто знает, может, среди бумаг, приклеенных к стенам комнаты, отыщутся ответы, которые Уля давно уже не рассчитывала получить?

– Ну и сколько? – не поворачиваясь, спросила мать.

– Что? – Ульяна ожидала криков, а не ледяного презрения и вопросов, потому смешалась.

– Сколько ты хочешь от меня, чтобы мы продали эту рухлядь? Сколько еще тебе нужно? – Одним движением мать оказалась рядом и

вцепилась в Улино предплечье. – Ты же цену набить решила? Зачем тебе вообще такие деньги? Ты же их спустишь! Посмотри на себя! – Она дернула дочь за руку. – Грязная, бледная, сидишь на чем-то? Не отвечай даже... Просто скажи: сколько ты хочешь, чтобы навсегда исчезнуть из моей жизни?

Уля отшатнулась.

Какой бы стеной она ни отгораживалась, услышать такое от матери было больно. Чертовски больно. Почти так же, как годами жить в одиночестве, лелея, словно культю отрубленной руки, вину и уверенность в собственном сумасшествии. Гнев поднялся в Уле мерзлой тяжелой водой.

– Мне ничего не нужно, – процедила она. – Я буду жить здесь, тебе достаточно просто убраться отсюда... – и осеклась. – Что?

Мамины глаза бешено округлились, она скривила губы, побледнела, мгновенно покрываясь испариной. Уле показалось, что мать сейчас упадет в обморок или свалится с инсультом. Не отдавая себе отчета, она дернулась вперед, но мама выставила перед собой трясущуюся руку.

– Не... не подходи! – прохрипела она, не сводя взгляда с оголившегося Улиного запястья.

На коже четко темнела полынная вязь.

– Так ты все-таки... такая же? – Мама говорила медленно и сдавленно, словно язык стал слишком большим для ее рта. – Что это... секта? Сумасшедший дом? Откуда ты... Как ты?

Ее трясло. Уля медленно опустила рукав, скрывая татуировку.

– Такая же, как кто? – еле слышно спросила она.

Мать помолчала, тяжело сглатывая, попятилась и не глядя села на скрипнувший табурет.

– Как твой чертов отец. Ты виделась с ним, да? После... случившегося. Он тебя нашел?

– Я не понимаю, о чем ты говоришь.

– Не ври! – Мамин голос взвился к потолку оглушительной трелью. – У него была такая же... перед тем, как он... Как я...

– Мой отец был меченым, – не спрашивая, а вслушиваясь в звучание этих слов, проговорила Уля и едва сдержала улыбку.

– Он был сумасшедшим... – Мама больше не кричала, теперь она выглядела уставшей и потерянной. – Говорил о какой-то ерунде. Какая-

то трава, какие-то галлюцинации... с ним было невозможно жить! Он стал опасен... и я...

– И ты его выгнала, да, мам? – Ответом оказалось напряженное молчание, но Уле больше не нужны были объяснения – картина прошлого вставала перед ней ясной и логичной. – Да у тебя просто хобби, как я посмотрю. Выгонять из дома тех, кто нуждается в помощи и поддержке.

– Я не выгоняла его. – Мама подняла глаза, в них стояли непролитые, злые слезы. – Я сама ушла. Вместе с тобой. Так нельзя было жить... Он постоянно что-то бормотал, попадал в милицию, ошивался по ночам на местах преступлений, убийств, суицидов. Ему было как медом там намазано... а потом его уволили, и он совсем от нас отдалился. Не смотрел на меня, не брал тебя на руки, стоило обратиться к нему, дотронуться, как он убежал из дома! Знаешь, какие ужасы говорили про нас соседи? Уля, ты вообще представляешь, что это значит – жить с сумасшедшим?

Каждое слово наотмашь било Ульяну по лицу. Она сжималась от жалости и тоски. Но не к сидящей на ветхой табуретке матери. А к незнакомому мужчине, который метался в клетке животного страха, одиночества и чужих смертей, медленно теряя рассудок. Прямо как она сама. Только на двадцать лет раньше.

– Я знаю, каково это – быть таким сумасшедшим, ма, – хрипло проговорила Уля. – И не нужно плакать, у тебя все хорошо. Ты здорова и морально устойчива. Про тебя соседи ничего дурного не скажут, так что бояться нечего. – Она немножко помолчала, проглатывая колючий комок в горле. – Уходи, пожалуйста...

Мама поднялась с табурета. Слез больше не было. Лицо снова стало непроницаемым.

– Я виновата перед тобой. Не стоило рожать от человека с такой болезнью, а потом надеяться, что ребенок будет... нормальным.

– Да, я помню, ты уже говорила мне это.

– Потому мне так нужен был Никита... – Слова, сорвавшиеся с маминых губ, заставили Улю отшатнуться. – Я всегда знала, что в тебе это спит. Сразу поняла, как только увидела запись с дороги... Ты стояла у тела, прямо как он... Как твой отец. Бормотала что-то, уставившись в никуда... Пока... пока мой мальчик... умирал.

Никогда еще Уле так не хотелось вцепиться кому-то в лицо, царапаясь и воя, как дикий зверь, только бы заставить его замолчать. Никогда еще она не испытывала такой брезгливой ненависти к кому-то.

– Вы, наверное, от этого удовольствие получаете, да? От чужой смерти? – Мать подошла совсем близко.

Сломанная, стареющая, одинокая. Наряженная в модные тряпки, как будто они могли согреть ее, обледеневшую на ветру собственного горя и злобы. Только сейчас Уля разглядела, что на холеной правой руке не виднеется обручального кольца. Но не почувствовала ни грамма удовлетворения. Ей стало жаль и маму, и Алексея, и Никитку, и себя. Но больше всех – брошенного двадцать лет назад отца.

– Как его звали? – обрывая злобную тираду матери на полуслове, спросила Уля.

– Кого? – Мама смотрела загнуто и удивленно.

– Моего отца. Как его звали?

– Артем. – Ее губы скривились, будто имя было для нее сродни грязному ругательству. – И что ты намерена делать?

– Перевезти вещи в дом, который мне оставил папа. И жить. Все просто.

– Да здесь коммунальный долг такой, что ты хоть на панель иди – не расплатишься!

– Я разберусь. – Уля посторонилась, освобождая проход. – А тебе пора. Мало ли что соседи скажут...

– Нет, это я разберусь. – Мама подхватила сумку и направилась к двери. – Я отсужу все, а тебя запру в больничку, где таким, как ты, самое место!..

Но Ульяна уже захлопнула дверь. На лестнице раздались нервные шаги. Переводя дух, Уля прислонилась лбом к прохладной обивке. Сердце в груди стучало быстро и взволнованно.

Пусть матери у нее больше не было, пусть отец пропал много лет назад и, скорее всего, погиб, но в ее распоряжении была целая комната полных записей. А это куда больше, чем привычное ничего.

* * *

Шепча что-то бессвязное, сама не понимая, к кому обращается, Уля отсоединяла исписанные листочки от старых обоев. Бумага крошилась

под дрожащими пальцами, но не рвалась. Ульяна складывала записи стопками, мельком пробегая по строчкам глазами.

Ровный и понятный на первый взгляд почерк нес в себе бессвязные размышления, полные повторов, вопросов и многоточий. Отец спешил записать все, что металось в его голове, пока мысли не исчезнут или он не потеряет возможность мыслить вообще.

Присмотревшись, Ульяна поняла, что каждый листок пронумерован. Написанное не было разрозненным потоком размышлений, напротив, записи оказались развешаны в хронологическом порядке. Подобно дневнику.

И с каждой аккуратно отложенной бумажкой Уля в страхе вспоминала мамины уверения: отец спятил, сошел с ума, бормотал, бродяжничал, видел то, чего не было на самом деле. Записи и правда казались дневником потерявшего рассудок человека.

Да вот только дневник этот был словно написан под ее собственную, Улину, диктовку.

«Смерть спит в их глазах. Ты смотришь и видишь... Они мертвы. Все, как один. Один, как все. Различаются только способы. Жизни людей – тысячи тысяч дорог, что обязательно приведут всех в единственный пункт назначения. Представляю, какая там давка», – писал отец.

Ульяна не смогла сдержать нервного, почти истеричного смешка. До чего сложно ей было принять эту истину от Рэма, который равнодушно опрокинул ее, будто ушат ледяной воды. Сумел бы отец рассказать обо всем мягче и гуманнее, чем поломанный жизнью чужой парень? Не узнать теперь этого, не проверить. Но пути, которые вели их по полынному полю, кажется, были одинаковы.

«Если взять за истину реальность происходящего, сразу становится легче. Есть ты и твоя правда. Твое знание. Кто-то считает в уме со скоростью компьютера, кто-то стоит на руках, а ты видишь чужую гибель. Надо просто жить с этим. Но любое умение – созидательно по своей сути. В чем созидание моего? Какого результата я должен достигать? Чего ожидает от меня вечность?»

Когда противоположная от входа стена была очищена от записок, Уля осторожно присела на краешек стула и выдохнула, чтобы хоть немного унять дрожь. Теперь на столе высились пачка пожелтевших сухих бумажек и пригоршня ржавых английских булавок, которыми

некоторые записи были приколоты к обоям. Пальцы противно стянул старый бумажный клей, от него же чуть заметно горчило на языке. Или то полынь сочилась из дневника отца, который тонул здесь в омуте своих мыслей и вопросов? Одиноким, покинутым, но силящимся найти ответы. Уля нервно провела ладонью по лицу, собираясь с духом, и взяла в руки верхнюю бумажку с кривой единицей в углу.

«Я начинаю чувствовать за собой странные изменения, – писал отец на разлинованной странице старого блокнота. – Иногда мне кажется, что мир двухмерен, а все вокруг лишь картонный фон. И только закрыв глаза, я понимаю, где прячется третье измерение, – во тьме под моими веками. Она будто живая, мерно дышит, я даже слышу ее дыхание. Ощущаю его на коже. Оно горькое, как трава в оврагах.

Света говорит, что я стал рассеянным. Она злится, когда я сижу, закрыв глаза. Она похожа на картонную куклу, которую наряжают в вырезанные из бумаги платьица. И мне хочется скомкать ее в кулаке, лишь бы она не отвлекала меня от тьмы, что дышит мне в лицо».

Уля медленно опустила веки, позволяя темноте под ними себя укутать. Она сама чувствовала ее дыхание – горькое, ровное, живое. Она понимала, о чем пишет отец. Но было достаточно представить, как часами он сидел, погружившись в себя, не реагируя, не слыша, чтобы понять: мама и правда могла его бояться.

Перебирая листочки, Ульяна выхватывала целые вехи отцовской жизни, которые уверенно направляли его в пучину безумия, и рвалась надвое от жалости к нему и нестерпимого осознания, что для нормального человека такое поведение кажется странным, опасным и отталкивающим. И сама она видится остальным точно такой же.

«Вчера долго шел вслед за женщиной. С остановки по незнакомому району. От женщины пахло тьмой. Так долго я пытался понять, что наполняет ее. А тут почувствовал это в автобусе. Кажется, Света просила купить какие-то витамины, и я ехал за ними. Не помню. Этот запах стер все остальное. Вынес за скобки. Я просто сошел вслед за ним на чужой остановке.

У женщины были каштановые волосы – длинные, густые, путались на концах. Я смотрел на них и шел, я был связан ими. И аромат становился все сильнее. Женщина обернулась, ускорила шаг, потом побежала, и я за ней. Я пытался догнать ее, спросить, что это за запах

– мокрая трава, багульник, можжевельник? Что? Мне нужно было знать! Кажется, я схватил ее за руку, когда она повернулась ко мне...

Нет, это невозможно объяснить. В ее глазах была смерть. Я увидел, что она умрет ближе к весне, солнце из окна лилось на ее бледные руки, исколотые капельницей. Наверное, рак, потому что на койке она лежала совсем лысая... Эти волосы, они были так близко, но там... Их не было совсем. Кажется, я закричал. Она ударила меня сумкой, пряжкой разбила губу. Кажется, убежала. Я не помню. Меня рвало на асфальт.

А потом я пришел домой. Света со мной не разговаривает. Губа распухла. И я не знаю, что видел».

Отчего-то самой Уле никогда не приходила в голову мысль записывать пережитое. Овеществлять его. Напротив, ей хотелось поскорее забыть увиденное, отмахнуться от него, убежать, сделав вид, что ничего и не было. Но отец с маниакальной точностью описывал каждый случай, каждый приступ и встречу с полынью. Они занимали в его записях главную роль, почти все место. Жене оставалось лишь ютиться на задворках картонной куклой, требующей внимания. Это было несправедливо, но Уля вновь и вновь ловила себя на том, что у нее не выходит осуждать незнакомого, но родного ей Артема, который все глубже уходил в собственную тьму, забывая об оставшихся по эту сторону родных.

«Утром Света сказала, что беременна. Она была расстроена, глаза припухли, видимо, плакала. Я обнял ее, ощущая, как от меня пахнет горькой травой.

Почти всю ночь я провел в слезке. Какой-то парень, сутулый и худой, собирался спрыгнуть с крыши соседней высотки. Я встретил его во дворе, должен был идти на работу, но он попросил огоньку. Наши глаза встретились, и я с трудом сдержал стон.

Видит Бог, то, что мне открылось, было устрашающим, но пленительным! В его мыслях это было лишь планом, решением, что он, может, принял, а может, еще и нет. А я знал, что так случится. Он взойдет на крышу, как на плаху, снедаемый бесами, и сделает шаг в свою пустоту. Я видел его сутулую спину в оранжевой куртке – она отражала тусклый свет снега и лампочки у выхода с чердака. Значит, это должно было случиться совсем скоро.

И я понял, что должен убедиться. Узнать, есть ли отличия между увиденным мною во тьме и происходящим на самом деле. Я ходил за ним целый день. Парень пил водку у ларька, а я прятался за будкой и вдыхал его запах. Горькая трава. Мне показалось, что это болиголов. Надо будет проверить.

Когда парень направился к высотке, стало понятно: мне повезло. Кажется, я видел Свету у дома. Она стояла возле подъезда и смотрела прямо на меня, но я прошел мимо. Меня мутило и трясло, как всегда после темноты. Ничего, ничего... я справился. Парень долго стоял на самом краю, это было так томительно. Кружилась голова, желудок стискивало от голода, но горечь обволакивала меня, согревала. Я знал, чего жду. И дождался.

Парень шагнул вниз. Он горел в свете лампочки оранжевым пламенем куртки. Все так, как я видел. С точностью до мгновения, до жеста. До подергивания его сутулых плеч. Я плакал, возвращаясь домой. А дома плакала Света.

Я не знаю, как быть ей достойным мужем. Я тону в чужой горечи и собственной тьме. Если я не умею быть хорошим человеком, как мне стать хорошим отцом?»

Уля отложила испещренную ровными строчками записку, спрятала лицо в ладонях и долго сидела так, раскачиваясь на стуле. Возможно, точно так же, повернувшись спиной к жене, сидел когда-то Артем, не знавший, как стать Ульяне хорошим отцом. А мама, испуганная и уставшая Света, скорчившись, лежала на кровати, положив ладонь на еще плоский живот, и тихо плакала от одиночества и непонимания.

Почему отец не попытался объяснить ей, что с ним происходит? Уля знала ответ: она сама билась о страх быть осмеянной и непринятой. Но зачем тогда было так мучить жену? Почему упивающийся полынью Артем не ушел первым, до того, как узнал, что станет отцом? Ведь он не стеснялся своей мании, он желал видеть смерть, он искал травяную горечь, а не бежал от нее, как Уля. Отец не испытывал ужаса и жалости. В тот момент он и правда был сумасшедшим. Мама не соврала.

Уля читала записи, погружаясь в сбивчивые воспоминания о бесконечной слежке за умирающими, будущими жертвами маньяков и несчастных случаев, и тошнота поднималась по горлу – горькая, но не травяная. Желчная. Полная отвращения к самой себе и тому, кто ее

породил. Пусть Артем не убивал собственными руками, но он стремился видеть смерть, сравнивать ее, разглядывать, ощущать. Он никак не мог отгадать, что за запах преследует его, потому шел вслепую, все чаще закрывая глаза. Ему нужна была тьма под веками, как ориентир. Зрение подключалось позже, чтобы он мог рассмотреть и впитать в себя момент настоящей смерти.

И еще один. И еще.

Мамы в историях становилось все меньше. Артем уже не работал. Момент его увольнения уместился в одну строку: «Звонили со службы, наконец-то я освобожден от необходимости бывать там». На что они жили, Уля не узнала. Видимо, мама работала до самых родов. Видимо, отец просто не замечал этого, отдавшись своим желаниям до самого конца.

День Улиного рождения был запечатлен на небольшом куске белой бумаги. Сиреневые чернила почти выцвели, но Уля сумела прочесть написанное:

«Родилась дочь. Я был на деле. Старика должны были толкнуть у входа в метро. Я видел, как он распластается на ступенях перехода, а кровь будут разносить на подошвах спешащие мимо люди. Шла вторая неделя ожидания. Старик каждый день спускался по лестнице – слабый, дрожащий, с палкой в иссохшей ладони. Прохожие отталкивали его от перил, он оступался, но шел. В какой-то момент мне подумалось, что тьма указала, кто должен помочь ему упасть. Я почти поверил, что это моя рука толкнула старика вниз. Я почти решил, что должен проверить.

Но сегодня он упал. Наконец-то он упал. Видит Бог, я почти сделал это сам. Не пришлось. Горечь ударила в нос за секунду до того, как седая голова раскололась, как арбуз. Я был первым, кто унес его кровь по переходу на своей подошве. Я был счастлив.

Кажется, все это время я не возвращался домой. Боялся, что упущу момент. В переходе всегда темно, смерть могла прийти за стариком в любое время. Так легко упустить быстротечный момент моей правды. Моей силы.

Дома звонил телефон. Я зарылся лицом в куртку, ловя отголоски травяной горечи. Может быть, это цикорий? Нет. Название крутилось на языке, но чертов звонок мешал его поймать. Я поднял трубку. Какая-то женщина сказала мне, что родилась моя дочь. Я выключил

телефон из сети. В комнате было так тихо. Надо проверить, как пахнет розмарин. Скорее всего, это он».

Уля пролистнула с десятков страничек, почти физически чувствуя, как испаряется в ней теплая привязанность к отцу, так щедро оставившему ей в подарок эту квартиру и эти записи. И боль понимания, что ему она была не нужна. Хуже того, он даже не заметил ее появления. Чертов маньяк! Это была полынь, идиот ты этакий. Не болиголов, не цикорий, не розмарин – полынь! Может, пойми ты это, рождение дочери показалось бы более важным событием, чем смерть беспомощного старика, которого ты выслеживал те две недели, пока жена донашивала твоего ребенка?

Больше прочего Ульяну приводило в ярость, что эта охота была бессмысленной. Артем не искал подарочки для Гуса. Он вообще не был с ним знаком. Он просто получал извращенное удовольствие от собственной прозорливости. От чужой смерти, страшной и болезненной. Раз за разом. День за днем. Он искал ее в глазах прохожих, но видений было мало, а ему хотелось сравнить.

Больной ублюдок. Нелюдь.

«Вы, наверное, от этого удовольствие получаете, да? От чужой смерти?» – бросила ей в лицо мать, не зная, как близки к правде были ее слова.

Дрожащей рукой Уля выхватила из стопки следующую записку. Почерк перестал быть ровным, писавшего это бил озноб. Слова цеплялись друг за друга, строчки съезжали, обрывались, повторялись. Тот Артем, который царапал эту записку, больше не казался себе победителем и провидцем.

«Я боюсь. Этот страх поглощает все остальное. Он бьет меня. Заставляет тело покрываться липким потом. Все вокруг пахнет этой проклятой травой. Я не знаю, как она называется. И это пугает меня все сильнее. Я прочел все энциклопедии по ботанике, которые только сумел найти. Меня трижды выгоняли из лавки с маслами. Не можжевельник, не багульник, не тимьян. Но горечь повсюду. Я чувствую ее кожей. Она застревает в горле с каждым куском еды. Даже подошвы ботинок пахнут травой. Хотя я хожу только там, где не растет никакой зелени.

Света просит сходить в парк с дочерью. Я не иду. Придумываю отговорки, иногда плачу. Света смотрит на меня с презрением. Я

отвожу глаза. Боюсь увидеть в них конец. Смерть, которая придет за ней. За нами. Я знаю, что могу. И это страшит меня. Невыносимо жить в неведении, но и знание не принесет мне покоя. Его вообще не существует.

К дочери не подхожу совсем. Она такая маленькая, такая беззащитная. Плачет, морщит личико, слезы катятся по щекам. Ей скоро будет год. Она на год ближе к своей смерти. Это сводит меня с ума. Света говорила кому-то по телефону, что от дочки пахнет молоком. Сладко пахнет. А мне кажется, она вся состоит из горечи. Из своей будущей гибели. Страшной, кровавой.

Я боюсь посмотреть в ее глазки. Я боюсь смотреть в глаза жены. Я не смотрю в зеркало, я боюсь встретиться с собой взглядом. Я знаю, что увижу. Потому что я уже решил. Нет сил жить в ожидании, я сам убью нас. Пусть это свершится. Пусть это закончится».

Дочитав последнюю строчку, Уля с удивлением поняла, что ничего не чувствует. Она больше не злилась на отца, она не пыталась понять маму. Ей даже себя не было жалко. Эти записки лишь восстанавливали перед ней случившееся – клубок жизни родителей развернулся, оказавшись историей одного сумасшествия. Тропкой, по которой она сама могла пойти, но свернула, убежав из дома, скрывшись ото всех. Выходит, что спрятать голову в песок порой правильнее попыток разобраться. Просто потому что в итоге ты лишь свихнешься еще сильнее, так и не отыскав истину.

Следующая записка была самой короткой. Нацарапанная на обратной стороне объявления какой-то строительной фирмы, она казалась почти нечитаемой. Уле пришлось подойти к окну, чтобы разобраться. Тусклый свет лился через пыльные стекла и падал на рваные строки.

«Светлана ушла. Забрала дочь и какие-то вещи. Не знаю, не проверял, не помню, что тут было. Я не успел все закончить. Видимо, Света читала мои записки. И сбежала. Так тому и быть. Смерть найдет ее позже, а промедление подарит ей одни мучения. Это бессмысленно. Все бессмысленно. Наверное, мне нужно выйти наружу».

Уля отложила бумагу. Вдохнула сухой пыльный воздух комнаты. И поняла, что тут она с отцом согласна. Ей определенно следовало выйти наружу. Иначе она прямо сейчас подожгла бы тут все, чтобы огонь превратил в пепел память о сумасшествии отца, а может, и ее саму.

Неликвид

Воздух был влажный и холодный. При каждом выдохе изо рта вырывалось облачко пара, и Уле казалось, что еще немного, и она почует запах табачного дыма. Запах полынной злости – упругой, ощутимой, вещной. Так пахло от Рэма – единственного человека, с которым Уля согласна была бы разделить свое молчание на сырой лавочке у подъезда.

Но Ромки не было. Был голый палисадник с темными стволами облетевших деревьев. Коричневая, почти уже сравнявшаяся с землей листва укрывала корни в ожидании первого, такого близкого снега. Уля задрала голову, подставляя лицо мелкой измороси, что манной крупой сыпалась и сыпалась сверху, словно небо состояло из одних только прорех.

И пока острые капли, почти обратившиеся в лед, кололи кожу, забивались в волосы, таяли на разгоряченных щеках, Уля позволила себе ни о чем не думать. Ни о доме, в который принесли ее новорожденной, а унесли годовалой, испуганной, наполовину осиротевшей. Ни о матери, которую так сложно было представить забитой, молчаливой Светой, стоявшей у этого самого подъезда в надежде высмотреть мужа в плотных сумерках. Ни об отце, ни о его записях, ни о тошнотворных воспоминаниях, которыми они наполнились. Ни о чем. Разве что об Ипкинсе, которого сегодня нужно кормить, а значит, есть повод прямо сейчас рвануть прочь, запрыгнуть в электричку, зажмуриться, выйти на своей станции и никогда больше сюда не возвращаться.

Но черепахи спокойно могут не есть пару дней кряду. Потому Уля сжала зубы, отмахиваясь от малодушного порыва, и открыла глаза. Вытопанная детская площадка отделяла приземистый дом за ее спиной от серой многоэтажки. Это на ее крышу, наверное, забирался безымянный парень, решивший закончить свое существование. А за ним тенью, постанывая от нетерпения, крался Артем. Отец. Родная кровь, половина Улиного существа.

Полынь, генетический изъян вроде хорей Гентингтона, поселилась в ней еще при зачатии, чтобы двадцать лет таиться в лабиринтах

сознания и взять над ней верх одним ударом, точным и сокрушительно большим. Чтобы сделать ее такой же маниакально повернутой и опасной. Чтобы сделать ее меченой.

И можно было долго и упорно доказывать себе, что она не такая. Что нет в ней упоительной жажды чужой гибели. Что ее руки не дрожали от предвкушения, а низ живота не наливался горячей возбужденной смолой, когда она спешила, оскальзываясь на мокрых рельсах, к упавшей, сломанной фигуре красивого мальчика Глеба.

Да только обмануть себя сложнее, чем соврать целому миру вокруг. Сложнее настолько, что почти невозможно. Внутри всегда будет сидеть червячок осознания гадкой истины – ты врешь, ты прячешься, ты жалок и труслив. Покайся, ибо грядет.

Что именно грядет, Уля теперь знала четко. Каяться следовало в преддверии неминуемой смерти. Она случится с каждым: и с ней, и с мамой, и с этим старым, но крепким домом. А с Артемом, которого теперь никак не выходило назвать отцом, гибель, видимо, уже встретилась. И он получил сполна. На это Ульяна надеялась всем сердцем.

В последний раз вдохнув сырой холодный воздух, она дернула скрипучую дверь и медленно поднялась на два пролета выше. Тесная прихожая встретила ее уже знакомой пылью, старыми обоями и пустотой. Но если в коммуналке их запахи свербели в носу, то эта квартира казалась Уле до смешного уютной, почти родной. Где-то внутри нее спала память о первых месяцах жизни здесь. Именно эти скрипучие стены и были ее домом, пусть она сама и не подозревала об их существовании.

Ульяна прошла по коридорчику, прикасаясь пальцами к обоям в бежево-серую полоску. Пол ободряюще скрипел под ногами. В кухне еще можно было разглядеть следы пребывания риелтора. Вот отодвинутый массивным телом стул, вот светлая чашка на краешке стола. И чайный набор, и скатерть, которой стол был наскоро прикрыт, определенно не имели никакого отношения к этой кухне. Скорее всего, мама успела принести их с утра, чтобы задобрить тетку-риелтора крепким «Эрл Греем» из пакетика.

На подоконнике нашлись и заварка, и электрический чайник – самый дешевый из возможных, но с блестящими боками – и даже нетронутая упаковка песочного печенья. Мысленно поблагодарив

маму, верную своей привычке к вежливому чаепитию со всеми, кто оказывал ей услуги, Уля щелкнула по чайнику, и тот сразу заурчал, засопел, довольный, что пригодился.

Ополоснуть под краном чашку, бросить на дно пакетик, залить кипятком, подождать, пока коричневая пелена расплывется, чудесным образом превращая воду пусть не в вино, но в чай, что тоже неплохой результат. Все это Уля проделывала механически. Просто движения рук, привычные, понятные, словно она всю жизнь крутилась на этой маленькой кухне, наливая себе чай. А в соседней комнате, от которой ее отделяла тонкая стенка, не металась в агонии воспоминания сошедшего с ума Артема.

Но записки на старых обоях ждали своего часа. Три оставшиеся непрочитанными стены, аккуратно пронумерованные, будто бы отец знал: однажды маленькая, ненужная ему вовсе дочь зайдет в комнату, так отчаянно пропахшую полынью, и примется читать исповедь меченого.

Уля стиснула в одной руке чашку, во второй зажала пару печенок и покорно пошла в комнату, готовая раствориться в чужом безумии, как в своем собственном. Больше ей ничего не оставалось.

Записки, плотным слоем покрывавшие одну из стен, оказались так же методично пронумерованы, как и прошлые. И если почерк в них различался, то цифры в уголках были нацарапаны одной рукой, чуть неверной, но сильной. Их ряд, синеватый с фиолетовым отливом, гипнотизировал, манил к себе, заставляя осторожно отсоединять бумажки, складывать их в ровную стопку, содрогаясь от нервного озноба, пока стена не оказалась пустой и свободной.

Уля даже позавидовала этой кирпичной кладке, укрытой слоями штукатурки и старых обоев. Стена много лет несла в себе груз памяти – и вот освободилась. Переложила его на другие плечи.

Она осторожно провела пальцами по верхней записке – шершавая бумага, порванный уголок и бисер почерка, спешащего, рваного, безумного. Стоило только напомнить себе, что все написанное там происходило на самом деле и не с кем-нибудь, а с ее, Ульяниной, семьей, и к горлу подкатывала дурнота.

– Так дело не пойдет, – сердито прошептала Уля, укладывая листок перед собой.

Читать нужно было отстраненно. Как книгу. Странную, не слишком удачную книгу начинающего автора, решившего привлечь публику неожиданной подачей текста. Мало ли сейчас перформансов и прочей чепухи? Люди платят большие деньги, чтобы погрузиться в атмосферу чужого безумия. Получить незабываемый опыт, как повторяли в дурацкой рекламе очередного квест-рума, куда они с Вилкой однажды забрели. Им совершенно не понравилось. Натужная игра молодых актеров, глупый сценарий с банальными заданиями, надуманная драма и пару пугалок в конце. Только зря деньги потратили на билет. Зато сделали неплохие снимки для «Инстаграма».

Чтобы проникнуться атмосферой этой инсталляции, Уле не пришлось платить ни рубля. Только поломанная жизнь, маньяк-отец и навеки потерянная мама. Подумаешь, какая мелочь. Зато история прорисована до самых костей, а пугалки самые настоящие, такие, что охота блевать под столом после каждой записки. Думая так, Уля криво ухмылялась, даже не подозревая, какой похожей на Рэма делает ее эта улыбка.

Не дожидаясь, пока горькая ирония выдохнется и уступит место страху и тошноте, Ульяна склонилась к бумажке, позволяя чужой памяти унести себя в полынный омут.

«Не писал почти неделю. Говорят, что счастливые не замечают часов. Выходит, я был счастлив. В день, когда лишился последней надежды, когда готов был закончить свой путь, мне встретился он. Человек, видящий все мои чаяния насквозь, не осуждающий меня.

Он протянул руку. Я подумал, что бездомный просит мелочи, оттолкнул его – зло, бесстыдно. А когда посмотрел в его глаза, упал сам. На колени. Он соткан из моей тьмы. Он – ее детище, а может, и создатель. Мы стояли у подъезда, где я жил столько лет, не видя ничего, не ведая. Страдая, проклиная себя. Но все мучения стоили нашей встречи.

Кажется, я выл, готовый подставить ему брюхо, лечь, как пес перед хозяином. Но он все еще протягивал мне руку. И я схватился за нее. Тогда этот человек наклонился ко мне. Он был стар, укутан в грязный плащ, борода была серой от пыли, а под длинными ногтями темнела грязь. Но пахло от него не телом немывтого человека, а сухой горечью. Травяной дух пропитал нас в то же мгновение. Его лицо оказалось совсем близко. И он прошептал мне: «Так пахнет полынь».

Три слова, но во мне погребло все прошлое, я снова стал чист и молод. Я буду служить ему, пока не умру. И после этого буду. Он сказал мне: я должен ждать знака. Быть готов. И я готов. Все это время сижу у окна, выжидаю сигнал. Раз в три часа пью таблетки, он дал мне их в бумажном свертке. Там горечь моей тьмы. Голова становится легкой, мысли – ясными, я снова могу писать. Я предвкушаю».

Уля не могла понять, что больше поразило ее в этой записи – то, как разительно отличался от других ее слог, или Гус, сохранивший и бороду, и плащ, и даже грязь под ногтями. Помнил ли он, представляя в этом облике перед Улей, как однажды ее отец валялся перед ним на земле, совершенно безумный, пускающий слюни священного трепета?

В том, что Артема, скатывавшегося в кровавую пучину, рано или поздно отыщет Гус, Уля даже не сомневалась. Паучьи сети старика были нацелены на меченых, особенно таких повернутых. Но этот щенячий восторг Улю покорило. Отец мог испугаться, мог убежать, мог, напротив, обрадоваться союзнику. Но падать на колени перед мерзким стариком, который принес в этот мир столько зла...

Ульяна поморщилась, откладывая записку. Следующая оказалась совсем короткой.

«Боль. Что мы знаем о кристальной чистоте боли? Она сметает все на своем пути. Границы, условности, убеждения. Ничего не остается на выжженном поле после ее ударной волны. Мы все гордимся шрамами, лелеем память о тяжелых болезнях, хвастливо рассказываем, как пережили смертельную хворь. Но, встретившись лицом к лицу с чистой болью, мы теряем способность хвастаться. Мы теряем способность говорить, думать, быть. Мы растворяемся в ней. Она преподает нам бесценный урок, показывает, как скудны наши силы, как беспомощна наша воля. Сегодня хозяин подарил мне знакомство с ослепительной белизной боли. Я благодарен, пусть и не сумел принять ее с достоинством. На память мне осталась метка. Но я должен доказать свое право носить ее. Старик сказал: три подарочка. Я готов был предложить ему свою душу, тело и жизнь. Он посмеялся. Сказал: ему нужны три вещицы.

Я сижу у окна и жду нового знака. Старик обещал, что свяжется со мной, объяснит, что за вещи я должен ему подарить. Боюсь, что разочарую его. У меня нет ничего, кроме жизни и этой квартиры.

Таблетки тают на языке, горечь прогоняет озноб. Но боль не ослабеваает. И я счастлив ощущать ее. Счастлив. Счастлив. Счастлив».

И сразу следующая:

«Слышу, как он зовет меня. Тишина комнаты не мешает ему безмолвно приказывать. Встань, говорит. Зашнуруй ботинки. Умой лицо. Выйди на лестничную площадку. Закрой глаза.

Раньше я бесконечно упивался тьмой, а теперь боюсь ее. В этом бдении у окна что-то успело надломиться во мне. И теперь я не решаюсь исполнить приказ. Что, если темнота поглотит меня, зальет глаза? Что, если я ослепну? Кто придет мне на помощь? Светланы больше нет. Соседи меня боятся. Если я закричу – а этот крик уже рвется из горла, – они вызовут милицию, вызовут скорую, но никто не прижмет меня к себе. Никто меня не успокоит. Если я закричу, все закончится в комнате с мягкими стенами. Быть может, там я бы обрел покой. Но голос приказывает, голос вопит во мне.

Встань. Зашнуруй ботинки. Натяни штаны. Вымой лицо. Выйди на лестницу. Закрой глаза.

И каждое слово горчит во рту, хотя я вот уже сутки не пью таблеток. Полынь. Вот что это было. Все время, что я гнался за ней, вынюхивал, следил, ломал голову. Это была просто полынь. Седая, надоедливая, растущая в закоулках каждого двора. Припорошенным седым цветом к концу жаркого лета.

Полынь требует подчиняться голосу. Встань – пульсирует ею. Умойся. Выйди.

И каждое слово прокручивается в голове, как ржавый тупой гвоздь. И каждое слово отдается огнем в моей метке. Листочек за листочком невозможной, невыносимой красоты. Я никогда не видел ничего лучше этой ветви на своей коже. Но она пылает, она требует встать, умыться, выйти на лестницу.

И я встану. Разве у меня есть теперь выбор? Разве он хоть когда-нибудь был?»

На этом буквы – корявые, неловко сползавшие вниз с линии строки – обрывались. Ульяне легко было представить, как бессильно соскальзывала рука, слабо сжимавшая в пальцах карандаш. Как тряслось больным ознобом тело, как пробегали судороги по вспотевшему лицу, которое, впрочем, никак не желало обретать в Улином воображении конкретные черты. Она не знала, как выглядел

отец. Похожа ли она на него? Может, нос с заметной горбинкой достался ей от Артема? Или живые серо-зеленые глаза, которые теперь поблекли, отливая линиялым оттенком пыльной травы у дороги? А может, морщинка между бровей? А может, плотные, чуть выющиеся каштановые волосы? Или давно забытая склонность к легкой аппетитной полноте, которая совсем не читалась на ее теперешнем измученном, исхудавшем теле?

Но страх Артема она чужла ясно и устрашающе точно. Холодный пот вдоль позвоночника, неизбывная тошнота и полынь. Полынь, бьющая в нос при каждом вдохе. Даже сейчас, сумев обуздать тьму, Уля ловила отголоски ее ударов. Удушливая волна, накрывающая сознание. Горькая слюна в уголках губ.

Уля перевернула записку, собираясь положить ее в стопку к другим, прочитанным. На обратной стороне неразборчиво, словно строки эти на ощупь писал слепец, было нацарапано:

«Тьма сказала: ищи. Смерть, что тихо дарует газ. Это раз».

Выходит, Гус всегда любил эти глупые считалки. И не изменял своим привычкам. Ульяна представила, как он сидит в кожаном кресле у тлеющего камина, удобно устроив на коленях пухлый томик «Стихосложения для чайников». Сколько рифм к слову «раз» получится отыскать при всем, даже самом маниакальном, желании? Десять? Полсотни? Сто? Сколько раз уже шла по кругу эта странная, страшная игра? И снова никаких ответов – только старые бумажки, испещренные записями. И больше ничего.

«Старуха сама виновата. Старуха сама виновата. Старуха сама виновата.

Твержу это, хожу из угла в угол. Сажусь писать, комкаю, перечеркиваю, пока бумага не рвется.

Старуха сама виновата.

Она не выключила газ. Я видел это в ее водянистых глазах. Морщины, набрякшие веки, бельмо на правом. Запах старой мочи от юбки, истертые калоши поверх дутиков. Старуха сама виновата. Она стояла у магазина, считала мелочь на раскрытой ладони. Я почуял ее. Я выжидал. Кто не выключает газ? Старики и дети. Но ребенка я бы не смог. Нет. Ждал у магазина, у дома ждал. Дождался. Старуха сама виновата.

Я увидел, как она пришла домой. Грязная юбка, калоши. Как поставила чайник на старую плиту, а газ пошел из двух конфорок. Как легла тут же, на диване в углу кухни, старая дура. А чайник кипел, надсадно так, повизгивая и кряхтя, выкипая, краснея с боков. Как старуха не проснулась. Только ноги расслабленно вытянула, и калоша левая упала.

Тихо-тихо умерла. Смерть – дар ей. Зачем тянуть жалкие дни? В собственной моче, нищете и безумии. Если можно уснуть. Если можно отдать мне калошу.

Дверь открылась с одного толчка. Такая же старая, как эта дура. Шел по коридору и думал, что газ сам не пахнет. А запах этот, чуть слышный за упоительной полынной горечью, специально выдуман человеком. Чтобы не было вот этого всего. Этих старух, этих чайников и калош.

Она еще теплая лежала. На плитке урчало. Я не обернулся. Как же мне хотелось дотронуться до запачканной в уличном месиве резины! Я давно не ощущал такого желания. Руки дрожали, зубы стучали. Юнец, увидавший первую в своей жизни грудь после материнской.

Помню, что схватил калошу, помню, что полз по лестнице к выходу, все баюкал ее, лелеял, прижимал к губам. Хорошая моя, горькая так сильно, что сладко. Видел во тьме – хоп! И вот она настоящая. Скользит под пальцами бурой грязью, хранит тепло старухи.

Как добрался домой, не знаю. Очнулся у стола. Сидел и рисовал ее. Калошу эту. На самом деле рисовал. Пока не услышал хлопок. Окна звякнули. Пол качнулся. Сидел, смотрел во тьму, видел людей. Были тени – стали люди. Идут, потерянные, куда – не знают. Рано им было. Но разве кого-то спрашивают?

Кажется, включил телевизор. Сказали: взрыв бытового газа. Пенсионерка Ликвидова поставила чайник на неисправную плиту, уснула, отравилась газом, не просыпаясь, а чайник воспламенился. Двенадцать погибших. Тридцать четыре раненых. Разрушения, завалы, полынь.

Кто виноват? Ликвидова? Одинокая, сумасшедшая. Нет. Я виноват. Не снял чайник с плиты. Я. Виноват.

Калоша смотрит на меня со стола. Старуха, говорит, была Ликвидова. А ты теперь неликвид».

Уля долго сидела, глядя куда-то мимо бумажки, но продолжая вертеть ее в подрагивавших пальцах. Если бы все это была инсталляция, тот самый квест-рум, то прямо сейчас можно было начинать аплодировать создателю. Повествование определенно вышло на новый уровень погружения. Драматическая развязка сюжетной арки была в лицо. Зрители морщатся, утирая скупую слезу. Занавес. Конец первого акта. Можете спуститься в бар и выпить по рюмке очень дорого, коньяка за внутриигровую валюту.

Только вот режиссеру точно было плевать на человеческую похвалу. Гус – создатель куда более реальный, чем Бог, который должен был следить за всем этим безобразием сверху, но, видимо, устал и давно махнул рукой. Старик, наверное, даже не заметил, как еще один подарочек попал в его руки. Грязная калоша, пахнувшая старухой, бытовым газом и пылью. Вот же мерзость. Именно то, что нужно. Молодец, Артем, пошел вон. За двумя оставшимися вещицами.

Невыносимо больно было читать эти строки. Нестерпимо мучительно били они по Ульяне, тыча носом в простую и понятную истину: она ничем не лучше. Такой же монстр, упивающийся чужой гибелью, а потом страдающий от нее, как от тяжелого похмелья. Мерзко и смешно. И тошно до осточертения.

Наконец Уля встряхнула головой и потянулась за новой бумажкой. Было в этом какое-то болезненное наслаждение. Так толкают в рыхлый бок развалившийся зуб. Кровь вперемешку с гноем. Отвратительно, но не можешь остановиться. Человек вообще склонен делать что-то, повинуюсь дурманной неправильности, разрушительной силе своих проступков. Это спит в нем еще одной врожденной болезнью. И от нее не существует лекарств.

«Приходила баба. Не женщина, не тетка. Баба. Громогласная, большая, платье гармошкой на складках живота. Потребовала вещицу. Сказала, старик мной доволен. Сказала не мучиться, не страдать. Искать второй подарок. Найду – старик даст еще таблеток. Они, говорит, тебе понадобятся. И заулыбалась, мерзко так. Губы облизала. Подойди, говорит, поближе.

Я не хотел. Совсем не хотел. Мерзкая, потная. Но пошел. Она к уху потянулась, шепчет горячо так: «Смерть родившегося едва. Это будет два». И вцепилась в мочку, до крови. По шее потекло. Я отшатнулся, а ее уже и след простыл.

Только шаги тяжелые по лестнице. Топ-топ-топ».

– Значит, старуха, да, пап? – обращаясь к воздуху, только бы больше не слышать, как звенит тишина, проговорила Ульяна. – А потом и младенец. Молодец. Молодец...

Артем все писал, марал разлинованные листки и обратные стороны неоплаченных чеков – ни зажмуриться, ни отвернуться от его памяти, похороненной тут. Стискивая зубы так, что они хрустели, как камушки под тяжелым колесом, Уля хватала следующую бумажку, и еще, и еще. Пока вторая стена не оказалась прочитанной до конца. Так исследуют комнаты хваленого квеста, осматривают углы, выискивают улики. Деньги заплачены, время идет. Почему бы не насладиться выдуманной историей?

Жизнь бывает куда менее правдоподобной, чем сюжеты самых затейливых книг. Порой в хитросплетение человеческих судеб невозможно поверить. Остается кивать и хлопать, когда занавес опускается. Вот только ладони сбиты в кровь.

«Охотился шесть дней. Денег совсем не осталось. Топил снег, запивал им таблетки. Их еще много. Хватает. Сидел на лавке у роддома, делал вид, что читаю газету. Смотрел в глаза каждой роженице, каждой мамочке. Глупые курицы. Тяжелые, как перегруженные фуры. Ходят, слушают сами себя, улыбаются глупо, морщатся, трогают пузо. А я сидел, я ждал.

Одна подошла, улыбнулась. Попросила подвинуться. Рассосал таблетку на языке. Садись, говорю, а сам в глаза ей. Там полынь. Кровь, врачи бегают, она как кит, выброшенный на сушу. Лежит на боку, бледная, еще живая. А ребенок внутри, только мертвый. Не пойдет.

Нужен тот, что едва, но родился. Тут никаких отговорок. Сиди и жди.

Чтобы не выгнали, нашел метлу. Ходил по двору, мел. Ни один не спросил, кто, зачем, откуда. Метет – и хорошо. Работает человек.

Парочка одна все круги нарезала по палисаднику. Блондинчик за локоток пузатую держал, смеялись, она чепчик вязала. Фиолетовый.

– Почему фиолетовый-то, деточка? – говорю.

А сам – заросший, в дубленке вывернутой, дед дедом. Не помню, сколько мне. Но точно меньше, чем кажется. Хорошо. Не заподозрят.

– А мы решили не узнавать кто, – смеется, зубы ровные, как жемчужинки.

Это я потом их разглядел, во тьме. Она там сидела яркая-яркая, даже завитушки на лбу видно. А в глазах – палата, сама-то пузатая живая, только несет в себе смерть. Несла. Поскользнулась на мокром кафеле в душевой. Упала на живот. И младенец теперь на руках у дебелий сестры. На бабу ту похожа, только добрая. Держит ребенка, а тот синий такой. Головка вмятая с боковины. Склизкий. Пискнул два раза. И замолчал. Родился, значит. Был живой, стал мертвый.

Я посидел, подышал полынью.

– Когда родишь? – спрашиваю.

Опять смеется. Недели через две, говорит. Скоро.

Пришел назавтра. Блондинчик у лавки стоит. Плачет. Руки трясутся. Чепчик фиолетовый на земле валяется. Я схватил и побежал. Он даже не заметил.

Пока бежал, тьма в голове билась, как молоко о стенки бидона. Прислушался. Шепчет: «Смерть за дверью – ковер встряхни. Это три». Вот и третья вещица пожаловала. Хорошо.

Сижусь за столом. Пишу. Жду бабу. Ничего не чувствую. Тишина. Пустота. Горечь изнутри жжется. Устал я. Устал».

Две вещицы легко скользнули в руки Гуса. Для него чужая смерть – шелуха семечек. Опадает одним ловким движением пальцев. И медленно сыплется под ноги. Ни тебе высокопарных слов о полыни и служении ей. Ни тебе восторга и трепета. Ни жажды, ни возбуждения. Самого Артема уже не было в этих строках. Ничего. Пустое и совершенное.

Уля ощущала себя точно так же. Вакуум полного отсутствия чувств. Белый шум вместо мыслей. Один лишь вопрос – сколько таблеток успел растворить на языке отец, заглушая голод, чтобы полынь так выжгла его? И сколько их отделяло Улю от полного безразличия ко всему?

Не то чтобы она боялась этого, не то чтобы желала. Ей просто нужно было знать число. На крайний случай. На день чернее этого.

Отцова отца

Записки с третьей стены отходили совсем легко. Они просто ссыпались в дрожащие Улины ладони, будто задержавшаяся на ветках до ноября листва.

Стараясь не вчитываться в строки, Уля отметила только, как менялся почерк. Из неровного, кособокого и нечитаемого он вновь становился четким и понятным. Ничего хорошего это не предвещало. Вряд ли Артем поборол свое сумасшествие, скорее принял его, как саму суть. Отсюда и спокойствие его строк. Ледяное, нечеловеческое.

Уля сложила на столе третью стопку. Зажмурилась на секунду, давая себе короткий миг покоя. Но тьма, послушно ожидающая ее под веками, тут же пахнула в лицо горечью полыни. Напоминая, что время идет. И пока Уля тонет в чужой памяти, ее собственная линия жизни становится все тоньше.

Но прерваться, отбросить пожелтевшие от времени листки Ульяна не могла. Слишком крепко вросла история отца в ее собственную. Настолько, что в сердце теплилась слабая надежда – а может, там, в конце четвертой стены, появятся ответы? Или обращенное к дочери послание с подробно расписанным планом, как ей поступать дальше. Как спастись. Как победить. И стоит ли победа той гнили, которая ее окружает?

Уля не знала. Она совсем запуталась в своих мыслях. То, что так тщательно выстраивалось на руинах привычной жизни, рухнуло в день первой встречи с Гусом. На том мосту. За шаг до полета вниз, на рельсы. А теперь и новая схема, жуткая, но понятная, рассыпалась под пальцами. Если осталось еще столько непрочитанных записок, значит, и после окончания игры есть что-то еще. Какая-то жизнь, достойная быть записанной.

Отчего же Рэм уверял, что жизни этой у Ули всего месяц?

Ломать голову можно было бесконечно, но бессмысленно. Потому Ульяна протянула руку и придвинула к себе следующее письмо. От Артема в полынное никуда.

«Приходила баба. Глаза пучит, моргает медленно. Толстая, сонная. Аж тошнит. Чепчик взяла и как припустит по лестнице. Вышел в

коридор ей вслед посмотреть. А у двери коврик. Светлана покупала, не помню где. Неважно. Пыльный, зеленый с желтыми разводами. Цвет тошноты. Потоптался немного. Подумал. Ничего в голову не пришло. Кто умирает у своего порога? Где такого искать?

Не сузить круг. Любой может так умереть. От удара по голове, от удара в сердце. От холода, от тоски, от того, что не открыли. Что ж теперь, ходить по городу, на удачу уповать? Глупости. Бред. Бред.

Совсем расстроился. Тут сосед вышел. Петрович, кажется. Когда-то мы с ним пиво пили, просто так, по пятницам. Чего бы не выпить? А потом перестали. Вроде Света так решила. Мол, выпивать стал часто из-за Петровича. Да и какой он Петрович? Молодой еще, а внутри старый. Жена от него ушла, детей забрала. Пьяница Петрович. А руки золотые.

Только Светлане что его руки? Не пей, сказала, не надо. И я не пил. А теперь встали друг перед другом. Он и я. Руки золотые, руки полынные.

– Совсем ты, Артем, поплохел, – говорит. – Жена тебя бросила?

Киваю: мол, ушла, что ж теперь поделаешь? А сам гляжу, наглядеться не могу. Петрович-то – труп. Вижу, лежит он на моем коврике – пыльном, зеленом с желтыми разводами – бледный, глаза закатились, весь в рвоте. Захлебнулся, видать. И тьма его обступает, принимает в себя. Готова тьма. И я готов.

Видать, покачнулся от радости. Закружилась голова. А он мне:

– Похмелиться бы, да?

И руки свои золотые потирает. На левой тяжелые часы. Стрелочка бежит, сами чуть слышно тикают.

– Похмелиться, – соглашаюсь.

– Так это я быстро! Как раз две бутылочки припрятаны. Где посидим?

Я себе под ноги посмотрел. Коврик пыльный. Зеленый с желтыми разводами.

– У меня.

Вот как просто все. Пока он ходил, бутылочки искал, пока рыбку сухую потрошил, я успел три таблетки проглотить. Чтобы не усомниться, не дрогнуть. Тяжело своего. А что поделаешь – надо. Суждено так. Да. Даже водка его проклятая не смогла горечь с языка прогнать. Куда ей, водке, до моей полыни? Я сам рюмку, а Петровичу

две. Он захмелел. А мне хоть бы что. Это таблеточки на помощь пришли, точно-точно.

Словом, выпил он из двух бутылок полторы. Осоловел. Про часы стал рассказывать: мол, отцова отца еще, немецкие, с войны. Как бы ни опустился, а их не пропил. Нельзя. Реликвия. Я все кивал, поддакивал, а как он совсем поплыл, аж голову держать уже не смог, взял его под локоток да в подъезд. Темно уже стало, никто не увидит. Положил его на спину, виском в косяк упер, чтобы не повернулся.

И тихонько к себе ушел. Сел с другой стороны двери. Таблеточку посасывал да слушал. Петрович вначале захрипел, потом закашлялся, а потом забулькал. Как тихо стало, я еще посидел, чтобы точно. Дверь приоткрыл, тело ее собой приперло. Но все равно вылез. Закрыв глаза, вижу тьма, а в ней Петрович. Лежит, смотрит на меня. И тает-тает. Белесым стал, как туман. И горьким, как полынь. Только на запястье часы светятся. Я руку протянул через тьму их взять, а Петрович на меня все смотрит. Укоризненно так. Я не выдержал, веки поднял.

– Извиняй, – говорю. – Судьба такая.

Петрович больше на меня не смотрел. Весь в рвоте. Глаза закатились – одни белки видно. А часики его мне на ладонь легли как влитые. Только не тикали. Остановились. И Петрович остановился. Все».

Прочитанный листок лег в сторону со слабым хрустом. Первый из третьей пачки, он нес в себе историю третьего подарочка. Этим ли руководствовался Артем, разделяя свою историю по стенам? И зачем вообще он сохранил записи о мерзких поступках, предательствах, а теперь и убийстве? Ведь случившееся с соседом было убийством чистой воды.

Улю передернуло.

Ей очень хотелось сейчас сказать себе, что она сама никогда бы не пошла на подобное. Что игра с Гусом, похожая скорее на поддавки, чем на шахматы, не стоит того. Но врать не хотелось.

Если одна проглоченная таблетка превратила ее в равнодушную стерву, если одна короткая охота за подарочком принесла ей столько темного, плотского торжества, то как ей осуждать отца? Артема, окончательно потонувшего в полыни и смерти. Если это, конечно, не одно и то же.

Нет. Не время, не место для обвинений. Время читать дальше. Пусть закрыть глаза и отвернуться сейчас хотелось сильнее всего прочего.

«Ждал бабу, – писал Артем на следующем клочке бумаги. – Заперся в комнате, затих. Все боялся, что утро настанет раньше, чем мне подадут знак. Кто первым выйдет из дверей квартиры, кто найдет Петровича на моем коврикe? Кто поверит, что я не виноват?

И виноват ли я?

Пока мучился, ходил из угла в угол. Нашел старые снимки, Света на них улыбается. Смотрит в камеру. Сама веселая, а глаза злые. Осуждает меня, презирает. Сука! Увидел бы – убил. Сжег все фотки. На одной Светлана держит в руках кулек, присмотрелся: из роддома выписка. Где я был? Что искал? Чью-то смерть, наверное... Что ж еще. Хорошо, что не разглядеть на снимке личика, дочь смотрела бы на меня, глазки злые, как у матери.

Сжег их. Прочь! Уходите! Нет вас. Ничего нет. Часы только Петровича, да и те не тикают.

Когда светать начало, задремал. Слышу через сон: стучит кто-то в дверь. Так и представил, как Петрович поднялся с ковра. Бледный, холодный, в рвоте весь. Мертвый. И руки тянет: где, мол, часы мои? Отцова отца, немецкие.

И потекла от него полынь, как молоко. Один раз в жизни такое видел, в деревне был, мелкий еще. На рассвете с диких полей шел туман, медленно так по земле стелился. А тут он с Петровича стекал – и ко мне, ко мне... Закричал. Проснулся. К двери подполз. А за ней он. Старик. И нет никакого Петровича. Подъезд только чистый.

– Что же ты, Артем, не открываешь? – А голос теплый, сам улыбается. – Мы тут прибрались. Так что ты не бойся.

– Проходите, – говорю, а сам не знаю, то ли бежать, то ли в ноги ему падать.

– Ну-ну, теперь уже можно по-свойски. Гус. Так меня и называй.

Обнял за плечи и повел в комнату. Сел на стул, листочки мои помял, посмотрел записочки. Улыбается: мол, хорошо.

– Ты, Артем, правильно делаешь, что записываешь. Сейчас тебе страшно, а кому бы не было? Если живой, значит, боишься. Если не боишься, значит, все – умер. Но есть еще один путь. – Бороду почесал. – Ты же не хочешь больше бояться?

Я головой помотал: мол, не хочу. Устал. Тошно так.

– Тогда слушай меня. Свою часть сделки ты выполнил. Три вещицы достал, да? Ну-ка, давай третью. – И ладонь протянул – ногти длинные, грязные.

Я осторожненько так из кармана часики достал. Реликвия, немецкие, опускайся, а пропить не смей. Старик их взял, поглядел да в пиджак сунул – неинтересно, значит.

– Теперь я могу выполнить любое твое желание. Одно. – И в улыбке расплылся. – Хочешь квартиру новую? Машину? Бабу красивую? Знаменитым хочешь стать?

Я посидел, подумал. Ничего в груди не екнуло.

– Ты не спеши, – говорит. – Все, что хочешь, у тебя будет. Кроме одного. Никакой тебе больше тьмы. Вернешься в мир слепцов – они не знают, какой конец ждет их за поворотом. А ты знать будешь, а толку? Стыдливо отворачиваться, глаза прятать. Быть не избранным, а меченым.

Я молчал. Нечего мне было ему сказать.

– А можешь стать моим другом. Моим верным охотником. Что думаешь, Артем?

И выложил на стол целый кулек таблеток. Я сердцем почувал, что это они. Горькие мои, сладкие. Избавление от мучений. Сила моя. Избранность. Был ли выбор? Полынь во мне, а я в ней. Если бы и загадал желание, так только охоту продолжить.

Старик смеялся хрипло, прокуренно, пока я вскрывал кулек. Зачем ему мой ответ. Он и так его знал».

Это было как заглянуть за край занавеса в театре, чтобы узнать, какая сцена готовится дальше. Какой текст заучивает главный злодей? Что ожидает притихших зрителей в следующем акте? Вечная служба у Гуса, вот что.

Улю передернуло. Легкость, с которой Артем отдался полыни со всеми потрохами, ужасала. А ведь он был так близок! Мог попросить все на свете. Прощение жены, безбедное будущее семье, счастье дочке, в конце-то концов. И росла бы Уля в надежных объятиях любящих родителей, и не было бы всего этого страха, голода и темноты.

Но вместо этого тот, кто по извращенному велению судьбы был ее отцом, выбрал горечь на языке, кулек таблеток и вечное пресмыкание перед мерзким стариком!

От гнева перехватило горло. Да как он посмел? Почему не подумал о них с мамой и так легко перечеркнул их счастье?

Но обида быстро утихла. Слишком ярко в памяти горела жажда охоты. Предвкушение, как говорил Рэм. Вот кто точно смог бы понять Артема. Он вообще понимал происходящее куда четче и правильнее, чем она, постоянно истерящая и впадающая в панику.

Уля встала, прошла по коридору до кухни, налила в стакан холодной воды из-под крана и выпила ее медленными глотками.

Может, протягивая Гусу третий подарочек, Артем и не вспомнил про свою семью, но ведь квартира как-то оказалась завещанной дочери с бывшей женой? Да и мама видела его полынную татуировку, значит, он встречался с ней уже после всего, описанного на трех стенах. Значит, его потянуло назад. Главное – разобраться когда? Что изменилось? Куда привел его путь после игры? Куда он может привести ее саму?

Допивая воду, от которой ломило зубы и светлела голова, Ульяна почти успокоилась. В ее руках оказался бесценный дар – возможность прочесть о служении Гусу. Понять, чего стоит бояться особенно сильно. Найти наконец ответы на вопросы, которые она и задавать-то боялась.

Пусть и чтение это было мучительным. Но прочитала же она в школе «Войну и мир», неужто отцовская писанина окажется ей не по зубам? Глупо хихикая над собственной шуткой, Уля вернулась в комнату и села за стол.

По следующему листку было видно, что Артем взял перерыв. И время это он провел с пользой для своего разума. Строчки больше не сталкивались друг с другом. Нет, эту запись делал человек с твердой рукой и ясным сознанием. Таким отца Уля еще не знала.

«Меня удивляет, как все эти слепцы умеют чують полынную силу, хоть и не видят ее. Это настоящий нюх на смерть. Как они слетаются посмотреть на упавшего замертво! Как жадно разглядывают его окаменевшее лицо, как жалобно охают, как причитают, радуясь, что в этот раз выстрел прошел мимо. Он, незнакомец, лежит теперь у их грязных ботинок. А они постоят немного, пока мертвеца не прикроет тряпочкой потасканная тетка в форме, и разбредутся по своим делам.

Я наблюдаю за ними издали. В нос бьет полынь. В каждом живет страх своей смерти. И предвкушение чужой. И этим мы с ними

похожи. Только я – зрячий. А они слепы.

Теперь с удовольствием езжу на службу. Мне нравится так называть то, чем выпал шанс заниматься. Один счастливый на тысячу тысяч людских шансов. Я служу силе куда большей, чем казалось вначале. Я вижу ее глубину, но принимаю данность – мне никогда не изведать ее до конца. Нет финала в череде постоянных смертей. Нет дна во тьме полыни. Есть я и такие, как я. Есть Гус. А большего мне и не нужно.

Хотя с другими полынниками сойтись пока не выходит. Среди нас так не принято. Каждый ревностно охраняет свое одиночество, охота не терпит компании. Вещицу не поделишь на двоих. Не поделить и одобрение старика. Но мне бы хотелось хоть изредка поговорить с кем-нибудь, понимающим суть вещей. Выпить пива, рассказать истории. Как с Петровичем. Да, как с ним.

Коврик я сжег на следующий день после окончания игры. Каким глупым я был тогда. Уже не слепец, но еще не зрячий. Меченый, а не избранный. Сосуд, готовый наполниться до краев. Я счастлив быть тем, кем стал. Но иногда становится одиноко.

Вот снова начал писать. Глупо, но Гус сам напомнил. Сказал, что летописца у него еще не было. Того, кто увековечит полынь на бумаге. Но как описать ее глубину и силу, этот запах, что пропитал меня? Не перебить его, не смыть. Даже пробовать нечего.

От служек так не пахнет. Они чуть отдают травяной горечью, им всегда достаются одни крохи. Но полынников чуют отлично. Поджимают хвосты, тупят взгляд. Дрожь по жалким телам. И тошно, и сладко смотреть на них. Так и должно быть, мы – охотники, они – слуги. Мы приносим тьме подаяния, они моют за нами полы. Хуже только меченые. Еще хуже – слепцы.

Всю жизнь я мучился от невозможности понять устройство мира. Почему одни сильны и богаты, а другие бедны и слабы? Сейчас мне все стало ясно. Стало правильно. Если ты не чуешь полынь, ты слеп и смертен. Если чуешь, но не знаешь, что с этим делать, ты мечен. У тебя есть шанс. Если ты выиграл, поймал удачу за хвост, принес три вещицы, как должен, становись полынником. Или сгинь в вечном шатании по миру, где видишь, но ничего не можешь. А если проиграл... Что ж. Служи – подавай, носи, мой, будь там, где скажут, и таким, как велят. Служка. Отыгранная фигура. Пустое место.

Я мог стать и таким, и таким. Но выбрал правильный путь. Горькая пластинка на языке качнула весы, и вот я стою на пороге какого-то склада, безликого дома с забытыми окнами. Кто подумает, что внутри – могущественная сила? И внутри дома, и внутри меня.

В тот день мне показали, как меняется метка, стоит принять верное решение, принести дар, выполнить приказ. Она оживает под пальцами старика. Появляются новые листья, контур наливается особой глубиной. И это чудо. Благо.

А потом я вышел на порог. У крыльца курила толстая баба, та, что забирала мои вещицы. Мочка, прокушенная ею, иногда еще ныла. Баба посмотрела на меня испуганно, выпустила дым губами с потекшей помадой и двинулась по дорожке.

Я постоял, подумал и все решил.

– Стой, – тихо сказал, а она услышала.

Остановилась как вкопанная, замерла, только задышала тяжело.

– Огонек будет? – спросил.

Подскочила – большая, нелепая, потная – протянула зажигалку, а рука ходуном.

– Как зовут?

– Тоня, – чуть слышно.

– Чего боишься меня? Раньше не боялась.

Помолчала, но ответила.

– Раньше ты меченый был, а теперь... полынный.

– А ты кто?

– А я никто.

Трахать ее за углом было мерзко, как ночью есть замерзшую колбасу. Кусаешь, а на губах остается жирная пленка, и желудок сводит, и в печени колет. Только остановиться не можешь. Податливая плоть, испуганное мычание. Бей ее, тискай, щипай. Только съежится, вскрикнет и своим же кулаком загонит крик обратно в рот.

Пока она натягивала колготки, стоял и смотрел в сторону. Чувство, что могу ее убить прямо здесь, никто и слова не скажет, отдавало все тем же колбасным духом. Ни единой нотки полыни. Плохо, тошно, глупо. Нельзя так больше.

– Как же ты такой стала, Антонина? – спросил, чтобы не молчать.

А она по жирным щекам слезы размазала и говорит:

– Не смогла третий подарочек принести. Мамка у меня лежащая была. Хотела ей помочь, загадать, чтобы поднялась. Две вещицы отыскала... а третья. Третья – подушка. Я этой подушкой мамку свою задушить должна была. – И зашлась беззвучными рыданиями, только живот под платьем заколыхался.

– И сколько мамка твоя прожила потом?

– Две недели. – Лицо стало пунцовым, нижняя губа затряслась. – Не смогла я, понимаешь? Она меня вырастила, всю жизнь со мной... а я – своими руками? Не смогла...

– Ну и дура. – И пошел по дорожке.

А что тут еще скажешь? Дура».

Уля еле успела добежать до мусорного ведра. Ее вывернуло прямо туда, в пустое целлофановое нутро. Именно так, как задумывал режиссер этого поганого квест-рума. Пустой желудок мучительно сводило судорогой, Уля задыхалась, выплевывая желчь, но не могла остановиться. Прочитанное было не просто отвратительным. Оно, будто рак, ширилось, росло внутри, пожирая остатки всего светлого и живого.

Не видя толком, что делает, Ульяна выскочила в коридор, натянула ботинки, схватила куртку и выбежала наружу.

Больше всего на свете она боялась увидеть на пороге пыльный коврик. Зеленый с желтыми разводами. Но нет, Артем не соврал, коврика больше не было. Вот бы и Артем тоже сгинул где-нибудь! Пусть бы он сейчас варился в адовом огне! Пусть тонул бы в полынном тумане! Пусть бы его вообще никогда не существовало. И ее самой вместе с ним.

Как она вызвала такси, как стояла во дворе, ожидая машину, Уля не помнила. Всю дорогу до коммуналки она судорожно пыталась вспомнить хоть один маленький кусочек какой-нибудь молитвы. Первый раз в жизни ей отчаянно захотелось в церковь. Любой религии. Главное, чтобы тихо и спокойно. Чтобы вдруг оказаться под чьей-то защитой. В мире, где нет этой гнили, которой ей пришлось вымазаться с головы до ног.

Молитва не вспоминалась. Машина тащилась через пробки. Строки из записок Артема пульсировали в голове.

Подъехала к дому Уля в сумерках. Расплатилась с молчаливым таксистом, разменяв заветную пятерку. Вспомнила себя, испуганно

берущую деньги у Гуса, сдержала острое желание отвесить самой себе оплеуху и начала подниматься по лестнице.

Все тот же запах мочи и прокисшего пива. Всё те же крошащиеся под ногами грязные ступени. Они хоть немного возвращали Улю в реальный мир. Но этого было мало. Катастрофически. Что делать дальше, она не знала.

Искать еще один подарочек для Гуса? Вот уж нет – даже малейший шанс стать такой же, как Артем, пугал Улю сильнее всего прочего. Хуже было только проиграть. И занять место толстой безропотной Тони. От этой мысли Уляну опять скрутило, и она прижалась лбом к холодной стене.

Значит, ей нельзя идти вперед, но и назад нельзя. Так куда же можно? Ответ напрашивался сам собой – никуда. Прямо сейчас зайти в общую кухню, схватить самый острый нож из ящика Оксаны, запереться у себя и резануть по венам. На обеих руках. Как выйдет глубоко. Чтобы никто не спас. Чтобы ни одна служка Гуса не успела.

Ковыряясь в замке, Уля поняла, что спокойна. Холодная решимость заполняла ее грудь. Не было ни страшно, ни горько. Даже полынью не пахло. Просто хотелось скорее покончить со всем. И наконец отдохнуть.

В темноте коридора она прошла в кухню, не включая свет, открыла Оксанин ящик и ощупью принялась искать нож. Он всегда лежал справа. Уля часто брала его – собственным так и не обзавелась. И теперь уже не обзаведется. Как и детьми, и друзьями, и собакой. Ничего больше не будет. Но вместе с надеждами на счастье она прощается и с полынью. Если это цена, то Уля была готова ее заплатить.

Осталось только отыскать нож.

– Да где же ты? – прошептала она сквозь зубы.

– Не это ли ищешь? – спросил знакомый насмешливый голос.

За спиной щелкнул выключатель. Кухню залил ослепительный свет.

Черт

– Что ты тут делаешь?.. – только и смогла выдавить из пересохшего горла Уля, заслоня ладонью глаза.

Рэм стоял в дверях и сжимал в руке самый острый Оксанин нож. Все те же потертые джинсы, куртка нараспашку, под ней толстый свитер. С ботинок натекла грязная лужица. Первым порывом было броситься на его костлявую грудь, завывать, запричитывать, прижимая к себе взлохмаченную темную голову того, которого мысленно уже успела похоронить.

Но пришедший на помощь Рэм не мог появиться просто так. Он служил Гусу, и теперь этот факт делал парня еще более опасным чужаком, чем при первой встрече. Служка или полынный – только на этот вопрос Уля еще не знала ответа. И таблетки... Чертовы таблетки, окончательно сведшие с ума Артема! Сколько их Рэм успел выпить хотя бы за ту хмельную ночь? Пять? Десять? А всего? Во что полынь успела превратить поломанного мальчика без отца и матери, если взрослого мужчину она скрутила меньше, чем за месяц?

Рэм с интересом смотрел на Улю, метания которой, видимо, отчетливо проступали на лице.

– Это я у тебя должен спрашивать. Что ты творишь? – сказал он, кривя губы.

– Как ты здесь оказался?

– Вопросом на вопрос отвечать некультурно, Ульяна. И как только тебя родители воспитывали?

Его насмешливый, абсолютно чужой тон делал невозможной мысль, что пару дней назад на пороге этой же кухни они впивались друг в друга поцелуями, надеясь найти если не защиту, то поддержку. Того, кто поймет и не осудит. Того, кто выслушает и поверит. А теперь Рэм стоял напротив, постукивая кончиком ножа по липкой столешнице, и криво улыбался, тая в себе мерзлый туман.

Такой же худой. Расслабленный на вид, но внутри натянутый струной. Казалось, достаточно шороха, чтобы он сорвался с места. Бежать ли, вгрызаться в чужую шею, кричать, выть или драться

насмерть. Все это читалось в его глазах. Темных, потухших, безжизненных.

И Уля знала эту тьму. Ту самую, что свела с ума отца. Ту, что безжалостным потоком хлынет в ее собственную жизнь, как только игра завершится. Как бы она ни завершилась.

– У тебя все в порядке? – Рэм небрежно стучал ножом о стол, но из рук его не выпускал.

– Да, – ответила Уля, начиная плавно, шажок за шажком, продвигаться к выходу.

– И поэтому ты ищешь в ящичке нож?

Вопрос пригвоздил ее к полу. Ни шелохнуться, ни вздохнуть. Но что-то успело измениться в ней, прочитавшей три стены отцовских откровений и не желающей знать, что скрывает в себе четвертая.

– Зачем ты пришел, Рэм? – Искаженное, полынное имя легко соскочило с губ – стоявший перед Улей никак не мог быть Ромкой.

Тот нахмурился, помолчал – только металл ножа снова и снова встречался с деревянной столешницей.

– Откуда ты узнал, что именно я ищу? – Уле просто некуда было отступать.

– Метка, – проговорил Рэм тяжело и медленно, это слово давалось ему с трудом. – Она чувствует такие желания, как поиск ножа. – Его сдавленный смешок эхом отдался в глухой тишине кухни.

В Улиной груди завозился зверь ужаса. Если Гус мог следить за ней через полынь на запястье, знал ли он о часах, проведенных за чтением записок отца? И если знал, то какое наказание ждет ее теперь?

– Так это «жучок»?

– Что? – Рэм непонимающе вскинул на нее глаза. – А... нет. Метка чувствует только вспышки настроения... я не знаю, как она работает. – Кажется, это были первые слова, сказанные им голосом человека, а не манекена.

Уля замерла, успокаивая бешеное сердцебиение. Если Рэм не врал, на этот раз ее пронесло. Она сделала еще один шаг к двери.

– Так у тебя все хорошо?

– Да, – с вымученной улыбкой повторила Уля. – Минутная глупость, не бери в голову.

Конечно же, Рэм не мог ей поверить. Нужно было быть абсолютным идиотом, чтобы принять дрожащий напряженный писк, в

который от страха превратился ее голос, за чистую монету. Но это было не так уж важно. До выхода из кухни оставалось три маленьких шага. Или один прыжок.

Когда Рэм подался вперед, Уля поняла, что не успевает. Она попыталась юркнуть в щель между дверью и косяком, но парень оказался там быстрее. Теперь от выхода ее отделяли три маленьких шага и человеческое тело с ножом в руке.

– Это Гус тебя послал? – На имени писк взлетел совсем высоко, но сорвался вниз к последнему слову.

– Да. – Рэм кивнул, проследил Улин взгляд, направленный на лезвие, хмыкнул и аккуратно положил нож на стол рядом с собой. – Проверить, как ты справляешься со второй загадкой. Кстати, поздравляю с найденной вещицей. Молодец.

Когда нож лег на потрепанную жизнью столешницу, дышать Уле стало чуточку легче. Рэм не выглядел ни сумасшедшим, ни маньяком. Он казался даже чуточку менее измотанным, чем в их последнюю встречу. Но если записи Артема были правдивы – а они были, черт их дери, то Рэм – самый настоящий сумасшедший маньяк. Никак иначе.

– Ты служка? Или полынник? – спросила Уля и сама испугалась безжалостной наготы вопроса.

Никогда еще она не видела, чтобы человек так стремительно бледнел. В одну секунду лицо Рэма стало походить на посмертную маску из какого-нибудь музея. Крошащийся гипс, острый нос, впалые глазницы и челюсть, выдающаяся вперед.

Дрожащей рукой Рэм залез в карман, достал сигарету, зажал ее между зубов и долго пытался поджечь. Огонек зажигалки плясал в пальцах. Наконец у него вышло, и он закурил, словно в жадной надежде, что это придаст сил.

– Откуда ты знаешь?

– А этого вам метка не докладывает? Вживляли бы сразу камеры, что вы, в самом деле...

– Откуда ты знаешь? – Еще одна затяжка, и Рэм шагнул вперед.

Но в этот раз Уля была готова. Она отшатнулась в сторону, рванула к столу и схватила нож. Влажная рукоять скользила в пальцах, лезвие смотрело прямо в грудь застывшему у двери Рэму.

– Отвечать вопросом на вопрос – дурной тон. Плохо же тебя воспитывали, – прошипела Уля, чувствуя, как предательски дрожат

руки.

Рэм не попятился, не шелохнулся даже, просто смотрел на нее, ломая в тонких пальцах сигарету. Его глаза теперь казались двумя сгустками тьмы. Ни капли того коньяка, что блестел на солнце в их единственное утро вместе. Одна лишь глухая злоба. Затаенная боль. Гнилая полынь. И это лишало сил. Ни отвести взгляда, ни вдохнуть. Уля почувствовала, как обмякли ноги, как руки стали совсем чужими.

И когда Рэм одним рывком оказался рядом, выбивая из ее ладони нож, она не сопротивлялась. Только смотрела на огонек сигареты, упавшей на линолеум, и думала про себя, мол, какая все-таки будет неожиданность – умереть на этой кухне. Сколько раз, наверное, соседи мечтали прирезать ее, вечно крадущую сахар и сосиски из общего холодильника. И вот же, почти сбудется. Пусть не рукой Оксаны, так ее ножом.

Рэм с силой оттолкнул ее к стене, прижал своим телом, схватил за горло, тяжело дыша, но холодной стали под ребрами Уля не чувствовала. Она скосила взгляд. Нож валялся на полу рядом с тлеющей сигаретой – оттуда уже тянуло жженым линолеумом.

– Откуда ты знаешь? – просипел Рэм, скаля зубы. – Кто тебе рассказал? Кто?

Рука сжала горло чуть сильнее. Уля схватила воздух ртом и выдохнула слово, которого хватило, чтобы Рэм отпустил ее и медленно сел на табуретку.

– Отец.

* * *

К дому Артема они ехали в напряженном молчании. Рэм то и дело бросал взгляд в зеркало заднего вида, ожидая погони, а Уля бездумно смотрела вперед, прокручивая в голове то, что произошло...

Когда с ее губ сорвалось короткое непривычное слово, из Рэма словно выбили воздух. Он сидел на табуретке, глупо моргая, и, кажется, не мог справиться с удивлением.

– Что значит отец, чей? – наконец глухо проговорил он, наблюдая, как Уля садится на соседний стул.

Говорить ей было трудно. Пережатое ладонью Рэма горло болело, голос стал чужим и сиплым, но отмолчаться бы не удалось – слишком уж нетерпеливо сверлил ее глазами Рэм в ожидании ответа.

– Так чей папа?

– Римский, блин, – не удержалась она, сглатывая ком. – Между прочим, мне больно.

Рэм с силой хлопнул ладонью по столу. Из коридора донеслось недовольное ворчание – кажется, их присутствие наконец обнаружили соседи.

– Ладно-ладно. – Уля поморщилась. – Не шуми только. Мой отец был... таким, как мы.

– И ты только узнала об этом?

– Я только узнала, что он вообще у меня был.

– Не понимаю. – Рэм провел рукой по лбу, стирая выступивший пот. – Ты не знала, что у тебя есть отец?

– Даже имени его, – кивнула Уля.

– А отчество свое посмотреть не пробовала?

– Знаешь, я, конечно, расстроилась, когда ты так скоропостижно исчез, но сейчас ты меня бесишь... – В коридоре раздались тяжелые шаги Натальи, и Уля понизила голос: – Отчество у меня мамино. По имени дедушки. Степановна.

– Отлично, Ульяна Степановна, – прошипел Рэм, наклоняясь к ней через стол. – И ты хочешь сказать, что твой биологический отец был меченым?

– Он был полынником, Рэм. Понимаешь, о чем я?

Тот откинулся назад и снова протер лоб. Его заметно трясло.

– С чего ты вообще это взяла? Ты его видела?

– Нет, я не знаю, где он. Может быть, умер, может, без вести пропал. Или что там происходит с такими как он, в конце, а?

– Ты у меня спрашиваешь? – Рэм слабо улыбнулся. – Я не знаю. Но думаю, что ничего хорошего.

– Вот и мне так кажется. – Уля схватилась за эту улыбку, как тонущий за протянутую руку. – В общем, его объявили умершим, и мне досталась его квартира. А там... – Она запнулась, подыскивая слова. – Все стены в бумажках. Его дневник. Он записывал все, что с ним происходило. До игры... и после.

– После? – Рэм больше не улыбался. В ярком свете лампочки он вдруг стал похож на ходячего мертвеца из фильма: пустой взгляд, перекошенный рот и ввалившиеся щеки. – Он что, выиграл?

Уля кивнула.

– Не может быть... а если и может, выигравший точно не станет об этом писать в долбаном дневнике, ты что-то путаешь.

– Еще скажи, что я сама это выдумала. Там про полынь, про все три вещицы, про Гуса... и про то, что будет дальше. Со всеми, кто начал игру.

Рэм тяжело поднялся на ноги, взял со стола кружку с подмигивающим смайликом на боку, набрал в нее воды из-под крана и выпил одним большим жадным глотком.

– И что же с ними стало? – спросил он, не оборачиваясь. – С твоим отцом, с другими, про которых он писал... Черт! Даже звучит глупо!

– Не черти, – машинально буркнула Уля. Сгорбленная над раковиной спина чуть расслабилась. – Рэм, я не пытаюсь тебя обмануть, зачем?

– А с ножом на меня зачем?

– Прости... Но ты сбежал! Я не знала, что думать... а потом эта вещица. Таблетки...

– Ты их пила?

– Один раз. Больше не стану. И тебе не советую. Знаешь, что они сделали с отцом?

– Могу представить... – Рэм хмыкнул и повернулся. – Так что с ним стало в итоге? Чем закончились эти записи?

– Я не смогла дочитать...

– Почему? – Рэм поставил чашку обратно на стол и посмотрел на Улю. – Разве тебе не интересно, что тебя ждет дальше?

– Нет. Такого «дальше» я не хочу. Поэтому я... искала нож.

– Бессмысленно. Назад дороги все равно не будет. Тебе просто не дадут свернуть. Ты или выиграешь, или проиграешь. К тому же есть еще желание... о нем ты забыла?

Уля дернула плечом.

– Отец даже не подумал что-то попросить. На третьем подарочке у него уже так снесло крышу, что он убил соседа. Своими руками. Не сомневаясь даже. – Она спрятала лицо в ладонях и глухо продолжила: – Это все таблетки, Рэм, они лишают разума, воли... Человечности. Я так не могу.

Его злой голос легко проник через сцепленные пальцы.

– Ну и зря.

– Ты же не смог. Да? Ты же проиграл ему? – Ульяна вскочила с табуретки и встала вплотную к Рэму. От него пахло сигаретами, заношенной курткой, сыростью и полынью, но еле слышно, издалека.

От служек так не пахнет. Они чуть отдают травяной горечью, им всегда достаются одни крохи, писал Артем. И Уля ему верила.

Рэм молчал, отводя глаза.

– Я знаю, что проиграл. Иначе бы ты со мной здесь не был. Караулил бы чью-нибудь смерть, а может, и сам убивал. Я так не хочу.

– Господи, Уля! – взорвался он наконец. Схватил ее за плечи, потрянул: – Ты не представляешь, о чем говоришь! Ты уже согласилась, ты уже играешь. Нельзя спрыгнуть с несущегося поезда. Ты думаешь, легче просто взять и проиграть? Ты не знаешь, что там дальше! А я, даже если захочу... не смогу тебе рассказать. Нет таких слов.

– Я знаю... – прошептала она, с трудом разлепляя губы. – Отец писал о служках... о том, что они перестают быть людьми, становятся вещами... и что с ними... можно поступать, как вздумается.

Рэм дернулся, как от удара, но глаз не отвел.

– Именно так. Мы становимся вещами. Ты этого хочешь?

– Нет.

– Тогда соберись. – Он разжал пальцы. – Иди спать, а завтра начинай искать вторую вещь. Может быть, тебе повезет. – И шагнул мимо Ули к двери, на ходу доставая знакомую до дрожи белую таблетку.

Первым желанием было выхватить ее из чужих рук и засунуть себе в рот, чтобы почувствовать, как разливается на языке горечь, как заполняет она нутро, становясь самой сутью. Ульяна закусила губу, болью прогоняя наваждение.

– Не пей их, пожалуйста. Они... они тебя убьют.

– Поскорей бы, – бросил Рэм через плечо.

Уля догнала его в коридоре. Схватила за холодную ладонь, потянула к себе, не зная еще, как остановить, как заставить выслушать.

– Постой, мы сможем еще что-нибудь придумать, должен же быть выход... – бессвязно шептала она, горячо дыша в колючую щеку.

– Ты не первая, кто думает, что ей по силам обыграть Гуса. Вещица далась легко, таблетки приносят ощущение безграничной свободы... и вот ты уже представляешь, как обставишь старика в два хода. Но нет.

Он все равно одержит победу, так или иначе. И твой отец тому подтверждение. – Рэм дернулся, высвобождаясь из ее рук.

Скрипнула входная дверь, и Рэм шагнул за порог, снова оставив Ульяну одну в коридоре с запахом ленивых голубцов.

– Но ведь он писал что-то! – крикнула Ульяна, выскочив на лестничную площадку. – Там есть еще одна стена. Думаешь, на ней будни полынника? Может быть. А если нет? Если он нашел выход?

– И поэтому пропал без вести? – спросил Рэм, спускаясь по лестнице.

– Может быть, он вырвался? Может быть, уехал? Сбежал? – Уля лихорадочно искала слова, а на ум приходил один только проспект, на который Рэм вытолкнул ее, чтобы научить видеть тьму под веками. – Я не знаю, может, есть место, куда нет дороги Гусу.

– И где оно, по-твоему? Северный полюс? Гималаи? Какой-нибудь буддийский храм? – Рэм остановился в самом низу пролета. Он снова был похож на замерзшего воробья.

Уля зажмурилась. Внутри нее зрела необъяснимая уверенность: она знает верный ответ. Тот, что заставит Рэма поехать с ней к Артему, чтобы попробовать разобраться во всем вместе. Образ несущихся мимо машин становился все явственней, и Ульяна позволила податливой тьме расступиться, наполниться звуками и запахами оживленного шоссе. И снова перед глазами встала ярко-синяя уютная ванна, из которой тянулся к полотенцу будущий мертвец. Затуманенное паром зеркало смотрело на Улю слепо, горько, как цветущее, седое поле, что скрывалось в его глубине.

– Ну? И куда твой отец мог сбежать от полыни? – Насмешливый голос Рэма, пробившись через тьму и туман, заставил Улю вернуться в реальность.

Но теперь она знала ответ.

– Туда, где она цветет.

Рэм пошатнулся и жалобно простонал:

– Нет, ты сегодня меня точно с ума сведешь... Что тебе вообще нужно?

– Поехали со мной в квартиру отца. Ты сам должен все это увидеть, – сказала она. Ступеньки пружинили под ногами, спускаться по ним к Рэму было легко, еще легче посмотреть ему в глаза, теперь в

них плескался теплый коньяк, а не тьма, ожидающая под веками. – Только возьмем с собой Ипкинса.

* * *

– Черт... – прошептал Рэм, стоило ему войти в комнату Артема. – Черт. – Он подошел к стене, на которой еще висели листочки, протянул руку и дотронулся до ближайшего. – Черт!

– Не черти, – хмыкнула Уля, осторожно ставя террариум с Ипкинсом на подоконник.

Они успели заехать в магазин, чтобы купить пару яблок для черепахи и растворимую лапшу для себя. В холодной машине Ипкинс совсем замерз и, кажется, решил уйти в спячку, но батарея и хрустящий кусочек яблока его оживили.

– Это все написал твой отец? – Рэм шагнул к столу, посмотрел на три стопки бумаги и повернулся к Уле – та кивнула. – Он был сумасшедшим, да?

– Абсолютно. Причем свихнулся еще до встречи с Гусом. Писал, как выслеживает каждого, в ком видит смерть. Не мог понять, что именно за трава так пахнет. Словом, крыша у него поехала конкретно.

– А твоя мама? – осторожно спросил Рэм.

– Вовремя сбежала вместе со мной. Он как раз собирался убить себя и нас в придачу. Жизнь показалась ему бессмысленной.

– Его можно понять. Ну а мама... она?

– Жива и здорова. – Уля пожала плечами.

– Но вы не общаетесь?

Если бы Рэм задал этот вопрос в ту хмельную ночь, Уля бы вывалила на него свою печальную историю от первой буквы до последней. Но сейчас ей совершенно не хотелось вспоминать. Зачем ворошить собственную память, если с большей пользой можно покопаться в чужой?

– Она узнала, что я такая же, как отец, и выгнала меня из дома. – Уля присела на краешек тахты. – Ничего интересного.

– Да уж... а ты стала такой... решительной. – Рэм улыбался.

– Ты меня и не знал.

– Мог бы поспорить, – проговорил он, склоняясь над бумагами. – Расскажешь, о чем тут? Или мне прочитать?

– Ты полистай, конечно, но, думаю, ничего нового для себя не найдешь. – Уля поднялась. – Я чай заварю, а потом будем читать вот отсюда. – Четвертая стена задумчиво высилась над ними, обвешанная, как елка мишурой, желтоватыми листочками. – Если отец и нашел ответы, то они здесь.

Она вышла из комнаты, прошла по коридору, улыбаясь сама не зная чему. Каждый раз, когда полынь тянулась забрать у нее Рэма, Уля была готова биться за него до последнего. Спустя три года одиночества быть рядом с тем, кто понимает ее страхи, разделяя их надвое, было упоительно приятно.

Но где-то внутри сидел червячок понимания – Рэм, этот испуганный, похожий на худого воробья парень, может быть врагом. Служкой на задании Гуса. Тем, кто следит, не соскочит ли она с крючка.

Но вера заложена в природе человека. Пока ты жив, тебе нужно хоть во что-то верить. В высшие силы и божий перст, в людей, материнскую любовь, в защиту государства и накопительный счет в банке. Лишь бы знать, что в беде ты не окажешься один.

Не верить в Рэма означало бы для Ули сдать последний гарнизон, за которым – пустошь абсолютного безверия. Седое поле цветущей полыни. Служка он или сам черт во плоти, но выгнать Рэма сейчас значило бы вычеркнуть из себя последнее человеческое. Поэтому Уля дождалась, пока закипит чайник, и отнесла в комнату обе кружки и блюдце с печеньем.

– Ну как? – спросила она, подходя к четвертой стене.

– Он был абсолютным психом, – проговорил Рэм, отрываясь от листка. – Он прямо восхищался тьмой. Вот, послушай: «И только закрыв глаза, я понимаю, где прячется третье измерение, – во тьме под моими веками. Она будто живая, мерно дышит, я даже слышу ее дыхание. Ощущаю его на коже. Оно горькое, как трава в оврагах». – Он помолчал, будто смакуя прочитанное. – Прости, но он – маньяк.

– Да нет, ничего. Я сама так считаю. Потому интересно узнать, что здесь. В последних записях. Ведь зачем-то он развесил их на стенах, пронумеровал... Словно...

– Словно хотел, чтобы кто-то это прочел. Ты, например.

– Или ты.

– Или я. – Рэм потянулся за печеньем.

Уля отсоединила от стены первую записочку. На ней в столбик были записаны названия предметов с взятыми в скобки уточнениями.

– «Цветная ручка, девочка лет шести, сбил автобус. Упаковка пива, шесть банок, мужчина за сорок, сердце. Две тетрадки в клетку, парень, поскользнулся на лестнице. Ноутбук, мужчина за тридцать пять, упал под поезд, толкнул я», – зачитала Уля и сморщилась. – Кажется, это его послужной список.

– Гадость какая.

– Ты посмотри, тут страниц десять!

– Продуктивный парень, молодец, – процедил Рэм, достал таблетку, положил на язык и глотнул чаю.

– Не пил бы ты их, – тихо попросила Уля.

– Это ты их не пей, пожалуйста. – Его голос стал серьезным и очень твердым. – Вот сколько сможешь, столько и тяни.

– А сам тогда почему пьешь? Если знаешь, что они... Гадость.

– Мне уже терять нечего, а вот ты еще можешь убежать. Туда, где полынь цветет, да? – И улыбнулся. – Читай давай.

– А что тут читать? – Уля снимала со стены листочки со списками. – Не может же быть, что он просто вел счет вещицам.

Рэм поднялся, подошел к окну и начал кормить Ипкинса яблоком.

– Ну почему не может-то? Папаша твой явно гордился своими успехами. Вот и вел подсчет. Может, у полынных есть какой-нибудь личный рейтинг. – Он явно развеселился. – Каждый месяц Гус вывешивает фото лучшего работника. И вешает худшего.

Уля хмыкнула, вспоминая снимки помятых жизнью лучших кассиров-продавцов в маленьких супермаркетах. С Гуса стало бы перенять эту идею. Чем не игра? Чем не веселье?

Наконец под очередной бумажкой с перечнем побед показалась записка, испещренная мелким почерком Артема.

– Нашла! – Уля потянула листок к себе и, не дожидаясь пока Рэм подойдет, начала читать.

«Охотился, не видя ни света, ни тьмы, ни себя. Кругом полынь, одна полынь. Пахнет горечью, пропитывает ею мир. Хорошо.

Сегодня старик попросил остаться дома. Сказал, что ночью ему нужна будет моя помощь. Сказал, что нужно согнать скот. Тяжело было послушаться, но я знаю, что бывает с теми, кто слишком много на себя берет. Сел у окна, таблетку на язык, сам глаза закрыл, тьма

меня обнимает. Как в старые времена, когда мир картонный меня к себе тянул.

Ближе к ночи постучали в дверь. Мужик в теплой куртке, глаза бегают, потеет. Служка.

– Пойдемте, – говорит. – Там вас ждут.

Спустились. Машины у подъезда. Одна – легковушка черная, вторая – уазик без креста. Запахло горько. Значит, свои едут. Полынные. Дверь у легковушки открыл, сел.

А там она. Холодная, точеная, горькая, как таблетка. Волосы гладко зачесаны, кожа в полутьме мерцает. Сама в дубленке белой, а ножки на каблуках тоненьких, и спина ровная-ровная.

– Здравствуйте, – говорю, а голос охрип от волнения.

– Здравствуйте, – кивает. – Он мне про вас рассказывал. Вы – хороший охотник. Вы мне подойдете. – И даже не посмотрела на меня.

– Артем, – выдавил, а сам уже красный весь, как школьник.

– Зинаида Олеговна.

Больше ни слова друг другу не сказали. Так и ехали до первого дома. Там все вышли, поднялись по ступенькам. Темно, сыро. Зинаида Олеговна в дубленке, как призрак, точеная, красивая, горькая. Стучал в дверь тот, что в куртке серой. В квартире сначала ни звука, потом шаги, потом в глазок посмотрели и тут же распахнули. На пороге бабушка, дрожит, щурится, плачет. Но молчит. И мы молчим.

Зинаида Олеговна посмотрела на нее, развернулась и по ступенькам вниз – цок, цок, цок. А мы за ней. Только бабушка в дверях плачет. Руками утирает лицо, из-под кофты затасканной метка выглядывает.

Во втором доме мужика тоже не взяли. Он на колени упал, попытался тувельки поцеловать, так я его пнул что есть силы, он только завизжал. А как из подъезда выходили, Зинаида Олеговна меня за локоть взяла и сжала. Легонько. Один раз. Я чуть не рухнул, как мужик тот, ей ноги целовать.

А вот из третьего дома парня мы забрали. Молодой еще, чернявый. Открыл дверь и встал истуканом. Только кожа в свете лампочки блестит, как пластмассовая. Зинаида Олеговна на него посмотрела, кивнула и пошла вниз. А мы его под руки, он легкий, мне показалось, что толкни – рассыплется. Кожа клоками отходит. Мерзко.

Парня затолкали в скорую, с ним служба поехал, а мы в машину сели. Зинаида Олеговна на меня посмотрела, глаза как хрустальные. Холодные, пустые, полынные.

– Спасибо вам, Артем. – И губы растянула, улыбнулась вроде бы.

Довезли меня до дома. Я уже выходить начал, но не сдержался, спросил.

– Куда вы его?

Она помолчала, сомневаясь, отвечать ли.

– На кормежку. – И вдруг как засмеется, высоко так, повизгивая.

Теперь сижу у окна. На языке таблетка. В ушах ее смех. Помнил бы молитву, помолился бы».

Уля дочитала последнее слово. Тяжело сглотнула – пересохшее горло отдалось болью. Все это время, пока она проговаривала написанные отцом строки, Рэма словно и не было в комнате. Были лишь она сама и еще одна записка Артема. Еще одна глава его сумасшествия. Но теперь Уля понимала, что придется обернуться. Выдержать взгляд, обращенный к ней – дочери полынного. Медлить не было сил. Ульяна сцепила зубы и повернулась к Рэму.

Тот сидел на полу, опершись спиной на пустую стену, мертвенно белый, покрытый бисеринками холодного пота, и смотрел на нее темными от страха глазами.

– Черт, – просипел он. – Черт. Черт. Черт.

Пищевая цепочка

Смятый во влажной ладони листок, на котором заглавная буква в начале зловещего имени выделялась среди остальных особым нажимом, с чуть слышным шорохом упал к Улиным ногам. Она нерешительно подошла к стене и опустилась перед Рэмом на колени. Тот и не заметил ее, продолжая смотреть в пустоту.

– Черт, черт, черт... – только и повторял он, судорожно сжимая и разжимая кулак.

Когда Уля потянулась к нему то ли погладить по щеке, то ли встряхнуть, как следует, Рэм вздрогнул всем телом и пришел в себя. Ладонь остановилась на половине пути. Замерла. И опустилась на пол. Дотронуться до полынного служки оказалось сложнее, чем Уля думала.

– Это та самая Зинаида, которую я видела? – спросила она, чтобы сгладить неловкость.

Рэм тяжело сглотнул. Помолчал. Дернул плечами.

– А сама как думаешь? Совпадение, что ли?

– Нет, быть такого не может. – Уля нахмурилась, подсчитывая. – Ей сейчас должно быть лет пятьдесят. Даже больше. Но та, из больницы, совсем еще молодая. Максимум тридцать пять. Нет, совсем не сходится.

– Это единственное, что не укладывается в твою картину мира? – ядовито спросил Рэм, засовывая дрожащую руку во внутренний карман куртки, которую так и не снял.

– Все остальное просто непонятно. Люди какие-то плачущие. Визиты в ночи. Кормежка. – И содрогнулась от последнего слова, будто оно было для нее липким слизняком.

Рэм криво усмехнулся в ответ, доставая знакомый Уле бумажный кулек, выудил две таблетки, встряхнул, на слух определяя, сколько полынной отравы осталось, и засунул кулек под куртку.

– И ты собираешься их пить? Даже не думай, слышишь? – Уля дернулась вперед, чтобы отобрать заветные грязно-белые кругляшки, но Рэм проворно засунул таблетки в рот и тут же проглотил.

– Нет уж, на трезвую голову я в писанине твоего свернутого папаши копать не собираюсь, – проговорил он, закрывая глаза.

Лохматый затылок уперся в голую стену. В расслабленных чертах его осунувшегося бледного лица читалось нескрываемое облегчение. Все демоны, что с упоением рвали на части это истощенное тело, мигом успокоились, затихли, спрятались по углам, ожидая, когда действие Гусовых таблеток ослабнет.

– Вот, значит, как они делали раньше, – не открывая глаз, протянул Рэм.

– Кто – они? – Уля продолжала сидеть напротив, не замечая, как покалывает онемевшие ноги.

– Зинаида и ее веселая команда. Стучали в дверь. Ну а что? Похоже... – Он говорил слабым, чуть слышным голосом, ведя беседу с самим собой.

– Похоже на что? – нетерпеливо переспросила Уля, когда пауза затянулась.

Рэм открыл глаза. Карие радужки подернула легкая, почти невидимая пелена. Белая паутина тумана. След полыни во взгляде.

– На то, как это делается сегодня. – Он опустил тяжелые веки, снова погружаясь во тьму под ними. – Стоит только послушаться. Не справиться. Или просто пришло твое время. Твоя очередь. Они звонят. Веселенький рингтон мобильного. Молчание на том конце трубки. – Рэм бросал слова, как камни в омут, приводя Улю в ужас равнодушием тона. – Знаешь, что самое жуткое? Ждать. Скажут тебе в этот раз хоть слово или пронесет.

– Тогда... в коридоре, – выдохнула Уля раньше, чем поняла, что знает ответ сама. – Тебе позвонили... Ты поэтому сбежал?

Рэм кивнул, поднял руку и вытер ладонью лицо, словно отгоняя воспоминания.

– Я должен был уйти еще утром. По-хорошему – вечером, утро было последним сроком. Но передумал... Решил, что один день моего отсутствия никто и не заметит. Заметили.

– Тебя наказали?

– Забей. – Рэм резко открыл глаза, пелены в них больше не было. – Нестрашно. И не впервой. К тому же... Зинаиде я не интересен... пока. – И вымученно улыбнулся – нижняя губа чуть отставала от

верхней так привычно и по-родному, что в Улином горле предательски запершило.

– Выходит, провинившихся наказывает кто-то другой?

– Такие же служки, как и я, если ты об этом, – ответил Рэм и не отвел взгляда, даже когда Уля вскинула на него глаза. – И не делай вид, что считала меня полынным. Сидел бы я тут с тобой, конечно. Да, я служу Гусу. И если прикажут, я накажу ослушавшегося. Или понесу наказание. Очень простая схема, привыкай. – Он потянулся, с наслаждением разминая затекшие плечи. – Если ты продолжишь терять время здесь вместо того, чтобы искать вещицы, очень скоро окажешься со мной в одной лодке.

Рэм заметно повеселел. Он больше не хрипел, втягивая воздух, не утирал пот с бледного лба. И совсем не сочувствовал испуганной Уле. Словом, стал таким же, как на коммунальной кухне, – исполняющим поручение Гуса. Две грязно-белых полынных таблетки действовали быстро.

Он прошелся по комнате, не обращая внимания на замершую в углу Улю, ковырнул за край одну из оставшихся на стене бумажек, хмыкнул чему-то своему и направился к выходу.

«Думай, – приказала себя Ульяна. – Вспоминай, иначе он уйдет. И никогда больше не вернется».

Что привело его в чувство в прошлый раз? Что прорвалось через полынную блокаду? Рэм пришел к ней таким же, как стал сейчас, – равнодушным и чужим, но все-таки согласился приехать сюда... Как влияет на него сила полыни, заключенная в серых кругляшках? Что может вернуть его из горького плена равнодушия?

Ответ был простым и ясным. Если Рэм пил таблетки, чтобы спрятаться от переполнявших его чувств, то и вернуть его могли только чувства. Страх. Удивление. Непонимание. Боль. Что угодно. Лишь бы они были сильнее полыни.

– А что Зинаида делает с теми, кого выбирает? – спросила Уля, не отрывая напряженного взгляда от спины в зимней куртке.

Если бы Ульяна захотела, то смогла бы вспомнить, как пахнет эта тяжелая ткань под мелким осенним дождем, – табак, мокрый мех, тепло мужского тела. Эта особая смесь, что запоминается так отчетливо, что не забыть ее, не выбить из памяти. Запах человека,

которого ты обнимала, пытаясь замедлить время, неумолимо отдаляющее вас друг от друга.

Рэм замер, постоял немного не шевелясь и шумно закашлялся. Его движения потеряли напускную расслабленность и небрежность. Он втянул шею, чуть заметно сгорбился, напряженно поводя плечами. Полынный дурман отпускал его. Страх оказался сильнее.

– Ты же сама прочитала, – ответил он, не оборачиваясь. – Эти люди нужны ей для... – Он сбился. – Для кормежки.

– Это же шутка. Даже звучит глупо... Ну кого она там кормит, правда ведь? – Улин голос оборвался, потонув в плотной тишине комнаты.

– Что еще она может с ними делать? – Рэм резко обернулся, его лицо исказила хищная гримаса. – На чай их приглашает? Или к себе в постель? – Его передернуло. – Зачем ты вообще в этом копаешься?

– Я хочу понять, что со всеми нами происходит...

– Ну так читай! Кто тебе мешает? Это твой месяц, проведи его как хочется... – и рывком перешагнул порог комнаты.

Уля осталась сидеть на полу, с ужасом ожидая, как скрипнет, а после захлопнется входная дверь. Шаги Рэма раздалась в коридоре, но не в сторону выхода. На кухне зашумела вода и звякнул чайник. Только услышав эти знакомые звуки, Уля медленно выдохнула. Рэм решил не уходить. А значит, она не останется здесь одна. На этот раз.

Ульяна поднялась, болезненно охая, – затекшие ноги казались чужими и тяжелыми – и потянулась за следующей бумажкой.

«С Зинаидой вижусь все чаще. Интересная все-таки женщина, пусть и жуткая. Есть в ней особый шарм. Она вся – опасность и власть. К ней не может не тянуть. Она состоит из полыни, такая же горькая, такая же строгая и требующая беспрекословного подчинения. Раньше я не знал таких женщин. Сколько всего со мной не случилось раньше.

Днем выслеживаю будущих мертвецов. Приношу Гусу столько, чтобы он не разочаровался во мне. Два-три подарочка в неделю. Старику хватает. И никаких вопросов. Конечно, он знает, где я провожу ночи.

Почти не сплю, пью таблетки горстями, их мне теперь выдает Зинаида. Хрустящие пакеты, полные полынной горечи и моей силы. Принимаю их как великий дар. Она улыбается. Холодная, неживая, опасная.

Сегодня старик сказал мне, что я наконец стал полынью. Мол, далеко пойду. В первый раз с ним не согласен: зачем мне куда-то идти, если я уже на своем месте?»

И сразу вторая.

«Зинаида вызывает меня каждую ночь. Приезжает машина, мужик-служка поднимается и стучит. Каждый раз мне кажется, что за мной пришли так же, как мы приходим за другими. Но нет. Просто Зинаиде Олеговне нужна моя компания.

Зачем, я понять не могу. Она молчит, только постукивает ноготками по стеклу, пока мы едем по адресам. Бывают ночи, когда никого не забираем с собой. И белая скорая без креста остается пустой, просто следует за нами – покорная, ведомая безликим шофером. Ни разу его не видел.

Все это без слов. Без лишних взглядов.

Была только одна ночь, когда Зинаида разыгралась вовсю. Мы неслись по темным улицам, а она сжимала в холодных пальцах мое запястье там, где наливалась тяжелой болью метка. Я искусал до крови губы, но смолчал. Чуюл – если она услышит хотя бы стон, то следующим подопытным стану я сам.

Мы тогда забрали пятерых. Зинаида даже покраснелась, из прически выбились две прядки. Глаза – мертвые, полынные – заблестели. Смертельная красота.

Под жалкие стоны провожали глазами отобранных, мужик-служка тащил их по очереди в двери старой больнички. Я было решил ему помочь, очень уж он пыхтел. А Зинаида схватила меня за руку, впиалась пальцами в метку.

– Стой, – говорит. – Я с тобой не закончила.

Так и простояли. Холодина, изо рта пар, служка пыхтит, отобранные стонут. А она меня держит, не отпускает. Руку потом огнем жгло три дня. А машина за мной не приезжала неделю. Насытилась, значит.

Что за тварь скрывается под ее белой кожей? Уж не сама ли смерть приняла обличье женщины? Никто не скажет, а я бы проверил. Уж я проверил бы».

– Не хочу тебя расстраивать, – голос, раздавшийся над Улиным ухом, заставил ее подпрыгнуть от неожиданности, – но кажется, твой папаша на нее запал. Вот же псих, а?

Рэм стоял совсем рядом, держа в одной руке чашку, а второй обмакивая в горячий чай кусок печенья.

– Я тебя не заметила, – смущенно пробормотала Ульяна, складывая прочитанные бумажки в стопку. – Зачиталась...

– Могу понять, тот еще бестселлер, – хмыкнул он и поймал на лету падающий кусок сладкого теста. – И что там есть интересного? Ну, кроме грязных мыслишек.

– Не ерничай, пожалуйста. – Уля поморщилась: мысль, что отец и правда увлекся мерзкой теткой, больше похожей на гипсовый слепок, была тошнотворной. – Артем... отец в смысле... Он пишет, что днем продолжает охотиться, а ночью отправляется вместе с Зинаидой по адресам. Пока все.

Рэм дожевал печенье, облизнул пальцы и подошел к стене.

– Так... – протянул он, рассматривая оставшиеся листочки. – Бла-бла-бла, забрали этого, взяли того. Бла-бла... Она держит меня за руку все чаще... Кажется, у них странные понятия о совместном досуге, как думаешь?

– Ты чего так развеселился? – спросила Уля, неодобрительно наблюдая за тем, как слюнявый палец Рэма листает бумажки, которые вызывали в ней особый трепет, пусть и смешанный с отвращением.

– А что нам остается? – Рэм пожал плечами. – Я тут с тобой торчу, читаю записки полынника, прости господи, которого нет... Вслушайся только! Записки полынника. Приближенного к Зинаиде... Слушай. – Он кашлянул и принялся читать: – «А Зинаида руку мою сжала и острым ногтем по линии веточки как проведет... Страшная боль, невыносимое удовольствие. Никогда такого не испытывал...» Что за порнуха вообще?

– Дай! – вскрикнула Уля, отгалкивая его прочь.

На листочке, вырванном из разлинованного блокнота, были нацарапаны неровные строки.

«Вернулся домой. Не могу успокоиться. Нужно писать, иначе воспоминания сотрутся, и завтра я уже не поверю, что это было.

Забрали двоих. Зинаида была в дурном настроении. Даже прикрикнула на служку за рулем. Тот чуть не врезался в столб. Могу его понять. Первой была женщина. Невысокая, сухая, волосы седые, а лицо еще не старое. Посмотрела на нас и по стенке сползла. А Зинаида кивнула нам: мол, пойдет, забирайте.

Мы ее под руки и вниз. Одна тапочка свалилась на лестнице. Так и шлепала голый пяткой по грязи, пока к уазу шли. Не остановилась, не попросила вернуться, подобрать. Даже интересно, сколько таблеток должен выпить я, чтобы не почувствовать, как расходится под ногами липкая грязь?

Заметил, что полынью от выбранных Зинаидой почти уже и не пахнет. Может, так она и решает, подойдет ли именно этот служака для ее целей? Может, в этом и есть причина? Тот, в ком нет ни чужой смерти, ни своей, а одно лишь тупое равнодушие, не может быть ни служкой, ни живым. Это как выбросить сухую шелуху. Сгнившие очистки. Мне их не жаль. Проигравший лишается права вызывать сочувствие у кого бы то ни было. Выигравший это сочувствие испытывать просто не может. Незачем. Лишнее это.

Думал так, пока ехали по второму адресу. Там и подниматься не пришлось – свой дом, одно крылечко низенькое. Два раза постучал в окрашенную синим дверь. Шаги легкие, скрип, открыла. Фигуристая такая, волосы длинные в косе, красивая. Только испуганная. Смотрит, ресницами хлопает, рот приоткрыла, задышала тяжело.

«Хороша, – думаю. – Как Светлана моя, когда познакомились».

И как-то замешкался от этой мысли. Девушка не была похожа на остальных наших «клиентов», как их служака-водитель называл. Слишком живая. Вот тогда-то я и ошибся. Посмотрел ей в глаза.

Серо-зеленые, округлые, веки верхние тяжелые. А в них... Нет, не могу описать, что в них увидел. Помню только, оказался в поле. Большом-большом, трава по пояс и цветет. Все кругом седое от нее. На небе дымка, как бывает в очень жаркий день, только ни жары, ни солнца. А от горизонта ползет стена тумана. Плотного, ну молоко просто. Все ближе. Все страшнее от этого.

И посреди поля стоит девушка. Белый больничный халатик до колен. Волосы все в той же косе. Только больше не трясется. Равнодушно стоит. Как статуя... Или манекен. Руки по швам, спина прямая, а шея тряпичная – не держит голову, та постоянно набок заваливается. Я уж подумал, что больше ничего не произойдет, но раздались шаги. Кто-то шел по полю – шумно, тяжело, загребая ногами траву. Но девушка даже не дернулась, не слышала, а может, и не могла она уже слышать.

Туман все ближе подбирался. Наползал, шевелил седые верхушки трав. Вот еще немного, еще... Я попробовал его разглядеть, но глаза заслепило, зажгло полынной горечью. Ни увидеть, кто он, ни понять. Только балахон черный и запомнил.

Как туманное молоко совсем рядом оказалось, фигура девушку за плечи схватила и толкнула прямо в него. Раз! И нет девушки. Смел ее, стер, как ластик. А тот, в балахоне, дернулся назад и побежал.

Один я остался. Только я и туман. Аж на пот холодный пробило. Нет, не описать этого страха. Нет таких слов. Сразу в сердце закололо. Нехорошо так водой холодной в лицо плеснули. А Зинаида тут как тут – схватила за руку, к свету потянула. И не оказалось вокруг больше ни поля, ни травы.

– Смотри, – говорит мне. – Пока у тебя есть метка, можешь тумана не бояться. Будешь верно служить – никогда в нем не окажешься. Нечего бояться.

И я посмотрел. Лампочка тусклая, на коже чернила темные, веточка затейливая. Все как всегда. Полынная метка место мое указывает. Стою, смотрю, глаз от нее отвести не получается. А Зинаида руку мою сжала и острым ногтем по линии ветки как проведет! Страшная боль, невыносимое удовольствие. Никогда такого не испытывал...»

Уля оторвала взгляд от бумажки.

– Какая же гадость...

Рэм больше не улыбался. Он аккуратно поставил чашку и присел на краешек стола, ловя каждое слово.

– погоди, выходит, твой отец увидел смерть в глазах девушки-служки? Смерть в тумане? – Он точно раньше об этом не слышал – очень уж искренним выглядело его удивление.

Но рассказывать о поле цветущей полыни, которое показалось в зеркале сквозь темноту, Ульяне не хотелось. Слишком о многом пришлось бы упомянуть, слишком многое вспомнить. И бескрайнюю серую стену из сна, и туман, выползающий из-за нее, и Никитку, заливающегося смехом среди высокой травы.

– Давай просто прочитаем до конца, хорошо? – попросила Уля, возвращаясь к записке.

«Страшная боль, невыносимое удовольствие. Никогда такого не испытывал...

Как заталкивали девушку в уазик, я не помню. Боль накатывала волнами подобно тошноте, заполняла собой мое существо. А я все пытался запомнить и поле, и туман, и девушку эту в больничном халате. Но образы ускользали, тонули среди боли. Как только она хоть немного отступала, Зинаида снова брала мое запястье в свои ледяные пальцы, возвращая меня обратно в полынный омут. Наказанием за мой проступок.

Мы ехали по городу. Машину заносило на поворотах. Я прислонился лбом к холодному окну, а водитель-служка смотрел на меня через зеркало – испуганно, неодобрительно, с затаенной радостью. Мол, вот, и у полынных бывают дрянные ночи.

– Бывают, – сказал ему в ответ. – А тебя я запомнил. Оглядывайся теперь в темноте.

Это я думал, что сказал. На деле прохрипел что-то. И отключился. Ни снов, ни мыслей, тьма одна, живая и глубокая, дышит мне в лицо, узнает. Выплыл из нее я к утру. Глаза открыл, а кругом все белое. И стены, и потолок, и простыня с наволочкой. А я голый, в одних трусах, лежу на кровати у окна, и на меня светит солнце – тусклое, раннее. Но солнце.

Ногами пошевелил – слушаются. Поднялся. В голове шумит, рот пересох, горло огнем жжет. А хуже всего запястье. Кожа под меткой побелела, как у мертвеца стала синюшная. А чернила поблекли. И сил никаких нет. Все дрожит, пот холодный по лбу струится.

Встал я, голыми ногами по холодному полу прошелся, кое-как до двери дополз, за косяк схватился и стою. Впереди коридор – белый-белый. И кто-то каблучками цок-цок. Зинаида идет, значит. Так и ждал ее, мокрый, как мышь.

Она подошла, посмотрела на меня, улыбнулась так хищно. Сама свежая, ни морщинки, ни пятнышка на коже. Как нарисованная.

– Что же это вы вчера натворили, Артем? – спрашивает, головой качает.

А я молчу. Нечего отвечать.

– Ну, пойдёмте, поговорим.

Пошли по коридору. Она впереди цокает, я сзади плетусь. Понимаю: таблеточку бы мне, да пару штучек лучше. Тогда сразу бы и силы вернулись, и мысли в голове перестали бы сонными мухами

ползать. Зинаида как услышала: повернулась, улыбка у нее не улыбка – оскал.

– Плохо, да? Ну ничего, для первого раза хватит, я думаю. – И протягивает мне ладонь раскрытую, а в ней таблетка.

Я схватил, у самого руки трясутся, еле в рот запихал, кругляшок-то маленький. Проглотил, от горечи скривился, зажмурился. Чую: отпускает. Постоял немного, выпрямился. Открыл глаза, а Зинаида на меня смотрит жадно так. Даже дышать стала тяжело. И по шее вниз к груди капелька пота течет. Поняла, что я очнулся, собралась сразу.

– Так-то лучше, но мою доброту вам придется еще заслужить. Пойдемте.

Мы прошли еще немного до большого зала. В таких раньше партийные заседания проходили. Стены в красном бархате, трибуна на возвышении, три ступеньки перед ним, задернутые кулисы, ряды кресел и столы у дальней стенки. Все так.

– Закрывайте глаза, Артем. – Голос холодный, равнодушный. – Вам нужно посмотреть во тьму, вы же понимаете, о чем я говорю?

Кивнул. Что еще оставалось?

– Хорошо. Тогда вы сами все поймете. И ничего не бойтесь: пока у вас есть метка, вам ничего не угрожает.

Я глаза закрыл, тьма на меня задышала, молчит, узнает, выжидает. Сделал первый вдох, а мне в лицо горький ветер задул, словно впереди поле огромное, травяное, спящее. И тут я все понял. Больше не было зала, и сцены не было. Три ступеньки, а за ними – бескрайний седой цвет. Небо в дымке. Туман стеной от горизонта идет.

А на пути тумана стоит девушка. Халатик до колен, волосы в тяжелой косе. Все так, как видел, только фигуры в балахоне нет. Конечно, я же еще не подошел. Посмотрел на себя – вот и ткань черная бархатная шуршит на ветру. Все правильно.

То ли таблетка страх приглушила, то ли нечего мне было бояться. Но я поднялся на три ступени. Подошел к девушке, дождался, пока туман подберется, и толкнул ее. Просто и легко. Ничего особенного.

Тельце смело одним касанием полынного молока. На меня только горечью холодной пахнуло. Да пальцы ее скользкую, как пластмасса, кожу запомнили. Я еще постоял, подышал, сорвал одну травинку и пошел обратно, все быстрее-быстрее, потом побежал. Страшно не страшно, а туман в спину дышал, как живой.

Глаза открыл, когда спустился. Зинаида стояла, где я ее оставил.

– Я ни секунды в вас, Артем, не сомневалась. Гус обо всем узнает в лучшем виде, вы молодец. – Взглядом меня окинула. – Только это вот отдайте мне.

И властно так ладонь раскрыла. Что мне оставалось? Руку к ней потянул, хотел травинку отдать, разжал кулак, а вместо травинки там порошок. Грязно-белый. Знакомый такой. Высыпал все до последней крупинки.

– Значит, таблетки из этого? – спрашиваю.

– А сам как думаешь? – И подмигнула, по-девчачьи так, меня аж озноб пробрал. – Мы кормим туман, а он кормит нас.

Пока домой ехал, прощенный да одобренный, успел нацарапать на листочке, как понял все, чтобы не забыть. Память все чаще меня подводит. Мысли тонут в желаниях, желания полнятся полынью. А полынь растет на тех, кто желал слишком многого да ничего не заслужил.

Круг замыкается, чтобы начался новый круг. Ты служишь полыни, питаешь ее дарами, а когда перестаешь быть ей полезен, сам становишься даром для нее. Осталось понять, какое звено в этой пищевой цепочке занимает Гус. Главного ли хищника? И кто тогда я?»

Вопрос остался звенеть в воздухе. Ульяна подошла к столу, методично собрала в стопку раскиданные Рэмом листочки, положила сверху самый последний из прочитанных. Потом взяла в руки чашку, одним глотком допила остывший чай и только после этого позволила себе взглянуть на Рэма.

Тот стянул с себя куртку, вытащил из нее бумажный кулек, покопался в карманах, нашел еще один и пару маленьких пакетиков с грязно-белыми таблетками. Теперь все его запасы оказались на полу, а сам Рэм высился над ними, не зная, что делать дальше. На его лице читалось отвращение.

Уля постояла еще немного, но так и не нашла слов. Обогнула замершего Рэма, чуть коснулась его плеча своим и пошла ставить чайник. В ней теплилась надежда, что хотя бы чайная труха из пакетика не росла на чьих-то костях.

Круг обязан замкнуться

Пока грелся чайник, Уля зажгла газ и теперь стояла около плиты, не в силах оторваться от прожорливых игривых язычков, которые вырывались из конфорки, чуть слышно гудя. Вся эта маленькая кухонька с низким потолком, кособокий столик и вытоптанная дорожка от двери к мойке напомнили Уляне о старухе Ликвидовой, ушедшей в полынь в такой же типовой кухне с фырчащим на газу чайником.

Успела ли она понять, что сон, обрушившийся на нее, как снежная лавина, никогда не закончится? Уловила ли миг, когда сердце в последний раз сжалось, чтобы разжаться навсегда? Испугалась ли? Обрадовалась? Или облегченно вытянула ноющие старческие ноги, позволяя грязной калоше соскочить со ступни?

Уля не знала. Да и Артем тоже. Он мог разделить с Ликвидовой ее последний вдох, но вместо этого схватил добычу и убежал, обрекая на смерть ни в чем не повинных соседей. Эти мысли делали больно на каком-то особом, физическом уровне. Уле было стыдно за отца, она понимала его поступки, но принять их не получалось, даже окунувшись в полынный туман с головой.

Ведь могла же она контролировать себя три года одиночества. Ведь бежала же прочь, завидев чужую смерть, а не упивалась ею. Так почему Артем не мог? Почему мучил мать, почему сходил с ума? И чем закончился его стремительный путь на дно? Уж не полынным ли туманом?

Если в мире и существовали ответы, то покоились они между запутанных строчек оставшихся на стене записок. Уля выключила газ и осталась стоять у плиты, не зная, где бы отыскать еще хоть немного сил, чтобы вернуться в комнату. Вернуться в воспоминания Артема.

На помощь пришел Рэм. Он шагнул за порог кухни, неся на вытянутой руке вибрирующий телефон, как диковинного, но точно опасного зверя. Первой мыслью, пронесшейся в голове, оказалось кошмарное предположение: звонит Зинаида. Чтобы помолчать, а может, и выбрать следующую подопытную.

– Там, это... тебе звонят... – растерянно сказал Рэм.

Уля судорожно вцепилась пальцами в потертую столешницу. От холодного липкого страха обмякли ноги. Этот ужас был настолько реален, что воздух сгустился, стал плотным и вязким.

– Эй, ты чего? – Рэм встревоженно смотрел на нее сквозь мельтешение черных точек перед глазами.

Еще чуть-чуть, и Ульяна рухнула бы на пол, убегая от неотвратимой действительности в спокойное умиротворяющее ничего. Но мобильник продолжал вибрировать – призывно, не терпя возражений. И Уля покорно взяла его. На экране равнодушно светилось знакомое слово из четырех букв. Звонила мама.

Уля даже засмеялась от облегчения.

– Ты зачем с такой постной миной телефон-то нес? – спросила она ничего не понимающего Рэма. – Я уж подумала... Ох, понятно, что я подумала...

Тот хмыкнул и привалился спиной к косяку двери, продолжая настороженно посматривать на вибрирующий телефон.

– Если бы тебе звонила Зинаида, я бы просто ушел через окно.

– Это второй этаж... – пробормотала Уля, не решаясь сбросить вызов. – Блин, как не вовремя...

– Не будешь отвечать? – Рэм определенно чувствовал себя не в своей тарелке.

– Маме-то? Нет. Не буду. Ничего хорошего она мне не скажет... а ты чего так напрягся? Думаешь, она нагрянет и придется прятаться в шкафу? – Красная кнопка отбоя кликнула, телефон мгновенно успокоился.

Рэм вымученно улыбнулся.

– И это тоже. Просто... я не привык, что кому-то звонит мама. – И дернул плечом: мол, ерунда, не бери в голову.

Но Уля тут же почувствовала себя виноватой. Какой бы ни была ее мать, она все-таки была. Живая, дышащая, способная набрать номер дочери. У Рэма же не было никакой. И даже та, слабая, ведомая тираном-мужем, оказалась проиграна им самим в страшной Гусовской забаве. Еще бы он не напрягся от дурацкого звонка.

– Послушай, – осторожно начала Уля. – Моя мама... в общем, она мне не рада. Артем успел неплохо так налажать в свое время. Полынный маньяк – не лучший муж и отец. Потому она не горит желанием со мной общаться...

– Она знает, кто ты?

– Да, так вышло... – Говорить об этом не хотелось совершенно.

Мобильный в ее руке ожил, позволяя ловко уйти от разговора. На экране вспыхнул конвертик.

«Нам нужно спокойно обо всем поговорить и принять взвешенное решение. Ты еще в квартире? У меня нет ключей. Встретимся там. Я уже в дороге».

Уля еще раз пробежала глазами по строчкам. Постояла немного, размышляя, оставить ли ключ под ковриком, а потом посмотрела на Рэма.

– Знаешь, нам и правда лучше бы отсюда свалить. И чем скорее, тем лучше.

– Не хочешь знакомить меня с мамой? – Улыбка делала Рэма куда моложе, куда красивее, совсем непохожим на себя обычного.

– Да я и сама не прочь бы оказаться с ней незнакомой.

Собирались они в суматохе, то и дело срываясь на нервный заразительный смех. То Ипкинс зашипел в ответ на поглаживания и наделал кучу прямо у Рэма в руках. То Уля, решившая забрать с собой и чайник, и чай, и печенья, чуть не ошпарилась забытым кипятком. Все это казалось не бегством, а забавной шалостью. Глотком небывалой свободы.

А когда они столкнулись в дверях комнаты, то застыли на пороге, продолжая громко болтать о какой-то глупости, пока Уля вдруг не поняла, что ее ладонь упирается в грудь Рэма, а сам он так непозволительно близко, что жар тут же ударил ей в голову.

– И ты хочешь, чтобы твоя мамаша не смогла сюда попасть? – переспросил он, опуская ей на плечо тяжелую руку. – Да ты дрянная девчонка! А квартира-то общая, выходит?

– Без моего согласия она ее не продаст, так что, считай, моя, – в тон ему ответила Уля, чувствуя, как пылают щеки.

– Отлично, значит, все, переезжаем! – Он хмыкнул. – Давно я в таких хоромашках не жил. Смотри, тут даже крыша не течет!

– И нет крыс.

– И тараканов... наверное.

– И точно нет Оксаны.

– А вот это несомненный довод за!

Рэм приблизился еще на полшага. Теперь Уля могла рассмотреть тонкий шрам, пересекающий его нижнюю губу. Тот самый, что искривлял улыбку. Улье нестерпимо захотелось прикоснуться к нему, провести языком, почувствовать горячие жадные губы, откликающиеся на ее поцелуй.

Она потянулась навстречу, моля несуществующего Бога накрыть эту комнату плотным куполом. Чтобы ни единый звук, ни единый шорох не смел проникнуть сюда и нарушить сближавшую их тишину. Чтобы они остались тут вдвоем. Только двое – уставшие, потерянные – и эти старые стены, и этот скрипучий палас, и продавленный диван, и стол, заваленный исписанными листочками... и гора таблеток, высыпавшихся из кулька на полу...

Можно сколько угодно бежать от беды, но от себя не убежишь. А если беда проросла в тебя, пустила полынные корни, то как от нее скрыться? Как забыть хотя бы на мгновение, что ты – дочь спятившего от таблеток полытника, меченая на пороге второй вещицы, а он – служка, готовый сорваться в никуда по первому же звонку хозяина? И что бы они ни делали, как бы ни обманывали себя, от минутной близости им станет в разы хуже. Так есть ли смысл в кратчайшем побеге, если каждая секунда вместе лишь приближает их точке невозврата?

Рэм прочел ее мысли. Он не отшатнулся, но сразу перестал улыбаться. И посмотрел на Улю так, что она просто не смогла ответить на этот взгляд, полный звериной тоски по человеческому теплу, и отвела глаза. Так они и стояли. Непозволительно близко, бесконечно далеко друг от друга.

– Ты заберешь с собой записи? – наконец хрипло спросил Рэм.

– Да, наверное, стоит забрать. Я ведь не дочитала... Может, найду что-то еще... – пробормотала она, принимаясь срывать листочки со стены и слыша, как Рэм за ее спиной собирает в кулек рассыпавшиеся таблетки.

Заперев дверь квартиры, Уля на секунду задумалась, но все-таки положила ключ в карман и застегнула молнию. Рэм не издал ни звука, ни смешка. И та же тишина, что десять минут назад зудела невыносимым желанием прикоснуться, теперь высилась между ними, отдаляя их с каждой секундой.

Уля села на заднее сиденье. Рэм повозился с ключом зажигания, машина заурчала и двинулась. Уже выезжая из двора, краем глаза Ульяна успела разглядеть заворачивающий к дому мамин джип. Представив, в какую ярость придет мама через пару минут, Ульяна беззвучно хмыкнула, бросила взгляд на лохматый затылок Рэма и уткнулась в непрочитанные листки.

То ли автомобильная тряска мешала ей сосредоточиться, то ли Артем стремительно терял ясность рассудка, но разобраться в оставшихся записках было сложно. Текст перестал походить на дневниковые записи, он стал скорее отрывками чьих-то сумбурных размышлений.

Отец то и дело рисовал круги. Еле заметные и жирно заштрихованные, пустые внутри и заполненные нечитаемыми строчками, заикленные в спирали, ровные, вычерченные по циркулю, и кособокые, пьяные. Круги. Круги. Круги.

«Полынь питает нас. А мы питаем полынь. Мы – компост, на котором бурной сединой расцветает смерть. Что есть смерть в большом, вечном понимании? Уход в небытие, туда, откуда ты пришел когда-то. Человек идет по кругу, чтобы однажды вернуться в исходную точку. В пустоту. Или туман – теперь я не знаю, что страшнее. Вдруг там, за чертой, все именно так, как я видел? Бескрайнее поле, безвольные фигуры, бестелесное нечто, и оно подбирается все ближе. Слишком много «без». Слишком много провалов.

Если я хочу разобраться, то должен отсеять лишнее. То, что туманит мой разум. Таблетки. Вот корень всех бед. Они превращают меня в марионетку. Почему я так легко переступил грань между ступенями зала и травой поля? Где был мой страх? Почему я не размышляя толкнул девушку в туман? И ни капли, ведь ни капли не удивился. И куда ушло мое равнодушие теперь?

Можно прятаться всю жизнь до самого конца, упускать шанс за шансом, чтобы ночами прокручивать каждый из них в голове. Но однажды всему приходит конец. Либо трусости, либо жизни. Круг обязан замкнуться. И это единственный закон жизни, который не сумела нарушить даже полынь.

Сколько я не пью таблетки? Сутки, двое? Трое? Попытался вначале, но меня сразу же вывернуло. Я снова оказался там, в той горечи, на том ветру. Положил на язык клочок тумана, и он начал стирать меня

подобно ластик. Нет, с таблетками нужно кончать. Этот круг замкнулся. Но без таблеток возвращается ясность понимания – все, что происходит со мной, похоже на странный фарс. Идиотский фильм. Наркотический приход. Бред сумасшедшего.

Ко мне еще никто не стучался, меня никто не искал. Они дают мне время. Осознать и принять. Завершить прошлый круг, чтобы начать новый. Либо их просто нет, пока я в здравом рассудке.

А если есть, то кто они? Кто такой Гус? Почему я раньше не задумывался об этом? Он – Смерть? Он – Жнец? Он – сумасшедший старик? Он – дилер, подсаживающий на синтетическое вещество, которое сводит с ума, даря галлюцинации каждому, кто готов принять его горечь?

А Зинаида? В начале недели я боялся ее и хотел трахнуть одинаково сильно. А теперь меня тянет блевать от единственной мысли о ней. Это самый настоящий рвотный рефлекс. Не могу ничего поделаться. Вспоминаю ее черты: она похожа на труп. Такая же холодная, костяная, не-жи-ва-я.

И кто тогда все остальные? Тоня, мужик-служка, водитель, люди, которых мы забирали. Полынники, не желающие выпить со мной после охоты. Существуют ли они на самом деле? Или это все – плод моего больного, воспаленного рассудка?

Я сошел с ума? Я сижу на страшной наркоте? Я – охотник полыни?

Круг не желает замыкаться, пока я не разберусь».

За время, что Уля читала неровные строчки записки, Рэм успел вырулить с МКАД и уйти на пригородное шоссе. До дома оставалось совсем немного. Только сейчас Уля заметила, что кругом полно других машин, а часы на приборной доске показывают всего-то одиннадцатый час. Ей же казалось, что в этот бесконечный день уместились целые годы.

– Ну и что он там пишет, папаша твой? – спросил Рэм, поглядывая через стекло заднего вида.

«Так служка-водитель смотрел на отца, пока они ехали по очередному адресу», – мелькнуло в голове Ули, но она тут же устыдилась своих мыслей.

– Кажется, он начал сомневаться в реальности происходящего.

– Можно понять. – В темном стекле мелькнула кривая усмешка. – Но хрен бы там, все по-настоящему, я проверял...

– Отец тут предполагает, что Гус – наркодилер, а все, что с нами происходит, – просто приход.

Рэм хохотнул, перестраиваясь на соседнюю полосу.

– Хорошо сидеть и придумывать теории, когда игра закончена, а сам ты в шоколаде – любимый помощник Зинаиды. А вот тебе стоило бы взяться за ум.

Уля неопределенно дернула плечом.

– Нет, я серьезно. Сколько уже времени прошло? Неделя? Полторы? – не успокаивался он.

– Около того.

– Вот видишь! А у тебя впереди еще две вещицы. Бросай копаться в прошлом и ищи что велено.

– А если я не хочу? – Голос, вопреки ее желанию, зазвенел подкатившими слезами. – Если я не хочу в этом участвовать? Это гадко... Это... Это неправильно!

– Тебя никто не заставлял, – тихо проговорил Рэм.

– Но и не отговаривал. – Уля понимала, как несправедлив ее упрек, но сдерживаться не было сил.

Руль дернулся в сторону – машина взвизгнула, сворачивая на обочину, и остановилась. Пока Уля лихорадочно проверяла, не сломала ли запястья, упираясь в спинку переднего кресла, Рэм развернулся к ней всем телом. Она с удивлением посмотрела на него и поняла, что его теплые коньячные глаза налились тяжелой злобой.

– Не смей меня обвинять, поняла? – процедил он. – Я делал что должен был. Я дал тебе шанс выбрать, я не давил, я не уговаривал.

– Рэм, я не это имела в виду... – пролепетала Уля.

– Вот это мне осталось на память о твоей истерике в парке. – Он рванул молнию на куртке, оттянул ворот свитера, оголяя грудь, которую пересекал глубокий воспаленный шрам. – Ты отказалась смотреть во тьму. И ушла. А ведь я должен был тебя научить. Меня наказали. Помнишь, как я завалился в квартиру весь изрезанный?

Ниже, под выпирающей костью ключицы виднелся плохо затянувшийся ожог. Словно кто-то ткнул в живую плоть горячей сигаретой.

– Есть у нас один парень – Тимур. Мы курили с ним у склада, и я вовремя не принес Гусу какой-то там конверт. А на следующий день

Тимур затушил сигарету об меня. Зла на него не держу, приказали бы мне избить его, я бы избил. Без вопросов.

Уля с трудом отвела глаза от круглого рубца, когда Рэм еще одним рывком задрал куртку. По ребрам, переходя на впалый живот, разливалась мрачная синева.

– А это когда я решил, что моего отсутствия не заметят. Били втроем. Кажется, что-то сломали. Хруст стоял отменный.

Ульяна не знала, что ответить. Рот пересох, слова путались, и только жгучие слезы подбирались к горлу. Но их нельзя было пролить. Только не здесь.

– Знаешь, что самое паршивое? Потом тебе в зубы суют таблетку, и раны вроде бы заживают, переломы срастаются, и даже почка опущенная на место встает. Но стоит не выпить таблетку, и все возвращается. И раны, и переломы, и даже почка. Вначале самые свежие, потом те, что были давно... Ну и боль... Боль, конечно, остается. Бьют-то тебя наживую. – Он оскалился, помолчал и продолжил уже другим, ровным голосом: – Это я тебе почему рассказываю... Не думай, не чтобы ты меня жалела. Или чувствовала себя виноватой. Нет. Я просто хочу, чтобы ты поняла. Плевать, куда делся твой отец. Плевать, что он знал, до чего додумался, что понял. У тебя еще две вещицы. Найди их. Просто найди.

Рэм отвернулся, вставил ключ в зажигание, и машина тронулась. До самого дома они больше ничего друг другу не сказали. Им больше не о чем было говорить.

* * *

В перемороженной тьме двор коммуналки выглядел устрашающе. Голые деревья блестели первой изморозью в рассеянных отблесках фонаря. У разохшейся лавочки валялись бутылки и шелуха семечек. Темные окна мрачно смотрели перед собой, будто бы дом ослепил какой-нибудь великан, который бродит теперь где-то поблизости в поисках новой жертвы.

Уля поежилась, воображая, какой холод набросится на нее, стоит только выбраться из теплого кокона машины. Но Рэм не спешил прощаться. Он заглушил мотор и замер в странном оцепенении – опустошенный, уставший, бессильный.

«Сколько он уже без таблеток? – подумала Уля. – Часа три, максимум четыре...»

– Слушай, тебе бы, наверное, лучше пойти к себе и выспаться как следует, а? – вслух проговорила она, Рэм дернулся, приходя в себя.

– Я больше здесь не живу, – ответил он равнодушно.

– Как? Почему?

Только сейчас Уля поняла, что сумка, стоявшая у ее ног, была той самой, которая валялась на полу в комнате Рэма.

– Мне больше незачем тут быть. Ты научилась... чему должна была научиться... – Он говорил все тише, все неразборчивее.

– Ой, да выпей ты уже эту чертову таблетку! – Уля наклонилась к переднему креслу, вытащила из внутреннего кармана его куртки сверток и достала грязно-белый кругляшок. – С тобой невозможно разговаривать, когда ты... такой.

Рэм послушно взял с ее руки таблетку, засунул в рот. Посидел немного, уткнувшись лбом в руль, и наконец расслабился. Уля поняла, что все это время его спина была безукоризненно прямой, сделанной не из человеческой плоти, а из чего-то твердого и гладкого.

– Ты как? – нерешительно спросила она.

– Лучше... – Рэм слабо пошевелил плечами. – Мне уже нельзя просто взять и... не пить их, понимаешь? Я перестаю быть... нормальным. – Он сбился и закашлялся, прочищая горло. – Все чувствую, все понимаю... но, черт. Не тело, а пластмасса какая-то.

– Пластмасса, – повторила за ним Уля, вспоминая кукольную челюсть врача из больницы и женщину у стойки в чебуречной. – Значит, без таблеток ты становишься... будто манекен? – спросила она, сама не веря в реальность произносимого.

– Что-то вроде того, избитый манекен... – Рэм шумно выдохнул и поднял голову от руля. – Но если я буду хорошим мальчиком, то таблеток мне хватит на долгие годы моей прекрасной жизни. – Он повернулся к Уле. – Вот тебе еще одна причина не просиживать время за отцовской писаниной, а искать подарочки. Как можно скорее.

– Ты поэтому со мной так разоткровенничался, да? – Юлить больше не было ни сил, ни времени, вопрос сорвался с Улиных губ, и она почти об этом не пожалела.

– В том числе. – Рэм растянул губы в улыбке. – А еще потому что однажды ты помогла мне пережить очень херовую ночь. И теперь я

хочу помочь тебе. Как могу. А могу только наглядным примером. Представь, что я – легкие курильщика. И не кури.

Он похлопал себя по карманам, достал сигарету и с удовольствием затянулся.

– Ну, чего сидишь? Иди спать, серьезно, постарайся отдохнуть. Завтра будет новый день. – Огонек сигареты дергался в такт его словам. – А мы с Ипкином поедem, да, парень? – Перехваченный ремнем безопасности террариум стоял на пассажирском кресле.

Ипкинс не ответил, только пошуршал камешками. Уля сжала зубы, чтобы не расплакаться, но всхлип все равно прозвучал, заставив Рэма потушить сигарету и наклониться к ней.

– Знаешь, что меня в тебе больше всего удивляет?

Уля закусила губу и покачала головой. Пришедшие на ум слова никак не хотели превращаться в речь, а слезы – высохнуть, не пролившись.

– После всего этого дерьма ты все еще умеешь плакать. С ума сойти, конечно. – Он помолчал, решаясь. – Дай-ка мне свой мобильник.

Уля безропотно сунула ему серую коробочку. Рэм прошелся пальцами по кнопкам – его собственный телефон ответно завибрировал.

– Если что-то случится, то попробуй мне написать. А я попробую ответить. Никаких обещаний, сама понимаешь... Но это лучше, чем ничего. Да?

Еще один кивок, еще один проглоченный всхлип.

– Ну вот и хорошо. Все. Иди. – Он говорил отрывистыми, нарочито сухими фразами.

Уля забрала телефон, сунула его в карман, схватила пакет с листочками и распахнула дверцу. Холод встретил ее цепкими объятиями когтистых лап. Под ногами хрустнул тонкий лед. Ульяна натянула капюшон и сделала неуверенный шаг к подъезду. И еще один. И еще.

На четвертый она все-таки обернулась. Рэм смотрел на нее через опущенное стекло, комкая в пальцах незажженную сигарету. Два шага обратно, кажется, заняли целую вечность. Ульяна наклонилась к окошку, протянула руку и погладила Рэма по колючей впалой щеке.

– Если отец нашел хоть что-нибудь, способное нам помочь... Если он хоть что-нибудь узнал... Я позвоню тебе, слышишь?

– Позвони, даже если там ничего нет. – Рэм криво ухмыльнулся. – И черт с ними...

– Не черти, – чуть слышно выдохнула Уля.

Рэм поймал ее холодные пальцы своей рукой, на секунду прижал к губам и тут же отпустил. Мотор заворчал, мигнули фары, и машина дернулась и покатилась вперед, заворачивая за угол дома. А Уля медленно пошла к подъезду, ломая тяжелыми подошвами промокших ботинок первый хрупкий лед.

Круг замкнулся.

Безнадега

Тусклое в свете запыленной лампочки зеркало слепо смотрело на Ульяну со стены. Вся ванная комната – маленькая, сырая и плесневелая – выглядела как иллюстрация к слову «безнадега». Между желтоватыми плитками кафеля поселился черный налет, по углам висели клочья пыли, ржавчина намертво въелась в прутья хилых полочек, разводы виднелись на стенках душевой кабины и некогда блестящих кранах.

Над кособокой раковиной грустно висело овальное зеркало. Его покрывали многочисленные царапины и брызги зубной пасты. Уля стерла их одним нервным движением и уставилась на собственное отражение.

Оно было чужим.

Когда-то Ульяна проводила у зеркал пусть не часы, но долгие десятки минут, меняя наряды, укладывая волосы в ровные локоны, ловкими штрихами подчеркивая скулы, пряча прыщички и чуть оплывший подбородок. Та девушка – ухоженная, аппетитная и дышащая красотой молодого тела – давно умерла. На смену ей пришла жалкая тень.

Из мутной зеркальной глубины на Улю смотрело болезненно бледное, по-звериному настороженное существо. Глаза совсем ввалились, под ними залегли темные круги. На похудевшем лице особенно остро выделялся крупный нос и горбинка на нем. А волосы, которые раньше лежали каштановой волной, теперь отросли, как сорняки в заброшенном саду, и пушились посеченными кончиками.

Уля недовольно провела по лицу мокрой ладонью, но ржавая струйка воды из-под крана не могла ничего исправить. Отсутствие сна и хорошей еды, постоянный страх и безденежье за три года превратили ее в потерявшую былую красоту бродяжку. А уж игра и вовсе довела до крайней черты.

Хороша же она была в глазах Рэма! Улю передернуло. Конечно, и он не тянул на звание принца, но ее собственный вид приводил в ужас. По впалым щекам разлилась краснота. Не милый девичий румянец, а лихорадочные багровые пятна.

Уля скрипнула зубами.

Отражение скривило губы – заветренные, все в чешуйках от холода. Смотреть на это не было сил. Ульяна зажмурилась и потянула руки к крану, чтобы поскорее выключить воду и сбежать.

Из темноты под веками на нее смотрела полынь. Рамка зеркала осталась, но заплеванная гладь исчезла, а вместо нее раскинулось седое поле. Если бы Уля захотела, то смогла бы рассмотреть мельчайшие травинки, каждый цветок, каждую пылинку, но полынного запаха было достаточно, чтобы она с криком отпрянула.

Дышать было нечем: горечь вгрызалась в легкие, не насыщая их, а прожигая насквозь, словно распыленная кислота.

Уля поняла, что падает. Она взмахнула руками и повалилась на спину.

Ванная комната в коммуналке была совсем маленькой. Уля вскользь подумала об этом, когда до удара о дверь оставались доли секунды. Открыть глаза не получалось: веки слиплись. А поле шумело совсем рядом, ужасающе, парализуя и маня одновременно.

И Уля падала в него, хотя отлично понимала, что летит на пол спиной к двери, но мечущееся в панике сердце разрывалось безмолвным криком.

«Нет! – вопило в Ульяне. – Ты падаешь туда! Лицом в полынь!»

Ни оспорить, ни перекричать. Еще секунда, и она со всей дури рухнет в жадную седую траву. Затихнет в ней. И придет туман. Больше не будет надежды. Больше ничего не будет. И она сама исчезнет. Ее, как ластиком, сотрет туманом.

Уля закричала совсем уж отчаянно и дернулась в последний раз, чувствуя, как тьма дышит ей в лицо. На плечи опустились чьи-то тяжелые руки. В один нескончаемый миг Уля решила, что это Гус схватил ее своими когтистыми лапами. Горло перехватило, крик оборвался. Уля распахнула глаза.

И все закончилось. Не было больше ни седого поля в овальной рамке, ни тьмы, ни горечи. А были только то самое зеркало в разводах пасты и унылая ванная. Уля затрепыхалась, пытаясь подняться на ноги, которые еще отчаянно дрожали в коленях.

– Чего развопилась-то?

Голос Натальи раздавался откуда-то сверху. Женщина склонилась над лежавшей на грязной плитке Ульяной и теперь смотрела на нее,

подслеповато щуря маленькие глазки.

– Вопит и вопит, дай, думаю, посмотрю, чего вопит, – пробурчала она, одним рывком поднимая Улю с пола.

Они замерли друг перед другом. Наталья с трудом помещалась в узком дверном проеме. Ее массивное тело было укутано в коричневую шаль поверх коричневого же шерстяного платья, волосы с первой сединой собраны в пучок. Она выглядела куда более нормальной, чем обычно. Но даже эти улучшения не меняли главного: Наталья была еще одной частью царившей вокруг безнадеги.

Уля успела подумать об этом, пока скользила взглядом по сваянному в маленькие катышки платью соседки, по широким плечам и сбитой в уголки губ помаде. Но когда их глаза встретились, мыслей больше не было.

Полынь снова дышала Уле в лицо. Время замедлилось и остановилось. Осталось только ее, Улино, дыхание да невнятного цвета радужки Натальи. А в них таилась смерть.

Это Уля поняла сразу же, как только позволила горечи пропитать себя, сделав вдох. Унылые стены ванной сменились чистыми и белыми, небольшая комнатка, которую увидела Уля в глазах соседки, вся состояла из света. Такими бывают только палаты в больницах. По-девичьи кокетливая мебель в белых чехлах, нежные цветочки на обоях. Если бы не сама Наталья, грузно сидевшая за столиком на кованых ножках, Уля никогда бы не поверила, что ее диковатая соседка может оказаться в таких декорациях.

То же коричневое платье в катышках, та же накидка и пучок, тот же взгляд маленьких глазок из-под широких бровей. В полынном видении Наталья была такой же, как и та, что стояла в ванной. А значит, времени у нее осталось всего ничего. Уля заставила себя сделать еще один вдох – горечь волной пронеслась по телу, приводя картинку перед глазами в движение.

Наталья что-то говорила, опустив щеку на подставленный кулак. На столике перед ней стояла полная рюмка, рядом – початая бутылка коньяка и еще одна рюмка, уже пустая. На соседнем стуле сидел бородатый мужик в выцветшем свитере. Дядя Коля. От одного его вида Ульяну затошнило. Если он появился в полынном видении, ничего хорошего ждать не следовало.

Николай что-то жарко твердил супруге, но голоса слышно не было. Только шипение – так телевизор оставляют работать на ночь, а программы заканчиваются быстрее, чем он выключается сам.

Наталья тем временем наклонилась к рюмке, нерешительно взяла ее в короткие пальцы, повертела, поглядывая на мужа. Тот продолжал говорить что-то, даже потянулся ладонью, чтобы подтолкнуть руку Натальи вверх: мол, пей!

И та выпила. Зажмурившись, влила в распахнутый рот целую рюмку коньяка, дрожь пошла по всему ее тяжелому телу. Она сразу как-то поплыла, расслабилась, казалось, еще мгновение, и стул сломается под ее весом. Но дядя Коля был уже рядом, взял жену под обтянутый коричневой шерстью локоть и повел к широкой кровати, занимавшей почти всю комнату. На белом-белом покрывале крупная Наталья фигура смотрелась будто нарисованная рукой спятившего художника. Если бы Уля верила, что Бог существует, то в этот момент она бы уверовала и в его сумасшествие.

Наталья тяжело ворочалась в постели, хваталась за грудь, оттягивала ворот платья, а дядя Коля стоял над ней, задумчиво почесывая бороду. Уля мучительно рвалась вперед, к ним, чтобы хоть что-то исправить, хоть как-то помочь, но видение лишало ее возможности двигаться, делая простым свидетелем, уподобляя Николаю.

Наталья дернулась в последний раз. Из уголка губ, измазанных помадой, потекла пена. Дядя Коля пихнул ее в бок кулаком. Та не дернулась. Он снова запустил пальцы в бороду.

Видение начало меркнуть, расплываться, горечь, которую Уля почти перестала замечать, пахнула чуть сильнее и исчезла, сменяясь привычным запахом сырости и безнадёги. Наталья стояла перед Улей, озабоченно морща лоб.

– Ты припадочная, что ль? – наконец спросила она. – Так у меня таблеточки есть. Врач прописал. Сразу полегчает. Дать?

Ульяна пошатнулась, но Наталья удержала ее за плечо. Большая, медлительная, странная. Еще живая, вот только ненадолго.

– Нет, спасибо... – пролепетала Уля, не зная, куда девать взгляд, лишь бы не встретить соседки. – Я пойду, ладно?

– Да иди! – хохотнула женщина, уступая ей дорогу. – Худющая-то, вот и вопишь... Стучись завтра, голубцов наготовим!

Не наготовим. Эта мысль больно ударила по уходящей Уле, но она заставила себя не оборачиваться до самой своей двери. Невозможно отобрать у полыни ее жертву. Если будущему мертвецу суждено стать мертвецом прямо сегодня вечером, то остается лишь покориться выбору. И выпить коньяка.

Наталья тяжело топала вслед за Улей, продолжая что-то бубнить и даже не подозревая, что старуха Мойра уже тянется к ней ржавым лезвием. Что подсыпал ей в рюмку новоявленный супруг? Для чего? С какой высшей целью? Или из праздной любви к смерти на брачном ложе?

Тошнота поднималась все выше. Но в этот раз она не была полынной, нет – абсолютно человеческая, безнадежная и понятная ненависть к самой себе заставляла Улю тяжело сглатывать подступавшую желчь. Оставление в опасности, повлекшее за собой смерть. Кажется, так называлось ее покорное бездействие в мире нормальных людей.

Знать, что человек погибнет, и ничего не делать. Ждать, скорчившись в углу своей комнатухи. Прислушиваться к голосам за стеной. Так светило Ульяне провести эту бесконечную ночь. Мало ей было печалей и тяжелых мыслей об отце, так еще и смерть неповоротливой соседки добавилась к списку грядущих бед.

Ульяна зашла к себе, оставила выключенным свет и села прямо на пол в самом дальнем углу комнаты. По-хорошему, нужно было ложиться спать. Не искать оставшиеся записи Артема, не думать, не вспоминать. Спать. А утром выскользнуть из дома до того, как появятся полиция и врачи, или кто там приедет по звонку безутешного вдовца.

– Да ты выпей, Наталья! – Мужской голос почти не глушила тонкая кладка стены. – От рюмочки ничего не будет, повеселеешь только! Выпей, тебе говорю!

Уля застонала, прижимая ладони к ушам. Заснуть она не успевала, а значит, придется прослушать всю сцену соседского радиоспектакля. Полынь как раз не передала ей звук. Сиди себе, накладывай дорожку голосов на картинки, которые так услужливо всплывают в памяти. Белые стены, белая мебель, этот чертов столик на кованых ножках. Откуда только у Натальи, настоящей медведицы, такая мебель? Кто

делал ей ремонт, больше похожий на тщательную стилизацию под больничную палату?

– Да мне нельзя, Коленька, – смущенно гудела Наталья. – Я ж на таблеточках! Ни капельки в рот не беру. Как малой в больничке лежала два года, так всю жизнь и ни-ни. Врач мой, Станислав Васильевич, царствие ему небесное, и врачиха, Степанида Геннадьевна, так и говорили: нельзя тебе, Наталья, ни капельки. Нельзя! Таблеточки пей, будешь как все, нормальная. Вот я и пью. Три утром, три вечером. А коньяк нельзя, Коленька, нельзя...

– Ты их не слушай! – Он уже злился. – Ты меня слушай! Я тебе кто?

– Муж.

– Муж! Я здесь теперь хозяйин. Ты меня прописала?

– Прописала.

– Значит, мое слово – указ! – Он говорил громко и медленно, словно с ребенком.

Большим ребенком, запертым в теле медлительной тетки. Ребенком, который всю жизнь сидел на таблетках. Три утром, три вечером. Чтобы быть нормальным, быть как все. Уля провела ладонью по лицу, пытаюсь успокоиться.

– Это не мое дело, – шептала она. – Не мое дело. Не мое дело. Не. Мое. Дело.

– Нет, нельзя мне, Коленька. – Голос стал плаксивым, совсем детским, даже стены не скрывали его сломленной покорности. – Помру еще! Мне так сказал Станислав Васильевич: хоть на язычок попробовать возьмешь, и сразу припадок... Этот. Эпилептический, Коленька! Помру еще. Не надо...

– А я говорю, от рюмочки ничего не будет! Кто тебе муж – я или Станислав этот Васильевич, а?

– Ты.

– Ну так пей!

Уля представила, как дрожит большая рука Натальи, тянущаяся к рюмке. Как маленькие катышки коричневого платья трясутся вместе с ней. Как слеповато она щурит глаза, а в них уже плещется полынь. Эти же глаза смотрели на Улю в ванной. Жалея, сочувствуя, предлагая незатейливую помощь.

Ульяна и не помнила, как вскочила на ноги и рванула в коридор. Соседская дверь содрогнулась под ударами ее кулака. Послышался легкий звон – рюмку с силой поставили на стол, раздались тяжелые шаги. Наталья открыла дверь и застыла на пороге. Глаза у нее были красные, будто их только что с силой терли, прогоняя слезы.

– Чего тебе? – недружелюбно буркнула она.

За широкой спиной уже маячил бородатый дядя Коля. На Улю он смотрел зло и затравленно.

– Мне там... это... – Слова никак не желали находиться. – Надо по платежке спросить! – наконец нашлась Ульяна. – По свету. А то долг будет, отключат всем! Пойдемте, а?

Наталья потопталась на месте, оглянулась на мужа, подумала и вздохнула.

– Ну пойдем... а то ведь отключат, Коленька!

Николай за ее спиной что-то пробурчал, но спорить не решился. И Уля повела соседку к себе, старательно делая вид, что не обмирает от страха. Плотнo закрыв за собой, она подошла к окну и только тогда посмотрела на Наталью.

– Ну, где платежка-то? – Соседка явно начинала нервничать. – Показывай.

– Послушайте. – Уля замолчала, собираясь с мыслями. – Ни в коем случае не пейте! – Слова сами сорвались с губ, вываливая правду без всяких сантиментов. – Он хочет вас отравить, понимаете? Вам же плохо будет! Вы умрете, если выпьете эту рюмку!

Наталья застыла в дверях, становясь похожей на огромный валун, в который с рассветом превращаются тролли из детских сказок.

– Подумайте, – не отставала Уля. – Что ему может быть от вас нужно? Комната? Деньги? Что?

Наталья продолжала молчать, медленно хлопая редкими ресницами.

– Ну же! Наталья! У вас есть деньги? Наличные? Или счет в банке?

– Счет – да. Счет у меня есть, – оживилась та. – Государство мне пенсию платит. А куда ее тратить? Я складываю. На счет... Да. Счет у меня есть.

– А Николай? Он знает про эту пенсию?

– Знает, конечно, он же мой муж! – В голосе читалось явное самодовольство. – Что ж я, без приданого, что ли, замуж пошла? Нет!

Я выписку в сберкассе взяла, ему показала, и он сразу сказал: мол, пойдем, Наталья, жениться будем! И я пошла.

Больше всего в эту секунду Ульяне хотелось схватить новоявленного соседского супруга за его мерзкую бороденку и оторвать ее вместе с кожей. А потом заставить съесть.

– Если вы умрете, ему достанутся все ваши деньги, и комната тоже отойдет ему. Ни в коем случае не пейте. И разводитесь с ним как можно скорее...

Наталья пожевала губами, постояла немного, развернулась одним рывком и стремительно потопала к двери. Уля догнала ее на пороге.

– Вы меня поняли?

– Поняла я. Поняла. – Она отодвинула Улю в сторону и ушла к себе.

Дверь Уля запирала дрожащими руками. Мало ли на что решится сумасшедший дядя Коля, узнав, что его большая рыба сорвалась с крючка? Уля вернулась в свой дальний угол, кинула на пол подушку, укрыла плечи пыльным пледом и села ждать. Шум за стеной раздался в ту же секунду.

– Ну чего там? – Голос Николая был приглушенным, но слышимым. – Разобралась?

– Разобралась.

– Не якшалась бы ты с девкой этой, жена. Мутная она какая-то.

– А ты? – Наталья говорила громко, однако на удивление спокойно.

– А что я?

– А ты не мутный?

Уля съежилась у стены, прижалась к ней ухом, чтобы лучше слышать.

– Я-то муж твой. Какой есть.

– А чего ж ты, муж, меня отравить решил? – едко спросила Наталья.

Раньше ее способности к саркастическим замечаниям ограничивались грязными следами на свежeweымытом полу. Но что-то меняется даже в мире полной безнадеги.

– Ты это что? С ума сошла, что ли? – откашлявшись, спросил дядя Коля, сам не зная, какую роковую ошибку совершает.

Наталья взревела, как тяжело раненный зверь. Уля отшатнулась от стены, уверенная, что крик этот слышали не только в их квартире, но и

в соседних. Отчего же тогда за дверью Оксаны все так же тихо? Ее любящая семейка уехала? Или сидит себе спокойно у телевизора, делая вид, что ничего не происходит? Хоть перебейте друг друга, хоть устройте кровавую оргию, главное, чтобы полы в коридоре были чистыми и котлеты в подписанной Оксаной кастрюле никто не тронул.

Наталья оборвала звериный вопль, за ним послышался град падающих на пол предметов.

– Это я, да! Это я с детства с катушек съехала. Крыша протекает, да! Как еще объяснить? Меня много как называли! Корова сумасшедшая! Дура! Психичка бешеная! – Звон разбивающейся посуды и падающих кованых стульев наполнил всю квартиру. – Но травить! Это ты первый... Уходи! Уходи, пока не пришибла!

Дядя Коля что-то кричал в ответ, но его практически не было слышно. Уля сжала кулаки, моля несуществующих богов, чтобы все поскорее закончилось. Чтобы этот бородатый мужик ушел и воцарилась тишина, в которой можно спокойно спать, не терзаясь муками совести. Про полынные таблетки она и не вспомнила.

– И уйду! – отчаянно завопил Николай, перекрикивая лютующую супругу. – А ты тут сама сдохнешь!

– Я себе другого мужа найду! – Если бы не антураж сгнившей коммуналки, их ссора могла сойти за серию бразильского «мыла». – Настоящего! Он меня любить будет!

– Да кому ты нужна? – Голос дяди Коли доносился со стороны двери, он явно собирался смотаться подобру-поздорову, но злость была сильнее инстинкта самосохранения. – Я чуть не сдох, когда на тебя залез! Сука страшная!

– Уйди! – Крик сорвался на визг. – Богом клянусь, уйди! Ой, уходи скорее!

– А вот не пойду. – Слова заставили Наталью замолчать. – Я здесь прописан теперь, отдавай мне половину комнаты и денег, тогда разойдемся как люди. Или сама уходи. – Он хихикнул. – Уродина! Сука! Пошла отсюда! – Николай тоже кричал, не замечая, как похож в этот момент на сумасшедшую жену.

– Уходи, Коленька, – жутким, сдавленным голосом прохрипела Наталья, и по спине Ули пробежали холодные мурашки предчувствия беды. – Я уже не соображаю ничего... Ой, беда случится, уходи, Коленька. – Стену сотряс звук удара – в нее врезался тяжелый кулак. –

Я тебя прощаю, что отравить хотел. Я тебя прощаю, что обманул. Я тебе первая правду не сказала. Я же сумасшедшая, Коленька. И справка есть. Я же убить могу... Ты меня не обзывай больше, ты мне больно словами-то не делай. Уходи себе... Успокоюсь – поговорим. Уходи, Богом прошу...

Уля была на полпути к двери, готовая выскочить в коридор, повиснуть на широких плечах соседки, удержать от рокового шага, но дядя Коля ее опередил.

– Ты меня не пугай! – злобно выплюнул он. – Корова ты жирная! Тварь ты подзаборная! Что молчишь? Слова забыла? Сука! Да я тебе сейчас эту рюмку сам в глотку засуну, поняла?

Раздался грохот шагов, шум борющихся тел и слабый, чуть слышный стон. Когда Ульяна распахнула дверь, все уже случилось. Наталья телом прижала к стене слабо трепыхавшегося дядю Колю. Со стороны казалось, что она обнимает его, но правая рука ушла в сторону, чтобы резким движением вернуться обратно. В судорожно сжатых пальцах блестело лезвие самого острого ножа Оксаны.

– Я не корова! – рычала Наталья. – Я не страшная! Я не дура! Понял меня? Понял?

Но дядя Коля уже не мог ей ответить. Из его рта текла кровь, путаясь в бороде, заливая грудь, в которую размеренно впивался нож. Удар за ударом. Удар за ударом.

Уля застыла на пороге, пытаясь удержать сознание на тонкой, дрожащей грани между происходящей в темном коридоре безнадегой и сладостным небытием. Ей отчетливо запомнилось, как вспыхнула полоска света в приоткрытой двери Оксаны – вспыхнула и тут же пропала. Лишние свидетели смерти ни к чему.

Наталья взмахнула рукой в последний раз и с чавкающим, тошнотворным звуком выдернула нож из мужниной груди. А потом осторожно, почти нежно, уложила Николая на пол, не оглядываясь подошла к двери, звякнула там ключом, шагнула на лестничную площадку и исчезла из вида. Только тяжелые шаги вниз забухали.

Дух крови разливался по всей квартире. Крик застрял в Улином горле – ни сглотнуть, ни выпустить. Она зажмурилась, чтобы лежавшее перед ней тело хоть на одну секунду перестало выжигать глаза. Тьма услужливо приняла ее, дыша горечью в пылающее лицо. Уля вдохнула, надеясь, что полынь прогонит запах крови. И тьма тут

же рассеялась – где-то далеко зажегся прожектор. Где-то рядом была нужная Уле вещица.

На полу возле самых ног светилось что-то маленькое и важное. Что-то, наполненное особой, полынной силой. Не отдавая себе отчета, Уля наклонилась, протянула руку и сжала вещицу в пальцах. Прикосновение холодного стекла и теплой липкой влаги тут же заставило ее открыть глаза.

Она склонялась над бездыханным телом. Кончики пальцев вымазались в остывающей крови. Ладонь сжимала рюмку.

«Ты меня не обзывай больше, ты мне больно словами-то не делай. Уходи себе...» – мигом прозвучал в ушах приглушенный стеной голос Натальи.

И картинка сложилась. «Смертью, выданной за слова...» – загадал ей Гус.

– Это два, – выдохнула Уля.

Чехарда

Смерть делает человека уязвимым. Этот страшный урок Ульяна выучила три года назад и теперь, судорожно распахивая свой жалкий скарб по отделениям старой спортивной сумки, все пыталась и не могла успокоить бешено стучащее сердце.

Она спиной чувствовала, как за дверью медленно остывает окровавленное тело. Где сейчас бродит Наталья? Одинокая, сумасшедшая, несчастная. Когда Оксана наконец решится вызвать полицию и скорую? И решится ли? А может, с утра, как обычно, выйдет в коридор и, проклиная нерях-соседей, начнет прибираться? Схватит дядю Колю за окоченевшие ноги и потащит к мусорным бачкам. Вытрет кровь с линолеума, сбрызнет лимонным освежителем воздух, ругнется и уйдет к себе скандалить с мужем и раздавать подзатыльники сыну.

От этих мыслей Уля нервно хихикнула и тут же подавилась смешком. Слишком уж похож он был на первый всхлип истерики, которая уже вскипала в Уле ураганной волной. Но истерить было нельзя. Нельзя было плакать, вопить и бежать куда глаза глядят, пока жалкие пожитки не сложены в сумку. Пока не найден хотя бы один приемлемый вариант временного убежища. Потому что на улице ночь и первые морозы, потому что оставаться здесь никак нельзя. Потому что крик уже щекочет горло, потому что месяц игры перевалил за половину, а в кармане куртки лежит заветная вещичка. Второй подарочек. Рюмка, измазанная в крови, несущая печать смерти Николая, выданной супругой за обидные слова.

«Как такое могло случиться? – металось в Улиной голове. – Как? Как?»

Ведь смерть, показанная полынью, была совсем иной. Это Наталья должна была зайти рвотной пеной, отравленная коктейлем из коньяка и своих таблеток. И смерть ее никак не вязалась с игрой Ульяны. Как же вышло спасти одну жизнь, подтолкнув к черте другую, если это и вовсе невозможно? Как сумела вдруг стать подарочком вещичка, за которой Уля совсем не охотилась? Что это – немыслимая

удача? Или еще одна ловушка Гуса, в которую она не раздумывая шагнула?

От страха стало трудно дышать. Уля попыталась сосредоточиться на простых движениях рук. Вот четыре потертых футболки сгнули в жадной пасти сумки, вот оранжевый свитер, растянутый, но теплый, последовал за ними. Еще одни джинсы – порванная коленка, капли машинного масла – поскользнулась у дороги и рухнула прямо в лужу. Легкие кеды, три пары носков, пакет с застиранным бельем.

Кто бы мог подумать, что у нее, шмоточницы, красотки с задатками шопоголика, станет так мало одежды?

Смертность делает человека уязвимым. Он, как воздушный шар на тонкой ниточке, носится между небом и землей одной ногой в жизни, второй – в смерти. И вещи, которыми все так старательно заполняют свой быт, должны доказывать нам самим, что мы еще есть. И наши желания, мечты, ощущения все еще существуют. А значит, ниточка никогда не порвется. Только это не так.

Уля знала наверняка. Страх смерти пахнет полынью, он делает человека уязвимым. И нет ни единого средства, чтобы это исправить. Ты можешь скупить целый торговый центр, но если тебе суждено оступиться на выходе и разбить голову о плитку, ты выйдешь, оступишься и разобьешь. Так есть ли смысл в вещах, которыми мы припорошиваем беззащитность нашей жизни, кроме как простое сокрытие наготы?

Уля покачала головой, прогоняя тяжелые размышления. Они мешали. Они сбивали с толку. И продолжали метаться в голове, играя в чехарду. Когда в чрево сумки была спрятана последняя скомканная майка, Уля чувствовала себя окончательно разбитой и обессиленной.

Оставалось еще одно, возможно, самое важное. Записки Артема скомканной грудой лежали на спинке дивана. Ульяна пыталась расправить их, собрать аккуратной стопочкой, но руки слишком дрожали и листочки постоянно падали, разлетаясь по полу, похожие на странных белых птиц с широкими исписанными крыльями.

Уля наклонилась, подхватила стопку, приладила ее рукой и бережно положила поверх одежды. Прикрыла все это полосатым шарфом, осторожно застегнула молнию и наконец выдохнула. Сборы закончились. Но мыслей, куда податься, так и не появилось.

За окном медленно начинало светать. Еще час, ну два, и сыну Оксаны пора будет собираться в школу. Переступит ли он через мертвого дяденьку по пути в туалет? Моральное оупение ребенка, даже растущего в компании скандальной мамы и туповатого отца, не могло достигнуть таких масштабов. Так что полиция приедет. И очень скоро.

Не хватало только потратить уйму времени в участке. Показания, свидетельства, разборки. Как объяснить, почему ее следы остались рядом с трупом? А если она видела расправу, то почему сразу не позвонила куда следует?

Уля потянулась к пакету, привезенному из квартиры отца, выудила хрустящее печенье и принялась грызть его, чтобы хоть чем-то занять трясущееся от страха тело. Выход оставался всего один – нужно возвращаться к Артему и прятаться там, в том числе и от матери, которая, конечно, поджидает ее у подъезда, разъяренная, как фурия.

Первая электричка отходила от станции через полчаса. Уля подхватила сумку, выбралась в коридорчик и потянула на себя дверь. Плотный, тошнотворный запах смерти мощной волной ударил в нос. В нем не было ни капли полынной горечи, одна лишь правда жизни. Человек, умерший в луже собственной крови, воняет отвратительно. И выглядит не лучше.

Стараясь не смотреть по сторонам, Уля проскользнула к выходу. Соседская дверь скрипнула.

– Эй! – Хриплый голос Оксаны заставил ее остановиться. – Что делать-то будем?

– Я уезжаю, – не оборачиваясь, ответила Уля. – Вызывайте полицию...

– Это же она его, да?

Ульяна не ответила и принялась возиться с замком.

– Всегда знала, что она того... Но мужик мерзкий был, да. Может... – Оксана запнулась, но продолжила: – Стащим его в коридор? Он бомжеватый, никто разбираться не будет. Решат, что в подъезде кто-то пырнул. А я тут как следует коридорчик помою... и не было ничего, а?

Она говорила просящим голосом, сама стесняясь своего предложения, будто речь шла о чем-то интимном, но приемлемом. А Уля и правда могла на такое согласиться.

Не произнося ни слова, Ульяна распахнула дверь и выбежала в коридор. Первый раз запах сырости и застарелой мочи на лестничной клетке показался ей таким желанным. Она пронеслась по ступеням вниз и выскочила наружу. Холодный рассветный воздух мигом освежил голову. Уле показалось, что она наконец вынырнула из болота, где через нос в легкие заливается грязь, а ребра ломаются в объятиях топи.

Она так и простояла бы до утра, задрав голову к морозному небу, если бы не услышала шаги. Со стороны соседнего подъезда приближалась какая-то девушка – черная шапка и торчащие из-под нее короткие волосы, темное пальто с кожаными рукавами. Ульяна подавила в себе желание припустить вдоль по улице и осталась на месте. Только сжала в кулаке увесистую связку ключей.

– Ты Ульяна, да? – спросила девушка, останавливаясь в паре шагов.

Уля кивнула.

– Отлично. Пойдем.

– Куда? – От незнакомки явственно пахло полынной горечью – прямо как от Рэма, прямо как от самой Ульяны, и это лишало вопрос всякого смысла.

– Вещицу отдавать. – Девушка кашлянула, вытерла нос рукавом. – Она у тебя?

Еще один кивок. Только пар от дыхания всколыхнулся в такт.

Девушка пожала плечами, развернулась и пошла по дорожке. До электрички оставалось двадцать минут. Но, кажется, на нее Ульяна уже не попадала.

* * *

Спящие дома изредка вспыхивали первыми пробудившимися окошками. Казалось, что многоглазые чудища, все состоящие из сонного камня и темноты, приоткрывали то один, то другой глаз, посматривая на идущих по улицам.

Больше незнакомка не произнесла ни слова. Так и шла, поскользываясь на обледеневших лужах и не оборачиваясь на Ульяну, а та следовала за ней, чувствуя себя беспомощно и глупо. Тайное знание игры наделяло любого встречного особой властью, правом поманить рукой, уверенностью, что Уля послушается и пойдет.

Они немного поплутали, выбираясь в центральную часть спящего города. Здесь Уля бывала нечасто. Да и что делать ей, затворнице без денег, в районе магазинов и кафешек? Над ними высились новые многоэтажки, разительно отличавшиеся от приземистых коммуналок. Когда Уля искала комнаты, то жилье в подобных домах даже не рассматривалось как вариант.

В расветной мгле темнело большое офисное здание. Полукруглое, состоящее из одних окон, оно примостилось напротив двухэтажного продуктового магазина. Именно туда и привела Ульяну молчаливая незнакомка.

Они поднялись по широкой лестнице и остановились перед стеклянными дверями. Офисы продолжали дремать, настороженно поглядывая на посетителей из-под опущенных век жалюзи. Девушка потянулась к домофону, нажала пару клавиш, дождалась, пока треск сменится писком, и толкнула дверь. Та нехотя ушла в сторону.

Коридор тонул во мраке. Уле совершенно не хотелось туда идти. В голову лезли полузабытые сюжеты дурацких ужастиков и тот бесконечный темный коридор, что завершился ослепительной белизной тату-салона. На спине выступил холодный пот. Рука сама потянулась к внутреннему карману куртки, где ждали своего часа полынные таблеточки, дарующие бесстрашное безразличие ко всему на свете.

Когда пальцы сжали крошащийся кругляшок, Уле показалось, что где-то рядом чуть слышно хмыкнул Рэм. Разочарованно, озабоченно, зло. Сразу вспомнился его равнодушно-пластмассовый вид, одурманенный блеск в глазах, расцветавшие на сломанных ребрах синяки, вернувшиеся в тот же миг, как полыни в крови стало меньше, чем нужно. Сразу вспомнился свихнувшийся на собственной упоительной силе отец, горстями засыпающий в рот детище белого прожорливого тумана. И стена, почти забытая, стертая из памяти, тоже вспоминалась.

Уля мучительно вздрогнула всем телом, но сумела разжать пальцы, отвести в сторону тяжелую руку. И та безвольно повисла, словно лишившись костей.

– Ты чего там топчешься? – Недовольный окрик незнакомки заставил Улю поторопиться.

Звук шагов гулко разносился по спящим коридорам. Единственным источником света оказалась тоненькая полоска, которая выбивалась из-под двери охранника. Сам он навстречу не вышел, только сделал погромче бубнящий телевизор.

Девушка уверенно привела Улю к лестнице, они поднялись на три пролета, прошли мимо очереди запертых кабинетов и наконец оказались перед нужным. Замок звонко щелкнул, дверь открылась, и незнакомка первой шагнула внутрь.

Маленькая комнатка с двумя компьютерными столами, плафон лампочки дневного света у потолка, пыльные мониторы и чахлый фикус на подоконнике – Уле показалось, что она вернулась в свое прошлое. Сколько дней подряд было проведено в таких кабинетах? Бездумное копошение в однотипных бумажках. Печати, таблицы, сводки. Ничего толкового. Ничего, способного хоть кому-нибудь помочь. Письма, обращения, жалобы. Листочки, файлы, папки. Деревья, погибшие ради этого, должны встречать людей в аду с распростертыми объятиями веток.

Девушка тем временем щелкнула выключателем. Лампочка зашумела, задергалась в конвульсиях, нагреваясь. Холодный мертвый свет разлился по кабинету, делая его еще более унылым и неживым. Уля осталась стоять в дверях, наблюдая, как незнакомка достает второй ключ, подходит к сейфу у стены и открывает его.

– Ну, можешь отдать, – сказала она, протягивая руку.

– Что отдать?

– Вещь, – через силу проговорила девушка, продолжая тянуться к Уле ладонью. – Подарок. Предмет. Давай сюда, мы оставим его в сейфе и уйдем.

– Прошлый я отдавала лично Гусу.

От прозвучавшего имени протянутая рука дрогнула и опустилась. Теперь девушка смотрела на Улю: чуть раскосые злые глаза блестели в свете лампы, как два пластмассовых шарика с ресницами на личике старой куклы. Незнакомке определенно нужна была доза полыни. Уж не потому ли она так спешит выполнить указание?

«Служка», – презрительно промелькнуло в Улиной голове, но она тут же одернула себя.

Никто, вступающий в игру с полынью, не застрахован от этого. Ни один не лучше другого. Все они уже проиграли. Так скрипучим

голосом манекена сказала Ульяне тетка в пивной. И видит Бог, которого просто не может быть в этом сумасшедшем мире, стоило ее послушать.

– Радуйся, что не пришлось с ним встречаться, – прошипела девушка, приходя в себя. – Давай свою вещицу и вали отсюда. Поняла?

Она раздраженно тряхнула кистью, рукав пальто сбился, обнажая полынную метку. Татуировка была с трудом различима. Она выцвела, потеряла объем и расплылась контуром как еще один признак томительной нужды своей хозяйки.

Не желая больше мучить приговоренную пусть к отсроченной, но неизбежной встрече с полынным туманом, Уля нащупала в кармане рюмку и осторожно вложила ее в раскрытую ладонь. Девушка медленно перевела взгляд на вещицу, потом вскинула глаза на Улю.

Будто в замедленной съемке Ульяна увидела, как округляется рот незнакомки, – пересохшие тонкие губы, чешуйки простуды в уголках. Во взгляде мешались удивление, страх и злорадство, и они медленно пробивались через отупение полынной ломки.

– Это что? – наконец выдавила из себя девушка.

– Подарок Гусу. Ты же сама сказала...

– Что, совсем спятила? Ты что наделала? – Она вдруг коротко хохотнула и одним движением сбросила рюмку с ладони.

Та звякнула, но не разбилась, утонув в мягком паласе.

– Я нашла вещицу. Тебе поручили ее забрать? Ну так бери! – Понимание, что все пошло совсем не так, как планировалось, пробежало по Уле волной липкого страха.

– Нашла, говоришь? – Девушка презрительно скривилась. – Ты что, думаешь, самая умная? Даже я вижу, что никакой это подарочек... Решила Гуса обмануть? Идиотка. – И направилась к выходу. – В чехарду с полынью поиграть захотела, совсем тронулась...

Замершую у стола Улю она замечать перестала.

– Эй, ты куда?

Уля бросилась к ней, но девушка оказалась быстрее – выскочила в коридор и мигом захлопнула дверь. Раздался щелчок замка.

– Сиди теперь, – сказала она в тонкую щелочку. – Я за Гусом, он разберется...

Уля забарабанила по двери кулаками, навалилась на нее всем телом, подергала за ручку, но замок не поддавался.

– Пстой! Выпусти меня! Выпусти!

– Не ори! – прикрикнула на нее служка. – Гус меня похвалит. Я же почувствовала! Я лучше этих безмозглых... Эгих тупых... Чехарду разглядела... – горячо шептала она и скребла по двери ногтями. – Он даст мне еще один шанс! Я снова сыграю! Я смогу... Он возьмет меня к себе... – Голос стал ломким, неразборчивым и совсем стих.

Пока еще были слышны шаги, Уля все кричала им вслед:

– Пстой! Пстой! Отпусти меня! У меня есть таблетки, я поделюсь! Эй!

Воцарившаяся тишина ударила по ушам сильнее любого звука. Служка ушла за своим хозяином, чтобы наябедничать на Улю, которая нарушила неведомое ей правило.

– Черт! – ругнулась она, возвращаясь к столу.

Попросить ее не разбрасываться проклятиями было некому. Только слепой глаз монитора равнодушно смотрел прямо перед собой. Уля потянулась к нему рукой и пальцем вывела на пыльной глади коронное Рэмовское «Не черти!». Стало немного легче.

Лампа надсадно жужжала под потолком, у окна чах фикус, стол, заваленный входящей корреспонденцией, скрипел от каждого прикосновения. Уля села в массивное кресло, расшнуровала ботинки, стянула куртку и устроилась поудобнее. Ей оставалось только ждать, как висельнику часа казни. В том, что Гус не погладит ее по голове, Уля даже не сомневалась. Но и причинить ей вред, настоящий, такой, как Рэму, он еще не мог. Она ведь пока не стала служкой. Не проиграла полыни. Не исчерпала свой месяц. Напротив, принесла в подарок вторую вещицу, какой бы странной та ни была.

Успокаивая себя, Уля потянулась к сумке, приоткрыла молнию, заглянула внутрь и вытащила два листочка. Летопись полынного почти завершилась. Непрочитанными оставались с десяток записок да парочка совсем уж смятых клочков бумаги.

Ульяна глубоко вздохнула и принялась разбирать сбивчивые строки, которыми отец испещрил обратную сторону рекламной листовки.

«Только что вернулся домой. Голова свежая, мысли четкие. Я уже не помню, когда рассуждал здраво, но сейчас ощущаю кристальную чистоту. Будто прошел курс лечения от наркотической зависимости.

Что, по сути, так и есть. Экспресс-курс неприятия себя и того, что мной стало. Если я желаю разобраться во всем происходящем, то должен владеть своим телом и разумом. Иначе Гус сломит меня. Он уже заметил мое отсутствие. Я чувю это.

Пока шел от остановки до дома, постоянно ловил на себе взгляды служек. Мужчина старше пятидесяти за рулем бежевой иномарки. Очень худая, изможденная женщина с тонконогой собакой на поводке. Три подростка в темных куртках – они стояли в подворотне, один крикнул что-то мне вслед, остальные его удержали. Значит, им приказано наблюдать, но не вмешиваться. Возможно, уже сегодня за мной придут. Или завтра. И я должен буду подчиниться, сделать то, чего от меня ждут.

Я выйду на охоту, я принесу подарочек проклятому старику, но больше никаких таблеток. Никогда! Я знаю, откуда они берутся. Я видел, где растет трава, что оборачивается в упоительно горький, немислимо нужный порошок. И я знаю, что властвует той землей. Туман, пожирающий таких, как я. Круг, который замыкается. Пищевая цепочка, которая вьется в руках старика.

Но если я узнаю, кто он... Тогда... Что будет тогда? Я сумею разорвать порочный круг смерти? Глупости! Я сумею вырваться? Мой шанс уже упущен. Я смогу кого-то спасти? Мне не позволят.

Но понять я обязан. А потом, когда наступит моя очередь уйти туда, где цветет полынь, и встать лицом к туману, я буду знать, почему это случилось со мной. И это уже немало.

Обратного пути нет. Его никогда и не было. Глупо успокаивать себя, надеяться, что впереди обязательно найдется съезд. Каждый сам тащит свою ношу, а моя такова. И я готов к ней. К тому же теперь у меня есть еще одна причина.

Я решил попроситься. Отыскал старый номер тещи. Там-то Светлану и нашел. Вот же удивилась она, когда услышала, кто звонит. С того света ей весточку послали. А что, так и есть. Она даже не поняла, как близка была к истине. Долго не соглашалась увидеться. Но я настаивал. Сказал, что уеду скоро и, наверное, уже не вернусь. Мало ли, как ее жизнь сложится. Надо бы развестись по-человечески. Чтобы назад я ее не тянул.

Она подумала и согласилась. Место назвала самое людное. Прямо на вокзале. Я раньше приехал, встал в сторонке. Все старался на людей

не смотреть, а внутри так пылало, так и звало глаза закрыть. Посмотреть во тьму. Смертность чужую разглядеть. Но нет. Стерпел.

Светлана вышла из автобуса. Я сначала не понял, кто это с ней. Маленькая, кругленькая, ножками топают, как медвежонок. И два хвостика на затылке. Дочка моя. Курточка на ней тесная, видно, что выросла давно из нее. И Светлана сама какая-то серая, блеклая.

Безденежье сразу меняет человека. Быстрее только смерть.

Я в карманах порылся, а там две пачки, Гус мне их совал, не считая, а я, не считая, брал. Мне-то деньги зачем? А ей пригодятся.

– Вот, – говорю. – Держи. Вам нужно.

Она глазами хлопает. Картонная, как и была. Ничего не изменилось. А вот девочка... Не знаю, не смог сразу понять, что в ней другое. Но она не такая, как мать. Нет в ней плоскости. Посмотрела на меня – глазки зеленые... полынные...

Меня всего передернуло. Рванул к ней обнять, прижать, защитить. Только рукой дотронулся, а Светлана уже в крик.

– Не тронь! – вопит. – Не смей!

Я руку одернул. Глаза поднимаю, а она на меня смотрит, как раньше смотрела, со страхом и презрением. И метку мою разглядывает.

– Что, – спросила, – уже отсидеть успел? Или секта какая для сумасшедших?

Сразу я понял, почему рад был, когда она ушла. Чужая она мне. Всегда такой была. Я в полыни иду к смерти, вижу все, понимаю. А она слепая, на ощупь бредет. Прав был Гус, гори он в вечном пламени, разные мы, слепцы и меченые.

А Светлана в сумку руку засунула, копается там, второй дочку за плечо держит.

– Вот. – И бумажку мне тычет. – Распишись тут, я сама с разводом все устрою.

Я чиркнул, а сам глаз от девочки отвести не могу. Она ботиночком ямку расковыряла, красивая такая, настоящая, зрячая. Пусть сама того не знает. Так и стояли: мне Света про бумаги что-то талдычит, а я на девочку смотрю. На дочку свою. Наконец Светлана сжалась, девочку по плечу погладила, та на нее глазки подняла.

– Давай, Улечка, поздоровайся с дядей...

Я так и обмер. А Ульяна на меня так строго посмотрела и говорит:

– Здравствуйте, дядя!

Никаких больше сомнений не было. Полынью так и повеяло, так и пахнуло ею, не девочка, а дверь туда, на поле, в туман. Милая моя, доченька моя. Пишу сейчас, а слова застревают, царапаются. Если бы я мог ее уберечь! Но каждый сам несет свою смерть. Видит он путь или нет.

Так и распрощались – девочка все ко мне тянулась, Света ее руку из своей не выпускала. А когда их автобус пришел, то я наклонился и поцеловал Улечку прямо в лоб. Теплая, пахнет травушкой горькой. Родная моя, меченая.

Она не отшатнулась. Посмотрела только очень грустно.

– Пойдем, доченька. – Света ее к автобусам, а она стоит, упирается. – Дяде тоже пора идти. Мы к нему, может быть, еще когда-нибудь приедем.

– Не приедем, ма. – Покачала маленькой своей головой, только хвостики задрожали. – Дядя скоро уйдет. Совсем уйдет.

Тут-то у меня сердце и остановилось. Разучилось биться. Я воздухом поймать все пытался, но не мог. А Светлана девочку на руки подхватила и как понеслась к автобусу. Испугалась. Словно знала, чего бояться...»

Только сейчас Уля почувствовала, как кружится ее голова. Все тело покрывал липкий холодный пот. Горло пересохло, казалось, что у нее сильный жар, граничащий со смертельным. Может быть, так оно и было.

Может, она уже умерла? Может, никогда и не жила? Может, все это – ее жизнь, полынь, нескончаемые ужасы и мытарства – лишь плод воображения? Может, ее придумал чей-то сумасшедший разум? И если так, то горел бы он сам в этом вечном изнурительном пламени, в который поверг и Улю, и ее отца.

Ульяна сжала листок в ладони, будто это могло хоть что-то исправить. Но когда-то написанное было прочитано именно сейчас. И от знаний этих некуда было бежать. Маленькая кругленькая девчушка с двумя хвостиками увидела в незнакомом дяде смерть. И не испугалась. Чуть расстроилась только, видимо, дядя ей понравился.

Конечно, мать припустила к автобусу! Конечно, она испугалась! Когда растишь ребенка от буйного психа, волей-неволей начинаешь

искать в подрастающем отпрыске черты родительского сумасшествия. Искать. И находить.

Сколько лет было Уле во время этой встречи? Как долго Артем жил на полынном поводке Гуса? Когда мать поняла, что она, ее Ульяночка, точь-в-точь такая же, что и маньяк-папаша? Что вообще происходит с ее странной, полынной жизнью?

Вопросы метались в голове подобно детям, играющим в чехарду. И так же, как дети рассыпаются по сторонам, услышав звонок, испарились и ее мысли, стоило только дверному замку щелкнуть, открываясь.

Собачья стая

В декорациях офисного кабинета Гус смотрелся до того нелепо, что Уле стало смешно. Мягкий вытоптаный палас никак не сочетался со стоявшими на нем лаковыми сапогами. Длинный бархатный пиджак на фоне тусклых казенных стен казался таким же неуместным, как и заплетенная в косички с бусинками борода в комнате, где так уныло умирал засохший фикус. Старик больше не выглядел бомжом с вокзала, как и наркодельцом в кожаной куртке, как и добрым аккуратным дедушкой. В этот раз он походил скорее на цыганского барона или старейшего члена мафиозной семьи.

За спиной Гуса маячила служка. Щерилась, дрожала, скалила маленькие зубки, поглядывала через обтянутое бархатом плечо, сжимала в руках мужское пальто, видимо, сброшенное туда Гусом.

– Здравствуй-здравствуй, деточка, – кивнул Гус, меряя Улю пробирающим до костей взглядом полынных глаз.

Страх поднялся, но тут же опал. Ульяна знала, насколько опасен стоящий перед ней, и это знание делало ее почти неуязвимой. Когда страх выбивает пробки, обесточивая тело, все, что остается, – идти в темноте и примиряться с демонами, которые в ней прячутся. Становиться одним из них.

– Я послал к тебе Ксюшу в качестве отеческого жеста, – начал Гус, проходя в кабинет. – Ночь на дворе, холодно, дай, думаю, помогу Ульяне. Пусть приедут к ней, отведут на место, она подарочек-то положит, а я его с утра возьму. Никакой мороки.

Уля застыла на месте, стараясь незаметно запихать бумажки Артема в сумку. Но Гус на нее не смотрел. Он прошел к окну, потрогал вялый листик фикуса и махнул рукой, подзывая служку.

– Водички принеси. Не дело растеньицу помирать, да?

Названная Ксюшей пулей выскочила из кабинета. Ее шаги зачастили по коридору. Гус и Ульяна остались одни.

– Шустрая девочка, а в главном не успела. Третью вещицу мне не принесла, что-то там случилось... Полиция, допросы. Перестаралась девочка, а я разве многого прошу? От следствия я ее, конечно, избавил. Зачем нам такие хвосты оставлять? Теперь ходит, вину

заглаживает... – Он помолчал. – Ну так вот. Чехарда, говорят, случилась. Так?

Гус продолжал рассматривать засохшее растение, в его расслабленном облике ничего не изменилось. Вопрос он задал все тем же ровным, безобидным голосом. Но Уля тут же покрылась холодным потом.

– Я... я не знаю... – пролепетала она, вспоминая все ужасы, описанные Артемом.

– Незнание закона, деточка, не освобождает от ответственности. – Гус покачал головой, пробуя сухую землю в горшке пальцем. – Где там вода?

В кабинет влетела запыхавшаяся служка.

– Вот... – Она ловила ртом воздух, прижимая к боку руку, а во второй была зажата бутылка. – Там на первом этаже только... аппарат... я бежала... Я...

– Ай-ай-ай, Ксения, – поморщился Гус, глядя на нее. – Всегда опаздываешь. Вроде и стараешься, а все мимо.

Одним движением он смахнул с подоконника фикус, и тот рухнул на пол. Стебель сломался, комья земли рассыпались по паласу.

– Приберись тут, – нехотя бросил Гус, поворачиваясь к Уле. – Так на чем я остановился? Ах, да-а-а... Чехарда... – и вдруг оскалился. – Стишок вышел! Ах, да – че-хар-да. Стишки я люблю.

За его спиной упала на колени, сгребая землю ладонями, служка. На щеках блестели злые слезы, рот искривился, плечи мелко дрожали. Уля кожей чувствовала ее страх, ее безнадежное подчинение любому слову, ее отупляющую ломку. Ксюше срочно нужна была доза, и ради нее она была готова сожрать эту землю до последней крупинки, только бы выслужиться, только бы угодить.

Гус проследил Улин взгляд и обернулся. Ксения наклонилась еще ниже. Теперь она была похожа на собаку, прижимающую брюхо к полу перед вожаком стаи. Бедная, голодная, подыхающая сука. Ульяну передернуло. И это не укрылось от глаз Гуса.

– Ксюшенька очень хочет быть нам полезной, да, девочка? – Та часто закивала, не смея поднять головы. – Не будем ей мешать, пусть прибирается.

Он отодвинул стул и уселся, разгладив на коленях полы пиджака.

– Когда я предлагал тебе сыграть в одну незатейливую игру, то не ставил особых рамок. Почему, спросишь ты? Да потому что играющий почти так же слеп, как любой незрячий. Игра и нужна, чтобы меченый узнал свою силу... и чехарда выше его возможностей. Так обычно бывает.

Уля забыла, как дышать. Она вся обратилась в слух. Гус, кажется, был настроен поболтать. И в его словах – насмешливых, пространных – не было открытой угрозы. Он не собирался наказывать Улю. Внезапный фортель, выброшенный очередным игроком, определенно развлек старика. И это внушало надежду. Уля поймала себя на странном желании угодить сидящему перед ней. Удивить его, доказать, что она чего-то да стоит. И от этого стало совсем гадко.

Гус имел над ней власть. Как бы ни заставляла себя Ульяна вспомнить, кто перед ней. Что этот странно одетый старик – сама смерть и чума. Что он – причина ее бед. Но этот голос, эти мягкие движения, это скрытое одобрение в словах... Еще немного, и Уля бы сама упала перед ним на колени, умирая от невыносимого желания быть благословленной его прикосновением.

Ульяна со всей силы прикусила кончик языка. Острая боль прогнала нахлынувший было дурман. И тот притаился на самом краешке ее сознания. А Гус тем временем продолжал:

– Словом, не ожидал я чехарды, Ульяна. И теперь даже не знаю, что с тобой делать. Ты, конечно, вещицу принесла. Да нужна ли она мне такая? Разве тянулась к ней ниточка? Разве полынь тебе указала, где она да как ее раздобыть? Нет! – Он нахмурил брови. – Пустьшка, значит. А зачем мне такой подарочек, а?

Ульяна молчала, слыша только, как бешено стучит ее сердце. У окна Ксюша все сгребала и сгребала землю: она ссыпала ее в мусорную корзину целыми пригоршнями, но грязное пятно только размазывалось, увеличивалось от ее рук.

Гус посидел немного, размышляя, а потом решительно встал. Лаковые сапоги скрипнули.

– Ну что ты тут извадюкала все? – прикрикнул он, и служка приросла к месту, жалобно поскуливая. – Надо, девушки, проветриться. Поедем-ка, нас уже ждут.

Ксения тут же вскочила, грязными руками подхватила с вешалки пальто, подала его Гусу. Тот презрительно посмотрел на пыльные

следы ее пальцев и скривился.

– Оставь-ка тут.

– Я отчищу! – побелевшими губами прохрипела Ксюша. – Я вам завтра же... Завтра же!

Гус на нее даже не взглянул.

– Ну да... Завтра... Оставь. Другие отчистят.

Из служки будто выбили дух. Она вжала шею в плечи, съежилась, отшатнулась, хватаясь за вешалку. Та зашаталась и упала прямо к ногам Гуса.

– Ксюша-Ксюша, – покачал он головой и вышел в коридор.

А служка осталась стоять, невидяще глядя во тьму за порогом. Уле стало нестерпимо ее жалко. Она выскользнула из-за стола, подхватила сумку и шагнула к замершей девушке.

– Эй, – начала она.

Но служка отскочила от нее, как ошпаренная.

– Пошла ты! – взвизгнула она. – Думаешь, лучше меня? Да он тебя... Да он! Пошла ты! Сука!

Уля не нашлась, что ответить. Служка была готова броситься на нее и растерзать. Это читалось по глазам, поблескивавшим пластмассой, по рваным движениям, по груди, что тяжело вздымалась в такт хриплому дыханию. Еще секунда, и она бы вцепилась в Улю, но помешал далекий окрик Гуса:

– Эй, девицы, я вас ждать должен?

Ксюша дернулась, скривилась, сплюнула Уле под ноги и выбежала наружу. Уля застегнула сумку, из которой выглядывал край исписанной Артемом бумажки. «Круг обязан замкнуться», – писал он на полях разлинованной страницы.

– И круг замыкается, пап, – выдохнула Уля и вышла, прикрыв дверь.

Рюмку она на всякий случай прихватила с собой.

На первом этаже горел тусклый свет. Охранник больше не смотрел ночные каналы в своей подсобке, а стоял у выхода, вытянувшись по струнке. Перешагнувший за середину зрелости, полноватый, в тесной синей форме, он задрал подбородок и сжал кулаки, будто участвовал в параде. Гус подошел к нему и потрепал по шее. Охранник тут же опустил голову и зажмурился. Старик что-то сказал ему, в пальцах мелькнул знакомый серый кругляшок. Мужчина дернулся навстречу,

высунул язык, как школьник на приеме витаминок в медицинском кабинете, Гус положил таблетку ему в рот.

Рядом с Улей болезненно всхлипнула Ксюша. Она пожирала взглядом двоих мужчин. Когда Гус шагнул на улицу, оставляя блаженно обмякшего охранника у дверей, Уля подумала: сколько же их на самом деле? Служек, готовых умереть за одобрение старика, за серый кругляшок полынной пыли? Охранники, водители, врачи, адвокаты, строители, предприниматели, бизнесмены, политики. Где прячутся они, проигравшие старику и из последних сил пытающиеся быть ему полезными? Оттягивающие встречу с туманом.

– Иди давай! – зашипела Ксения и схватила Улю за руку.

Было в этом движении столько злобы и желания причинить боль, что Уля вырвалась из липкой хватки и с отвращением процедила:

– Не смей ко мне прикасаться! Поняла, служба?

Девушка застыла на месте. На ее лице, плоском и безжизненном, не читалось больше ни злобы, ни отчаяния. В неверном тусклом свете спящего офиса она показалась Уле настоящим манекеном, забытым кем-то, кто нес его к витрине, но оставил стоять тут. Бесхозным, страшным, неживым.

– Так ее! Так! – Гус даже руками всплеснул от удовольствия. – А то гляди-ка, раскомандовалась. Забыла место свое, да? Молодец, Ульяна, их нужно держать на цепи.

От его одобрения Уле тут же захотелось сдохнуть, до того тошно и вязко стало на душе. Но она лишь кивнула, сглотнула вставший в горле ком и покорно пошла к машине, которая ждала снаружи. Ксюша поплелась следом, тонко поскуливая, как побитая сучка. Охранник верным псом проводил их до дверей.

– Чертова собачья стая, – неслышно прошептала Ульяна.

«Не черти», – горько выдохнул Рэм, который, кажется, всегда теперь был где-то рядом, как бы далеко ни был он на самом деле.

* * *

Они ехали по мрачным улицам в низкой тесной машине с молчаливым водителем. В бок Уле упирался острый локоть Ксюши. Та постоянно всхлипывала, скулила, мелко подергиваясь и наваливалась на Улю всякий раз, стоило машине повернуть.

Если можно было бы сфотографировать ее сейчас – бледную, потную, с неживыми, заострившимися чертами изможденного лица – то из снимка получился бы отличный агитационный плакат для борьбы с наркотиками. Ксюшу определенно выворачивало ломкой. Ее окостеневшее тело стало походить на увеличенную копию куклы-голыша. И только рот еще послушно кривился, выпуская через сжатые зубы жалобные всхлипы.

Когда очередной стон заставил Улю шумно закашляться, чтобы хоть как-то успокоиться самой, к ним с переднего сиденья повернулся Гус. Две бусинки в бороде звякнули, сталкиваясь.

– Плохо тебе, Ксюшенька? – участливо спросил старик.

– Мне бы... таблеточку... – Та уже с трудом шевелила языком. – Я же... я же привела... – и заскрежетала зубами, не в силах выдавить больше ни звука.

– Будет тебе таблеточка, – хохотнул Гус. – Из первых рук. Зинаиде тебя отдадим. Пора уже.

Ксения захрипела, хватаясь за горло, и завалилась набок. Ее лоб гулко ударился о стекло. Ненавидя себя за отвращение, которое заставляло ее болезненно морщиться, Уля дотянулась до девушки и легонько ее потрогала. Кожа на ощупь была влажной и твердой. И очень гладкой. Но на шее продолжала упрямо биться жилка. И грудь еле заметно поднималась в такт прерывистому дыханию. На благо ли себе, а может, на еще большую беду, но Ксюша просто потеряла сознание от безысходности и страха, и то, что принято называть жизнью, в ней еще теплилось.

В себя служка пришла уже возле лечебницы. Ульяна узнала унылую промзону, за которой пряталось от любопытных глаз ветхое здание с высоким крыльцом. Под ним тогда стоял Рэм, сжимая дрожащими пальцами сигарету. Ждал, выйдет ли Уля наружу. Выпустит ли ее из цепких лап если не смерть, то что-то куда более страшное и гиблое. Зинаида, например.

Память о единственной встрече с Зинаидой накрывала Улю липким, удушливым страхом, после к собственным воспоминаниям добавились записи Артема, которые сделали ее в представлении Ули пусть не более опасной, чем Гус, но равной ему.

А теперь та, что приводила в такой ужас отца, та, что заставляла Рэма вздрагивать и деревенеть одним своим молчанием в трубку, та,

что провожала Ульяну мертвым взглядом через двери больницы, стояла на крыльце, ожидая гостей.

Гус вышел первым. Он долго кричал, выбираясь наружу. Но было в этом что-то наигранное, лицедейское – все его копошение лишь поддерживало образ, выстроенный странным одеянием. Так старик развлекал самого себя.

Притихшую Ксению из машины вытащил водитель. Уле показалось, что это был тот же мужик, который вез ее саму, сжимавшую в руке ремешок камеры, от станции Лось. Но за большими затемненными очками невозможно было разглядеть глаза, а серая куртка из плащевки обезличила бы любого. Да и была ли разница – тот ли это безмолвный слуга Гуса или другой?

Думая так, Уля открыла дверцу и опустила ноги на замерзшую грязь. Утро никак не желало наступать. Небо оставалось серым и непроглядным. Затянувшиеся сумерки – уже не ночь, еще не день – казались бесконечными и томительными. Слабые лучи просыпающегося солнца только разгоняли ночную хмарь, а над землей все еще клубился морозный туман.

Ульяна потуже затянула ремешки капюшона, чтобы согреть заледеневшие щеки. Внутри нее разгорался пожар страха и предчувствия беды. Кожу покалывало рассветным холодом. Эти два ощущения окончательно сбивали с толку и без того измученное тело. Колени дрожали, мир перед глазами плыл. А безразличие к собственной участи наполняло Ульяну странной уверенностью: настоящей беды с ней не случится. Не сегодня.

Если бы в ней оставались еще силы на удивление, Уля бы поняла, как это странно. Таблетки продолжали мирно покоиться на дне кармана. Откуда тогда появилось бесстрастная тишина внутри? Не оттого ли, что весь этот путь уже был пройден однажды Артемом? И теперь, поднимаясь по ступеням больнички, Уля чувствовала его рядом. Знала, что он все еще здесь. Идет след в след. Готовый если не защитить, то разделить с ней боль.

И это было немало. Больше, чем осталось после гибели Никитки.

– Вот, Зинаида Олеговна, привез вам девочек, – сказал Гус, останавливаясь на верхней ступени крыльца. – Одной обещал экскурсию... На производство.

Ксюша вскрикнула, заметалась в крепких руках водителя, но тот хорошенько ее встряхнул, только зубы лязгнули, и потащил наверх, отпихивая замершую на половине шага Ульяну. Она посторонилась, пропуская их и стараясь не глядеть на перекошенное ужасом лицо служки. Но все-таки успела поймать ее последний взгляд – кукла-голышок взмахнула ресницами, а стеклянный шарик под ними влажно заблестел. Ксюша больше не спорила, не уговаривала, не плевалась. В руках водителя, за пару шагов от услужливо улыбающейся Зинаиды, она, кажется, сломалась окончательно. Перешагнула черту нечеловеческого ужаса, за которой чувства покидают тело, делая его пластмассовым и твердым. Делая неживым.

Зинаида Олеговна цепко подхватила Ксению за локоть, притянула к себе, приняхиваясь к горчащему запаху служки, и кивнула, согласная с решением Гуса.

– Пойдет. Отведи, – бросила она водителю, и тот потащил безвольную девушку к дверям. – А эта? – И мазнула взглядом по Уле.

– А с этой мы побеседуем. Пока. – Гус прислонился к перилам. – Не мешай нам.

Он лениво махнул рукой. Зинаида послушно потупилась, но, решившись, сделала шаг, присела перед Гусом, поймала его ладонь своей и прижала к губам. В этом суетном, странном порыве было столько раболепного обожания, что Улю затошнило. В собачьей стае свои правила. И полное подчинение вожаку там в порядке вещей. Да только вместо матерого пса на крыльце стоял странно одетый старик, а руки ему лизала не услужливая сука, а женщина в плотном бежевом пальто. Сумасшествие, царившее кругом, набирало обороты.

Но старик, кажется, даже не заметил прикосновения женских губ, и продолжал сидеть, рассматривая мрачный горизонт.

– И все не светает, – скучающе протянул он. – Надо же, как интересно...

Зинаида выпрямилась, попятилась к двери. Так, не поворачиваясь к Гусу спиной, она и скрылась в здании. Только тогда старик посмотрел на Улю.

– Я чувствую, как тебе не нравится быть тут, – сказал он, миглом теряя расслабленный вид. – Они противны тебе, верно? Эти люди, которые мне служат. Ты же понимаешь, откуда они берутся? Как становятся такими?

– Да, – выдавила Уля, отступая к перилам подальше от старика. – Они не успели... Проиграли вам.

– Умница. Хорошо соображаешь. Слишком хорошо для той, что принесла мне второй подарочек. И какой! Знаешь, что приводит к чехарде? Эмоция. Страх, ненависть, жалость. Всплеск чувств затрагивает одну судьбу, подменяет ее другой. Но какие могут быть чувства, если ты во власти полыни, девочка? Если ты впускаешь ее в себя, пропитываешься ею. Познаешь ее. Или ты не делаешь этого?

Таблетки, спрятанные во внутреннем кармане, стали невыносимо тяжелыми. Они гирями придавили Ульяну к рассыпающемуся крыльцу.

– Выпей. При мне. Прямо сейчас, – процедил Гус, запуская пальцы в бороду и поглаживая ее, как кошку.

Рука, подвластная чужой воле, потянулась к молнии. И пока она расстегивала куртку, пока забиралась внутрь, нащупывая кулек, Уля отчаянно боролась с проникшим в сознание стариком. Он молча смотрел на нее, барахтавшуюся в липкой паутине его приказа, и, кажется, от души веселился.

– Надо же, как не хочется тебе стать сильнее. Как отчаянно ты не хочешь выиграть. Иначе в чем смысл тратить силы на схватку с неминуемым?

Когда Ульяна сжала в пальцах рыхлый кругляшок, то на мгновение ей показалось, что она сумеет раскрошить его, пустить по ветру, чтобы утро, все еще не желавшее наступать, впитало его, поглотило и унесло прочь.

– Пей, – вкрадчиво проговорил Гус, и сила его чуть слышного голоса смела Ульянину волю. Она почувствовала, как рот наполняется слюной, как упоительно горчит на языке таблетка. И не было внутри ни капли сил для борьбы.

«Пищевая цепочка. Мы питаемся полынью, а она растет на нашем прахе», – беззвучно напомнил ей отец.

И, не отводя от Гуса глаз, Уля сглотнула горькую слюну, пряча таблетку между зубами и щекой.

– Умница, – прищурился старик.

Гнет, прижимающий Улю к земле, чуть ослаб, и она смогла наконец вдохнуть. Таблетка разливалась невыносимой горечью. Но желание

остаться в себе, хозяйкой собственного тела, а главное, разума, было сильнее.

– Вот теперь, Ульяна, мы можем поговорить начистоту, – продолжил Гус. – Какое все-таки странное название выдумали служки – «чехарда». Но оно объясняет суть. Сильный всплеск чувства меняет полынный путь. Путь судьбы и смерти, если хочешь. И круг, который должен был замкнуться в одном, замыкается совсем в ином человеке.

Старик помолчал, всматриваясь в покрасневший кусочек неба между домами.

– Так бывает, когда охотник жаждет отыскать вещицу. Когда он опаздывает или паникует. Так чего же испугалась ты, моя девочка?

Врать Гусу было страшно. Куда страшнее, чем наклоняться над телом мертвого дяди Коли. Но горечь полыни, спрятанной за щекой, напомнила Ульяне, что обратного пути больше нет.

– Тот мужчина. Он меня напугал. Он был не в себе... Он угрожал мне, мог навредить. И я... я подстроила его смерть. Я знала, что может произойти. Что его жена помешанная и буйная, что, намекни я ей на опасность, ее понесет. И она не остановится ни перед чем. И я... я сделала это, – лепетала она, все больше воодушевляясь ложью, спрятанной в лужице правды. – А когда все свершилось... То полынь позвала меня во тьму. А там была вещица... – Уля снова сглотнула горькую слюну, молясь, чтобы старик не заметил ее перекошенного лица. – Разве могла я не взять ее? Все сошлось. Откуда мне было знать, что так нельзя?

Гус слушал ее, не отрывая глаз от розоватых тучек на небе. Но когда она замолчала, пытаясь скрыть бьющий ее озноб, старик спрыгнул с перил, потопал ногами, сбивая с ботинок грязь, и только потом посмотрел на Улю.

– Значит вот как все было?

Та жалобно кивнула. Таблетка пульсировала во рту.

– Ну что же... Ты сыграла в судьбу, девочка. И выиграла. Это удивительно... и странно... и подозрительно. – Старик в раздумье сжал и разжал кулаки. – Но все-таки ты принесла мне вещицу. И я приму ее.

Уля судорожно всхлипнула, дрожащей рукой полезла в карман, вытащила рюмку с запекшейся кровью на граненом боку и протянула Гусу. Тот не шелохнулся.

– Но это не по моим правилам, – продолжил он. – А я не люблю, когда их нарушают. Даже не желая этого. Даже не зная, что творят. Так что ты понесешь наказание, Ульяна. Пойдем.

И, не глядя на нее, шагнул к дверям. А Уля покорно пошла следом, не видя ничего из-за пелены звериного ужаса перед глазами. Все, чего ей сейчас хотелось, – упасть на пузо перед стариком, завизжать, вымаливая прощение, в желании поймать хоть один его взгляд. Можно сколько угодно кривиться от раболепного скулежа, но, когда приходит твой час, ты становишься частью чертовой собачьей стаи. Черти или не черти.

Небо тем временем медленно окрашивалось в розовый. Прозрачное утро наконец пришло на смену бесконечной ночи. Но некому было любоваться его морозной красотой. На земле под крыльцом блестела мокрая от слюны таблетка.

Исправительные работы

Рвать траву приходилось голыми руками, Уля обхватывала ладонью сразу несколько стеблей, сжимала пальцы и тянула на себя. Колючая седая полынь резала кожу, ее горечь била в нос и вязла на зубах, как недозревшая хурма. Руки жгло особым, ни с чем не сравнимым холодным огнем. Казалось, еще немного, и едкий сок прожжет плоть, чтобы вгрызться в кости. Боль поднималась по пальцам, охватывала ладонь, но стоило ей подобраться к метке на запястье, как она тут же останавливалась: сила начертанной ветки не пускала ее дальше.

Отхлынув, едкое жжение в отместку за неудачу разгоралось ледяным пламенем по ладони, заставляя Улю тихо постанывать от боли. Но останавливаться было нельзя.

– Каждый проступок несет за собой последствия, Ульяна, – вещал Гус, уверенно шагая по безжизненным коридорам вымершей клиники.

Они уже поднялись по первой лестнице и теперь проходили насквозь целый этаж интенсивной терапии. По крайней мере, так было написано на пыльной табличке рядом со стеклянной дверью, которую Гус распахнул одним точным ударом лакового ботинка.

– Это очень правильная система, как мне кажется, – продолжал старик. – Человек должен помнить о справедливости. Карме, если хочешь. О том, что все мы повязаны одним-единственным правилом: делай что должно и не делай того, что должно не было. – Он хохотнул, довольный каламбуром.

Двери по обе стороны коридора оставались плотно запертыми, Ульяна старательно не прислушивалась к звукам, что доносились оттуда, но стоны все равно проникали через пелену страха и увещеваний Гуса, и холодный пот струился по ее спине.

– Обычно я не показываю это место игрокам. Обычно игроки вообще не привлекают особого внимания... До конца их месяца, разумеется. Но ты – случай занятный. – Он остановился так резко, что Уля чуть на него не налетела. – Надо же, чехарда! Вот чего я не ожидал, так не ожидал... – и снова двинулся по коридору, засунув руки в карманы пиджака.

Они миновали серую обшарпанную дверь и оказались на лестничной площадке. Достаточно широкой, чтобы по ней могли пройти санитары с носилками, достаточно пыльной, чтобы быть уверенным: никаких санитаров тут нет уже очень давно.

Два пролета высоких ступенек Уля шагала, почти упираясь носом в спину Гуса. Тот не спешил, мерно поднимаясь все выше. А когда свернул на нужном этаже, то Уля уже знала, что увидит за очередной дверью.

В помещение с высоким потолком, стульями, обитыми красным бархатом и тремя ступеньками, ведущими к сцене-зеркалу, они вошли с бокового прохода. Гулкое, полупустое, оно выглядело как школьный актальный зал, в котором суматошно готовится к линейке разношерстный учительский состав.

В первом ряду тучная женщина в бордовом костюме из плотного трикотажа разбирала бумаги по папкам, опираясь пышным бедром на ручку кресла. На ступеньках у сцены, задернутой тяжелым занавесом, сидел молодой парень в спортивных штанах и ветровке. Он был похож на типичного физрука, скучающего и туповатого, который по старой дружбе с завхозом нашел себе место работы сразу после дембеля. Еще две женщины, помоложе первой, но стремящиеся к ее весовой категории, напряженно переговаривались в дальнем углу зала, склонившись друг к другу, как две подружки-одноклассницы.

Шепоток и бумажный шелест стихли, стоило Гусу переступить порог. Он, как настоящий директор, не спеша зашагал по проходу между рядами кресел. Каждый шаг, приближавший его к остальным, делал их лица все более бледными.

– Коллеги. – Старик развел руками, словно собирался обнять всех разом. – Я надеялся, что вы уже начали наше мероприятие.

Тучная завучиха в бордовом покрылась красными пятнами под цвет своего костюма и заспешила навстречу Гусу.

– Мы решили дождаться вас. Тут вот отчетики я принесла, все оформила, все чин чинном, – лепетала она, и тонкие каблукки опасно скрипели под весом тела. – Вы посмотрите... я их сегодня Зинаиде Олеговне бы и отдала...

Гус окинул говорившую взглядом и тут же отвернулся, как от чего-то назойливого и дурно пахнущего. Круглое женское лицо скривилось. Но больше она не сказала ни слова.

– Сегодня такой важный день. Работы, пусть и обязательные, принудительные, я бы даже сказал, это шанс сделать что-то полезное для всех. Шанс исправиться. Оправдаться. Реабилитироваться, наконец. Но разве могут проводить их люди, которые сами начинают меня разочаровывать? А, Ульяна, что ты думаешь?

Уля, притихшая было у двери, вздрогнула и отвлеклась от разглядывания пола. На нее смотрели все, кто находился в зале. С легким интересом и пренебрежением. Пока Ульяна пыталась оторвать пересохший язык от нёба, Гус уже обратился к парню, сидевшему на ступеньках.

– Денис, мальчик мой, где же толпа желающих принести пользу нашей дружной общине?

Похожий на физрука нехотя поднялся, одернул куртку и махнул головой.

– Там уже. Ждут.

– Вот! – Гус хлопнул ладонью по пыльной спинке стула. – Вот о чем я говорю, когда прошу вас всегда быть на шаг впереди. Я только подумал, а вы уже сделали! Разве это так сложно, разве это много? Особенно зная, сколько таких, как вы, мечтают оказаться по эту сторону поля... – Старик покачал головой и снова обратился к парню: – Я тут привел еще одну девочку, очень ей надо загладить свою вину. Месяц, знаете ли, не резиновый. Отыщешь для нее инвентарь?

Денис покосился на Улю и кивнул.

– Ну тогда и еще один. Для нашей дорогой Надежды. – Гус повернулся к окаменевшей завучихе и щипнул ее за бок. – Как ты, Надюш, трянешь стариной?

Та залепетала что-то, задрожала всем телом, принялась закатывать рукав.

– Нет, нет, пожалуйста, – повторяла она, не решаясь схватить Гуса за руку. – У меня меточка... меточка совсем уже... Не спасет. Нет, мне нельзя туда!

Но старик ее не слушал. Он двинулся дальше, остановился у первого ряда, сел в кресло и углубился в чтение бумаг, которые так заботливо уложила в папку Надежда. А она все смотрела ему в спину, трясла рукой, на которой и правда почти не было видно чернильного узора.

Две стоявшие в отдалении женщины остались на месте, только склонились друг к другу чуть ниже. Гус на них даже не взглянул. А Денис взял под пухлый локоть плачущую Надежду и повел ее к ступеням.

– Отпусти! – слабо трепыхалась она. – Не смей! По какому праву? Сопляк! Подлец!

Но парню было откровенно плевать на ее сопротивление. Он затащил тучное тело на самый верх и легонько толкнул. Этого хватило, чтобы Надежда смирилась. Дрожащей рукой она залезла в маленький кармашек джемпера, достала оттуда таблетку и положила на язык. Денис приоткрыл занавес, пропуская завучиху вперед. И та пошла – покорная, дрожащая – куда-то вглубь.

Не прочитай Уля о пыльном зеркале, которое во тьме становится переходом на полынное поле, ей показалось бы, что Надежда просто скрылась за кулисами в недрах сцены. И стоит там теперь, непонятно почему рыдающая, дышит пылью, рассматривает деревянные стойки и серые усилители.

Но Ульяна знала, что ждет их там, какое оно голодное, цветущее и седое. И от этого знания хотелось кричать. Только сил на это не было. Одна только горечь за щекой, подарок тающей таблетки, и осталась.

– Эй, ты! – Физрук махнул рукой. – Тебе отдельное приглашение нужно?

Уля вздрогнула и пошла на окрик. Наверное, так шли к газовым камерам люди, превратившиеся в живые скелеты. Страх тоже имеет свой резерв, а когда он истощается, остается тупое равнодушие. И горечь полыни во рту.

Три ступени показались Уле небывалой высотой. Она окончательно выдохлась, забираясь на третью, где ждал ее нервно щелкающий пальцами Денис.

– Глаза закрой и шагай. Как там окажешься, бери мешок. Рви траву, собирай, пока целый не наберешь, – сказал он, больно схватив Ульяну за плечо. – По сторонам не глазеть. Ни с кем не разговаривать. И не тормози там. Как только услышишь свисток, дуй обратно. Не успеешь вернуться – твоя проблема. Не наберешь мешок – завтра опять туда отправим. Поняла?

Его лицо оказалось совсем рядом. Молодое, но желтоватое, с набухшими мешками под глазами. Мерзкий воспаленный прыщ прямо

посередине лба. И зубы – кривые, все обметанные налетом, от которых разливался тошнотворный запах, стоило физику открыть рот.

Уля с трудом сдержала порыв отпихнуть его от себя и закрыла глаза, чтобы не видеть эту мерзкую рожу. Но тьма под веками тут же приняла ее в свои объятия. Стоило только поддаться, и пыльный сумрак за кулисами сменился ровным холодным ветром, дувшим прямо в лицо. Он нес в себе невыносимую горечь цветущий полыни.

Седая трава тянулась до самого горизонта, который показался Уле серым и бесконечным. Низкие облака бежали над землей. Собирался дождь.

Ульяна наполнила себя запахом поля и сделала шаг, чувствуя, как ослабевают хватка чужих пальцев на ее плече. Не было больше зала, не было Дениса, не было даже Гуса. Остались одно лишь поле и десяток копошащихся в нем фигур. Исправительные работы для тех, кто отчаянно хочет заслужить прощение старика.

* * *

Трава не желала рваться. Бездонный мешок не был заполнен даже на треть, а Ульяна уже бессильно присела на землю. Под плотным ковром переплетенных трав таилась мягкая, совершенно обычная земля. И это почему-то напугало Улю сильнее всего остального. И тумана, собиравшегося где-то у горизонта, и людей, толпившихся неподалеку, и горечи, что, казалось, заполнила собой весь мир.

Уля огляделась. Она пришла сюда позже остальных, и ей достался самый маленький участок, поросший жесткой старой травой. Даже обливающаяся потом Надежда набрала уже приличную кучу и теперь засовывала ее в недра мешка. Уля попыталась отойти в сторону, но, как только она потянулась к кусту, ее тут же опрокинули на спину сильным толчком.

– Это мое место! – прошипел ей в лицо мертвенно-бледный парень с грубым шрамом, пересекавшим бровь.

Остальные покосились на них с любопытством, но вмешиваться не стали. Все очень спешили. Это было видно по суетливым движениям, по прерывистому дыханию и тому, как затравленно поднимались от травы их головы, чтобы бросить один стремительный взгляд на горизонт.

Но туман медлил. Давал им фору. И приговоренные к исправительным работам снова бросались на жесткие седые кусты, обрывали листочки и веточки, пихали их в мешки, стараясь не комкать, чтобы трава занимала как можно больше места.

Когда кровь уже вовсю струилась по Улиным рукам, она поняла, что не успеет. А значит, придется вернуться сюда завтра. Может, и послезавтра. Но Рэм был прав: ее месяц на излете. Кто знает, когда ей подвернется третья вещичка? И сможет ли Уля сделать ради нее то, что сумел Артем?

Убить кого-то. Даровать ему смерть во имя любви. Последняя загадка сводила с ума. Ульяна пыталась не думать о ней, не прокручивать в голове рифмованную строчку, в которой скрывались два самых страшных, самых безжалостных события, которые только могли случиться с человеком, – смерть... и любовь.

Но служки, ползающие в траве, готовые на все, лишь бы продлить жалкое существование, были наглядным примером того, что ждало Ульяну, стоило ей испугаться и отступить. Если она не сможет этого сделать. Если застрянет тут, собирая чертову траву в чертов мешок.

– Не черти, – шепнула Уля сама себе, представляя, как скривился бы Рэм при виде ее жалких попыток успеть за остальными.

Она выпрямила затекшую спину и встала в полный рост. Горький ветер тут же принялся играть с волосами, остужая вспотевший лоб.

Служки топтались на небольшом возвышении. Узкий пяточок уходил под скос, а внизу начиналась низина, полностью поросшая полынью. Свежая цветущая трава целыми кустами расползлась по земле, призывно зеленея. Только спустись вниз, только протяни руку. И, может быть, успеешь набрать мешок до того, как физрук Денис просвистит отход.

И Уля решила. Она попятилась в сторону от остальных. Никто не обратил внимания. Все были заняты только травой и пыльными мешками. Ульяна сделала еще несколько осторожных шагов. Под ногами крошилась земля, зимний ботинок вгрызался в нее, оставаясь устойчивым.

Сползая вниз, придерживаясь за крепкие стебли полыни, Уля поверила в успех. Она почти скрылась под откосом, когда те, кто копошился на пяточке, вдруг бросились врассыпную. Мужчина в сером деловом костюме остался лежать на траве. Он подтянул к животу ноги

– брюки со стрелками задрались, оголяя худые щиколотки и бурые от грязи носки. Руками же, перепачканными в земле, он рвал траву и засовывал ее в перекошенный рот.

Глаза его уже закатились. Блестящие белки были готовы выскочить из орбит. По подбородку текла слюна и нитями тянулась к траве. А мужчина продолжал жевать зеленые листочки, утробно урча. Из-под засученных рукавов шерстяного пиджака выглядывали смуглые запястья. На одном слабо виднелся контур метки.

– Не жилец, – равнодушно просипела худенькая девица в зеленом комбинезоне, возвращаясь к своему участку земли, на котором почти не осталось полыни.

Мужчина еще хрипел, заталкивая в рот траву, когда и остальные расплзлись по сторонам, а Уля все не могла отвести от него взгляд. Такую высшую степень разрушительного безумия она видела впервые. Респектабельный, в дорогом костюме, с хорошей прической... Что привело его на поле цветущей полыни? Что стало последней каплей?

Толстая завучиха вывела ее из оцепенения. Надежда перешагнула через лежащего на траве, вонзая острый каблук прямо в мужскую ладонь. Тот дернулся, замычал от боли, но подняться уже не смог. Завучиха склонилась над мешком, выпавшим из рук безумца, и заглянула внутрь.

Из своего укрытия, защищенная от чужих взглядов земляным откосом, Ульяна видела, что упавший на землю собрал добрую половину необходимого. Воровато оглядываясь, Надежда принялась пересыпать содержимое в свой мешок.

Но ее заметили.

Со звериным рыком на нее прыгнула худенькая девица в зеленом. От неожиданности Надежда пошатнулась и выронила мешок. Сорванные веточки и листья ворохом полетели на землю. Их тут же принялись сгребать жадные руки. Все, разошедшиеся было по своим местам, сгрудились рядом с упавшим мужчиной. Они давили его, перелезали через тело, цепляясь пальцами за серую шерсть костюма. Они грызлись, пинались, вопили и толкались. Оказалось, что им достаточно одного мгновения, чтобы враз потерять остатки человеческого облика.

Уля зажала рот ладонью и попятилась. Ей нужно было отойти еще немного, буквально три шага в сторону, чтобы край обрыва

окончательно спрятал ее. Но Надежда оказалась быстрее.

Она бросилась к Уле, скалясь и рыча. Красная помада размазалась по мелким острым зубкам. Лицо в каплях пота страшно побагровело, трикотаж костюма расползлся по швам. Но завучихе было все равно. Оскальзываясь на склоне, она тянулась к Уле.

– Отдай мешок, сучка! Быстро отдай! – В затуманенном полынью и страхом разуме Надежды даже полупустой Улин мешок казался ценной добычей.

Нужно было бежать. Как можно скорее, петляя зайцем. Но ноги приросли к земле. Уле было мерзко и тошно. Густой воздух с трудом проникал в легкие, не насыщая их. Вдруг отчаянно захотелось спать. Свернуться калачиком среди седых кустов. Позволить полыни забрать себя, убаюкать, подарить туману.

Но цепкие потные руки Надежды уже трясли Улю за плечи, мешая расслабленно сдаться.

– Отдай! – вопила завучиха, и слюна срывалась с ее губ.

Это было настолько отвратительно, что даже стало смешно. Уля нервно хихикнула, пытаясь вырваться. Смешок перерос в истеричный хохот.

– Я сказала: отдай мешок, сука! – Завучиха рванула на себя ветхую ткань, и та порвалась, в воздухе за клубилась седая пыль.

– Он пустой, поняла? – победно выкрикнула Уля и со всех сил толкнула женщину назад.

Та взмахнула толстыми руками. Ульяна успела рассмотреть темные влажные пятна под мышками, и это вызвало новый приступ хохота. Тонкие каблучки подломились, Надежда рухнула на землю. Глухой удар головы о камень мигом оборвал Улину истерику.

На пяточке еще продолжали драться, кусаясь и скуля, как свора голодных собак, когда Ульяна осторожно подошла к упавшей на землю женщине. Та смотрела в низкое небо. Безжизненные, пластмассовые глаза блестели в тусклом свете. Лицо не выражало ровным счетом ничего – пустое равнодушие, маска куклы, вылепленная сомнительным мастером. Из-под линии непрокрашенных волос по лбу шла трещина. Из нее вытекала темная густая кровь.

Ее неторопливое движение – вниз по лбу, вдоль измазанной землей щеки, до складок толстой шеи, обходя большую волосатую бородавку,

как лава обходит каменные глыбы на своем пути, – было последней каплей.

Уля взвыла, выпустила из рук мешок и побежала.

Ноги скользили по земле, путались в переплетении веток. Поле было неровным, с рытвинами и ямками, заполненными топкой жижей. Уля старалась перескакивать их на бегу, но некоторые попадались под ноги, и ступни вязли в них, норовя потерять ботинки.

«Если сейчас соскочат, – равнодушно думала Ульяна, – ходить мне будет не в чем. Другой обуви нет».

Она бежала, не отрывая глаз от травы, пока в боку не разгорелся пожар. Хватая горький воздух потрескавшимися губами, Уля скривилась от боли, пытаясь восстановить дыхание. Ноги тряслись и не держали ее. Перед глазами плыла трава, смешиваясь в одно пыльное пятно с черными точками, похожими на ленивых мух. Уле тут же вспомнилась наглая мушка, потирающая лапы у куска пиццы в тот день, когда в стенах коммуналки первый раз прозвучали слова об игре. Наверняка муха давно уже сдохла. Мушиный век недолог. Но сейчас Уля была готова ей позавидовать.

Когда в груди перестало kloкотать, а воздух наконец проник в легкие, насыщая их пусть горьким, но все-таки воздухом, Ульяна сумела оглядеться. Далеко позади копошились служки. Казалось, что они стоят в чистом поле, только воздух за ними слегка серебрится зеркальной гладью. Там был выход. Туда нужно было нестись изо всех сил, как только прозвучит свисток.

Уля успела отбежать на приличное расстояние – следовало поскорее вернуться. Пусть и с пустым порванным мешком. Главное – не оказаться здесь, когда придет туман. Тогда есть шанс дожить до завтра и попробовать снова. Уля бы так и поступила, если бы черт, которого так отчаянно запрещал ей вспоминать Рэм, не дернул посмотреть, в каком же «здесь» она очутилась.

Ее окружал туман. Еще не плотный, как молоко, но достаточный, чтобы не видеть ничего дальше вытянутой руки. Не зная, зачем это делает, Уля потянулась туда, к ближайшему облаку, опустившемуся на седую траву. Она ожидала почувствовать холодное прикосновение или жгучую боль. Но пальцы нащупали грубый шершавый камень.

Ульяна вскрикнула, и крик утонул в туманном облаке. Она попыталась отпрянуть, но ноги не слушались. Ладонь ощупывала

камни, и Уле казалось, что она откуда-то помнит их прикосновение. Крошащаяся каменной пылью холодная кладка. Серая и бесконечная стена. Стена из полузабытого сна полыни.

Страх нахлынул сбивающей с ног волной. Уля закричала бы, но голос ее покинул. Звуки застревали в горле, царапая его. Она не могла ни двинуться, ни пискнуть. Только трогать ладонью холодные камни и смотреть в сгущавшийся туман, ожидая, когда он накроет ее, стирая подобно ластику. Поглощая. Изводя на нет.

Не в силах больше сопротивляться ужасу, бушующему внутри, Уля позволила себе закрыть воспаленные глаза, смиряясь с тем, что случится. Но стоило векам отделить ее от мира, как мир этот заполнила живая тьма. И в первый раз Уля обрадовалась ей, как старой знакомой.

Она подалась вперед, продолжая ощупывать пальцами каменную кладку, и вдохнула полынный дух темноты. Вдалеке зажегся тусклый прожектор. Он рассеял тьму, превращая ее в уютный сумрак, казавшийся теперь Уле куда безопаснее реальности. Она успела улыбнуться ему перед тем, как все пространство заполнили тени.

Люди. Сотни тысяч человек. Слоняющиеся из стороны в сторону, сидящие, стоящие и лежащие. Легкие тени и совсем вещные, наделенные смутно уловимыми чертами лиц. Последний раз Уля видела тьму такой населенной, когда Рэм привел ее в метро под площадью трех вокзалов. «Сто тысяч мертвецов», – сказал он тогда, показывая Уляне, какой бывает охота полынника.

– Сто тысяч мертвецов, – повторил кто-то скрипучим голосом.

От неожиданности Уляна распахнула глаза. Тьма исчезла, уступив место туманной пелене, ставшей еще плотнее, еще молочнее. И из этого облака, как отделившаяся его часть, вышла фигура. Очень худой, абсолютно седой мужчина. Еще не старый, но обесцвеченный, стертый. Если бы туман мог быть человеком – он был бы именно таким. Никаким.

– Сто тысяч мертвецов, – прошелестел мужчина. – Все ходят. Все плачутся. Все зовут. Назад не вернуться. Вперед не уйти. Привязанные душеньки.

Уля попыталась пошевелиться – тело слушалось ее, пусть и с трудом. Но повернуться к незнакомцу спиной она боялась. Казалось,

достаточно любого движения, чтобы тот очнулся от странного оцепенения и бросился либо от нее, либо к ней.

– Все друзья на веточке, а они – бедняжки в клеточке, – продолжал бубнить мужчина.

Он определенно был не в себе. То, что когда-то могло называться джинсами, истерлось до состояния полупрозрачной ткани, чудом державшейся на костях. Длинная рубашка, порванная в десятках мест, лохмотьями висела на истощенном теле. Жидкая борода свисала до самой груди. И глаза, подернутые мутной дымкой, беспокойно метались в глазницах.

Уля осторожно попятилась, надеясь остаться незамеченной. Но трава под ней зашелестела.

– Кто здесь? – испуганно спросил мужчина. Развел руки в стороны и двинулся к Ульяне, щурясь и гримасничая.

Еще немного, и он до нее дотянулся. Уля видела, как разрезают туманный воздух длинные когти на иссушенных руках. Под ними собралась каменная серая грязь. Незнакомец сутками копался в пыли. Или выковыривал что-то из осыпающейся стены.

Ульяна взвыла от страха и рухнула бы в траву, но руки незнакомца уже подхватили ее. Казалось, что длинные пальцы мужчины живут отдельно от него. Словно разумные, они исследовали Улины плечи, прошлись по груди, дотянулись до подбородка и щек. Наконец мужчина полностью ощупал ее лицо и выдохнул.

– Живая... Меченая...

– Отпустите меня! – прохрипела Уля, и руки тут же ослабили хватку.

– Я – скорбь, – ответил мужчина. – Я – вина. Я давно никого не держу.

Уля сделала два осторожных шага назад, но незнакомец, казалось, уже забыл о ней. Склонив голову с отросшими седыми волосами, он вернулся к стене, скрытой туманом. Проворные пальцы принялись ощупывать ее, раскачивать камни, проверяя их на прочность.

– Бедняжки в клеточке, – повторил он. – Вы есть, потому что я был. Меня не стало, а вы все равно есть.

Уля отошла еще немного, с ужасом наблюдая, как трясется изможденное тело незнакомца. Она бы еще долго стояла так, но туман

всколыхнулся, словно что-то невидимое, но могущественное провело по нему своей ладонью.

Мужчина поднял голову, прислушиваясь, всплеснул руками и проворно побежал вдоль стены. В последний момент он вспомнил об Ульяне. Его лицо вдруг оказалось совсем близко. Испещренное морщинами и шрамами, худое, но все равно сохранившее человеческие черты, оно сморщилось, выплевывая слова.

– Беги! Беги, глупая! Туман идет!

И в то же мгновение с другого конца поля донесся чуть слышный сигнал свистка.

Триста метров

Уля бежала через туман, а он становился все плотнее и гуще – так в стакан воды тоненькой струйкой вливают молоко. И взвесь эта, цвета слоновой кости или писчей бумаги, затмевала весь мир, расплзаясь, обгоняя Улю, захлестывая ее.

Но каждый раз, когда очередной туманный язык облизывал пятки бегущей, она из последних сил вырывалась вперед и неслась, не видя перед собой дороги, к кромке поля. Туда, где остались служки, туда, где разливался трелью одинокий свисток парня, похожего на физрука из ее младшей школы.

В памяти почему-то всплыл далекий и очень дождливый сентябрь. Уля тогда училась в третьем классе. Полная девочка с двумя косами, влажные от волнения ладошки, тесный спортивный костюм. Гулкий зал с уныло повисшими канатами у шведской стенки. Скрипучие брусья, пыльные маты на раскрашенном секторами полу и блестящий бок кожаного «козла», которого все тайком называли Андрюшей в честь молодого учителя физкультуры.

Он и правда был той еще сволочью. Высокий, но сутулый, с наглыми глазами, желтыми от курева зубами и полной уверенностью, что все кругом лентяи и нытики. Например, полная девочка с двумя косичками и звучным именем Ульяна. Когда он при всем классе, построенном у стенки по росту, заставил красную от стыда и страха Улю раз за разом бежать трехсотметровую дистанцию «пока ты, корова, хоть на тройку не сдашь», скорая приехала по вызову в рекордный для города десятиминутный срок. Все это время Ульяна лежала на пыльном мате, с трудом понимая, где она и что происходит, почти не слыша криков детей и беготни испуганной классной руководительницы, которую тут же вызвали в зал.

«Кровь из носа из-за повышенного давления, ссадины после падения и удушье от приступа паники», – констатировала тучная тетка в белом халате и неодобрительно покачала головой, зыряка в сторону притихшего физрука: мол, как же так, Андрюша?

Мама долго потом кричала на директора за плотно прикрытой дверью. Истеричные нотки в ее голосе заставляли бледную Улю

морщиться и стирать слезы с щеки мягкой ладошкой. Но чувство защищенности грело изнутри. Мама пришла, мама накричала на обидчиков, мама всегда будет рядом, с мамой ничего не страшно, потому что они союзники. По одну сторону. Нет ничего лучше, чем знать: за тебя обязательно вступятся, что бы ни случилось.

Это давно забытое, иррациональное ощущение покоя и уверенности на секунду наполнило бегущую от тумана Улю. Оказалось достаточно маленькой детали – парня со свистком и зубным налетом – чтобы разум подкинул умирающей от страха Ульяне воспоминания куда более приятные, чем окружающая реальность.

Только никакая память о прошлом не может изменить настоящего. И если время – круг, который, как известно, обязан замкнуться, то поменять направление его движения не выйдет, как бы сильно ты ни желал вернуться назад, в дни покоя, счастья и всеобщей любви. Не бывать этому. В этом мире не существует единорогов и вечного двигателя. И мамы, которая придет на помощь, даже узнав, что ребенок ее – чудовище, выкидыш полынного поля, сумасшедший маньяк, весь в папочку.

Уля всхлипнула, хватая воздух перекошенным ртом. Туман был близко, куда ближе, чем хотелось бы. Но шанс обогнать его, выскользнуть с поля в актовЫй зал больнички, пусть и призрачный, все же оставался. Всего-то пробежать еще метров двести, может, триста. Сколько там давал времени на это школьный физрук? Минута? Полторы? Две?

А если на кону не тройка в журнале, а жизнь? Или даже что-то большее. Кто знает, смерть ли приходит за теми, кого забрал туман? Или они остаются там, за каменной стеной, – смутные тени, бродящие по полю без сна и покоя? Части тумана, его суть и нутро. Ушедшие в него по велению мерзкого старикашки.

Уле показалось, что она уже чувствует холодные влажные прикосновения неживых рук к своей шее. Ее сотряс крупный озноб, даже зубы клацнули, и она побежала еще быстрее, не разбирая пути. Только дорога под ногами была куда опаснее, чем рассчитывала Ульяна. Прикрытое плотной завесой надвигающегося молока поле скрывало в себе ямы, полные топкой жижи, и поросшие жесткой травой кочки, готовые в любой момент броситься под ноги бегущему.

Ульяна успела коротко вскрикнуть, когда ее правая нога зацепилась за землистый бугор. Она взмахнула руками, пытаясь сохранить равновесие, но вторая ступня уже сползла в рытвину. До копошащихся на возвышении служек оставалось метров сто пятьдесят. Ровно половина того, что требовал от пухлой девочки в тесном костюме физрук. Но Уля уже повалилась на землю, и туман тут же настиг ее, окутал, поглотил молочной пеленой.

Мир померк перед глазами. Казалось, что его просто смахнули сильной рукой, оставляя лишь девственно чистое полотно. Уля ожидала, что почувствует боль или холод, но полнейшее и конечное ничто оказалось еще страшнее. Она зажмурилась, надеясь, что темнота под веками может ее спасти. Но тьмы тоже не было. Туман пробрался и туда, залил белизной последнее Улино пристанище. Ни посмотреть больше во тьму, ни почувствовать себя особенной, видящей тени, чующей чужую погибель.

Может быть, так и бывает, когда умираешь сам?

Но если отключается один орган чувств, другие набирают силу – так учил Рэм, а его уроки никогда еще не подводили. Пахло сыростью и травой, грязной жижей в ямке под ногами и ее, Улиным, уставшим телом. Значит, она осталась на поле, там же, где и была. Уля прислушалась: на уши давила тишина, будто все происходило на глубине, под толстым одеялом воды. Но через плотную туманную пелену все равно доносились чуть слышные звуки. Чей-то шепот, вздохи, легкие шаги. Это по полю шли тысячи теней, увиденных ею за стеной. Уля впиалась пальцами в траву под собой, почувствовала ее острые листья и колючие стебли. Ощутила, как медленно, но верно промокает ботинок, угодивший в стоячую воду. И это ее успокоило.

Туман в записке Артема накатывал, чтобы после унести обратно. За стену. Оставалось лишь дожидаться его ухода. Лишь бы не стать унесенной отливом ракушкой на глубоком туманном дне. Ульяна опустила на землю, прижалась щекой к мокрой траве и закрыла глаза. Молоко под веками было все таким же плотным и густым. Но это почти не пугало. Ульяна не чувствовала ни холода, ни страха. Даже горечь, заполнившая собой все и вся, казалась Уле привычной и знакомой. Частью ее самой. Запахом, куда более приятным, чем дух вспотевшего тела. Вкусом, куда более знакомым, чем у самых любимых лакомств.

В тот момент Уля и сама была полынью. Прижималась к земле, из которой она растет. Дышала воздухом, который ее окружает. Пропитывалась влагой своих корней. И молоко тумана освежало, придавало сил. Только закрой глаза, только разреши телу расслабиться, а мыслям – истончиться.

«И ничего не бойтесь. Пока у вас есть метка, вам ничего не угрожает», – писал отец и, кажется, был прав.

Из сонного оцепенения Улю вырвала жгучая боль. Она вскрикнула, отрывая лицо от земли. Правое запястье горело живым огнем. Казалось, что чернила тату раскалились, готовые выжечь себе дорогу сквозь Улину кожу, пройдя ее насквозь.

Уля принялась трясти рукой, шипя сквозь зубы проклятия, и только потом додумалась опустить запястье в ямку с холодной грязной водой. Боль чуть поутихла. Затаилась внутри. Такая же ослепительная, как белизна комнаты, в которой набивала тату умелая рука Анатолия. Уле вспомнились белый кафель и стены, оглушительно яркий свет плафона над креслом. Ее передернуло от отвращения, и она наконец огляделась.

Туман уходил. Он откатывался подобно волне, влекомой силой луны. Так же стремительно, как и наступал несколько минут назад. А может, часов. А может, дней. Или лет. Или даже десятилетий. Убаюканная его силой, Уля потеряла всякий счет времени.

Она провожала молочную пелену глазами, пока та не скрылась из виду, оголяя серую полосу бесконечной каменной стены у горизонта. Туман в последний раз лизнул кончики полыни и ушел. В его движении было что-то предопределенное, закономерное и оттого пугающее. Уля легко могла поверить, что эти туманные приливы и отливы продолжаются с самого возникновения мира. Или мир их был создан по желанию голодного тумана? Кто ответит на этот вопрос? Только если главный смотритель – старик Гус. Да только он, кажется, не расположен к беседе.

Одно Ульяна знала точно: с поля нужно убираться и как можно скорее. Если в этот раз туман пощадил ее, кто знает, что случится в следующий? И когда этот следующий раз наступит? Она поднялась на ноги, потуже затянула шнурок промокшего ботинка и двинулась вперед.

Полынь не цвела. Это Ульяна заметила сразу же. Трава обновилась. Она стала свежей и молодой. Уля протянула руку и легко сорвала

верхушку ближайшего кустика. Мягкая сочная зелень больше не резала пальцы. Седые цветы на ней даже не завязались. Она пахла терпкой горькой свежестью, приятной, а не удушающей.

Круг жизни полынного поля замкнулся. И был начат снова.

Но какой ценой? Служек у выхода больше не было. Никто не толпился на возвышении, никто не толкался, не дрался, не рвал траву, чтобы засунуть ее в пенящийся рот. Поле сковала тишина. Только тучи бежали по низкому небу и ветер ласково гладил полынь по свежим макушкам.

Уля поднялась на холм. Кругом валялись полупустые мешки. Она подхватила парочку, взвесила в руке и кивнула. Пустые наполовину, вместе они составляли один выполненный норматив. Три сотни метров бега за полторы минуты. Мешок, набитый полынью, чтобы завершить исправительные работы. Как шанс никогда больше не оказаться тут, на седом поле, ждущем обновления голодным туманом. Где ходит слепой старик, скребется в стену и не знает покоя, пока сто тысяч мертвых бедняжек продолжают томиться в своей клеточке. Если все это, конечно, Уле не привиделось, в чем она была уже не уверена.

Тьма под веками услужливо всколыхнулась, принимая ее. Было достаточно одного неуверенного шага вперед, чтобы пружинящий травяной ковер под подошвой ботинок сменился скрипучей ступенькой лестницы.

Как заправский театрал, только что посмотревший премьеру, в первом ряду пустого зала сидел Гус. Ни тебе физрука с плохими зубами и свистком, ни шепчущихся теток. Гулкий актовый зал напомнил Уле начало какого-нибудь отвратительно жуткого фильма ужасов. Или его же конец, смотря как повернется беседа.

Гус тем временем громко хлопнул в ладоши – Уля вздрогнула от резкого звука, как от выстрела, – и поднялся. Его лаковые ботинки пронзительно скрипели на каждом шагу, тусклый свет, бьющий в высокие окна зала, блестел на их гладких боках. Старик подошел к сцене и протянул Уле руку.

Длинные ногти заскребли в воздухе. Сегодня они были чистыми, острыми и почти прозрачными. Абсолютно не такими, как во сне. Теперь Уля точно знала, что Гус никогда бы не стал ходить в тумане, ощупывая стену, как тот, кто встретился ей на поле. Эта работа была слишком грязной для старика в бархатном пиджаке.

Рука требовательно повисла в воздухе, все, что оставалось Уле, – вложить в нее свою ладонь, скрывая дрожь отвращения.

– Давай-давай, девочка, – проворковал Гус, помогая ей спуститься. – Ты сегодня единственная, кто вернулся с добычей. – Помолчал и потянул Улю к себе, понизив голос. – Единственная, кто вообще вернулся.

Полынная горечь его дыхания была зловонной. Терпеть ее у своего лица, вслушиваться в мерзкий шепот, смотреть, как натягиваются морщины вслед за злобным оскалом рта, оказалось настоящей пыткой. Но Уля заставила себя остаться без движения. Ни единого порыва отстраниться, ни одного всплеска эмоции. Иначе отвращение и ужас захлестнули бы ее с головой.

«Все потом», – пообещала она себе, уже представляя, как завалится на отцовский диван и будет рыдать, кусая угол продавленной подушки.

– Понравился тебе мой зверь? – продолжал Гус, стискивая ее ладонь в своей. – Туман. Правда он душка?

– Не он, – прохрипела Уля, сдерживая тошноту. – Они. Тени.

– Рассмотрела? – так и ахнул Гус, театрально склонил голову вбок, и стал похож на старого циркового ворона. – Далек пойдешь, девка! Если, конечно, принесешь мне подарочек. Один остался? А времени сколько?

– Одиннадцать дней, – выпалила Уля, сама удивляясь такой точности.

Старик потянул ее руку к себе, оголяя запястье. Полынная веточка на коже была хорошо видна. Четкие линии, яркий цвет чернил. Гус внимательно осмотрел ее и покачал головой.

– Одиннадцать. Да, одиннадцать. Время еще есть. Подсказку помнишь?

Ульяна отвела глаза. Произносить последнюю строчку глупого стишка ей не хотелось. Слова, готовые сорваться с губ, могли овеществить произнесенное. Но Гус не отпускал ее, все сильнее сжимая пальцы.

«Будет синяк», – равнодушно подумала Уля, а вслух произнесла:

– Смертью, принятой по любви...

– Это три, – закончил вместо нее Гус, мерзко хихикая. – Интересная будет история, жду не дождусь ее услышать. – И продолжил другим, равнодушным голосом: – Ищи вещицу, Ульяна.

Иначе в следующий раз туман тебя настигнет и не пощадит. Как всех неуспевших, что были до тебя.

– Что он делает с ними? И правда... сжирает? – не удержалась от вопроса Уля, сама понимая, что старик – совершенно не тот, с кем можно было бы об этом поговорить. – Или все-таки уносит с собой?.. – Слова о стене чуть было не вырвались из нее, но Гус их опередил.

– Не твоего ума дело, – резко оборвал он. – Одиннадцать дней, поняла? – И, дождавшись кивка в ответ, брезгливо поморщился. – Ну так пошла отсюда! Чего стоишь?

Дважды повторять ему не пришлось. Уля выронила мешки, которые продолжала держать, напрочь забыв об их существовании, и боком двинулась к выходу, моля всех известных богов, чтобы Гус не передумал ее отпускать. Но тот, потеряв всякий интерес, вернулся к креслам, сел и принялся листать оставленные завучихой файлы.

Уля вышла из дверей зала и медленно осела на пол. Ноги не держали, во рту пересохло так, что язык прилип к нёбу и никак не желал отделяться. Дрожащей рукой Уля провела по лицу, а когда отняла ладонь, то увидела, что всю ее покрывает седая пыльца цветущей полыни. Она бы еще долго сидела так, с отвращением рассматривая, как переливается серебряная пыль на ее пальцах, но в коридоре раздались шаги.

Ленивой походкой к ней приближался парень, похожий на физрука. В одной руке он вертел цепочку от свистка, а в другой нес Улину спортивную сумку, полную ее жалких шмоток, так стремительно собранных в коммуналке.

Уля никак не могла вспомнить, как его зовут. То ли Олег, то ли Денис, то ли Женя... Гус же назвал его по имени. Почему эта информация стерлась, а вот лужа крови, натекшая с мертвого дяди Коли, продолжала раскаленным клеймом жечь память, стоило только отпустить мысли свободным потоком? Что за убийственный механизм спрятан в голове человека? Почему страшное, тяжелое, отвратительное остается там на целые десятилетия, обрастая деталями, которые заставляют волосы шевелиться на затылке, а простая и легкая информация о чьем-то имени испаряется спустя полчаса, будто ее и не было? Кто придумал это правило жизни, обрекая каждого на бессонные ночи в омуте губительной памяти?

Уля почти уже различила в запахах полупустой больнички тяжелый дух мертвого тела, когда физрук подошел к ней, нетерпеливо подергивая плечами.

– Чего расселась? – невольно копируя манеру своего начальника, спросил он. – Часики-то тик-тик. Бери шмотье и шпась отсюда, пока отпускаем.

Уля медленно поднялась, взяла протянутую ей сумку и посмотрела на стоящего напротив.

– Ты служка, да?

– Чего? – Парень даже отступил на шаг.

– Говорю: ты ведь служка? Ты Гусу уже проиграл? – Уля шла на него, заставляя парня пятиться. – Так какого хрена ты на меня орешь? Падаль. Подножный корм. Думаешь, если сегодня в милости, то можешь строить из себя главного?

– Ты свихнутая, что ли? – почти жалобно спросил он.

«Денис!» – вспомнила Ульяна, отстраненно удивляясь ярости, пылающей внутри.

– Послушай меня, Дениска, – процедила она. – Я поведаю тебе рассказ, как ты любишь. Мне остался один-единственный предмет. И я его притащу. Знаешь почему? – Тот машинально покачал головой. – Чтобы никогда не быть таким жалким ничтожеством, как ты. Я закончу игру и пошлю вас всех к черту. Понял меня? К черту! – Она уже кричала, готовая вцепиться в побледневшего парня.

Его страх наливался в Уле незнакомой силой. Всю жизнь она избегала конфликтов. Пряталась от прямых выяснений отношений, юлила и тихо ненавидела обидчиков, как все воспитанные девчонки. Но сейчас, когда ее прижали к расстрельной стене высшие необъяснимые силы, она просто не могла позволить какому-то мерзкому физруку издеваться над ней. Только не теперь.

Но Денис смотрел не на нее, это Уля поняла слишком поздно. Его взгляд испуганно метался где-то над Улиным плечом. И когда тишину коридора, прерываемую только дыханием стоявших, разорвал мерзкий смешок Гуса, сказанного, а главное, услышанного, было не вернуть.

– Значит, выиграешь игру и пошлешь нас к черту? – протянул Гус, задумчиво проводя краешком папки под ногтем мизинца. – И откуда такая ярость, девонька моя? В меченых обычно совсем нет на нее сил. Игра выматывает, знаешь ли...

– Я три года жила без денег... – ответила Уля, прикладывая все усилия, чтобы голос не дрожал. – Я устала быть жалкой, как они. – Кивок в сторону притихшего служки. – Я хочу... хочу ни от кого не зависеть. Хочу быть сильной. И богатой. Не бояться никого. Ни этого вот. Ни соседей. Ни полицейского в метро. Ни хозяина квартиры, в которой живу. Никого.

Гус подошел ближе, физрук сдавленно пискнул и попятился.

– Иди, Денис, девочка сегодня всех сделала. – Шаги служки становились все тише и тише, а старик тем временем аккуратно взял Улю под локоть. – Пойдем, провожу тебя к выходу.

И они пошли вдоль ряда закрытых палат, где шептали, стонали и ерзали на скрипучих кроватях невидимые пациенты. Может быть, те, кого Зинаида отобрала на опыты. Но Уля старалась не думать о них, вообще ни о чем не думать, а иначе взвизгнула бы от ужаса и припустила бы за физруком. Триста метров коридора за десять секунд? Да легко! Лишь бы не шагать рядом с размышлявшим о чем-то Гусом.

– Вот ты говоришь, что не хочешь бояться, да? – начал он. – Но ведь деньги не даруют бесстрашие. Наоборот, ты будешь жить в постоянном страхе их потерять. Бесстрашие дарует только власть. И знание... Сегодня ты знала, что Дениска тебе не опасен. Служкой его назвала... Слово-то какое! Откуда?

Уля была готова к этому вопросу. Все то время, что они молча шли к лестнице, повторяла про себя заготовленный ответ.

– Я слышала, что так называют друг друга те, кто выполняет ваши поручения. Водители, охранник, девушка, которая пришла за мной. Мне показалось, что это логично... Проигравшие должны служить вам. Значит, они служки. – Помолчала для пущего эффекта и осторожно спросила: – Так?

Гус хмыкнул.

– Складно говоришь... Ну, допустим, все было именно так. Значит, служкой ты становиться не желаешь?

– Нет.

– А кем же тогда?

– Я хочу закончить игру... и освободиться, – почти искренне ответила Уля.

– И так просто расстаться с властью? Снова нырнуть в пучину всеобщего страха? Ослепнуть?

Ульяне были знакомы эти слова. Она читала их в записях Артема. Так старик перетянул отца на свою сторону. Так превратил его в слугу, куда более жалкого, чем прочие служки.

– Я не знаю, – только и смогла выдохнуть Ульяна.

– Ну так подумай об этом. – Гус остановился у серых ступеней, которые вели на первый этаж, к выходу из больницы. – Мне нравится твоя прозорливость, то, как ты подмечаешь все, как делаешь выводы... Жаль будет сделать тебя... Как ты там сказала? Подножным кормом? Хорошее определение, надо запомнить. – Он хохотнул. – Одиннадцать дней. А после поговорим. В любом случае.

Уля спустилась на две ступени, когда голос Гуса догнал ее, заставив окаменеть.

– Я знаю, что сегодня ты дошла до стены, девочка, – проскрипел старик. – Я знаю, что ты увидела там. Метка чувствует все, что чувствуешь ты. Тьма расходится от тебя волнами, как от камешка, брошенного в спокойный пруд. И каждый, видящий истину под своими веками, может прочесть тебя. Ты слишком остро чувствуешь для того, кто подошел к третьей загадке.

Он замолчал, Ульяна хотела повернуться, начать оправдываться, лгать, говорить что-то, только бы сбить старика с толку, но тот лишь громко хмыкнул в ответ на ее старания.

– Не мельтеши под клиентом. Мне плевать, что там с тобой происходит. Пьешь ли ты горстями таблетки или решила искать вещицы наживую. Только не думай, что можешь начать свою игру. Все вы играете по моим правилам. Даже если думаете, что я не замечаю ваш блеф. Служки называют друг друга служками? – Он ядовито хохотнул. – Ну-ну... Только это все не имеет никакого значения. Хочешь разобраться в том, что с тобой происходит? Валяй! Только время идет. Хочешь трахаться с моими служками? Да запросто. Только время идет. И твое, и их. Важно только одно – одиннадцать дней. Можешь идти.

И холод, сковавший было каждую Улину клеточку, мигом отпустил. Она покорно сделала еще два шага вниз, откуда-то зная, что Гус уже потерял к ней всякий интерес. Ему и правда было плевать.

На слабых ногах Уля вышла из больницы, спустилась по высокому крыльцу и прижалась спиной к стене. Промзона оставалась безжизненной и пустой. А вот в больнице просыпалась жизнь. Кто-то

ходил там, хлопал дверьми, переговаривался, звенел посудой и скрипел оконными рамами, открывая форточки.

Была ли это настоящая больница, которая становится пристанищем Гуса сразу после заката? Или каждый находившийся там был мечен полынью? Уля покачала головой. Какая разница? Главное, что время идет.

Ей вдруг отчаянно захотелось закурить. Она никогда не была любительницей табака. От дыма начинала болеть голова. Способность сигарет согреть курящего, конечно, казалась заманчивой, но стоила еще дороже нового свитера.

Когда-то на этом же месте стоял Рэм. Ждал ее, обмирая от страха. Отлично представляя, чего боится. Курил, смотрел в темноту и думал. О смерти ли? О полынном поле? О тумане, который его ждет? Уля не знала. Но на это, сколько бы ни распинался Гус, ей плевать не было.

Еще сильнее, чем курить, Уле хотелось прижаться щекой к грубой ткани мужской куртки. Глотнуть горький запах полыни и табака и просто постоять так хотя бы минутку, разделяя тяжесть метки на двоих. Ульяна почти уже расплакалась от жалости к себе, когда в сумке запиликал телефон.

– Мама, наверное, – прошептала Ульяна, не позволяя себе надеяться увидеть совсем другое имя.

Свежедобавленный в память адресной книги телефон Рэма радостно сверкал на черно-белом экранчике. Уля на секунду зажмурилась, губы растянулись в глупой улыбке.

– Помяни черта, вот и он, – проговорила она, предвкушая, как на том конце сейчас хмыкнут в ответ, и хрипящая просьба не чертить проведет итог под ужасами прошедшей ночи.

– Ульяна, – позвал ее незнакомый женский голос. – Ульяна, это ты?

– Да... – Она сжалась в предчувствии беды.

– Это Варя...

Слова оборвались сдавленным всхлипом.

– Алло! Варя! Я тебя не слышу! Что случилось? – Сердце бешено заколотилось, больно отдаваясь пульсом в ушах.

– Уля... тут с Рэмом... беда. Он приехал к нам, и ему стало плохо. Мы вызвали скорую... Врачи говорят, что он... Что он... Уля...

– Я здесь. Говори, – чужим, отстраненным голосом проговорила Ульяна.

Перед ее глазами стояло бледное, покрытое бисеринками холодного пота лицо Рэма. И ничего больше. Только полутьма его машины. Их дыхание. И его боль, которую не избыть.

– Врачи ничего толком сказать не могут... Но все очень плохо. А он не хочет даже на обследование лечь... я не знаю, что делать... Ульянов, ты можешь приехать? Прямо сейчас. Пожалуйста...

– Диктуй адрес.

Достучаться до небес

В обычные дни тариф, заломленный таксистом, вызвал бы у Ули приступ негодования. Она бы отправилась к ближайшей остановке и полдня добиралась бы на общественном транспорте, если уж так необходимо оказаться на другом конце бескрайнего Подмосковья, которое кто-то будто в насмешку назвал «ближним».

Но в этот раз сумма промелькнула мимо ушей, и даже мрачное «оплата при посадке» не заставило Улю передумать. Она сунула в смуглую руку водителя предпоследнюю пятерку, доставшуюся от Гуса, и не глядя забрала скудную сдачу.

Двадцать тысяч – тридцать сребреников нового века. Достаточно поманить ими, чтобы человек с разбегу бросился в полынный омут, которому нет ни конца, ни края. Ульяна сдержала рвущийся из горла смешок и уставилась в забрызганное окно.

Такси медленно ползло по утренним пробкам. Уля попыталась вспомнить, какой сегодня день недели. Но в голове пульсировал один лишь густой туман. Да что там день недели? Даже простая дата никак не всплывала в памяти. Ничего. Пустынное седое поле. И замерший на его границе Рэм.

Что с ним стряслось, Уля понимала прекрасно. Могли закончиться таблетки, а после – открыться старые раны, и заботливый мальчик Рома рухнул под ноги Вареньке, заливая деревянный пол ее дома густой алой кровью.

От этой картины Улю затошнило. Она просунула руку во внутренний карман куртки и на ощупь пересчитала оставшиеся таблетки. Всего четыре кругляшка. Спасут ли они того, кто гибнет без очередной дозы?

Ответа не было. Зато были такси, увязшее в пробках, и пробиравшее до костей предчувствие беды. Чтобы хоть как-то отогнать его, Ульяна всмотрелась в ползущий за окном город. Хмурое утро сменялось сумрачным днем. Тяжелые низкие тучи, прямо как те, над полем, задевали верхние этажи домов. В их серости читалось явственное предчувствие снега, который наконец укроет

исстрадавшиеся улицы, убаюкает их, медленно оседая и смешиваясь с грязью большого равнодушного города.

Сама того не замечая, Уля погрузилась в дремоту. Машина мерно покачивалась, дорога шумела под колесами, улицы ждали снега, небо готовилось его просыпать. Ульяна спала, видя во сне все то же самое, а еще туман, который подбирался к городу с самого горизонта, чтобы подарить всем его жителям безмятежность смерти, ее покой и молочную белизну.

– Приехали. Выходите, – буркнул через плечо водитель, коверкая гласные.

Уля вздрогнула и открыла глаза. Улицы остались, как и небо и будущий снег, туман лишь спрятался во тьму под веками меченой. Но разве слепцы, не видящие туман, отменяют его реальность? Если бы в Ульяне оставались силы, она бы спросила об этом водителя – вдруг его восточная кровь знала ответ? Но она только кивнула на прощание и вышла из машины. Та сорвалась с места, оставив Улю у высокого здания больницы в четыре грязно-белых этажа с облетевшим садиком перед входом.

Ульяна застыла у тяжелой двери. Теперь, когда от Рэма ее отделяло всего несколько десятков шагов, страх больше не желал прятаться в закоулках разума. Он окутал Ульяну подобно туману, и даже метка была бессильна перед его властью. Из ступора ее вывела трель телефона.

– Да, Варь, я уже приехала, куда идти? – Язык с трудом шевелился в пересохшем рту.

– Третий этаж, приемная палата... – Девушка на том конце трубки смешалась. – Черт, какой номер?

– Не черти, – чуть слышно попросила Уля, но Варя ее не услышала.

– Палата триста двадцать пять.

– Сейчас буду, – сказала она и нажала отбой.

Старенький лифт был тесным и скрипучим. Вместе с Улей в него втиснулись дедок с загипсованной рукой, дородная девица, прижимавшая к животу картонную папку, и очень уставший парень в белом халате. Все они поехали дальше третьего, на котором вышла Уля – и попала в плен медицинских запахов и гулкой пустоты.

На секунду ей показалось, что она вернулась в больничку Гуса. Когда по коридору эхом разнесся цокот каблучков, Ульяну передернуло.

Она представила, как к ней спешит равнодушно-кукольная Зинаида, готовая схватить ее за запястье и сжать холодными пальцами метку. Но мимо пронеслась незнакомая женщина, на ходу спросив:

– Вы к кому?

– В триста двадцать пятую.

– По коридору и направо.

Ни капли интереса или сочувствия. Вообще никаких эмоций не было заметно на ее нервном худом лице. Сколько будущих мертвецов проходят мимо нее? Сколько родственников безнадежно больных топчется у этого лифта каждый день? Может ли сердце вместить сочувствие ко всей их боли? В какой момент человека начинает менять дело, которым он занят? Не Уле было ее осуждать. Она сама спустя всего-то один полынный месяц почти перестала бояться чужой смерти. И, кажется, своей тоже.

Но боль Рэма, ожидавшая за дверью триста двадцать пятой палаты, была совсем иного толка. Она билась Улю под дых жалостью и бессилием. Потому так сложно было поднять руку и постучать.

– Войдите! – услышала она приглушенный голос Вари.

Трехместная палата оказалась тесной, но с высокими потолками, и это придавало ей неуютный, холодный вид, больше подходящий привокзальной комнате ожидания, чем месту, где больной получал покой и заботу. Свет лился из узких окон, задернутых полупрозрачными шторками. У стены примостился умывальник с зеркалом в мыльных разводах.

Две ближайšie кровати пустовали. Аккуратно застеленные покрывалами, они белыми пятнами маячили где-то на краю сознания, когда Уля перевела взгляд на третью. Там, спустив ноги в ботинках с бахилами, сидел Рэм, прислонившись спиной к стене. Бледный до тошнотворной синюшности, он устало прикрыл глаза и, кажется, ничего кругом не замечал.

Варя сидела на неудобном низком стуле, накрыв ладонь Рэма своей пухленькой ручкой. Когда Уля вошла, Варя повернулась ей навстречу. Два горных озера ее глаз переполняли слезы. По щекам расползлись красные пятна.

– Спасибо, что приехала, – еле слышно проговорила она, хватая себя за ворот цветастой кофточки.

– Спасибо, что позвонила, – откликнулась Уля, не решаясь подойти.

Рэм продолжал безучастно сидеть, не открывая глаз. Варя осторожно дотронулась до его плеча, но тот только качнул головой, опущенной на грудь. Ульяна сделала два маленьких шага вперед и снова остановилась. Даже если бы Рэм метался в агонии невыносимой боли, это было бы куда менее жутко, чем абсолютное безразличие манекена. Полынь выпила из него все человеческое и принялась за последнее – оболочку.

– Уже третий час так сидит... – всхлипнув, сказала Варя и прижала ладонь к искривленному рту. – Ничего не говорит... Даже глаз не открывает. Приходил доктор... сказал... сказал – передоз... Взяли кровь на анализ... Но я точно знаю: Ромка к нам приехал совершенно трезвый. Что бы я, не поняла, что он под кайфом? – Она все говорила и говорила, но слова не могли рассеять беду. – Они с Сойкой взяли красить дверь сарая – может, надышался? Но тогда бы и ей плохо стало... Ой, Уля, я ничего не понимаю... – и заплакала, тихо и страшно.

Мягкие плечи вздрагивали в такт судорожным всхлипам. Ульяна наконец заставила себя приблизиться и неловко погладила Варю по русым волосам.

– Ну подожди... Еще же не ясно ничего, – бормотала она, чувствуя, как жжется на языке ложь.

– Его врач осмотрел... Сказал, что он избитый весь. Два ребра сломаны точно, кажется, трещина еще в одном. Как это вообще может быть? – не унималась Варя. – Он ведь тащил дверь эту чертову, помогал ее повесить...

– Не черти, – машинально попросила Уля, стараясь не смотреть на безжизненную руку с длинными худыми пальцами.

– Вот и Ромка мне так всегда говорит, – слабо улыбнулась Варя.

Они помолчали.

– А Сойка где? – осторожно спросила Уля, которой совсем не хотелось встречаться с их прозорливой подружкой.

– Уехала оформлять для Ромки полис. Сам он так и не удосужился, дурак такой... По скорой его, конечно, привезли сюда, но положить просто так не могут. Нужны документы.

– Он же не хочет ложиться. Ты сама сказала по телефону.

– А кто его спросит? – Первый раз в голосе Вари слышалась твердость. – Он упал на моем дворе, весь в кровавой пене, дергался, как в припадке... и я буду его слушать? Нет. Не буду.

В ответ Рэм слабо застонал и приоткрыл глаза.

– Я все слышу, – прохрипел он.

– Боже, Ромочка...

Варя всхлипнула совсем отчаянно и порывисто обняла его за плечи, тот болезненно охнул.

Уле, замершей в паре шагов от кровати, вспомнились лиловые кровоподтеки на впалой груди. С переломанными ребрами вряд ли станешь фанатом обнимашек.

– Прости-прости, – залепетала Варя и отпустила.

– Мне просто нужно отдохнуть... Отвези меня домой, я полежу пару дней, и все будет нормально.

– От кровавой рвоты постельный режим не поможет! А если у тебя язва открылась? Уля, скажи ему! – Два хрустальных озера вцепились в Ульяну мертвой хваткой рассерженного взгляда.

Рэм открыл глаза чуть шире и наконец-то заметил Улю.

– Ты что тут делаешь?

– Это я ее позвала, – встряла Варя, пока Ульяна подыскивала слова. – Позвонила, и она приехала...

– Откуда у тебя ее номер? – Даже через полынное отупение в голосе Рэма слышалось недовольство.

– Из твоего телефона. – Варя оправдывалась, как провинившийся ребенок. В другой ситуации и при других обстоятельствах это было бы мило.

– Так ты еще и телефон мой взяла... Отлично. – Рэм постарался принять вертикальное положение, чтобы продолжить ссору, но бессильно завалился набок.

Уля первой оказалась рядом. Она осторожно помогла ему подняться и усадила у стены, мельком шепнув на ухо:

– Перестань быть таким козлом, пожалуйста. – А вслух попросила у притихшей Вари: – Принеси ему воды, хорошо?

Та поспешно кивнула и направилась к двери. Когда она вышла, Уля достала из кармана кулек с таблетками и протянула Рэму.

– Четыре штуки. Все, что есть.

Она надеялась, что этого хватит, чтобы привести умирающего служку в порядок, но Рэм не спешил радоваться. Только скривил губы в знакомой ухмылке.

– Уже не поможет.

– Как? – Уля медленно осела на низкий стул.

– Вот так. – Он задрал рукав темно-серой рубашки, показывая Уле запястье, а сам отвернулся с отсутствующим видом.

На синюшно-бледной коже ярко проступили черные нитки вен, а вот полынная метка стала совсем бледной. Чуть заметный контур выцвел, чернила же, заполнявшие цветом листки, и вовсе исчезли – рука вновь стала такой, какой была до игры. По спине Ули медленно скатилась холодная капля пота.

– Что это значит? – хрипло спросила она, отлично зная ответ.

– А то и значит. Силы эта гадина из меня уже выпила, теперь пьет жизнь. – Рэм поморщился, опуская рукав. – Таблетки только продлят это все... Не хочу.

– Нет, подожди, я не понимаю... – Уля окинула взглядом палату, словно надеясь, что стены смогут излечить больного одной своей чистотой. – Но нужно же что-то делать! Что-то же делают?

– Ага. Ждут звонка от Зинаиды. Потом приезжают ребята наподобие твоего папаши и увозят. На кормежку... – Он попытался ухмыльнуться, но лицо исказилось болезненной судорогой. – Я только вчера ночью был там... Надо было разгрузить какие-то коробки, не суть... Сразу понял, что меня уже не отпустят, такое там чуют. Но Гуса отвлекли, кто-то за ним приехал... Короче, он уехал, и нам сказали выметаться. Повезло. А я сдуру поехал к Варьке, повидаться, блин.

Уля закусил губу, вспомнив, как рванула за Гусом служка по имени Ксюша, чтобы тот приехал в офис разбираться с загадочной чехардой. Выходит, это уберегло Рэма от тумана. Пока что. Иначе копошиться бы ему в траве вместе с толстой завучихой. От этой мысли стало совсем мерзко. Ульяна сглотнула ком и попыталась улыбнуться.

– Ну видишь, повезло же! Значит, у нас есть время! Сейчас придет врач, тебя осмотрят, анализы... все такое. Может быть, есть какое-то научное объяснение всей этой фигни...

– Не смейся, а? – Рэм слабо отмахнулся. – Максимум, что я тут успею, – испугать своей пластмассовой рожей Варьку. – Он помолчал, собираясь с силами. – Слушай, увези меня, пожалуйста, прямо сейчас.

Свалим, пока нас никто не видит. Я не хочу, чтобы она запомнила меня... таким.

– Нет, так нельзя. – Уля покачала головой, прекрасно понимая, что Рэм прав. – Варя тебе за водой пошла, а Сойка полис оформляет... Да они с ума сойдут, если мы сейчас исчезнем!

– С ума они сойдут, когда я начну обращаться в эту херню манекенную... а я начну, Улян, ты сама это знаешь.

Уля знала. Прекрасно могла представить, какой твердой и гладкой на ощупь станет синюшная кожа Вариного Ромочки, как равнодушно он будет моргать кукольными блестящими глазами, как челюсть его начнет двигаться, будто у марионеточной обезьянки. И никто не сумеет объяснить, что с ним. Спишут на последствия приема какой-нибудь новой смеси. Повесят на Рэма ярлык подыхающего наркомана, а потом за ним приедут в ночи и заберут в туман. А Варя останется один на один со своим горем и ужасом от случившегося. Сбеги они сейчас, горе, конечно, никуда не денется, но неизвестность всегда лучше жесткой, как искусственный свет, уверенности: близкий умер от передоза, а ты даже не догадывался, что он в беде.

– Ну вот, ты сама знаешь, что так будет лучше. – Словно прочитав все ее сомнения, Рэм улыбнулся вопреки боли. – Дай я все-таки выпью эту гадость... Вдруг поможет чуток? И поехали. Поскорее. Пожалуйста.

– Но тебе же плохо, – жалобно пробормотала Уля, наблюдая за тем, как тяжело сглатывает он полынные кругляшки. – Врачи помогут снять боль. Хотя бы.

– Справлюсь сам. У меня на такой случай давно уже таблетки припасены.

– Ты же сказал, они уже не помогают?

– Обезбол, Уля. Обычный обезбол. Прихватил из больнички... был случай. Короче, продержусь дня три-четыре, а там Зинаида объявится. – Рэм уже поднимался с кровати, хватаясь за стену, но почувствовал, как сжалась Уля от его слов, и остановился. – Ну чего ты как маленькая? Представь, что у меня рак, а я никогда моря не видел. Поедем сейчас грабить наемников и воровать машины.

Уля судорожно всхлипнула, вцепившись зубами в кулак. Плач поднимался в ней ураганом. Целое оглушительное цунами боли и жалости, которую никак не выходило запрятать внутрь.

– Черт, соберись, ну пожалуйста. – Рэм жалобно улыбнулся ей, с трудом удерживаясь на ногах.

– Не черти, – прохрипела она.

– Не буду, если увезешь меня отсюда. Честное слово.

* * *

Только когда здание больницы осталось позади, Уля сумела наконец выдохнуть. Все то время, пока они выбирались наружу, вздрагивая и оглядываясь по сторонам, будто и правда собрались грабить наемных убийц из фильма, Ульяна чувствовала, как сжимает горло вина перед Варей. Ее они мельком увидели в другом конце коридора. Она стояла, повернувшись к ним спиной, и о чем-то разговаривала с врачом. И не оглянулась, даже когда Рэм запнулся и чуть было не рухнул на пол.

– Тише ты, – взмолилась Уля, подхватывая его под локоть, и Рэм зашипел сквозь сжатые зубы.

Скрипучие двери лифта никак не желали закрываться, а Варя все стояла к ним спиной в этой своей цветастой кофточке, в плотной юбке до колена, с наспех заколотыми волосами. Такая домашняя и теплая. Такая неуместная здесь, в белых равнодушных стенах больницы. Рэм не сводил с нее глаз, тяжело опершись на стенку лифта. Уле показалось, что он сейчас рванет наружу и дальше, вдоль по коридору, чтобы снова прижаться лицом к Вариному плечу, вдохнуть запах дома и уюта, который она несла с собой, как знамя, куда бы ни шла. Но двери с лязгом поползли навстречу друг другу. Когда лифт нехотя тронулся вниз, Рэм со всей силы ударил по стене кулаком и тут же скорчился от боли.

– Мы можем вернуться, – чуть слышно пробормотала Уля, старательно делая вид, что не заметила ни глаз, предательски блестящих в тусклом свете лампочки, ни спазма, прошедшего по лицу.

– Вызывай такси, – процедил он в ответ, стараясь дышать глубоко и ровно.

Получалось плохо. Как и идти по коридору, как и спускаться по низкой лестнице. Его движения становились все медленнее. Это туман набирал молочную силу.

Ульяна держалась чуть позади, старательно улыбаясь в ответ персоналу, который, впрочем, если и смотрел на них, то равнодушным, скользким мимо взглядом. Когда человек идет по этому коридору к выходу сам и не просит помощи, есть ли смысл обращать на него внимание? Вот если бы Рэм рухнул сейчас на пол, разбрызгивая по сторонам кровавые ошметки отмирающих органов, может, кто-нибудь и спросил бы, все ли у них в порядке. Или нет. Проверять Уле совершенно не хотелось.

Они нырнули в мягкую, пахнущую химической хвоей «Ладу» цвета грязного асфальта и отправились к дому Артема. Иного маршрута Уля просто не сумела выдумать. Возвращаться в коммуналку, где Оксана либо отмывает полы от крови дяди Коли, либо дает показания полиции, не было ни желания, ни смысла. Рэму нужен был покой. А Ульяне – тишина и время на то, чтобы обдумать все случившееся за последние часы. И решить, что же делать дальше.

Им подозрительно везло. Мама у дома не оказалось. Безлюдный двор сковало морозцем. Когда Уля выбралась из машины, отдав таксисту остатки сдачи, полученной с утра, Рэм уже присел на низкую лавочку. Он задрал голову, всматриваясь в низкие серые тучи. Ульяна тихонько присела рядом.

– Сейчас передохнешь, и будем подниматься. Осилишь второй этаж?

– Тихо, – махнул он рукой, закрывая глаза. – Слышишь?

Уля прислушалась. Ветер нес по двору шелестящий пакет, по дороге за домом проехала тяжелая машина, загремела на переходе и скрылась за поворотом. У соседнего подъезда нервно говорила в трубку женщина средних лет. Где-то на верхнем этаже хлопала на ветру форточка.

Не понимая, о чем речь, Уля потянула Рэма за рукав куртки.

– Ты замерзнешь, пойдем.

– Тихо, – шикнул он снова. Губы расползлись в слабой улыбке, нижняя чуть отставала от верхней, и Уле стало совсем уж тяжело дышать от щемящей жалости. – Сейчас пойдет снег. Неужели не слышишь?

Он облокотился на деревянную спинку лавочки, вытянул ноги и замер. Его дыхание наконец выровнялось, он больше не хрипел и не ежился. Помогли ли полынные таблетки, наспех проглоченные в

палате, или сам побег из белоснежного плена больницы подействовал так оживляюще, но Рэму определенно стало лучше. Поэтому Уля не стала спорить, а только прижалась к его боку, надеясь поделиться крохами тепла, и притихла, вдыхая сухой морозный воздух.

А тучи тем временем опустились совсем низко. В них не было ни грозовой синевы, ни тоскливости затяжного дождя. Они несли в себе снег. Теперь и Ульяне казалось, что она слышит его нетерпеливый шепот, поскрипывание острых краев снежинок, бормотание и мольбу земли, уставшей от осенней грязи, жаждущей сна и спокойствия.

Первая снежинка сорвалась с неба и медленно спланировала на Улино колено, но тут же растаяла, впитываясь в ткань заношенных джинсов. Осталось маленькое темное пятнышко. Рэм осторожно прикоснулся к нему пальцем.

– Ну вот, видишь... я же говорил! – Он улыбался, ни капли не стесняясь своей детской радости. – Мы с мамой всегда выходили слушать первый снег... Она говорила... черт! Да какая разница, что она говорила? Главное, вот – снег выпал. Мы до него дотянули. Есть что отметить. Не море, конечно, но и о нем можно потрепаться на небесах.

Рэм потянулся к карману, достал круглую баночку, вынул из нее капсулу – одна половинка белая, другая красная – и засунул в рот.

– Говорят, этим глушат даже онкобольных, мне точно должно помочь. – Он было попытался встать, но увидел, как болезненно съежилась Уля, и остался на месте. – Слушай, я не буду тебе тут глаза мозолить, честное слово. Отлежусь до завтра и свалю. Не переживай за меня. Тебе самой сколько дней осталось?

– Одиннадцать.

– И две вещицы? Хреново.

– Одна. Мне осталась одна вещица. Вторую я уже отнесла Гусу.

– Да? – Рэм оживился, ободряюще хлопнув Улю по коленке. – Значит, у тебя дела вполне себе? Здорово же! Вот и ищи третий подарочек, а я справлюсь. Забей. Все будет хорошо.

Он врал. Понимая прекрасно, что Ульяна видит его ложь насквозь. Но если жизнь из раза в раз сдает тебе дерьмовые карты, учишься держать хорошую мину при самой плохой игре. И эта его бравада делала Уле больше всего.

– Не кисни только, давай еще немного подышим и пойдем, – попросил Рэм, откидываясь на скрипучую спинку. – Зима близко. – Он хмыкнул. – Что-то мне сегодня одни фильмы в голову лезут. – Помолчал, но в тишине его дыхание сразу становилось хриплым. – А ты пока думай, что попросишь у нашего старика Деда Мороза, когда все закончится.

Уля непонимающе вскинула глаза и только потом поняла, о чем говорит Рэм. В бесконечной погоне за полынью и от нее она напрочь забыла, зачем, собственно, начинала игру. О чем хотела попросить Гуса, как только третий подарочек ляжет в его старческую руку. Машина, квартира, много денег, любящая мама под боком и уютная слепота тотального бесполынья. Теперь все это казалось неважным. Пустым и глупым.

И, глядя, как медленно опускаются первые снежинки на черный от грязи асфальт, Уля отчетливо поняла, что хочет только одного – покоя. О чем еще просить всемогущие законы жизни, как не об этом? Что нужно истерзанной плоти – земной ли, человеческой – кроме тишины? После долгой войны с самим собой и миром, готовым раздавить тебя, как муравья, глупо желать богатства и признания.

Забвение долгого сна под плотным одеялом снега – вот чего хотелось Уле. Чтобы миг замер, как вода, скованная льдом, а они с Рэмом остались бы сидеть на этой скамейке, дышать холодным городом, приветствуя снег. Прижимаясь друг к другу теплыми боками. Живые настолько, насколько может позволить себе человек.

Шкура неубитого медведя

Горячая вода шумной струей билась о дно раковины, разбрызгивая ржавые капли во все стороны. Ульяна опустила руки в воду и застыла, наблюдая, как медленно краснеет замерзшая кожа. В комнате за стеной тяжело дышал, покашливал и ворочался на скрипучем диване Рэм. Уля закрыла глаза.

На второй этаж они поднимались до тошнотворного отупения долго. Рэма бил озноб, каждое движение причиняло его измученному телу боль. Полынные таблетки медленно, но верно переставали поддерживать его на тонкой грани между существованием и небытием. Назвать это все жизнью язык не поворачивался.

Когда Уля наконец достала связку ключей и принялась ковырять ими в замке, Рэм бессильно сполз по крошащейся штукатуркой стене. К влажному от пота лбу прилипли темные волосы, но он даже не мог их смахнуть. Уля сладила с дверью, распахнула ее и замерла, нависая над притихшим у порога парнем. Тот слабо мотнул головой и попытался встать, но попытку тут же пришлось оставить.

– Кажется, я остаюсь здесь. Был бы коврик, так вообще чудесно... – проговорил он, переждав приступ.

– Если бы ты знал, что пережил он, когда лежал на этом пороге, то запел бы совсем по-другому. – Улю даже передернуло от воспоминаний о зеленом коврике с пыльными желтыми разводами. – Постарайся подняться, пока кто-нибудь нас не увидел...

Образ матери, взлетающей по лестнице яростной дикой птицей, так и маячил перед глазами, пока Рэм с трудом поднимался на ноги и заваливался внутрь, чтобы осесть на скрипнувшую тумбочку.

– Может, тебе поесть, а? – жалобно спросила Уля, запирая за собой. – Выглядишь не очень.

Рэма перекосило.

– Даже не вспоминай при мне о еде... – Он прижал ко рту кулак, зажмурился и сглотнул.

– Ну хотя бы чаю. – Ульяна не знала, куда себя деть, как вести себя с ним, медленно распадающимся на части, и в ней начинало

просыпаться безотчетное, несправедливое раздражение. – Ты же не просидишь тут весь день. Нужно что-то делать.

Рэм приоткрыл один глаз, глубоко вдохнул, прогоняя тошноту, и выпрямился.

– Дай мне отлежаться сегодня, хорошо? А завтра я свалю. Занимайся своими делами, вообще не вспоминай, что я тут. Время идет, понимаешь? Твое время.

Сам того не зная, он почти процитировал слова Гуса, брошенные Уле на лестничной клетке больницы. Она молча кивнула и пошла по коридору, оставляя на линолеуме грязные следы. Прислонившись лбом к зеркалу у раковины, Ульяна слушала, как Рэм бредет в комнату, спотыкаясь, и ругается сквозь сжатые зубы, но броситься ему на помощь просто не могла.

Щеки краснотой заливал горячий стыд. Из зеркала на нее смотрела до смерти замученная, но живая девушка. И обладала она куда большим, чем медленно бредущий в комнату парень. Например, телом, еще способным сопротивляться полынной метке. И надеждой на будущее, и временем, которого может хватить, чтобы выторговать свободу. Словом, из бездомной сумасшедшей она вдруг стала богачкой.

– Все познается в сравнении, – шепнула Уля своему отражению, а то грустно ухмыльнулось в ответ.

Она стянула с себя куртку, расшнуровала ботинки и поставила их у батареи. Постояла немножко, разглядывая улицу за окном, которую медленно укутывал снег. За стеной скрипнул диван: Рэм наконец улегся. Идти сейчас туда, видеть его, стремительно приобретающего тот самый манекенный лоск, слушать наигранно веселые фразочки, сказанные слабым, чуть слышным голосом... Уля просто не могла обречь себя на все это. Столько смертей прошло мимо нее, через нее... Но последним важным ей человеком, который умер на расстоянии вытянутой руки, был Никитка. И теперь, в паре шагов от Рэма, ей отчетливо слышался залиvistый детский смех, и полосатая кепочка мелькала где-то вроде бы рядом, но не ухватить.

Ульяна оттолкнулась от подоконника. Ей отчаянно хотелось убежать. Настойчивый голос внутри подсказывал: Рэм поймет, почему она так поступила. Примет ее побег. Он и сам бы ушел, если б на кону стояли третий подарочек Гусу и свобода от полыни как выполненное

стариком желание. Ведь так все задумывалось? Отыскать предметы и лишить себя дара. Перестать быть меченой. Начать все заново. Ослепнуть. Никогда больше не видеть живую тьму под веками. Жить, как все. Сколько свободы и покоя в этих словах!

Но стоило только повернуться к двери, как сердце начинало жалобно ныть. Стыд больно жалил его. Как могла она уйти, бросить Рэма одного в ожидании безмолвного звонка от Зинаиды? После всего, что было с ними. И ладно бы только пьяная ночь и «Лукавый Джим». Но их объединяли одна беда, одно знание... Метка делала их ближе. И сбежать сейчас значило обесценить эту связь, забыть, как шли они по ночным улицам – два замерзших воробья, и как ехали к Варе есть пирожки с котлетами, дышать лесом, готовящимся ко сну. Как смеялись над Оксаной, как обнимались у старой больницы под тяжелым взглядом манекена за дверью, как кормили Ипкинса, как говорили о том, что прежде сковывало Улю молчанием. Как однажды Рэм спас ее от самого острого ножа в коммунальном доме. Как объяснил ей, что полынь не приговор, что с ней еще можно жить, если приручить тьму под веками. И как он прикоснулся губами к ее пальцам, скрепляя обещание обязательно позвонить.

Слишком многое делало побег невозможным. Уля глубоко вдохнула и повернулась к раковине. Мытье посуды успокаивало ее в годы, когда самыми большими проблемами были сообщение, не полученное от очередного красавчика с курса, и мама, не дающая карманных денег два раза в месяц. Вдруг и сейчас шум воды расставит все по своим местам, вместе с грязью из чашек уничтожая и Улины терзания?

Кран всхлипнул и выплюнул комок ржавчины, чуть погудел в трубах, но все-таки разродился потоком горячей воды. Уля стояла, закрыв глаза и опустив руки, и не чувствовала, как обжигает кожу кипяток. В первое мгновение она даже не поняла, почему в лицо дует холодный горький ветер. Все ждала, когда он сменится влажным паром. И только потом осознала, что тьма приняла ее, услужливо раскрывая свои объятия. Уля глотнула полынный дух. Позволила ему пропитать себя и обреченно подняла голову, зная, что именно увидит, пусть веки ее и оставались опущены.

В прямоугольной рамке зеркала раскинулось седое поле. Шумела гонимая ветром трава, словно серо-зеленые волны беспокойного, злого моря. Достаточно было просто открыть глаза, чтобы все это исчезло.

Но невидимое продолжает существовать, как бы разум ни доказывал обратное. Теперь Уля знала это четко. Потому она продолжала стоять, покачиваясь на горьком ветру, пока не услышала смех, разносимый им по полю. Где-то там, за полынными волнами и стеной, разделяющей дозволенный кусок поля и неведомый край теней, надрывно смеялся ребенок. Он хохотал, всхлипывал и подвывал, не понимая, что уже вопит и смех его давно обратился в плач.

Когда Никитка был совсем маленьким, он всегда плакал так, стоило ему разыграться. Уля просто щекотала ему мягкие пяточки, а он принимался смеяться, срываясь на истошный крик, и долго потом не мог остановиться, икая и всхлипывая. Маму очень пугали такие приступы. А кого бы не испугали?

Уля отлично запомнила, как краснели в такие моменты детские щечки, как тельце становилось липким от пота. Как сам Никитка вдруг понимал, что контроль над весельем потерян, как пугался, но остановиться уже не мог, пока силы окончательно не покидали его. Тогда он забывался сном под тревожные взгляды мамы.

Этот смех Уля ни с чем бы не перепутала. Она стояла, вся – полынь и ветер, слушая Никиткин плач, и ни капли не удивилась, когда навстречу ей, попадая в такт рваного детского смеха, поползли языки тумана. Это тени мертвецов смеялись Уле в лицо, подбираясь все ближе. Все, кого забрал с собой полынный дух. Все, чей круг замкнулся на поле, чтобы проклятая трава обновлялась, чтобы Гус был доволен, чтобы полынные глотали чертовы таблетки, чтобы подарочки сыпались в старческие руки, чтобы туман набирался их силы и снова приходил за причитающимся ему. Чтобы круг замыкался в каждом, кто начал игру. Например, в Рэме.

Уля открыла глаза. Поле послушно исчезло, рамка зеркала заполнилась отражением кухни в мутной дымке пара. Ульяна вскрикнула, чувствуя наконец обожженную кипятком кожу, и закрыла кран. Ополоснула кружки в набравшейся воде, поставила их на край раковины и оперлась на него руками. Одиннадцать дней, которые остались ей, медленно превращались в десять. Но и за них, при должном везении, можно успеть раздобыть последний подарочек. Вручить Гусу, чтобы тот исполнил одно, но самое главное желание.

Да только с полынью Уля жить научилась. Деньги она сумеет заработать сама. Мама после записок Артема виделась ей чужой, пусть

и несчастной женщиной. И даже шикарная квартира с видом на Красную площадь станет тюрьмой, если гнить в ней один на один с неизбывным чувством вины. И Рэмом, который будет смеяться в унисон Никитке, стоит только закрыть глаза возле зеркала. А закрывать их придется. Потому что смотреть на себя, бросившую человека подыхать в тумане ради собственного благополучия, будет мерзко еще долгие годы.

Уля встряхнула головой, с трудом сдерживая смех. Как просто все оказалось! Как легко может быть на душе, если принять правильное решение! Она потянулась к чашкам, но вспомнила, что чай убран в сумку, и поставила их обратно. Так даже лучше. Ни к чему умирающему еще и кипятком обливаться, услышав неожиданные новости.

Улыбаясь сама себе, Уля шагнула в коридор и спокойно вошла в комнату, где притих Рэм. Ей больше не было страшно.

* * *

– Если попрошу Гуса отпустить тебя, снять метку, полынь перестанет тебя убивать? – выпалила она, переступая порог.

Рэм лежал на диване, неловко откинувшись на пыльную подушку. Он тут же распахнул глаза. Взгляд немного поблуждал по комнате и впился в Улю коньячными тисками.

– Повтори, – прохрипел Рэм, приподнимаясь.

– Если я попрошу Гуса забрать у тебя метку, полынь отвяжется? Как думаешь? – спокойно спросила Уляна, делая вид, что в этих словах не было ничего необычного.

– Ну да, конечно. – Рэм хмыкнул, опускаясь на подушку. – С каких это пор старина Гус стал фабрикой по исполнению дурацких желаний?.. – И осекся, наконец понимая, о чем идет речь. – Нет.

Он рывком сел, болезненно охнул, но не позволил телу расслабленно вытянуться.

– Совсем с ума сошла...

– Мне неинтересно, что ты по этому поводу думаешь. Мне только нужно знать, успеем ли мы вытащить тебя, принеси я вещицу, скажем, завтра. Или послезавтра. До того как Зинаида о тебе прознает.

– Глупость какая-то. Ты что, собралась потратить на это свое желание, если выиграешь чертову игру? Совсем поехала?

– Не черти, – машинально поправила его Уля и улыбнулась. – Если ты так реагируешь, значит, это возможно. Убрать метку. Она перестанет тянуть из тебя последние соки, потом Варя засунет тебя в какую-нибудь больничку, где всё подлатают... и здравствуй, нормальная жизнь.

– Бред. – Рэм дернул плечом. – Ты сама себя слышишь вообще? Снять метку...

– Гус не может воскрешать, но ты же пока не умер.

– Он не согласится.

– Да почему? – Уля присела на краешек дивана. – Что ему ты? Один из множества. Подножный корм, кажется, так говорилось? Ну вот. Он просто тебя отпустит. Ну а если откажется... Пожелаю себе огромную базуку и пристрелю его к чертовой бабушке.

– Что-то ты подозрительно развеселилась, – заметил Рэм, прижимаясь затылком к стене. Его веки устало опускались – спорить он больше не собирался.

– Да потому что я устала так, понимаешь? Постоянно бояться и скорбно смотреть по сторонам. – Уля уселась поближе, откинулась назад, чтобы их плечи соприкоснулись. – Я начала эту игру, чтобы избавиться от полыни, я не умела с ней жить. Но ты меня научил. Я у тебя в долгу.

– Не по собственному желанию, уж извини. Мне приказали. По сути, я нехило так тебя подставил.

– Плевать. Знаешь, где я встретила Гуса в первый раз? На мосту. Хотела спрыгнуть, не могла больше... Думала, что сумасшедшая. – Уля тоже прикрыла глаза, вся обращаясь в голос. – Что я одна такая, свихнувшаяся дура... Когда ты рассказал мне об игре... Да господи, я на что угодно бы согласилась, лишь бы это закончилось! Поэтому не думай, что это твои ораторские способности сбили меня с толку. – Она шутливо пихнула Рэма плечом, тот хмыкнул в ответ. – Я просто попробую. Если Гус откажет, ну что ж... Не обижайся, но я тут же попрошу перенести меня куда-нибудь на Бали.

– Все равно глупо... После всего, что с тобой успело случиться, тратить желание на такое... Ты же почти меня не знаешь. А того, что тебе известно, достаточно, чтобы понять: до святого мученика мне как Ипкинсу до гепарда.

– Кстати, где он?

– У Вари остался. Я потому к ней и рванул: боялся, что Зинаида меня утащит, а Ипкиinsa выкинут в ближайшую помойку.

– Он бы и там о себе позаботился.

– Это точно.

Они помолчали, но Уля не собиралась сдаваться.

– Можешь сколько угодно доказывать, что большей сволочи, чем ты, на свете не сыскать, но я совсем о другом, понимаешь? Ты человек. Ты попал в беду. И ты мне не чужой. Нет, не смейся. – Ульяна хотела ткнуть его локтем, но вспомнила о сломанных ребрах и только накрыла ладонь Рэма своей. – Столько всего успело случиться... Мне кажется, что за всю мою жизнь событий было меньше, чем за этот месяц. Мы просто не можем теперь быть чужаками. И если я могу тебе помочь, то я попробую. Должна попробовать. А потом решим, как жить дальше.

– Дальше... – протянул Рэм. Его пальцы под Улиной ладонью чуть согрелись, и он осторожно ими пошевелил. – Даже звучит странно.

– Вот и молчи. К тому же мы с тобой делим шкуру неубитого медведя.

– Почему?

– Вдруг их вообще не бывает, людей, которые приносят три подарочка и загадывают это свое желание, а Гус исполняет его легким взмахом розовой волшебной палочки, будто он – долбаная феечка Винкс.

И только замолчав, Уля поняла, что Рэм больше не сидит, расслабленно поглаживая ее ладонь своей. Он подобрался, насколько позволило ему истерзанное тело, отвернулся в сторону, закусив губу, и всем своим видом показывал, что не желает продолжать разговор.

– Эй, ты чего? – Ульяна подогнула под себя ноги и села напротив. – Извини, я просто нервничаю и меня заносит...

– Твой папаша ничего не писал о таких счастливицах, которым игра оказалась по плечу?

– Куда там. Сам он свихнулся задолго до ее начала, а с таблетками крышу совсем сорвало. А к полынникам игроков не пускают, чтобы не теряли боевой дух, видимо. Ни те, ни другие. Так что, может статья, что вся эта лабуда с желанием – фикция. И зря я тут перед тобой геройствую.

– Нет, – помотал головой Рэм.

– Что – нет? Не зря?

– Зря. Но желание – не фикция.

– А ты откуда знаешь? – Ульяна подалась вперед, но Рэм не пошевелился. Так и продолжал смотреть в сторону. – Если тебе есть что рассказать, сейчас самое время. Рома, ты меня слышишь?.. – Ее голос дрогнул.

– А «Лукавого Джима» твой папаша, случаем, не припрятал? – Словно принимая тяжелое решение, он через силу повернулся к Уле.

– Даже если бы и да, ты и так на ногах не стоишь. Рассказывай.

Рэм скрипнул зубами, но глаза не отвел.

– С третьим подарочком все не так просто, Ульян, – наконец проговорил он.

– Ради него придется убить самому, так? – Слова легко сорвались с Улиных губ, хотя саму ее бросило в жар.

– Откуда ты знаешь?

– Догадалась. В записях отца есть об этом немного. Ему самому пришлось убить соседа. И одна из служек рассказала, что не сумела... сделать это. Потому и проиграла. Короче, ужасно подлое правило, иначе не было бы у Гуса толпы служек, одни озолоченные игроки. – Уля бессильно стукнула по дивану кулаком, и оттуда вырвалось пыльное облачко.

Рэм фыркнул и снова оперся на стену. Сидеть ему становилось все сложнее. По бледному лбу медленно текли холодные капли пота.

– Ну вот и я не смог.

– Убить кого-то? – чуть слышно спросила Уля.

– Маму. – Рэм тяжело сглотнул, прикрывая глаза в попытке отгородиться от мира и того, что собирался рассказать. – Меня третья загадка сразу в тупик поставила. «Смерть с тобою одной крови». – Он помолчал, будто пробуя сказанное на вкус. – Мерзость, правда? Особенно, когда игру начал, чтобы маму вытащить с того света. Она на ИВЛ была. Глубокая кома, никаких признаков восстановления. Отек мозга. Все как по нотам.

Уля подвинулась чуть ближе и сжала его руку в своей. Это было единственным, что она могла сделать, чтобы хоть как-то разделить боль, которая сочилась из каждого слова, срывавшегося с пересохших губ.

– Первую вещицу нашел быстро. На парня упала сосулька. Пункт назначения, блять. Как дебил, ковырялся в его бумажнике: нужно было найти паспорт. Притащил его старику, а на выходе из ангара встретил Дашу. – Рэм закашлялся, вытер рот свободной рукой и продолжил: – Попросил сигарету. Темно было, лица не запомнил даже. Только волосы черные, короткие и куртка красная. Она еще спросила, какую по счету вещицу я нашел. Оказалось, что и у нее первая. Покурили и разошлись. А на следующий день я ее встретил в больнице у мамы. Она там медсестрой работала. Совпадение, как я люблю... Короче, на пятой сигарете решили, что будем искать подарочки вместе. Ну а что? Так же веселей! – Он хмыкнул. – Дебил конченный...

Уля осторожно погладила его ладонь большим пальцем, но тот даже не заметил.

– Дней десять мы искали вещицы. Лучшие десять дней моей жизни. – Он криво улыбнулся. – Загадки еще такие заковыристые попались. Мне нужен был такой, что умер бы уже мертвым. У Дашки вообще закачаешься – как сейчас помню: смерть, навеянная временем. Гус-то поэт, чтоб его... Короче, валандались мы долго. Я даже к Варе успел сгонять. Она тогда только из больницы выписалась и сразу к Сойке. Та ее долго уже уламывала, оказывается. А Варя все не решалась. – Его голос чуть потеплел. – Ну, сама понимаешь. А после тех тварей... ну какие мужики? Ей теперь, наверное, и смотреть на всех них противно...

«На всех. Кроме тебя», – подумала Уля, но смолчала.

– Ипкинс, кстати, тоже ее идея. Даши. Сказала: мол, купим с тобой зверушку, да такую, чтобы долго-долго потом жила. Задел на будущее. Как нам сдохнуть, если у нас черепаха некормленная? Угорали в магазине, как обкуренные. – Рэм и сам не замечал, как менялся его голос, стоило ему только вспомнить о тех временах. – В общем, вторые вещицы мы нашли в клубе. Поперлись туда просто так. А там парень какой-то драку устроил, а сам уже с передозом таким, что не жилец. Ну и друг его тоже долго не протянул. Полиция приехала, когда они уже холодные лежали. А мы вещицы схватили – и деру. Оттащили их Гусу, завалились к Дашке... и два дня трахались не переставая. – Он открыл глаза и посмотрел на притихшую Улю. – Вот веришь? Я тогда поплыл, как пацан какой-то.

– Ты и был мальчишкой, – прошептала она в ответ, сжимая его руку.

– Ну да. Настроил себе планов, как офигительно будем жить, когда все закончится... Ладно, не суть. – Он дернулся, поднимаясь чуть выше. – К тому моменту мне оставалось дней семь, наверное. Может, чуть больше. И я вообще не парился.

– А ей?

– Даше-то? Без понятия. Она молчала. Мы вообще не говорили... обо всем этом. Даже странно. Я знал, как она в детстве отравилась маминым снотворным. И как первый раз целовалась с парнем своей сестры. А вот сколько дней осталось в ее месяце, спросить не удосужился. В этом и была моя ошибка. Ей-то я все выложил. И про загадку, и про маму...

– Перестань. – Уле физически было больно смотреть на то, как его выворачивает от воспоминаний.

– Нет, правда, такой тупица... В общем, когда мы поняли, что время идет, а третья вещичка не попадается, решили, что нужно разделиться. И тут меня накрыло. Потому что все сходилось на маме, понимаешь? Смерть того, кто со мной одной крови. Кроме нее была только бабка старая. За бабкой я ходил по пятам. Самому от себя тошно было. Все в глаза ей смотрел: а вдруг? Она даже спросила, не заболел ли... Дебил. Братьев-сестер у меня не было, дядей-тетей тоже... Короче, тупик.

– А потом? – Воцарившаяся было тишина невыносимо давила на уши.

– А потом в бабкином дворе меня нашла Даша. И подтвердила, что я дебил. Сказала, что маму уже не вытащить никаким желанием. Даже очнись она, повреждения необратимы. Что таких чудес не бывает и Гус просто вернет мне ее овощем. И буду я всю оставшуюся жизнь, ее и свою, мучиться.

– И ты ее послушал?..

– Не сидел бы тут, если бы послушал. – Он дернул плечом. – Сказал, что у меня еще есть время. И что я никогда бы не сделал этого с мамой... Даже если на кону игра эта чертова... – Помолчал. – Да, помню, не чертить. Короче, Даша ушла. Как-то так облегченно ушла. Руки умыла. Но я, разумеется, ничего не понял. А на следующий день

мне позвонили и сказали, что мама умерла. Что-то там с аппаратом. Заметили поздно. И спасти ее не удалось. Вот...

– Мне очень жаль, правда... – начала Уля, но Рэм ее перебил.

– Ты не поняла, да? Это Даша сделала. Отключила аппарат.

– Да с чего ты взял? – вскинулась Ульяна, сама понимая, что таких совпадений не бывает.

– Потому что служки Гуса притащили меня в эту долбаную больничку, когда Дашу отпускали. Я сидел в зрительном зале. Самые лучшие места. Уж старик постарался. – По осунувшемуся лицу Рэма пробежала судорога. – Даша отдала ему крестик, понимаешь? Крестик моей мамы. Тот, который она в руке сжимала, когда ее отец убивал... Сука. Крашенная сука. В загадке было пациента порешить... и она выбрала ее, как безнадежную. Клятву же давала... Не навреди. А мама и так уже труп... Какой уж тут вред. – Его голос стал чуть слышным, бессвязным, глубокая морщинка пролегла между бровями, делая молодое еще лицо маской старика.

– Откуда ты знаешь? – сумела выдать Уля.

– Так Даша мне и сказала... Уже потом, когда выпросила себе свободу и крутое место в больнице в качестве награды. Я кое-как выполз наружу и блевал в углу, а она вышла покурить. Так и стояли. Она все плакала, твердила, что это был ее единственный выход. Мол, завтра истекал месяц. А мама моя и так почти умерла... Только аппараты и поддерживали. Тупая сука... – Он закусил губу, помолчал и открыл абсолютно сухие глаза. – Не думай, я ничего ей не сделал. Так и ушла вся в соплях. Таблетки мне эти всучила, сказала: пригодятся. Мать Тереза...

Уля не знала, что ответить. Ее сковало льдом. Ни слез, ни боли, ни жалости. Ничего. Бескрайняя пустыня белого шума. Только ладонь продолжала сжимать длинные, безжизненно холодные пальцы.

– Так что можешь быть уверена: желание Гус исполняет. Но чтобы выиграть, тебе придется кого-нибудь убить. – Рэм наконец улегся и притих.

– Нет, не сходится... – задумчиво проговорила Уля.

– Что именно?

– По моей загадке, смерть человек должен принять сам.

– Принять?

- Да, по любви... – Уля хмыкнула от нелепости произнесенного. – Гус и правда тот еще поэт.
- Черт, – прошипел Рэм и потянулся за баночкой с таблетками.
- Не то слово.

Влюбленные до смерти

Простые, человеческие таблетки действовали совсем иначе полынных. Об этом думала Уля, наблюдая, как качает Рэма на волнах обезболивающего. Его тело расслабилось, даже рука, сжимавшая скорченными пальцами покрывало, вдруг повисла безжизненной плетью. После нескончаемого приступа боли, который сотрясал тело Рэма страшным ознобом, вперемешку с кровью, льющейся из носа, это спокойствие показалось Уле наивысшим благом.

Пока не подействовала третья по счету проглоченная капсула, Рэм метался на отцовском диване, а Ульяна сидела рядом, до белизны костяшек сжав кулаки. Помочь она не могла, даже на то, чтобы дотронуться до блестящего от пота лба, у нее не хватало решимости.

В перерывах, когда взгляд Рэма чуть прояснялся, она протягивала ему стакан с водой и снова отступала.

– У тебя там номерочка Зинаиды не завалялось? – чуть слышно хрипел Рэм, скаля зубы. – А то я не прочь уже прогуляться в туман.

– Молчи, а? – жалобно просила Уля, проверяя, когда же истекут двадцать минут, за которые должны были подействовать капсулы. – Может, еще одну?

– Отравить меня решила? – ерничал он и снова откидывался на мокрую от пота подушку. – Вот же гадство! Сразу и холодно, и жарко – как так бывает вообще?

Время превратилось в бездонную тарелку манной каши. Склизкая масса, налипающая на ложку, мерзкие комки, сероватый отблеск. И лужица застывшего масла посередине.

Но и это закончилось. Как заканчивается все на свете. Рэм затих, перейдя в особое, пограничное состояние боли, в которое попадают лишь умирающие, задержавшиеся на границе то ли чудом, то ли расплатой за все прегрешения. Ульяна осторожно поднялась с края дивана и двинулась к выходу.

Хриплый голос догнал ее у самых дверей:

– Побег с тонущего корабля?

– Заткнись... пожалуйста, – не оборачиваясь, бросила Уля.

– Удачной охоты.

Рэм всегда видел ее насквозь. Пусть даже глаза его заливал холодный соленый пот.

Улица встретила Ульяну свежестью и морозцем. День скатывался в сумрак по-зимнему раннего вечера. Под ногами хрустел снег, укрывший землю первым осторожным настилом. Каждый шаг портил это покрывало, оставляя на нем грязный след подошвы. Цепочку серых пятен тут же принимался подчищать новый слой медленно падающего снега. Уля подняла голову, вдохнула поглубже и зашагала в сторону остановки автобуса. Где-то там отец встретил свою первую полынную жертву. Женщину с каштановыми волосами. Ту, что умерла от рака спустя пару месяцев. Ту, что огрела его сумочкой, испугавшись безумных глаз и звериного оскала. Немудрено.

Остановка никуда не делась. Прозрачный пластиковый коробок, обклеенный цветастыми объявлениями, и расшатанная лавочка, на которой примостились преклонных лет дедок в черном пальто и женщина чуть его помладше. Они о чем-то оживленно беседовали, не забывая, впрочем, поглядывать на подъезжавшие автобусы.

Уля подошла ближе и встала напротив доски объявлений. Кто-то продавал гараж. Кажется, в этом мире кто-нибудь продает гараж каждую минуту любого дня. Как и породистых британских котят. Кто-то предлагал услуги компьютерного мастера – миловидный парень на фотографии представлялся Алексеем и обещал приехать как можно скорее. Уля порадовалась, что на плохо пропечатанном снимке не разглядеть глаз, а значит, полынть точно не покажет ей, как ловит этого парнишку за шиворот какой-нибудь массивный мужик с голодным оскалом. А после всех дел раскраивает тонкое горлышко ржавым ножом.

От собственных мыслей Улю передернуло. Когда она успела стать такой равнодушно-злой? Такой безотчетно-циничной. Она перевела взгляд на соседнее объявление. Ярко-желтая бумажка, кричащий призыв «записаться на ноготки». Уля так и представила, как особ, клюнувших на пять восклицательных знаков, встречает поехавшая маникюрша с острыми, обляпанными засохшей кровью щипчиками.

Ее нервный смешок заставил разговаривающую парочку обернуться. Уля выдавила из себя слабую улыбку и закрыла глаза. Нечего было медлить. В доме ее отца сейчас медленно, но верно

умирал Рэм, которого она, кажется, пообещала спасти. Себе-то точно пообещала.

Темнота встретила ее податливым, живым объятием. Если время в квартире казалось Уле застывшей манной кашей, то тьма под веками была мягкой, услужливой тарелкой чего-то упоительно травяного. Сейчас Уле сложно было поверить, что темнота эта пугала ее когда-то, что она бежала от тьмы, как от врага. Но разве может быть врагом тот, кто встречает тебя так радостно? Разве может быть врагом стихийная сила? Пусть и повязанная со смертью. Нет, умение видеть смерть – не крест и не дар. Это возможность. Еще одно измерение, в которое ее, Улю, почему-то впустили.

А вот поступки тех, кто смотрит во тьму, – другое дело. Это они делают полынь гнетом. Это они обращают возможность в беду. Гус, кем бы он ни был, должен был не заманивать в свои сети меченых, а учить их жить с полынью в ладу. Может, даже помогать тем, кто обречен на глупую, несуразную смерть. Уля до сих пор верила в эту возможность. Иначе зачем в устройстве мира задумана эта лазейка, пахнущая так горько, дающая так много?

Но не время было думать об этом. Ульяна сделала первый глоток полынного духа, и тьма тут же рассеялась, наполнилась смутными тенями. Самая яркая из них сидела на лавочке перед Улей. Кто-то из этих общительных людей совсем скоро умрет. Вдруг – решив принять смерть во имя любви? Ульяна вдохнула еще раз и открыла глаза. Мужчина продолжал смотреть на нее равнодушно, но изучающе. Желтоватые белки, испещренные змейками лопнувших капилляров, блеклая радужка, черные точки зрачков. Взгляд скользил по Уле, ненадолго задерживаясь на грязных пятнах, которыми была украшена ее куртка.

– Ну же, покажись мне, – неслышно шепнула Ульяна.

Мир чуть покачнулся, воздух наполнился горьким привкусом туманного поля. Теперь Уля знала, почему смерть пахнет именно так, и знание это примиряло ее с горечью, пронизывающей все вокруг. Грязная улица тем временем сменилась тесной палатой. В углу примостилась кровать, над ней нависали аппараты, что-то жужжало и попискивало. Мужчина с остановки лежал, укрытый белым одеялом. Его дыхание становилось все тяжелее, аппараты пищали все отчаяннее до тех пор, пока хрип не сменился тишиной, а писк – надсадным

визгом. Пациент умер. Ничего необычного. И уж точно не во имя любви, а от банальной старости. Никакого тебе полынного страха смерти. Просто конец, до которого, впрочем, ему оставалось еще с десяток лет.

Уля позволила тьме обступить себя, стирая картинку, и открыла глаза. Мужчина уже отвел взгляд, слушая собеседницу, которая принялась активно жестикулировать, с упоением рассказывая про какую-то Лидочку из офиса на Ордынке. Смотреть на Улю она определенно не хотела. Но проступающая тень принадлежала ей, поэтому Ульяна сделала шаг вперед и обратилась к сидящим.

– Не подскажете, а четыреста сорок второй здесь останавливается? – наобум спросила она, выискивая номер маршрута на стойке с расписанием.

Женщина осеклась и повернулась на голос – почти прозрачные голубоватые глаза в обрамлении густо накрашенных ресниц. Наверное, когда-то она была настоящей красоткой. Но время сыграло с ней злую шутку. Кожа потускнела, щеки обвисли, под глазами набухли мешки. Было заметно, что женщина пытается остановить старение, но получается не слишком хорошо.

Уля с жалостью посмотрела в ее глаза. Полынь хлынула тяжелым потоком. В этот раз смерть будет дарована не временем, поняла Уля. Заказанные по Интернету чаи для похудения изрешетят печень, кожа станет желтой, ноги опухнут, как только вслед за печенью откажут и почки. Но признаться врачам, в чем же все-таки дело, она так и не сумеет. Когда они догадаются сами, будет слишком поздно. И женщина с красивым именем Елизавета примет смерть, сидя на собственном диване в полном одиночестве. Только кошка придет согреть ее окоченевшие ноги. И, конечно, не сумеет.

Не выслушав ответа, Уля улыбнулась и отошла к дороге. Слезы текли по ее щекам, от циничного равнодушия не осталось и следа. Ее душили рыдания. Сколько же ходит таких по земле? Одиноких, мечущихся, никому, кроме кошки, не нужных. Как Елизавета. Как Рэм. Как мама и отец. Как она сама, Ульяна, решившая, что сумеет спасти мир, пусть не весь, но хотя бы свой.

Подъехал автобус. Беседующие втиснулись в жаркий салон и уехали. Уля не пошевелилась. Даже если худеть бедная Лиза собиралась по любви, а значит, и смерть примет по той же причине, то

случится это через пару месяцев. Может, полгода. А значит, третьей вещицей не станут ни ее любимые бусы из жемчуга, ни упаковка чертова китайского чая.

– Не черти, – голосом Рэма всколыхнулась в Уле тьма.

Ульяна послушно кивнула, вытерла слезы и пошла в сторону метро. Ей определенно следовало взглянуть на сто тысяч мертвецов. Уж кто-нибудь из них да готовится умереть в этот вечер по самой вечной и глупой причине – по любви.

* * *

К девяти вечера Уля окончательно выдохлась. Она оперлась спиной на резную колонну подземной станции и устало прикрыла глаза. Слишком много смертей прошло мимо, слишком много полыни вдохнула Ульяна, пропуская через себя чужую гибель. Разная, глупая, трагическая, кроваво-грязная, больнично-белоснежная, оправданная, даже заслуженная, логичная, внезапная, ожидаемая всеми, отрицаемая до последнего. Смерть. Кругом одна смерть, которая тянет руки к трясущемуся от страха куску мяса, чтобы все закончилось. И наступил благодный покой.

О таком покое Ульяна мечтала сейчас особенно нестерпимо. Ей хотелось принять обжигающий душ. Чтобы по коже расползлись алые пятна, чтобы тяжелый пар изгнал из памяти горечь полыни, чтобы глаза не видели больше ни тьмы, ни теней, ни чужих жизней. И особенно чужих смертей.

Она успела разглядеть и гибель от ножа в переходе, и спокойный уход в небытие, больше похожий на продолжение сна. Идущий резать вены мальчик, девочка, отказывающаяся от еды. Пышущий здоровьем крепыш, который нес в себе тикающую бомбу замершего тромба. Очень беременная женщина, которой не суждено было увидеть своего малыша. Старушка, мечтающая поскорее умереть, чтобы внучке досталась ее квартира, но обреченная влачить жалкое существование еще с пяток бесконечных лет.

Болезни, несчастные случаи, десятки аварий, гололед на дорогах и тротуарах, неисправные светофоры и пьяные водители, даже один взрыв на бензоколонке. Переедания, наркотики, паленый виски, петля, бритва, старость. Инфаркты, инсульты, Альцгеймер. Приступ паники, закончившийся шагом с балкона. Рак. Всевозможный. Дремлющий

годами и сжирающий за месяц. Диабет, запущенная простуда, туберкулез. СПИД и заморская лихорадка, привезенная из Таиланда. Укус бешеной собаки рядом с мусорным бачком у дома. И снова старость. И снова рак, дающий метастазы прямо сейчас, и тот, что покажет свой оскал спустя десять счастливых лет жизни многодетного отца семейства.

Улю замутило спустя час. Через четыре она просто не могла больше видеть смазанные картинками мечущегося в агонии мяса. Лица она не запоминала. Только причины и следствия. В них было что угодно – от дикой зависти к другому до преступного равнодушия к себе – но никакой любви, сильной настолько, что она вдруг стала дороже жизни. И весь этот переполненный людьми город разучился любить. И все, что занимало сто тысяч голов будущих мертвецов, было лишь суммой привычных действий с получением прибыли в итоге.

Одна только парочка заставила Улю оживиться. Совсем молоденькие еще, наверное, младше ее самой, они гордо вышагивали по станции, не видя ничего кругом. Девочка в длинном, до пола, платье и куцей курточке крепко держала за руку парня в узких джинсах цвета чернил. Было в них что-то тревожное. Что-то запретное. Уля двинулась им навстречу, лавируя в толпе, и вцепилась взглядом в сероватые глаза девушки. Полынь – яркая, горькая – была рядом как символ удачи. Кто еще может быть готов принять смерть во имя любви, если не эти двое? Молодые, озлобленные на весь мир, до зуда в зубах мечтающие впечататься друг в друга горячей плотью.

Так что сплетение потных тел на родительской кровати Улю ни капельки не удивило. Примерно так она и представляла себе смерть этой парочки. Сброшенные на пол чернильные джинсы, задранный подол платья, кружевные трусики, спущенные до тонких, по-детски хрупких щиколоток. Когда рука вцепилась в нежную шейку девушки, Уля поморщилась, но взгляд не отвела. Лишь задумалась: а можно ли считать это все смертью, принятой по любви?

– Можно? – в унисон с ее мыслями прорычал парень, а девушка застонала еще громче, позволяя ему делать все, что только может прийти в одурманенную гормонами голову.

Парень надавил сильнее, наваливаясь на хрупкое тело. Второй рукой он расстегнул верхние пуговицы платья и сжал оголившуюся маленькую, но крепкую грудь. Уля прислушалась к себе. По сути,

сцена должна была найти в ней хоть какой-то отклик. Парочка делала это красиво. Грубо, страстно, даже ожесточенно, но красиво. Почему же ничего в Уле не наливается тяжелым теплом? Потому что она знает, что их звериное желание несет в себе смерть? Отчего же тогда ее не захлестывает отвращение?

Почему она стоит рядом, равнодушно наблюдая, как незнакомый парень душит свою подружку, а та отвечает взаимностью на каждое яростное движение его бедер? Почему думает лишь об одном: ну, кто из вас? Ты задохнешься и обмякнешь или ты вдруг захрипишь и навалишься на нее весом вмиг обессиленного тела? А может, оба? И как мне потом прорываться в квартиру, чтобы забрать вещь, несущую в себе вашу смерть? Что это будет? Ажурные трусики, наконец соскочившие с щиколоток? Блестящая упаковка вскрытого презерватива? Отлетевшая с брюк пуговица?

Уля вдохнула горький воздух видения, желая лишь, чтобы скорее наступила развязка. Какой бы та ни была. Но картинка вдруг пошла рябью, словно кто-то швырнул в воду камень. Предметы смазались. Задранные к потолку ноги девицы слились с затейливым рисунком обоев. Хриплое дыхание парня затихло. Мгновение, и комната вовсе исчезла. Сменилась привычной суматохой станции.

Уля пошатнулась, схватилась рукой за колонну. Все тело ломило, ее будто спустили с лестницы кубарем. Она поискала парочку глазами. Те больше не вышагивали в сторону эскалатора. И даже руки, так крепко, почти яростно сжимающие пальцы друг друга, теперь покорно висели по швам.

Уля подошла поближе и прислушалась.

– Надежда Викторовна, мы просто в кино хотели сходить, – испуганным голосом отчитывался парень перед нависшей над обоими женщиной в синем плаще.

– Я не с тобой разговариваю, – отрезала та. – Вика, мне звонил твой куратор из колледжа. Ты где шатаешься? И с кем? С ним?

– Ну мам... – чуть слышно шептала девочка, еле шевеля побелевшими губами.

– Не надо мне тут мамкать! – Женщина схватила дочь за руку. – И куда вы направлялись? В нашем районе нет кинотеатра! Зато квартира есть свободная, да?

– Надежда Викторовна... – начал парень, но замолчал под гневным взглядом.

– Вот как почувствовала, что надо домой ехать, не оставаться на вторую смену... Вот как знала! Пошли! – Она потянула дочь к эскалатору. – А тебя чтобы я вообще рядом с моей дочерью не видела, понял?

Парень молча отвернулся и побрел к подъезжавшему вагону, оставив за спиной и свою подружку, и ее маму. И смерть – то ли свою, то ли нет.

Уля вернулась к колонне, прижалась к ней щекой и беззвучно рассмеялась. Вот как бывает, когда полынь вдруг совершает осечку. Чуткое материнское сердце оказалось сильнее. А девицу теперь ждет не сумасшедший секс, а неприятный разговор с матерью за кухонным столом.

Кто знает, будь их с Никиткой мама такой же бессознательно чуткой, стояла бы сейчас Ульяна тут, среди толп будущих мертвецов, копаясь в их смертях, как золотоискатель в руде? Лелея надежду найти самородок, достойный быть третьим подарочком.

«Стояла бы, – сама себе ответила Уля. – Потому что ты – дочь своего отца. И хватит тут сопли наматывать».

Она еще немного покрутилась среди людей, высматривая добычу. Но случившееся с двумя непутевыми любовниками, кажется, окончательно сбило ее со следа. Охота не удалась. Пора было признать это. Подняться наверх, зайти в магазин, купить курицу, сварить ее и попытаться напоить бульоном еще одного будущего мертвеца.

Стоило вспомнить Рэма, как Ульяну охватил почти панический страх возвращения домой. Как смотреть в его остекленевшие от боли и наступающего манекенного оцепенения глаза, если знаешь, что эти мучения могли закончиться, стоило только отыскать сегодня третью вещицу? Но вещицы нет, а значит, нет и желания. Зато есть бескрайний океан боли. И Зинаида на расстоянии звонка.

Когда в тот же момент у самой Ули завибрировал телефон, она не сумела сдержать вскрик. Проходящий мимо мужчина обернулся, Уля на всякий случай пригляделась, но смерти в нем не было. По крайней мере, близкой, кровавой и страшной. Никакого интереса прохожий не представлял. Ульяна вежливо улыбнулась ему и вытащила трубку.

Звонила Вилка. В сердце предательски защемило от предчувствия беды. Но телефон звонил, назойливо требуя внимания, и Уля сдалась.

– Да, – сказала она.

– Улька, привет! Это я! Узнала? – кричала Вилка, как всегда, слишком громко.

– Привет.

– Привет-привет, – зачастила она. – Слушай, мы тут гуляем с Владиком, помнишь, я тебе говорила, это мой жених. – И засмеялась куда-то в сторону, видимо, отвечая на слова невидимого жениха. – Так вот. Мы с ним сейчас в кафешке сидим в центре... Во-от... Может, приедешь? Он очень хочет с тобой познакомиться, а я просто соскучилась. А еще нужно обсудить твою платье на нашу свадьбу... Ты же приедешь на свадьбу? Ну конечно, приедешь!

Казалось, Вилке и не нужен собеседник – просто она настолько переполнена силой своего счастья, что его срочно необходимо куда-то слить, как кипящий кофе из турки.

– Вил, я сейчас занята... Не самое подходящее время, если честно.

– Оно всегда у тебя неподходящее, – совсем другим, обиженным голосом ответила подруга. – Пожалуйста, Ульян, приезжай! Мы на проспекте Мира.

Уля прикинула: ехать минут пятнадцать. Посидеть, выпить кофе – еще полчаса. И пятнадцать минут, чтобы вернуться. Через час она уже начнет варить бульон Рэму. А может, по дороге ей повезет встретить смертельно влюбленного мертвеца. Чем черт не шутит?

И только когда поезд понес Ульяну навстречу Вилке и ее жениху, она вдруг поняла, что смертельно влюбленных на этой встрече будет как минимум двое.

* * *

Высокий блондин с волевым подбородком и совершенно детскими изумрудными глазами встал, помогая Уле снять куртку. В его ухоженных руках эта самая куртка выглядела пыльной тряпкой, достойной лежать у входа в самый грязный вокзал. Но блондин улыбался лучезарно и тепло.

– Очень рад с тобой познакомиться. Влад, – представился он, стоило Уле войти в кафе.

Ульяна слабо кивнула и ответила на объятия подскочившей Вилки. Теперь они сидели за маленьким столиком у окна. За стеклом, украшенным фонариками, пролетали машины, а Вилка все щебетала, украдкой поглаживая пальцами ладонь своего жениха. А тот щурился в ответ, изредка прикасаясь губами к пушистой Вилкиной макушке.

Словом, выглядели они как два счастливых идиота. Если бы в Уле оставались еще силы на простые человеческие чувства, она бы воспылала жгучей завистью. Но сил не было. Откуда им взяться в теле, напитанном чужой смертью?

– А потом мы планируем поехать на Бали, – сказала Вилка, наконец закончив описательную часть свадьбы. – Ты знаешь, Владик у нас настоящий экстремал!

Уля вежливо посмотрела на Влада. Белокожему, ему сложно было скрывать румянец. И вот теперь легкая краснота выступила на гладких, без намека на щетину щеках. Уля вспомнила багряные пятна жара на смуглом колючем лице Рэма, когда тот метался на диване, не находя себе места от боли, и помотала головой.

– Нет, не знала, и чем ты занимаешься?

Влад было открыл рот, но Вилка даже подскочила на стуле от нетерпения. Она была в мятном пушистом свитере, похожем на облачко, и в розовой юбочке. Небрежный пучок, легкий макияж, светящиеся счастьем глаза. В какой-то момент Уле даже захотелось увидеть в них смерть. Но она тут же одернула себя, внутренне сжавшись от отвращения.

– Он и с парашютом прыгает, и в горы ходит, и серфингом...

– А еще дайвинг, – улыбаясь, подсказал Влад.

– Да! Вот на Бали мы попробуем нырнуть с аквалангами! Там такой подводный мир, Уля, просто неопиcуемый! Я на YouTube смотрела...

– Ты же плавать не умеешь, – встала Уля.

– Я с инструктором позанимаюсь...

– Это безопасно совершенно, – мягко заметил Влад. – Я бы не стал подвергать ее опасности. – И снова улыбнулся, оголяя ровный ряд идеально белых зубов.

Первое ошеломляющее впечатление уже прошло, и теперь Уля с трудом сдерживала раздражение. Слишком уж невыносимо хорош был сидящий перед ней жених Вилки. Без единого изъяна, скола или язвы, подтачивающей его изнутри. Лучший на свете Кен для любой девочки,

мечтающей стать Барби. Услада глаз, радость тещи. Макет идеального парня. Манекен.

Уля с трудом сдержала дрожь и перевела взгляд на Вилку. Та продолжала распинаться о невыносимых красотах подводного мира. Уля наклонилась к чашке – карамельный латте с корицей пах божественно. Но в нос ей ударила знакомая горечь.

«Нет, нет, нет», – беззвучно взмолилась Уля.

Но ее молитвы никого не интересовали.

Вилка умирала. В воде, не справившись с тяжелым аквалангом. В горах, оступившись на шатающемся камне. В поле, где приземлялись другие, более удачливые парашютисты. Умирала в ванной, куда из скользких рук Влада выпадал фен. Умирала, рожая его ребенка. Умирала, подхватив заразу в пешем путешествии по Индии. Умирала. Умирала. Умирала. Каждый раз, обходя одну смерть, она встречалась с другой. И каждый раз нес ее идеальный парень, самый лучший на свете жених, самый любящий в мире муж. Белокурый красавец Влад.

На подкашивающихся ногах Уля поднялась со стула, не замечая, как опрокидывается чашка с благоухающим латте. Глаза Вилки, полные смерти, изумленно округлились. Влад услужливо привстал, протягивая Уле руку, чтобы та не упала.

– Не трогай меня! – взвизгнула она, отскакивая.

Даже Гус, скользкий, как сама слизь, не вызывал в ней такого отвращения, как этот ангел смерти, принятой во имя любви.

– Да что случилось? – наконец выдохнула Вилка.

– Мне нужно идти... – Уля хрипела, горло перехватило, перед глазами все еще сменялись кадры сотен вариаций смерти самой близкой в ее жизни подруги.

– Уля, у тебя проблемы, да? Скажи мне... – начала было Вилка, но Ульяна уже схватила куртку, повалив вешалку, и выскочила наружу.

Она выбежала к дороге, надеясь поймать такси. Холодный ветер обдувал лицо. Сердце бешено стучало в груди. Только бы уехать. Только бы успеть. Только бы не видеть больше Вилкиных глаз, чтобы в голову не закралось даже краешка подлой мысли: а может, стоит подождать самой близкой из возможных смертей? Ведь вот он – третий подарочек. Все сходится. Любовь, во имя которой Вилка вступит на любой путь. И еще раз. И еще. И вещица, та самая, сверкающая

камешком на правой руке, тоже тут. Дождись да возьми. Да выиграй. Да пожелай того, чего хочется больше всего на свете. Покоя.

Но Ульяна не могла. Просто не имела права так поступить. Теперь-то она понимала, почему Гус так настойчиво советовал ей пить полынные таблетки. Горстями. Целыми пакетами. Чтобы третий подарочек, перечеркивающий все человеческое в сердце будущего полычника, все-таки нашелся. Чтобы никакая дурацкая совесть не помешала этому. Но таблеток не было. Их выпил Рэм, заглушая свою боль. Так что с собственной Уля осталась один на один.

Сжавшись в комок, Ульяна не услышала приближения Вилки. Секунда. И вот та уже встала рядом, крепко прижимая к себе подругу.

– Если тебе нужна помощь, мы поможем, – горячо зашептала она. – У нас есть друзья в реабилитационных клиниках. Там хорошо. Там правда помогают. Тебе нечего стыдиться... После случившегося... конечно, ты искала выход. Наркотики... Выпивка. Я не знаю, на чем ты. Но мы поможем. Вместе все преодолимо. А ты не одна, слышишь?

Уля растерянно отстранилась.

– Что?

– Я же вижу, Уль, я сама работаю с трудными подростками. У тебя ломка. У тебя галлюцинации... Но это пройдет. Вот. Возьми визитку. И позвони нам.

В руке оказался плотный квадратик картона.

– Молодец. – Вилка осторожно погладила ее по плечу. – А сейчас мы вызовем тебе такси, поезжай домой. Утро вечера мудренее, помнишь, так бабушка моя говорила...

Но Уля ее уже не слышала. Полынь разлилась сбивающим с ног горным потоком. Мир пред глазами остался таким же. Только Влад вышел на обочину дороги и взмахнул рукой, подзывая такси. Уля и себя увидела: растрепанная наркоманка в период ломки. Даже смешно. Если бы только не подошва кеда, которая поехала по льду, и Влад, скользящий прямо под машину. Крик, визг тормозов. В этот миг Уля уже понимала, что увидит дальше. Как Вилка бросается к тому, кого любит всей своей душой, всем своим сердцем, нутром и жизнью, прошлой и настоящей, а главное, будущей, которой у них не случится. Вот она отталкивает парня в сторону и сама по инерции кубарем летит под колеса. А колечко соскакивает с маленького пальчика и падает на асфальт под ноги растрепанной наркоманки Ули.

Уля бессильно закрыла глаза. Полынь хлестала, как кипяток из сорванного крана. Просто переждать. Просто разрешить случиться неизбежному. Потом взять кольцо и побежать напрямик к Гусу. Вымолить у него Рэма. Проверить, что тот жив и здоров в своем новом мире без метки. А потом... а потом найти самый острый в доме нож и завершить начатое.

Визжали тормоза, кто-то кричал. А Ульяна стояла, вдыхая полынь, бессильная и беспомощная. Все будет так же, как в жаркий июльский день. Только вместо красной сандаляки на асфальт упадет кольцо.

– Нет! – Уля не узнала свой голос.

Кто-то другой метнулся в сторону, отталкивая Вилку от бордюра. Кто-то другой подал руку Владу, помогая подняться. Кто-то другой наблюдал, как выходит из машины полумертвый от страха шофер, успевший затормозить за секунду до того, как парень рухнул, поскользнувшись на замерзшей луже.

Это кто-то другой слабо улыбался в ответ на сто тысяч благодарностей расплакавшейся Вилки и ее жениха, бледного до синевы. Это кто-то другой обещал позвонить им завтра же. Это кто-то другой садился в такси, чтобы зажать в зубах костяшки пальцев и тихо выть до самого дома. Потому что момент был упущен. А спасенная сегодня Вилка обязательно умрет. Может быть, завтра – от фена, может, через месяц – от лихорадки на Бали.

Но вибрирующий новым сообщением телефон из кармана куртки доставала точно Уля. Потому что написанное там могла понять только она.

«Дуй домой, – писал Рэм. – Твой папаша – долбаный полынный, но я скорее сдохну, чем поверю во всю эту херню».

Маятник, толкающий мир

«Теперь я знаю, зачем пишу это. Во всей моей жизни, полной нескончаемого одиночества сумасшедшего человека, в этой полынной гонке, этой жажде, этих смертях, крови и рвоте, появился смысл. Моя дочь. Моя Ульяна. Гус обязательно отыщет ее однажды. Он протянет ей руку, он предложит ей сыграть в простую игру. Он посулит ей исполнение самого заветного желания. Но она будет знать, что выиграть невозможно. Что Гус никогда не проигрывает. И это ее спасет. Вот для чего я пишу...

Сам того не подозревая, я прошел весь путь. От нестерпимой жажды до спасительного дурмана. От ощущения власти и правоты к познанию собственной ничтожности. А теперь пишу эти глупые, эти напыщенные строчки. И мне кажется, что тянусь ими к ней. К моей дочке. Видящей наперед, что этот дядя очень скоро шагнет в туман, чтобы закончить свой путь так, как он заслужил.

Но перед этим я должен довести свое дело до конца. Разобраться, зачем все это. Чтобы моя дочь шла по полынной дороге не страшась, а главное, понимая, что происходит с ней. И ради этого, видит Бог, я готов пожертвовать всем – телом, душой, жизнью или смертью.

Так странно, сколько лет не вспоминал Бога. А тут нашел старый крест, подцепил его булавкой к майке. Чувствую кожей, как он делит со мной тепло, как он защищает меня. И становится легче. Если Бог есть, он поможет мне. Если его нет... я сделаю все сам».

– Получается, твой папаша знал? – Рэм опирался на стол кулаками, нависая над Улей. – Знал, что ты будешь меченой?

Сам он выглядел изможденным и больным, но на ногах держался вполне уверенно. Когда Уля переступила порог квартиры, то ожидала увидеть его растекающимся по дивану, скулящим от боли, а может, и бездыханным. Но Рэм встретил ее в дверях. Бледный, со слипшимися от пота волосами, но живой.

– Я покопался в записях, – тут же начал он. – Да, пришлось залезть в твою сумку, искал что-нибудь пожевать. Короче, ты, видимо, не дочитала... – Он запнулся, утер лоб, помолчал, подбирая слова. – До самого важного. Пойдем.

Пока Уля развязывала шнурки, пока стягивала промокшие ботинки и ставшую слишком тяжелой куртку, в ее ушах продолжали звучать сбивчивые благодарности Вилки, которой, впрочем, могло уже и не быть в живых. На улице гололед, вечерние таксисты бывают такими неловкими, а когда над тобой клубится жадный полынный туман, все это в любой миг может стать приговором. Возможно, кто-то другой, какой-нибудь равнодушный полынник, просто проходящий мимо, уже сегодня принесет Гусу тоненькое колечко с камушком, так легко спадающее с Вилкиного пальца.

Уля прижала к лицу ладони, прогоняя образы, вспыхивающие перед глазами.

– Эй, давай быстрее. – Выглянувший из комнаты Рэм был до крайности мрачен. – Я выпил сразу четыре капсулы, но хватит меня ненадолго.

– Четыре? Ты дозировку вообще смотрел?

Уля шагнула к нему и осторожно провела пальцами по холодной и влажной щеке. Темные круги под ввалившимися глазами, их лихорадочный блеск, кожа, похожая на желтый пергамент, острые кости скул, пересохшие, потрескавшиеся губы. Уле вспомнилось, как жадно они впивались в нее, превращая полутьму коммунального коридора в океан податливого упоительного жара.

– Да плевать мне на дозировку. – Словно прочитав ее мысли, Рэм отстранился от прикосновения. – Ты ведь не нашла вещицу, так? – Его голос осип, слова царапали горло.

Уля покачала головой.

– У нас еще есть время? Я найду... я же обещала тебе, что... – начала она, чувствуя, как по лицу расползаются алые пятна стыда. – Что с тобой все будет хорошо.

Рэм дернул плечом.

– Дело уже не во мне. Пойдем. Тебе нужно самой это увидеть.

Распотрошенная сумка валялась под столом, на котором охапкой лежали смятые записочки. Уле захотелось подойти к ним и аккуратно разложить по стопкам. Успокоить их, как продрогших, до смерти испуганных птиц. Почувствовать, как отдает далеким теплом отцовских рук каждая строчка. Но Рэм уже шагнул вперед и принялся ворошить и без того растрепанные бумажки.

Пока он искал что-то, морща лоб и беззвучно шевеля губами, Уля позволила себе подойти поближе. Взгляд скользнул по чередке неровных строк и выцепил два слова, подчеркнутых волнистой линией: «Моя дочь». Уля опустила на краешек стула и принялась читать, не замечая, как Рэм выуживает из стопки нужные ему листки.

– Выходит, твой папаша знал, что ты меченая? – с нажимом переспросил он.

– Что? – Уля оторвалась от чтения и подняла на него глаза.

Это был первый раз, когда отец обращался к ней. С такой нежностью, с таким невыразимым желанием оградить от беды, которая все равно случится, что Улю захлестнула жалость. Полынный, погрязший в сумасшествии и крови, он все равно сохранил в себе немного света. Пусть слабую искорку, но ее хватило, чтобы человеческое пересилило полынное. Чтобы его многочисленные записи вдруг обрели смысл. А страшное существование – цель, а вместе с ней и конец всего, и это вселило в Улю неожиданную надежду. Если смог Артем, насквозь пропитанный страхом чужой смерти, то почему не сможет она? Та, что нашла два подарочка, почти не прибегая к помощи крошащихся белых кругляшков. Та, в чьи руки попали пусть отрывочные, пусть наспех нацарапанные на обороте рекламных брошюр, но истины полынного бытия.

– Соберись! – прикрикнул Рэм и тряхнул ее за плечо. – Откуда он знал, кем ты станешь?

– Мы виделись... – Уля поморщилась. – Да отпусти меня! Что с тобой вообще? – Рэм помедлил, но плечо отпустил. – Здесь должна быть эта записка... я была маленькой, мама привела меня знакомиться с отцом. И он понял... Что я меченая. Поэтому решил... Вот, видишь? – Уля подвинула листочек к краю стола. – Он решил, что разберется со всем до конца, чтобы мне было легче, если я встречу с Гусом.

– Когда встретишься, – чуть слышно поправил ее Рэм.

И пошатнулся. Бледное лицо приобрело совсем уж неживой оттенок. На секунду Уле показалось, что он сейчас рухнет на пол, но Рэм только крепче вцепился в угол стола, подышал, зажмурился, и продолжил:

– Он там пишет какую-то дичь. Не знаю, можно ли этому доверять. Сама говорила, что он совсем поехавший был...

– Все, что он пишет, правда. – Уле стало обидно за отца. – Сам посмотри, вот тут... Разобраться, зачем все это. Чтобы моя дочь... – Она сбилась, читать сокровенные признания под равнодушным, даже презрительным взглядом Рэма было неуютно. – Ты ему не веришь, да?

– Он полынник... а это все... Черт, да это может быть работа Гуса! Старик просто решил поиграть с нами, вот и устроил эту... дневниковую чушь. Заставил пару служек накропать записочки, развесить по стенам, а мы сидит и верим, как идиоты...

– Ага. Служек. Тебя, например.

– Да. Например, меня. Мне ты тоже поверила без особых вопросов. Почему? Вдруг я... просто играю свою роль.

– Все мы играем роли, которые написал для нас Гус. Но отец... – Кончиком пальца Уля дотронулась до бумаги. – Он вырвался из сценария, намеченного стариком. Или хотя бы решил попытаться сделать это. Я верю ему. И тебе я тоже верю. Так что, если ты хочешь дожить до конца этого месяца, придется и тебе верить мне... и моему отцу. Все просто.

– Просто... – Рэм мрачно хмыкнул и пошел к дивану, его плечи ссутулились, будто на них мигом опустился неподъемный груз. – Ни хрена это не просто.

– Почему? – чуть слышно спросила Уля.

– Если мы поверим в то, что там написано... – Он кивнул в сторону кипы листов. – То при самом лучшем раскладе я точно не доживу до конца месяца.

– Я же пообещала тебе... – жалобно проговорила Уля. – Мы найдем вещицу. И спасем тебя. Все получится. Слышишь?

– Слышу... – Рэм медленно опустился на диван, вытянул ноги и тяжело выдохнул. – Но если все это правда, спасти придется не меня. Читай.

– Хорошо. – Ульяна послушно кивнула и потянулась к стопке. – Только найду, где остановилась в прошлый раз...

– Я отложил важные куски, вон, с краю. – Он вяло махнул рукой. – Ты не пропустишь ничего особенно интересного. Там твой родитель описывает короткий, но бурный служебный роман...

– Что? – Уля дернулась на стуле от неожиданности, тот недовольно скрипнул.

– Именно. – Губы Рэма насмешливо изогнулись. – Шпионская сага о том, как беглый полынник завалил Зинаиду. – Он говорил медленно и едко. – Очень занимательно, почитай на досуге.

– Этого быть не может.

– А все остальное для тебя в порядке вещей, да? – коротко хохотнул он и тут же сморщился от боли. – Все, я пока полежу, а ты читай. Вон. С краю.

Уля с трудом отвела взгляд от его фигуры в углу дивана, потерла лоб, чтобы собраться с мыслями, и взяла верхнюю бумажку. Она сама не заметила, как быстро в тишине комнаты растворилось их хриплое дыхание, скрип стула, шорохи соседей сверху. Все это затмил собой голос в ее голове, читающий написанные Артемом слова. Уля никогда не слышала отца, но могла поклясться, что это точно был он.

* * *

«Я проснулся затемно. Ее холодное, неживое тело прикосалось к моему в трех точках. Левое плечо ощущало прикосновение светлых волос, левое бедро обжигал холод выпирающих позвонков, а чуть ниже колена в меня упиралась острая гладкая пятка. Она лежала ко мне спиной, поджав ноги и подложив ладони под щеку. Если не открывать глаза, если забыть, как холодна ее кожа, можно было представить, что рядом живая настоящая женщина. Тихо дышит, уходя все глубже в сон. Обнаженная, беззащитная в своей наготе.

От мысли, что она может быть такой, меня сотряс беззвучный хохот. Еще немного, и я бы всхлипнул от глупости пришедшего в голову. Зинаида Олеговна. Зи-на-и-да. Мертвая еще больше, чем все покойники, спящие не в своих кроватях, а под землей. В который раз все задуманное мной показалось мне же глупостью. Ошибкой. Бездумным желанием исправить то, в чем я никогда не сумею разобраться.

Но ведь она не ушла в этот раз! Первая из одиннадцати ночей, проведенных вместе, закончилась сном. Боже мой, одиннадцать раз! Я никогда не думал, что связь с кем-то может быть такой мучительной. Такой унижительной. Хотя никаких фактических различий этого же действия, но с другой женщиной, я не заметил. Она состоит из тех же частей, что остальные. Наверное, она умеет чувствовать. Возможно,

получать удовольствие от чего-то плотского. Но... Меня сотрясает озноб, когда я вспоминаю.

Ее оскаленные зубы, ее лицо, остающееся бесстрастно мертвым, когда тело отзывается на прикосновение. Кожа твердая и скользкая, но я заставляю себя прикоснуться к ней. В любой из моментов этой странной, противоестественной близости ее дыхание остается ровным. Она всегда сверху, ни единого стога, ни одной эмоции. Ни отвести взгляда от ее широко распахнутых глаз, ни дернуться, ни увернуться. Только сцепить зубы в мучительном ожидании финала. Когда ее цепкая рука сожмет мое меченое запястье и над ее идеально очерченной верхней губой появятся капельки пота – ровно две, – как знак, что на этот раз все закончилось.

Я сразу понял, ради чего все. Ради боли, что наполняет меня. Ради оцепенения, приходящего ей на смену. Каждый раз эта сука пьет мою силу. Метка становится блеклой, скоро и вовсе пропадет.

Когда я умру и попаду туда, где тонут в агонии все грешники, существо мое закольцуется в этой секунде. Белый свет фонаря за окном, обнаженное, сильное, мертвое тело, сжимающее меня бедрами. Ее ровное дыхание, мой хриплый стон. Скрип простыни под нами. И две капельки пота над ее губой. А после – жадная тьма боли, принимающая меня – голого, дрожащего, еще уверенного, что это все во имя высшей цели.

Одиннадцать ночей я выжидал. Она уходила, утирая губу. Оставляла пустоту пульсирующей боли. Но вчера она слезла с меня, провела длинным пальцем по полустертому контуру метки. И осталась. Молча повернулась спиной – в свете фонаря я мог посчитать все ее позвонки-жемчужины на тонкой нитке – и, кажется, уснула.

Когда боль ушла, я тоже задремал. Но проснулся почти сразу. Мне нужно было понять, что же я хочу спросить у нее. Как я сумею выведать нужное мне, не спугнув. Не насторожив.

– Что есть Гус? – чуть слышно шептал я.

А может:

– Что есть ты?

Или:

– Зачем он собирает вещицы? Куда потом деваются они – горы бессмысленного хлама, когда старик выпивает их силу, как ты пьешь мою.

И еще:

– Как полынь выбирает нас? Почему я стал меченым? Почему моя дочь стала такой? Вирус ли это? Ошибка в геноме? Болезнь? Дар?

И еще:

– Кто есть туман? Разумен ли он в той мере, в какой может понять человек? Зверь ли он? Дьявол ли? Бог? Зачем приходит на седое полынное поле? Забирать ли жертву? А может, в слепых поисках пропитания? Почему не трогает тех, кого защищает метка? И что есть метка? Что есть мы?

И наконец:

– Там, где цветет полынь, начинается ад? Чистилище? Рай?

– Ни то, ни другое, ни третье. – Холодный, равнодушный, как все ее существо, голос, заставил меня покрыться липким потом.

До сих пор не знаю, как я не завопил. Наверное, страх пережал горло. Наверное, во мне умерли остатки живого, способного вопить человека. Но я лишь открыл глаза и повернул голову.

Она продолжала лежать ко мне спиной. Но я понял, что она бесстрастно смотрит в стену перед собой. И от спящей ее отличает лишь движение тонких губ, над которыми больше нет пота.

– Поле – только место, где цветет полынь. Земля. Трава. Небо над ними. Важно лишь, где оно находится.

– И где же? – хрипло спросил я, потому что терять давно уже было нечего.

– Не знаю.

Этот простой короткий ответ привел меня в больший ужас, чем все, случившееся за последние годы. Ошибся. Прогодал. Выбрал не ту. Она не знает. Она ничегошеньки не знает.

– Ты сейчас ругаешь себя, – продолжила Зинаида, читая меня, даже не повернувшись лицом. – Думаешь, что лег не под того. Что стоило, наверное, предложить себя старику. – И зашлась своим визгливым смехом.

Если бы я мог, если бы чувствовал хоть какую-то силу в руках, я бы задушил гадину. Как есть – голую, холодную, неживую. Но я лежал и слушал, как она смеется.

– Бедный ты, бедный...

И повернулась ко мне – глаза стеклянно сверкнули в луче фонаря.

– Никто не знает ответа. Поле есть. Каждый меченый может прийти туда, где цветет полынь, просто шагнув в собственную тьму. Закрой глаза... – и она опустила холодную ладонь мне на веки.

Вначале я почувствовал дуновение ветра, потом – траву под голыми ступнями. И только после понял, что стою в поле. Одетый в свои старые джинсы, босой, но в рубашке. Расстегнутые манжеты хлопали на ветру. Я застегнул их. Один и второй. И только потом оглянулся.

Зинаида стояла за моей спиной. Растрепанная, в белом халате на голое тело. Куда более живая, чем я привык. Глаза ее лихорадочно блестели, губы припухли от поцелуев. Она была красива в этом рассеянном свете, лившемся сквозь низкие тучи. Тонкие щиколотки тонули в зарослях жесткой седой травы.

– Видишь, она цветет. Скоро закончится этот круг, и туман придет обновить его.

Зинаида подошла совсем близко и зашептала на ухо, положив ладонь мне на грудь.

– Но для всего нужна сила. И для этого тоже. Бесконечный круг жизни, мой дорогой.

– Замкнутый круг.

Слова вырвались сами собой. Зинаида посмотрела на меня и криво ухмыльнулась.

– Так и есть. Замкнутый круг бытия. Он всегда был и всегда будет. Так заканчивается день, так приходит новый, так рождаются и умирают. Если хочешь, туман – маятник всего мироздания. Отправная точка. То, что толкает мир вперед.

Я окаменел. Я знал, что она не врет. Я читал это в ее глазах, как она читала в моих сковавший меня ужас. Она засмеялась, теперь уже низко и утробно, и толкнула меня в грудь. Я упал навзничь. Поле покачнулось, небо нависло тяжело бегущими тучами. Я лежал и смотрел на них, чувствуя, как рубашка впитывает влагу травы.

Зинаида присела рядом.

– Думаешь, ты первый, кто захотел понять? Полынный, решивший выведать правду. Обхитрил старика, очаровал несчастную одинокую бабу...

Мне понадобилось время, чтобы понять: она говорит про себя. Одинокая. Баба. Зинаида. Губы сами растянулись в усмешке.

– То-то же... и правда смешно. – Она легла рядом, положила мне голову на плечо. – Я высосу тебя до доньшка, дорогой мой. Совсем не так, как тебе бы хотелось. – Хмыкнула, помолчала. – Твоя метка истончится, а после исчезнет. И ты придешь сюда, на это поле, без нее. Никакой защиты, никакого бремени, оправдывающего твои прегрешения. Ничего. Нагой, дрожащий, совсем мертвый.

– Туман не трогает меченых?

– Не может. Старик защищает своих прислужников. Пока они еще могут служить ему.

Я не мог отвести глаз от давящего неба. Мне казалось, что оно сейчас рухнет, раздавит, укроет собой все, до чего только сумеет дотянуться. Нас, например. И потому вопросы мои срывались с губ свободно, как дождь в сентябре.

– Кто же он?.. Этот старик.

– Не так. Ты спрашивал лучше. Попробуй еще раз.

Я подумал. И понял.

– Что есть старик?

– Старик есть все. Он – мор, скорбь, он – смерть и слуга смерти. И ее орудие. Он – Кощей, чахнувший над золотом. Одни зовут его тленом, другие – чумой. Третьи – Гусом. – Она прижалась ко мне еще плотнее. – Он – тяжелый дух страшной гибели. Помнишь, как пахнет мертвое, обгадившееся в последней агонии тело? Это он. Каждое несчастье – это он. Каждая порезанная вена. Каждый вдох засунутой в духовку головы.

– Он – Дьявол?

– Нет, ну что ты... Дьявол бы не боялся. А старик боится. Еще как.

– Чего же может бояться тлен и мор?

Зинаида помолчала, а потом легко вскочила на ноги.

– Пойдем, я покажу.

И я встал. И я пошел. Туман клубился под нашими ногами. Полынь клонила тяжелые головы к земле.

– Ты же понимаешь, почему я говорю тебе все это? – не оборачиваясь, спросила Зинаида.

Я вначале кивнул, а потом уже ответил:

– Потому что скоро наступит мой черед.

– Правильно. Ты больше не нужен старику. Не откажись ты от таблеток, продолжи таскать ему тонны всякого хлама... Ты все равно

испит до дна. Ты оболочка. – Она остановилась. – Ну а я ускорила умирание. Без обид.

Там, идущая по колону в седой траве, она казалась мне почти настоящей женщиной. Тонкой, сильной, гибкой, злой, но чувствующей. Мне захотелось прикоснуться к ней еще раз. Так, чтобы она различила мое тепло. Но Зинаида прибавила шаг. Туман стал плотным. Метку слабо покалывало, стоило только опустить руку. Я отдернул ее и пошел дальше. Мы брели в тумане. И мне казалось, что еще немного, и к нам выйдет лошадь – грустная белая лошадь. Но лошади не было. Ничего не было. Только молоко и Зинаида, идущая по седой траве.

Она остановилась резко, почти испуганно. Я встал рядом. Плечом к плечу. Холод ее кожи, хлопающий на ветру халат. Облачка пара от моего дыхания. Зинаида протянула руку, и та сразу же утонула в тумане. Я повторил ее движение. Думал, что там будет один туман и только туман, что в этом месте заканчивается поле и начинается молочное ничто.

Но мои пальцы уперлись в каменную кладку. Холодная, влажная, осыпающаяся.

– Прислушайся, – шепнула Зинаида.

Я закрыл глаза, хотя и так ничего не видел: слишком густым, слишком опасным становился туман у этой стены. Кто-то ходил за ней, вздыхал, стонал, кажется, плакал. Кто-то шелестел травой, касался ее верхушек слабой рукой. Кто-то шептал неразборчиво, может быть, молитву. Говорил что-то вполголоса, наверное, обращаясь к небесам. Оттуда раздавались плач и смех. Оттуда неслись звуки бесконечного томления не жизни, но и не смерти.

Откуда я знал это? Я видел. Через тьму под своими веками я видел их. Мертвецы, застрявшие посередине. Прикованные каждый к своей вещице. Запертые за стеной. Спятившие от безысходности. Отравляющие злобой своего сумасшествия туман, который, по сути своей, призван быть равнодушным. Нейтральным. Никаким. Просто маятником, толкающим мир.

– Это он сделал с ними?.. Старик? – не слыша себя, спросил я. – Он запер их за стеной, он не дает им уйти. Но как?

– Ты хотел знать, куда девается весь хлам, который вы тащите ему каждый день. Вот сюда. За стену. Ее ни расшатать, ни снести, ни

выломать. И в каждой вещице – душа. Это вы украли ее, чтобы подарить своему хозяину. И в каждой – смерть. Это вы увидели ее, но не предотвратили. Грязная. Дурная. Дарованная не судьбой, нет. Гусом. Теперь понимаешь?

Я молчал. Все стало ясно. Солнечный луч прорвался сквозь плотную завесу облаков, но осветил лишь заброшенное кладбище. Сотни тысяч мертвецов, закопанных руками таких же убийц, как я.

– Значит, Гус насылает дурную смерть на людей, которым она не суждена?

– Да.

– Значит, Гус собирает вещицы, чтобы запереть здесь погибших не так, как они должны?

– Да.

– Значит, Гус отравляет ими туман?

– Да.

Я открыл глаза. Зинаида смотрела на меня. В ее живых, человеческих глазах стояли слезы.

– Кто ты? – спросил я.

– Полынница, как и ты. Убийца, как и ты. Обманутая, как и ты. Обреченная, как и ты. Принесшая три подарочка, попросившая старика стать пусть не равной ему, но близкой. – Она развела руками. – Обрекшая себя на бездушное тело, холодные руки, стеклянные глаза. На медленное умирание под коркой пластмассовой кожи. Я становлюсь пустой оболочкой, как и все мы. Но в разы медленнее, в разы больнее. Кажется, я прогадала с желанием.

– Нужно было просить безлимитную кредитку, – вырвалось у меня. Лицо ее исказилось.

– Ты обречен, понимаешь?

Я молчал.

– Эти. – Она кивнула в сторону стены. – Они разорвут тебя на части, когда туман принесет тебя к ним. Я видела, как это бывает.

– Мне не страшно.

– А зря. Я вот боюсь до тошноты. – Оскалилась она и обняла себя за плечи.

И я подошел, и я обнял ее. Опустил лицо ей в волосы. Вдохнул их травянистую горечь.

– Когда мы вернемся, я снова стану пустой, – прошептала она. – Я ничего не почувствую, я почти ничего не вспомню. И в следующий раз... я допью тебя. Так продлевается мое собственное существование. Метка исчезнет, а потом исчезнешь в тумане ты. И мне не будет совестно.

– Хорошо. – Я продолжал обнимать ее, согревая озябшее тело своим. – Но перед этим... я должен узнать. Зачем это все старику?

– Просто еще один замкнутый круг. Гус пьет силу отданных ему вещей, заключая мертвецов за стену. Он отравляет туман их горем и болью, чтобы тот качнул мир в сторону дурной, несвоевременной гибели. Тогда Гусу снова принесут вещицы, и он снова напьется чьей-то жизнью.

– Чтобы отравить туман...

– Чтобы отравить туман, – эхом повторила Зинаида. – Маятник, толкающий мир из стороны в сторону.

– А мы? Зачем тогда мы? Это Гус создал нас?

– Гус никогда не создает. Он рушит, отравляет, изворачивает... я не знаю, кто мы и зачем... – Она вздохнула и отстранилась. – Нет, не мы. Вы. Может, это полынь призывает людей разорвать круг. Увидеть, предотвратить, спасти... Но вместо этого жалкие людишки бегут на свет болотного огонька и попадают в трясины. На человеческой глупости, жадности и злости стоит эта стена, а значит, стоять ей до конца времен.

Я почти не видел ее уже. Она была совсем рядом, прикасалась ко мне поднимающейся в дыхании грудью. Но туман уже заволок нас. Все сильнее, все злее меня кусая.

– Пора уходить, – наконец сказала Зинаида. Ее взгляд снова стал равнодушным и острым. – Нет смысла говорить, что все услышанное здесь ничем тебе не поможет. Я привожу сюда тех, кому суждено исчезнуть в тумане по моей вине. Ты не лучше, но и не хуже других, Артем. Просто твое время пришло. Мне кажется справедливым, что умрешь ты, понимая, зачем, почему и от чьих рук.

Я потянулся и притронулся к холодному камню. Серая бесконечная стена, в кладке которой я был еще одним кирпичиком. Стена, защищающая меченых от праведного гнева умерших не своей смертью. Стена, за которую меня унесет туман. И поделом.

Я закрыл глаза, вдохнул горечь полынного поля, а открыл их в своей комнате. А теперь я сижу и пишу все это, не веря, но надеясь, что знание, за которое я отдал больше, чем у меня осталось, однажды спасет ту, что пойдет по моим стопам».

Строки закончились раньше, чем Уля это поняла. Она отложила листок, с удивлением отмечая, как посинели ее дрожащие руки. Потом провела ладонью по лицу. И снова удивилась: щеки были мокрыми от слез, из прокушенной губы текла кровь. Боль в груди заставила Ульяну понять, что воздух не поступает в горящие легкие. Она осторожно вдохнула и удивилась еще сильнее. Оказывается, тело сохранило возможность дышать. И даже сердце билось внутри, гоняя кровь. По кругу.

Застонав, Уля прижала пальцы к вискам. Осознание прочитанного не приходило. Написанное там билось в голове, порождая мигрень, но впитываться не желало. Потому что, приняв за истину написанное отцом, пришлось бы оборвать любую возможность вернуться обратно. Рассказанное Зинаидой ломало всю систему мира. Оно было так невозможно, что походило на правду. Очень походило. Слишком. Неопровержимо.

Уля с силой оттолкнулась от стола и вскрикнула от неожиданности, услышав за спиной хриплый голос.

– Ну как, просто в это поверить?

Она медленно обернулась. Рэм сидел на диване, не сводя с нее взгляда ввалившихся потемневших глаз.

Все что угодно

– Ты вообще читала, что он тут понаписал?

Одним движением ладони Рэм смахнул со стола бумажки, и те разлетелись по сторонам, как последние листья на злом ноябрьском ветру. Уля молча присела и начала собирать упавшие записки.

– Это какой-то бред! О таком только в бульварных романчиках и пишут, ты это сама-то понимаешь?

Листок к листку. Строчка к строчке. Вот здесь Артем начал свою охоту за неуловимым травяным запахом. Вот тут почти сошел с ума, одурманенный полынью. А тут – сошел, когда упал в ноги Гуса. Страх, сомнения, жажда, одиночество и торжество. Все, чем полнилась жизнь отца, тяжким грузом опустилось на Улины руки. А Рэм продолжал бушевать.

– Нет, ты только посмотри! – не унимался он, комкая в пальцах листок. – Гус пьет силу отданных ему вещиц, заключая мертвецов за стену, чтобы отравить туман их горем и болью...

Его губы насмешливо кривились, и сам он – дерганый, ошалелый от убийственной дозы обезболивающего, – кажется, плохо соображал. Лихорадочный блеск в коньячных глазах пугал Улю сильнее всего.

– Успокойся и сядь, – тихо попросила она.

– Маятник, толкающий мир из стороны в сторону! – Голос сорвался, и Рэм тяжело закашлялся, схватившись за ребра. – Черт.

– Не черти, – поморщилась Уля. – И сядь. Пожалуйста.

– Да не хочу я садиться! – Он выпрямился и посмотрел на нее сверху вниз. – Как ты можешь быть такой спокойной, когда твой долбаный папаша пичкает нас этой херней?

– Ничем он нас не пичкает...

– Ага. Только сравнивает с Гусом. По масштабу преступлений против мироздания. А так все хорошо, не стоит волноваться. – Он помотал головой. – Даже звучит дико. Нет, ты посмотри, что он тут понаписал! Хоть книгу издавай.

Уля поднялась, аккуратно вернула листочки в стопку и вышла из комнаты. Рэм что-то крикнул ей в спину, но она не обернулась. Пульс оглушительно стучал в ушах. Все процессы, поддерживающие

человеческое тело живым, сами вдруг стали невыносимой обузой. Уля заставляла сжиматься и разжиматься сердце. Насильно заполняла легкие воздухом. Она сосредоточилась лишь на этом, только бы не дать себе думать. Но мысли, как раскаленное сверло, так и ввинчивались в мозг.

Дрожащими руками Уля взяла чашку, подставила ее под струю холодной воды из-под крана и медленными глотками выпила. По горлу пронесся холод. Внутри все сразу онемело, затихло.

И стало легче.

Уля умыла пылающее лицо. И только потом посмотрела на себя в зеркало.

Но увидела лишь поле. Бескрайнее седое поле. Туман собирался на горизонте. Ничего нового. Просто маятник, толкающий мир. Просто голодные, сошедшие с ума тени. Тени людей, прикованных к вещцам, как к могильным камням. Сто тысяч мертвецов.

Двое из них оказались там по ее, Улиной, вине. Красивый мальчик Глеб Ямской. Косматый подонок дядя Коля. И кто-то третий, еще не определившийся, еще способный увильнуть от наступающей его дурной гибели. Например, Вилка. Ведь это и правда могла быть она. Улю передернуло. Она представила, как бродит по колена в полыни красавица и умница Виолетта – социальный работник, мамина дочка, будущая жена. Стоило только остаться на месте, дать ей погибнуть, и тонкое колечко обрекло бы ее на вечность за серой стеной.

А ведь как назойливо снилась Уле стена все эти годы! Отец, исчезнувший в тумане, подавал ей знак. А она продолжала отмахиваться, делать вид, что побег от прошлого закроет полыни дорогу в будущее. И образ серого камня, крошащегося в худых пальцах, стирался из памяти, стоило только напомнить себе, что это все просто сон. Трава, стена, туман и смех Никитки. При мысли о нем Уля с хрипом вцепилась в волосы, натянула их, чтобы острая боль заглушила боль другую, боль невыносимую. Но было поздно.

Полосатая кепочка, мелькающая в седых зарослях. Смех, переходящий в отчаянный вопль.

Никита все это время был там. За стеной. Пока она тонула в сожалениях. Пока сетовала на судьбу, но продолжала дышать, ходить, есть, говорить.

Он был там. Прикованный к красной сандалие, которую так и не нашли.

– Наверное, вылетела на обочину, – говорил Алексей, хотя никто его об этом и не спрашивал. – Наверное, подобрал кто-нибудь.

Подобрал. Испуганный игрок. Равнодушный полынный. Скулящая от ужаса служка. Да какая, в общем-то, разница? Кто-то сделал это. Принес Гусу пыльную сандалию. Обрек маленького смешливого мальчика на годы туманного морока.

А она, виноватая во всем, продолжала жить. Жалея себя.

– Черт! – Уле хотелось выть, но получалось лишь хрипло чертыхаться, склонившись к раковине.

– Кто у тебя там? – Голос Рэма заставил ее выпрямить спину.

Он уже успокоился. Движения снова стали медленными и слабыми. Глаза поблекли, ввалились. Только красные пятна на смуглых щеках выдавали пылающую внутри болезнь. Смерть, стоящую на пороге. Рэм тяжело навалился на косяк двери и смотрел куда-то мимо Ули, за окно, на побелевший от снега мир.

– Брат, – выдохнула Ульяна, не позволяя себе закричать, хотя крик рвался из горла. – Мой брат.

– Тот парень из электрички? – равнодушно спросил Рэм. – Гус сказал, что ты принесла вещицу какого-то мальчишки... Это он?

– Нет, конечно, нет... Его звали Никита. Моего младшего брата. С него все началось.

Рэм не шелохнулся, только пальцы сжали пузырек с таблетками.

– Я должна была за ним следить... На прогулке. Но отвлеклась. И его сбил грузовик. – Уля сама поразилась, как легко было сказать это, будто за словами не скрывались годы боли и неизбывной вины.

– Полынь показала тебе его смерть? – Голос Рэма слышался далеким и безжизненным.

– Да... За минуту до. Я могла что-то сделать, но не сделала... и он погиб. – Она тяжело сглотнула, чувствуя, как свело губы, будто от анестезии в кабинете зубного врача.

– Но ты же не принесла вещицу. Если верить твоему отцу, так это не работает. – Рэм пожал плечами. – Так что твоего брата... – Он сбился. – Там его нет.

– Есть. Я слышала его смех, когда была у стены. – Уля медленно осела на табуретку. – Я уже несколько лет вижу ее во снах. И слышу,

как Никита смеется. Или плачет. Он там. Кто-то другой принес его сандалию... Красную. С замочком. И Гус... Гус запер моего брата за стеной... – Беззвучный всхлип наконец сорвался с Улиных губ, мучительно сотрясая все тело.

Рэм остался стоять у двери.

– Моя мама тоже там, – сипло проговорил он. – Даша... эта сука... принесла ее крестик Гусу. Отдала как третий подарочек. Все это время... Мама была там.

– Мне жаль, – только и смогла выдавить Уля. – Рэм, мне так жаль...

– Нет. Я просто не могу... – Он мрачно покачал головой. – Если я поверю, значит, она и правда гниет за долбаной стеной. В долбаном тумане. Нет. Твой папаша просто свихнулся.

– Мы же не можем сделать вид, что этого нет? – На дрожащих ногах Уля поднялась со стула. – Что отец не писал ничего, а мы ничего не читали.

– Почему? – Рэм не мигая смотрел в окно. – Я останусь здесь, пока ты ищешь последнюю вещицу. И никакой полыни. Никакой стены. Никакого тумана...

– А если они и правда там? – чуть слышно спросила Уля, прикасаясь к его плечу. – Я не смогу жить, зная, где мой брат... – Она помолчала. – А ты? Ты сможешь?

– Пару часов, оставшихся до звонка Зинаиды? Как-нибудь справлюсь.

Уля застыла перед ним. Ее переполняли тоска и жалость. Рэм, бледный, изможденный, из последних сил смотрел мимо нее в страхе встретиться глазами, выдать бурю чувств внутри.

– Посмотри на меня, – попросила Уля.

Тишина. Только вода шумела в соседских трубах.

– Посмотри на меня.

Он мотнул головой, продолжая буравить невидящим взглядом стену напротив. Уля потянулась к нему, осторожно взяла его лицо в ладони и повернула к себе. Отросшая щетина колола ей кожу. Коньячные глаза почернели от боли. Рэм молчал, сцепив зубы. В этот момент Уле отчаянно захотелось его поцеловать.

Прикоснуться губами к пересохшим губам. Прижаться всем телом к его груди, обвить руками плечи, то ли ища защиты, то ли самой защищая его от тумана, клубящегося вокруг. Но есть холод, который не

прогнать ничьим теплом. Даже теплом сердца, изнывающего от жалости, которую так просто принять за любовь.

– Мы не можем сделать вид, что ничего не знаем. Помнишь, я обещала позвонить, если отец напишет о чем-то важном? Считай, что позвонила. А ты поднял трубку.

– Ну и идиот же я. – Рэм слабо улыбнулся.

– Идиот, – согласилась Уля, заставляя себя ответить на улыбку, и опустила руки. – А теперь нужно понять, что дальше...

– Твой папаша...

– Артем, – поправила она.

– Да, Артем. – Рэм прислонился к дверному косяку. – Тоже крепко об этом задумался. Но придумал он уж совсем невероятную дичь.

– Еще хуже, чем маятник, толкающий мир? – Уля пристроилась у противоположного косяка. Теперь они стояли друг перед другом, почти соприкасаясь мысками ботинок.

– Куда хуже. – Рэм потянул драматическую паузу, дождался, пока Уля ткнет его кулаком в плечо, и продолжил: – Твой папаша... Прости-прости, Артем. Так вот, он решил пойти к стене. И разобраться со всем на месте.

Уля почувствовала, как кровь отхлынула от ее лица.

– Что? – переспросила она, борясь с тошнотой.

– Ага. Ты не ослышалась. Он решил сам уйти туда. В туман. Серийный полынник. Если верить во все эти бредни, его бы там развоплотили быстрее Гуса. И пылинки бы не осталось. – Рэм уперся в косяк затылком. – Говорю же. Херня это все.

– Осталась.

– Что «осталась»? – Он посмотрел на Улю. – Эй, ты чего побледнела так?..

– Пылинка осталась. И не только. – Она еле шевелила онемевшими губами. – Я видела его там. У стены.

– Черт. С вами свихнуться можно, – выдохнул Рэм и закатил глаза. – Быстрее бы уже Зинаида позвонила, а?

* * *

Когда они выходили из квартиры, мрачные и тихие, Рэм остановился на пороге.

– Тебе плохо? – спросила Уля, напряженно роясь в сумке, переполненной смятыми листами.

Весь свой ворох несвежей одежды она без сожаления оставила в углу комнаты. Когда собираешься на тот свет, глупо думать, а не пригодятся ли тебе следующей весной вот эти светлые джинсы. Но уйти, не забрав с собой отцовские записи, она не смогла.

– Это макулатура, зачем она тебе? – недовольно пробурчал Рэм и закинул в рот очередную капсулу.

– Притормозил бы ты с этим... – в тон ему ответила Уля, сгребая бумажки в прозрачный пакет с веселеньким логотипом супермаркета.

– Плевать. – Он встряхнул пузырек, чтобы проверить, сколько таблеток осталось. – Ну, до больницы хватит. А там обо мне позаботится подружка твоего папаши. – Он хмыкнул. – Не думала еще, как тебе ее теперь называть? Мачеха Зинаида? Мама Зина?

– Иди ты. – Уля нервно хмыкнула. – Я до сих пор не верю, что мы туда собираемся.

Они поспорили целый час. То переходя на крик, то понижая голос до сдавленного шепота, когда им вдруг казалось, что сами стены подслушивают, готовые передать каждое произнесенное слово Гусу.

– Ты не могла его там увидеть, это оптическая иллюзия, или его неуспокоенный дух, или просто какой-нибудь свихнувшийся полынный вышел прогуляться, – доказывал Рэм, перекачивая на языке очередную капсулу.

– Именно. Полынный, мой отец. – Уля пыталась вспомнить, сколько таблеток было проглочено Рэмом за последний час, но терялась, досчитав до восьми. – Ты же сам об этом читал.

Последняя записка лежала между ними, сидевшими на разных концах скрипучего дивана.

«Немыслимо даже думать, – писал отец, – во скольких ужасающих преступлениях против самого мироздания я виновен. Сколько людей было убито. Сколько погибло при странных, нелепых обстоятельствах. Сколько закончило свой путь, сжимая в скользких пальцах лезвие. Просто потому что я служил своему хозяину, заставляя маятник толкать мир в сторону гибели, несвоевременной смерти. В сторону крови, предательств и убийств. В сторону тьмы.

Я пытался, но не сумел вспомнить их количество. Я не знаю их имен, я не могу восстановить в памяти их образы, их черты.

Сохранилась лишь вереница смертей, сливающаяся в одну. И только списки, длинные списки моих жертв, которые я вел, упиваясь собственным могуществом. Вот что от них осталось.

Больше всего прочего сейчас мне хочется сжечь бумаги. Распахнуть окно и позволить ветру унести пепел. Но я не посмею. Я обязан оставить каждое слово на месте. Я сам вел эту летопись. Я хвастался своими бесчинствами. Я был одурманен. Я был одурачен. Но это был я.

Дочь прочтет написанное и ужаснется. И возненавидит меня. Я стану ей противен. Мне больно думать об этом, но я заслужил. И это удержит ее на последнем рубеже. Она не шагнет во тьму под веками, как сделал это я. Она сумеет прожить лучше, чище, светлее. Иначе в чем смысл?

Когда дорога приведет ее сюда, в эту комнату, она прочтет мою жизнь – записка за запиской. Признание за признанием. А после отложит и это. Чтобы продолжить мой путь. Чтобы понять, как исправить все, что я успел натворить.

Ульяна, моя милая девочка. Моя красивая девочка. Моя смелая и честная девочка. Ты сумеешь разобраться во всем. Если все получится так, как я решил, мы еще встретимся. Ты придешь туда, где цветет полынь, за ответом на последний вопрос. И, зная его, я буду ждать тебя там.

Сейчас я закончу писать. Подвешу этот листок. И пойду через туман и седой цвет. К стене. К теням, ждущим меня за ней. Я вдруг понял, что они не жаждут справедливости, нет, им просто нужен покой. Ус-по-ко-е-ни-е. Как и мне, как и всем.

Если я приду к ним сам, если я шагну в туман, если я... Не знаю. Я просто постараюсь понять, как сделать так, чтобы все стало... правильно. И если нужно, то я разберу эту стену по камню. Но выпущу их. Никто не должен умирать так страшно, но если это случилось, перед ними были обязаны открыться новые пути. Или пелена последнего покоя должна была окутать их. Или Бог должен был протянуть им руки и увести в райские кущи. А может, все они должны были переродиться в новых телах и начать следующий круг? Я знаю лишь одно: никто не должен скитаться в полынном тумане. Так не должно быть.

И чем дальше они там, тем хуже становится мир. Язва на его теле растет. И все больше бед происходит с теми, кто должен был жить долго и счастливо. Рушатся судьбы, падают самолеты, автобусы пробивают ограждения и уходят под ледяную воду.

Это все маятник, качнувшийся не туда. Это все Гус, запирающий тени за стеной.

Я должен что-то сделать. И я пойду. И я сделаю, слышишь меня, Ульяна? А может, никто не слышит. Может, никто никогда и не прочтет эти строки. Может, сегодня туман унесет меня за стену и томящиеся там разорвут меня на части.

Все может быть. Но я должен попытаться.

И я попытаюсь».

Уля дочитала до последней точки. Сжала листок в побелевших пальцах и посмотрела на Рэма.

– Вдохновляет, правда?

– Перестань, – попросила она. – Хотя бы сейчас не надо делать вид, что все это кажется тебе забавным.

В горле першило. Горькая вода подступала к глазам откуда-то из самой глубины. Но слез не было. В Уле зрело решение, и Рэм понимал это, потому и пытался спрятать страх за натянутой улыбкой.

– Твоего папашу развоплотил туман. Мне жаль, правда. Но сколько лет назад это было? Двадцать?

– Что-то вроде того, – нехотя кивнула Уля.

– Ну, значит, ничего у него не вышло. Если ты говоришь, что видела стену, слышала, как они там... бродят. – Он поежился. – Получается, он отправился туда, и все. С концами.

– Ты меня не слышишь. – Уля устало прислонилась спиной к стене, в голове было гулко и пусто. – Мы ходим с тобой по кругу. Он там. Мой папа. Он ждет меня. Он...

– Пытается разобрать стену, да... Уль, никто не смог бы шататься по полю двадцать долбанных лет. Двадцать лет. По полю. Я молчу про туман.

– Он был там. Я его видела. Я точно это знаю. И пойду туда, – сказала она, и сердце тревожно замерло. – Он ждет меня двадцать лет. Я должна.

Только произнеся это вслух, Уля наконец осознала, какое решение она приняла. Но вместо страха ее наполнило поразительное, непривычное спокойствие. Словно весь путь, который она проделала, на ощупь пробираясь сквозь туман, уже закончился. И случившееся было лишь предисловием к чему-то большому и важному. К отцу, который ждет ее там, где цветет седая полынь.

– Хорошо. – Рэм усмехнулся, наблюдая, как расслабленно она выдохнула. – Тогда я пойду с тобой.

– Нет, тебе туда нельзя... – начала Уля.

– Почему? Если твой папаша спокойно дошел до стены и тусуется там двадцать лет, то почему нельзя мне?

– Но там ведь туман, ты же понимаешь, что будет.

– Меня унесет в прекрасную страну Туманию? – Он снова хмыкнул. – Артема же не унесло, а ведь на его руках куда больше крови, чем на моих. Скольких он отправил за стену? Двадцать? Тридцать? Сотню человек?

– Я не знаю.

– А я двоих. Как тебе уравнение?

Спорить с ним не получалось. Рэм излучал какую-то бесшабашную уверенность в собственных словах. Он улыбался, глядя, как сжимается под его взглядом Уля. Как хочется ей пойти туда, навстречу отцу, знающему все ответы. И как страшно ей сделать это.

– Ты совсем не боишься? – спросила она наконец.

– Нет. – Рэм пожал плечами. – Я тут понял, что если все это выдумки... – Он окинул взглядом бумажки на столе у окна. – Значит, я так и не узнаю, что сделает со мной Зинаида, стоит им только вспомнить о моем существовании. И это куда хуже, чем верить во все, что понаписал твой папаша. К тому же... За двадцать лет он и правда мог понять, что делать и со стеной, и с Гусом.

Уля вспомнила, какими безумными, слепыми глазами смотрел на нее встреченный у стены. Он совсем не выглядел человеком, познавшим истину. Скорее языком тумана, который обрел очертания иссушенной мужской фигуры.

– Мы просто сходим и посмотрим, – прервал ее воспоминания Рэм. – Сколько сейчас времени?

– Десять.

– Часам к двум ночи никого в больнице уже не будет. Я точно знаю, Гус сваливает оттуда ближе к полуночи. Торчит у себя на складе. Собирает подарочки с полынных, служек на планерках песочит. – Он оскалился, оголяя зубы. – Короче, в больничке будут одна Зинаида и парочка врачей. Мы проскользнем.

– Ты так уверен, что нас никто не заметит?

– Думаешь, вход на поле стерегут? – Рэм посмотрел на нее, как на умалишенную. – Да к нему близко никто не подойдет по собственному желанию. Особенно те, кого твоя милая мачеха уже прибрала к рукам.

Уля покачала головой, принимая, впрочем, заслуженность этой колкости. Представлять, как отец прикасался к Зинаиде, не хотелось совершенно. Хватало простого знания, что это когда-то происходило.

– Значит, мы просто пойдем туда.

– Да.

– На поле. Искать моего отца.

– Да. Ты же его видела. Не думаю, что он успел взять отпуск и уехать к морю.

– Но я не могу обещать, что он будет способен что-то нам рассказать.

Рэм помолчал, достал еще одну капсулу, сжал ее зубами и запрокинул голову. Уля подождала, пока он проглотит таблетку.

– Мне показалось, что он немного не в себе.

– Немного – это насколько?

– Совсем не в себе.

Рэм покачал головой и выудил из коробочки следующую капсулу.

– Если он и правда там, значит, все, что мы прочитали, правда. Как минимум в этом мы убедимся. А дальше посмотрим.

Уля помолчала, наблюдая за тем, как перекачивается капсула в его длинных пальцах с обкусанными ногтями.

– Спасибо, – прошептала она, не поднимая глаз.

Рэм хмыкнул и встал.

– Собирайся давай, у нас не так уж много времени.

И только на пороге квартиры они заговорили вновь.

– Тебе плохо? – спросила Уля еще раз, отыскав на самом дне сумки ключи.

Рэм продолжал стоять к ней спиной и смотреть в темноту коридора.

– Когда все закончится, – глухо проговорил он, – не продавай ее... квартиру эту. Живи здесь. Хватит уже мотаться по тухлым коммуналкам. Мне кажется, вот таким и должен быть твой дом.

– Пыльным и старым? – попыталась отшутиться Уля, но сама испугалась фальшивости тона. – Прости... я понимаю, о чем ты...

– Как будто эти стены все знают, – выдохнул Рэм. – И тебя, и твоего отца... и меня.

Уля сделала шаг и прикоснулась к его плечу. Он не скинул ее руку, но окаменел от прикосновения.

– Тебе не нужно прощаться. Ты сам говорил: мы идем, чтобы узнать, правда ли это все... а потом я найду вещицу, и мы вытащим тебя.

– Ага. – Рэм покачал головой. – Возьмемся за руки и убежим на закат.

– Если захочешь, так и сделаем.

Он на секунду прислонился щекой к ее руке, развернулся и решительно зашагал вниз по лестнице. Оставив Улю один на один со скрипучим замком и гнетущим предчувствием беды.

* * *

На улице было темно и морозно. Первый снег, хрустевший под ногами, окрасил все кругом в мерцающее серебро. Они шли по тропинке из двора к центральной улице в надежде поймать такси. Но по дороге лишь изредка ползли одинокие машины, никак не реагирующие на их поднятые руки.

– Может, автобусы еще ходят? – спросила Уля, кутаясь в шарф.

Когда-то Рэм завязал ей глаза этой колючей пряжей, чтобы тьма под веками приняла ее, слепую и испуганную. Но получилось плохо.

– Может быть. Доехать бы до центра, а там поймаем такси.

Баланс телефона, как нарочно, ушел в приличный минус, и звонок никак не желал проходить.

– Включишь свой? – в который раз спросила Уля, окончательно озябшая на холодном ветру.

– И мне сразу же позвонит Варя, – покачал головой Рэм, пряча подбородок в поднятый воротник куртки. – Просто пойдем вперед. Где-то же здесь должна быть остановка?

И они шли, смертельно продрогшие, но живые. Шли, перекидываясь ничего не значащими шуточками, почти забыв, куда и зачем идут. Шли, уверенные, что эта дорога никогда не закончится. Просто потому, что кроме спящих домов и хрустящего снега, и ветра, и плеча, прикасающегося к плечу, ничего в мире не существовало. Просто потому, что ничего больше и не должно было существовать.

Когда впереди замаячила остановка, подсвеченная фонарем, в лучах которого плясал снег, Уля замедлила шаг, но Рэм подхватил ее за локоть и потащил вперед.

– Сейчас посмотрим, ходят ли автобусы.

Автобусы еще ходили. Приближалась полночь, но на остановке собралось с десятков человек.

– Интересно, сколько из них доживет до конца года? – шепнул Рэм, прижимая к себе замерзшую Улю.

Она хотела что-то ответить, но тут подошла еще одна парочка. Кудрявый парень в цветастой куртке нес на плече гитару, за руку его держала тонкая девчушка в мешковатом пальто. На ее длинные русые волосы хлопьями оседал снег. Издали казалось, что это цветы, вплетенные в растрепанные косы. Она смотрела на мир из-за стекол очков, слишком громоздких для такого худого бледного лица. Только румянец от мороза слегка оживлял ее фарфоровую кожу.

– О, музыканты пришли! – пьяно воскликнул полный мужичок в зимней кепке. Стоявшая рядом с ним женщина громко цокнула языком. – Да погоди ты! – отмахнулся он. – Эй, ребятки, а слабайте нам чего-нибудь!

– Дима! – грозно начала женщина.

Остальные уже посматривали на них с интересом.

– Да я-то что? Я по-хорошему! – вскинулся мужик. – Я сам в стройотряде пел... Помнишь? Я пел!

– Пел... – примирительно кивнула женщина. – Вы нас извините, – попросила она парочку. – Он выпил немножко.

– Да ничего, – улыбнулся парень, а девушка вдруг потянула его к себе, поправляя съезжающие очки. – Что?

– Давай споем... – разобрала Уля ее шепот. – Нам же Степа говорил: надо учиться... Ну, чтобы людей не стесняться.

Они еще немного пошушукались. Наконец парень стащил с плеча гитару, провел по струнам ладонью и взял первый аккорд. Играл он не

слишком умело. А девушка покраснела от смущения, пока он подбирал мотив. Но смотреть на них было приятно. Совсем еще молоденькие и, кажется, очень влюбленные. Но любовью, совсем не похожей на ту, что сжигала в истоме тела парочки из метро. Эти светились наполнявшим их чувством.

Раньше Уля никогда не задумывалась, какой разной бывает любовь. И как многое может скрывать человек за этим избитым, пережеванным словом. Те двое, готовые задушить друг друга, чтобы насытить плоть, считали, что любят. И эти ребята, смущенные до красноты, наверное, шептали слова любви, осторожно сплетаясь пальцами после репетиций. И Вилка с ее идеальным женихом были влюблены до одури, пусть эта дурь и была готова их погубить.

Но любила ли когда-нибудь сама Уля? Она попыталась представить лицо хоть одного из своих бывших парней. Но не получалось. Все они тонули в туманной горечи. Один лишь Рэм, тяжело дышащий рядом, поломанный, пустой, измученный, и приходил на ум, стоило Уле вспомнить, что кроме смерти в этом мире есть что-то хорошее, светлое и вечное.

– Кричи, и, быть может, что я не услышу, как дождь разбивается в капли о крышу, как снег забивается в окна и ставни... – напевно проговорила вдруг девушка, стянула очки и зажмурилась. – Кричи, это время собрать наши камни.

Уля встряхнула головой, думая, что ей это кажется. От этой странной, но такой нежной парочки она ожидала услышать что угодно. Что поют уличные музыканты? «Сплин»? «Радиохэд»? Какую-нибудь новомодную попсу? Все что угодно, но только не меланхоличные, обреченные стихи, которые даже не желают ложиться на аккорды, которые так отчаянно пытался выжать из гитары парень.

– Кричи, говори, уговаривай биться в окно твое темное глупую птицей – без крыльев и перьев, на проводе тонком. А вот бы ребенком, остаться ребенком... – продолжала девушка, не открывая глаз. – Не видеть, как поле туманом накрыто, и небо, как сито, как старое сито, все льется дождями, секрет этот давний: однажды придется собрать наши камни.

Еще до того как Уля поняла, что она услышала, Рэм за ее спиной сдавленно хмыкнул и полез за пачкой сигарет во внутренний карман куртки. Второй рукой он продолжал прижимать к себе Улю, и она

вцепилась в его пальцы не в силах вдохнуть от страха. А может, восторга. Она так и не разобралась, чем переполнилось сердце в ее груди.

– И выстроить стену от неба до неба, кормить голубей нечерствеющим хлебом. А вот бы во всем у меня ты был первым, простым и понятным, любимым и верным... – Свет от фонаря подкрашивал волосы поющей и нежно лился на фарфоровое лицо, больше подходящее искусно сделанной кукле, чем живому человеку.

– Они меченые, – чуть слышно шепнула Уля.

– Парень – нет. – Рэм качнул ее в сторону играющего на гитаре. – Запястье чистое.

Тот и правда стоял совсем рядом, перебирая пальцами струны. Рукав задрался, оголяя совершенно гладкую светлую кожу. Парень не сводил затуманенного взгляда с распевно читающей строчки девушки и смущался, понимая, что лишь мешает ей своей игрой.

– Значит, она, – шепнула Ульяна.

– Может быть, – выдохнул Рэм и еще крепче прижал ее к себе.

– А вот бы мы вовсе во тьме не встречались, губами холодными, плечи плечами, при встрече молчали, не зная печали... Но если бы кто-то оставил мне выбор – забыть твое имя безмолвною рыбой... – Она вдруг замолчала, оборвав строчку, и открыла глаза.

Уля ожидала увидеть в них белесую пелену тумана. Но вместо этого разглядела лишь растерянную и немного смущенную девочку. Та поймала ободряющий взгляд парня и снова зажмурилась.

– Но если бы кто-то оставил мне выбор – забыть твое имя безмолвною рыбой... – повторила она, снова замолчала, сделала вдох и прошептала: – Я выбрала бы этот дождь, эти ставни и чертовы камни, могильные камни...

И воцарилась тишина. Никто из стоявших у фонаря не смог ни хлопнуть, ни сказать что-то ободряющее. Песня точно не подходила моменту, потому ушла в тишину. Спустя мгновение названный Димой принялся кряхтеть, слеповато щурясь в телефон, женщина сбоку него громко зашуршала пакетом. И это позволило остальным продолжить прерванную странной парочкой беседу. А те остались стоять, растерянно улыбаясь друг другу.

Рэм завозился за Улиной спиной. Уля же двигаться не могла. Она окаменела от услышанного. Стала тем самым камнем, который нужно

собрать, чтобы построить стену. От неба до неба. Она нервно хмыкнула, борясь с желанием расплакаться.

Рэм тем временем осторожно разжал ее пальцы и направился к парочке. Он подошел к ним поближе, что-то сказал и протянул девушке тысячную бумажку. Та смущенно покачала головой, но Рэм настаивал. Наконец она кивнула и осторожно взяла купюру. Из-под мешковатого рукава пальто выглянуло светлое чистое запястье.

Плакать захотелось еще сильнее.

Рэм пожал руку парню, кивнул обоим и пошел обратно. Фонарь отражался в его коньячных глазах, делая их почти золотыми.

– Тоже нет, – сказал он, подходя к Уле слишком близко.

– Такого не может быть.

– Значит, может. – Он почему-то улыбался. – Значит, может быть все что угодно.

В его улыбке не было ни злобы, ни отчаяния. Он просто стоял совсем рядом с Улей, обхватив ее руками, и смотрел на нее так, будто уверился в чем-то очень хорошем. В чем-то, что спасет их.

– Если в мире может случиться вот так – мы с тобой просто шли и просто наткнулись на этих ребят, на эту песню чертову, – то может быть все что угодно.

– Не черти, – чуть слышно проговорила Уля, чувствуя, как томительно замирает все внутри.

– Не буду. – Казалось, Рэм с трудом сдерживает смех, прикусывая нижнюю губу с тонким шрамом, перечеркивающим ее. – А если возможно все что угодно... Значит, и это тоже.

Он притянул Улю еще ближе, не отрывая взгляда, не давая ей шанса отвести свой. Они почти соприкасались носами, капюшоны курток загораживали их от всего остального мира. Рэм все улыбался, закусив губу.

Уля чувствовала его запах – горький, живой, табачный, полынный, понимая вдруг, что любовь, наверное, может быть и такой. Пиром во время чумы. Минутой сна перед звонком будильника. Глотком воздуха за секунду до падения в омут. Гулким ударом умирающего сердца. Первым снегом, готовым сорваться с тяжелых небес. И эта любовь ничем не хуже прочих.

Она успела только почувствовать обжигающее дыхание Рэма на своем лице, уловить легкое прикосновение его обветренных губ, когда

к остановке подошел пыхтящий паром автобус. Но и этого мгновения было достаточно. Рэм осторожно притянул ее к себе, откинул капюшон, поцеловал в макушку, замирая так на секунду, и шагнул на подножку автобуса. Они уселись в самом хвосте у мутного запотевшего окна. Уля протерла его рукавом, продолжая второй рукой стискивать пальцы Рэма.

Странная парочка осталась снаружи. Парень с гитарой помахал им, а девушка продолжала стоять неподвижно. Но Уля могла поклясться, что та смотрела прямо на нее, растерянно улыбаясь, словно знала что-то важное, но умела рассказать об этом только так – чуть растягивая напевные строчки никому не нужных стихов. И рассказала.

Туманное молоко

Строчки то ли песни, то ли странного полынного наговора никак не желали стираться из памяти. Уля никогда особо не увлекалась стихами, да и музыка была для нее скорее поводом выбраться куда-нибудь субботним вечером. Втолкнуть свое тело в потный клубок чужих тел, почувствовать, как захлестывает разум восторг, как вырывается из горла крик, и кажется, что кричишь не ты, а сам прокуренный зал издает этот вой, в котором сотни глоток сливаются в одну. Уличные музыканты же вызывали в Уляне стойкое безразличие, помноженное на легкое пренебрежение. Эти их просящие взгляды, хриплые голоса, плохая одежда, расстроенные гитары. Эти бесстрашие и полное отсутствие стеснения.

Но с той Уляной, которая проходила мимо поющих у метро, морща нос, Уля не имела уже ничего общего.

«Как дождь разбивается в капли о крышу, – крутилось у нее в голове, – как снег забивается в окна и ставни...»

А дождь и правда разбивался об асфальт, ежеминутно срываясь на мокрый липкий снег. Рэм сидел рядом, уставившись пустым взглядом в окно. Эта была уже третья попутка, на которой они пытались добраться до больницы. Наверное, последняя.

Уля закрыла глаза, прислушиваясь к бормотанию радио. Водитель – щуплый мужчина в болоньевой куртке – курил, приоткрыв окошко. Но дым все равно проникал в салон. Рэм жадно вдыхал его, сам не закуривая. Возможно, потому что одну его руку сжимала в своей Уля, а второй он то и дело хватался за ребра, когда-то сломанные, а после сращенные дурной силой полыни. Боль в них напоминала, как мало времени осталось.

В неверном свете мелькающих фар Уля с трудом могла разглядеть лицо сидящего рядом. Но влажную, холодную кожу его руки она чувствовала. И то, как судорожно сжимались пальцы, когда очередная волна боли проходила по телу, оставленному без метки, тоже.

«Кричи, и, быть может, что я не услышу», – прошептала невидимая девушка с остановки.

Рэм не издавал ни звука, но его немой крик Уля слышала отчетливо. И страх, сжимавший и без того отчаявшееся сердце, становился совсем уж невыносимым.

– Кричи, это время собрать наши камни... – чуть слышно прошептала Уля, вторя строчкам, крутящимся на языке.

Рэм медленно повернулся к ней. Вспышка света от фар встречной машины осветила его осунувшееся лицо.

– Тоже не могу выкинуть из головы... – сказал он, облизывая пересохшие губы. – Как там было? «Не видеть, как поле туманом накрыто, и небо, как сито, как старое сито...»

– «Все льется дождями... Секрет этот давний».

– Точно. Придется собрать наши камни. – Он покачал головой. – Надо было у них номер взять, что ли...

– Ага, собрали бы фан-клуб любителей полынных песен.

– Встречи два раза в месяц. На поле.

– У стены, – сказала она и тут же пожалела.

Все то время, пока они ехали в автобусе, добираясь до центра, пока ловили попутки – одну, вторую, третью, цель их пути оставалась призрачной. Укрытой туманом. Песня, услышанная на остановке, отделила их от невозможности происходящего. Но теперь, когда сказанного было не вернуть, и стена, и поле вновь обрели очертания. Стали реальными настолько, насколько может быть реальным туман, толкающий мир, и седая полынь – предвестница страшной гибели.

Уля беспомощно посмотрела на Рэма, вновь окаменевшего, отвернувшегося к окну. Тишина между ними перестала дарить уютный покой. И родная рука в ее руке снова стала чужими влажными пальцами с обкусанными ногтями.

– Эй, ребятишки, вам точно сюда? – спросил водитель, заворачивая за угол серого здания.

Называя адрес, Рэм попросил его остановить за два дома до больницы.

– Да, спасибо, – кивнула Уля, ища в потемках ручку дверцы.

С улицы на нее пахнуло морозной сыростью. Рэм молча сунул водителю купюры и тоже вышел. Машина постояла немножко, заворчала и медленно попятилась к дороге. Через лобовое стекло Уля видела, как напряженно смотрит на них водитель.

– Наверное, думает, что я тебя в эту глушь насиловать привез, – насмешливо протянул Рэм, поднимая руку в прощальном жесте.

– Или я тебя.

Их окружали невысокие жилые постройки, которые и домами-то сложно было назвать. Двухэтажные, длинные, они походили на иллюстрацию послевоенных тяжелых лет, когда бараки казались единственным выходом из разрухи и нищеты. Вначале казались, потом были, а после так и остались на задворках большого города.

Где-то в отдалении завывала собака. Уля поежилась.

– Ты когда-нибудь тут бывал?

– Да, как-то пешком добирался до ближайшей остановки. Шел полтора часа, не встретил ни одного человека. Милейший район, короче. – Рэм поднял воротник. – Ну что, пойдём?

Под ногами хлюпала грязь. Уля шла, не отрывая глаз от склизкой тропинки, которую язык не поворачивался назвать тротуаром. Собака завывала снова. Протяжно и жутко. Пронзительно и безнадежно. Отпевая всех, кто томился за стеной. И тех, кто к ней только собирался.

– Если где-то и существует долбаное поле мертвецов, то это самое для него подходящее место, – не попадая зубом на зуб, проговорила Уля.

Рэм в ответ только хмыкнул. Он шел, ссутулившись и тяжело прихрамывая. Длинная куртка, потемневшая от влаги, распахнулась, Рэм то и дело хватался за воротник, прижимая его к горлу, но ветер вырывал ткань из его пальцев.

– Застегнись, холодно же, – попросила Уля.

– Все три пуговицы отскочили. – Он пожал плечами. – Ничего, скоро придем.

– Я потом пришью их... Ну, пуговицы.

Уля и сама не поняла, как это вырвалось. И повисло в воздухе, насмехаясь своим «потом» над идущими к полынному полю.

– Договорились. – Рэм сжал губы и прибавил шаг.

Они обогнули еще одно здание, грязно-бурое, с заколоченными окнами, и вышли к больнице. Ветер завывал в проводах, шумел голыми ветками. Луна спрятала бок в тяжелых тучах и светила тускло, будто нехотя. Над крыльцом, скрипуче раскачиваясь, висел запыленный фонарь. В его болезненном желтом свете Уле сложно

было разглядеть высокое крыльцо, ведущее ко входу, но у самого здания было пустынно. Ни машин, ни слоняющихся полынников, ни трусящих прочь служек. Только собака продолжала выть, жалобно поскуливая в перерывах.

– Я же говорил: никого тут не будет... – начал Рэм, но громкий крик и топот заставили его подавиться собственными словами.

Из дверей больницы выскочила девушка. Она ударилась грудью о высокие перила, вскрикнула еще раз и кубарем скатилась по лестнице. Когда оранжевый свет упал на нее, выхватывая из темноты голое острое плечо и белую ткань больничной рубашки, Уля болезненно поморщилась, узнавая. Служка, учуявшая чехарду второго подарочка. Та, что так мечтала получить второй шанс, отданная в лапы Зинаиды. Смотреть, как она копошится в талом снегу, почти обнаженная, покрытая синяками, ошалелая от страха, было противно. Уля попятилась, уходя в тень здания.

Рэм озабоченно похлопал себя по внутренним карманам куртки. Сначала ему попался пузырек с лекарством, а после – пачка сигарет. Он застыл, взвешивая их в руках, прислушиваясь к себе, решительно засунул смятую пачку обратно и выудил из флакона еще одну таблетку. Все это он проделал молча, не поднимая на Ульяну глаз.

– А ты говорил, что здесь никого не будет, – прошипела та, вжавшись в склизкую стену спиной.

– С ней сейчас разберутся, – шепнул он, приваливаясь рядом.

– Кто разберется? – успела спросить Уля, но Рэм накрыл ее губы ладонью.

Она дернулась, отступая. Шершавая сухая кожа была горькой и терпкой, словно Рэм только что рвал седую траву. Уля закрыла глаза, пытаясь запомнить этот вкус, укрыть в памяти. Там же, где прочно засели строки из песни. Там же, где остались их пьяная ночь, жаркие поцелуи в темноте коридора, касания в душных машинах, снег, упавший на город, их слова, взгляды, жесты. Все, что делало их – ими. Чужаками, нашедшими родственное там, где его и быть не могло.

И только потом Уля подняла глаза, понимая, что нежности в этом жесте куда меньше, чем страха. Рэм стоял, всматриваясь в темноту. Девушка у лестницы все никак не могла подняться на ноги. Уля слышала, как она копошится, поскользывается и падает обратно. Грязь плотоядно чавкала.

«Может, стоит помочь?» – слишком спокойно, почти равнодушно подумала Уля.

Но даже не шелохнулась. И только спустя пару бесконечно-мучительных минут окна первого этажа вспыхнули светом. Послышались шаги, потом топот ног по ступеням. Подошедшие к девушке чуть слышно переговаривались. От стоявших у стены их отделяло метров триста. По Улиной спине потекли холодные капли пота, она было дернулась в сторону, но Рэм скосил на нее напряженный взгляд. «Даже не думай» – читалось в нем. И Уля обмякла, чуть сползая вниз.

Возня у крыльца продолжалась совсем недолго. Уля слышала, как хрустит под их ногами замерзшая грязь, как чавкает грязь оттаявшая. Кажется, девушка пыталась вырваться, слабо выкрикивая проклятия, но звук тяжелого удара прервал и это. Остались только жалобные стоны. Когда ночь разрезал звук приближающейся машины, Уля была готова закричать и рвануть прочь, но Рэм осторожно погладил ее пальцами по щеке, и паника тут же улеглась. Девушку волоком подтащили к подъехавшей машине, раздался скрежет, и пронзительный крик заглушился хлопком закрывающейся дверцы.

Рэм убрал ладонь с Улиного лица только после того, как вокруг воцарилась тишина. В тот же миг завyla собака. Совсем уж тоскливо. Этот ее вой словно разбудил притихшую Улю.

– К Гусу повезли... – мрачно проговорил Рэм. – Беглецов всегда к нему возят. Нужно спешить, сейчас в больничке будет пусто, но минут через сорок-час все попрутся на поле... Наказывать провинившуюся.

Он вытащил из пачки сигарету и жадно затянулся. Его руки заметно тряслись, но голос оставался спокойным.

– Мы даже не попытались ей помочь, – прошептала Уля, вглядываясь в тлеющий огонек.

– Ей уже ничем не поможешь. Как, собственно, и нам. Так что смысла никакого... – Сигарета, зажатая между зубами, мелькала в воздухе.

– Мы просто стояли и ждали, пока кто-нибудь выйдет, – не унималась Ульяна. – А ведь могли...

– Могли что? Подхватить бедняжку под руки и потащить? Куда? Ночь, холод, грязь... – Он снова втянул дым. – К тому же там, в

больничке, прекрасно знают, что сама она далеко не убежит. Значит, будут искать сердобольных болванов, которые ей помогли.

– Можно было бы спрятаться где-нибудь...

– Ой, перестань. – Рэм отмахнулся от нее, как от назойливой мухи. – Знаешь, что самое смешное в этом всем? – Он дождался недовольного кивка и продолжил: – Она бы сдала нас сразу, как только очухалась. Может быть, за это ей выдали бы лишнюю таблеточку. Спаси – не спасет, но приятно. Ну что, скажешь, я не прав?

Ульяна недовольно отвернулась. Рэм, конечно, был прав. Полоумная служка тут же побежала бы к хозяину. Прихватив новоявленных спасителей. Но образ плеча, острого, измазанного в грязи, все еще больно обжигал.

– И как мы только стали... такими? – спросила она в пустоту. – Не только мы с тобой. Все люди. Равнодушные, циничные, полые внутри... Как так вышло?

– Если верить твоему папаше, во всем виноваты отравленный туман и старина Гус. – Рэм затаился в последний раз и затушил сигарету об стену. – Вот пойдём и посмотрим, правда ли это. – И зашагал к больнице.

– Хорошо было бы обвинить во всем высшую злую силу, – проговорила Уля, направляясь следом. – А если нет... Ну, значит, мы сами во всем виновны... и заслужили гнить за стеной.

В ответ Рэм только развел руками. В желтом свете фонаря блеклая полынная метка казалась тонким браслетом, охватившим его запястье.

* * *

Гулкие холодные коридоры слабо мерцали в свете жужжащих ламп. Уля делала шаг и тут же сжималась от страха: эхо разносило каждый шорох, умножало его самого на себя.

– Не дергайся, в этом крыле никого не бывает, – в который раз повторил Рэм, но по его заледеневшему лицу было ясно: он и сам плохо верил в то, что так упрямо твердил.

Они вошли в больницу через маленькую дверь, ведущую в подсобку. Швабры, ведра, мешки с песком, какие-то коробки и грязные тряпки в темноте казались застывшими истуканами, готовыми в любой момент броситься под ноги незваным гостям.

– Меня как-то запрягли посыпать дорожку, три недели горбатился, – шепнул Рэм, на ощупь продвигаясь в глубь комнаты. – Все рабочие... ну, которые нормальные, не Гусовские, тусуются тут между сменами. Черный вход, каморка и лестница в левое крыло. Оно-то нам и нужно.

Лестница и правда пряталась еще за одной дверью – пыльная, скрипучая и пустынная. Они поднялись на два пролета и оказались в коридоре, который вел напрямиком в зал.

– Почему здесь никого нет? – спросила Уля, когда они застыли у входа на этаж. – Ты же говоришь, нормальные рабочие... Не меченые. Значит, и пациенты такие должны быть, где же они сейчас?

– Как я понял, сюда прикреплены только вот эти старые бараки. Там почти никто и не живет. По-хорошему, их всех должны были отправить в соседний район. – Рэм уже стоял в дверях. – Но не отправляют, сама понимаешь почему. Гусу удобно. Днем тут народу мало. А Зинаида так вообще главврач. Амбулаторно наблюдают несчастных обладателей аварийного жилья, закрывают прием часа в три дня. И начинается настоящее дело.

– Откуда ты все это знаешь? – Пустой разговор придавал хоть какой-то уверенности, поэтому Уля хваталась за возможность спрашивать, не слишком вникая в ответы.

– Работал тут как-то. Днем. Медицинские карточки подшивал. – Он поморщился. – Вроде бы чисто. Пойдем.

– Почему Гусу так легко все удается? Мир кругом подстраивается под его нужды...

– А кто принимает решения по местечковым вопросам, как думаешь?

– Администрация какая-нибудь, – растерянно пробормотала Уля.

– А чиновники, по-твоему, самые беспристрастные на свете люди? Ни в какие игры ни с кем не играют? – Рэм скользнул в коридор и двинулся к залу.

Уля покачала головой и шагнула следом. Они прошли до самого упора, стараясь не прислушиваться к гнетущей тишине. Двери в зал были прикрыты, но не заперты. Рэм дернул на себя ручку. Внутри было темно. Пустые ряды кресел, пыльный бархат задернутых кулис, три ступени, ведущие к сцене.

Никогда еще Уле не было так жутко. Страх поднимался снизу вверх, делая тело мягким и податливым, как подтаявшее масло. Больше всего на свете ей сейчас хотелось попятиться, не поворачиваясь спиной к кулисам, и побежать, стучась в двери, вопя и плача.

Но Рэм уже шел вперед по проходу. В его прямой напряженной спине читалось то ли отчаяние приговоренного, то ли равнодушие человека, принявшего окончательное решение. Он не боялся, а может, чертовски умело скрывал свой страх. Но он шел, и Уле ничего не оставалось, кроме как пойти за ним.

Три ступеньки, три скрипа под ногами. Запах пыли перебивался тонкой горечью полыни. Пока еще далекой, но уже явственной. Рэм первым взялся за край занавеса. Он так и не обернулся на Улю – та протянула руку, чтобы прикоснуться к его плечу, но ткань уже качнулась в сторону. Секунда, и Улин жест повис в воздухе. Рэм шагнул в темноту, не давая себе ни мгновения на раздумье. Казалось, он просто скрылся за занавесом, но от правды бежать было некуда.

Уля зажмурилась и позволила тьме под веками забрать ее. Один шаг – и подошвы ботинок заскользили по влажной земле. Ульяна постояла немножко, привыкая к сбивающей с ног горечи, к ветру, обдувающему лицо, к запахам и звукам поля, и только потом открыла глаза.

Ничего не изменилось. Полынь расстилалась перед ними серо-зеленым морем. Свежая, обновленная недавней волной тумана, она шелестела, будто приветствуя путников, заглянувших на огонек. Только теперь Уля начала понимать, что в самой полыни не было ничего жуткого. Она просто росла на этом поле. И не ее вина, что поле это оказалось границей мира, наделяющей траву особой силой. Не будь житель этих земель, вечный скиталец туман, отравлен сумасшествием пленников Гуса, то и сила эта не была бы такой гиблой. Не была бы духом самой смерти.

Уля сделала шаг и опустилась на землю, позволяя траве нежно оплести ее руки.

– Знаешь, я искал как-то настоящую полынь. Ту, что просто растет на пустырях. Она по-другому пахнет, – глухо проговорил Рэм, усаживаясь рядом. – Не так горько. Даже... – Он смутился, но продолжил: – Медово. Да, мед.

– Я знаю, – кивнула Уля, не поднимая глаз. – Мы чувствуем горечь, думая, что это она... Но это они. Помнишь, ты говорил, что полынь – это запах дурной смерти? Запах страха внезапной кровавой гибели. Да, это страх. Страх оставленных за стеной. И тех, кому только предстоит там оказаться. Не смерти они боятся, а нас... Услужливо несущих подарочки Гусу.

В ответ ей подул ветер, и трава качнулась, согласно кивая всему сказанному. Рэм же молчал, всматриваясь в туманный горизонт, где поле сливалось с небом, отделенное от него лишь тонкой серой полоской стены.

– Нам лучше пойти... Гус может появиться уже минут через тридцать. К тому времени... мы должны уже во всем разобраться, – хмуро сказал он, поднимаясь.

– И свалить куда подальше, – откликнулась Уля, но Рэм ничего не ответил.

Они зашагали по колено в траве. Жесткие стебли цеплялись за штанины, словно пытаясь заставить идущих повернуть обратно. И от их колючих назойливых прикосновений становилось еще страшнее.

– Не помнишь, долго идти? – спросил Рэм, проглатывая очередную капсулу.

– Я тогда бежала, не разбирая дороги. Помню, что нужно было спуститься с обрыва, вон там, мы уже прошли... а дальше просто вперед.

– Ну, маршрутов тут немного. – Он хмыкнул, пряча пузырек в карман. – Стена-то должна тянуться от неба до неба...

– Только голубей я что-то не вижу, – в тон ему ответила Уля, оглядываясь. – Да и хлеба мы не захватили.

Туман настиг их внезапно. Казалось, секунду назад Ульяна прекрасно видела, как тянется линия горизонта, и вот все кругом поплыло, подернувшись дымкой. Трава – свежая, молодая у выхода в поле – здесь была уже седеющей. Еще чуть-чуть – и зацветет.

– Нужно спешить!

Ульяна схватила Рэма за руку и потащила вперед. Тот попытался вырваться, но, как только первый язычок тумана дотянулся до его щиколотки, оголившейся из-за сползающего носка, болезненно охнул и перешел на бег.

Кочки сами прыгали им под ноги, пытаясь повалить на землю. Уля угодила ногой в затопленную ямку и сразу же промокла. Рэм шипел сквозь зубы, стоило туманной взвеси к нему прикоснуться. Ульяна тоже чувствовала эти болезненные прикосновения, но их едкие укусы были пока терпимы. Сила метки еще оберегала ее. А вот Рэм оказался один на один с мстительной злобой томящихся за стеной. С отравленным ими туманом.

– Черт, – только и повторял он, дергаясь от боли.

– Тебе нужно вернуться, – упрямо откликнулась Уля, лавируя между тянущимися к ним белесыми языками. – Подождать меня там... у выхода.

– Нет! Я сам должен все увидеть... – шипел Рэм и шагал напролом, в самую пелену.

На его шее расползлся багряный ожог, словно кто-то хлестнул по коже крапивой. Уля старалась не смотреть – вести сюда Рэма было преступлением, но у них просто не было времени на споры. В любую минуту на поле мог появиться Гус, а вместо ответов они бы получили наказание. И смерть как избавление от него.

Стена замаячила впереди, когда легкая дымка тумана начала превращаться в молочное полотно. Рэм уже не вскрикивал. Он упрямо шел вперед, сжав кулаки. На скуле краснел еще один ожог. Вся шея покрылась волдырями. Но он шел, не видя ничего вокруг.

– Тебе нельзя туда. – Уля остановилась, повернулась к нему лицом и уперлась в его грудь ладонями. – Там уже не видно ничего... Один туман. Это же как в кислоте искупаться.

– Я должен... – Рэм попытался оттолкнуть ее руки, но Ульяна вцепилась в ткань рубашки еще сильнее.

– Я схожу. Я поищу Артема, я поговорю с ним... а ты просто иди назад. Не надо ничего мне доказывать...

– Тебе? – Рэм с трудом отвел воспаленные глаза от стены и посмотрел на Улю со злым удивлением. – Ты думаешь, это я перед тобой красуюсь? Подыхаю тут, чтобы тебя поразить? Там моя мама.

Ульяна застыла, не зная, что ответить. Ей вдруг стало до тошноты стыдно за свою самонадеянную глупость. Ей и правда казалось, что Рэм идет к стене, чтобы помочь ей увидеться с отцом. Про мать, привязанную украденным крестиком к полынному полю, она почти забыла.

– Прости... – только и смогла выдавить из себя Уля, чувствуя, как жар заливает щеки.

– Прочь с дороги, – бросил Рэм, отталкивая ее руки, и шагнул в туманное молоко.

А Уля осталась стоять, моля Бога, в которого не верила, чтобы болезненный вскрик Рэма пронесся мимо, не достигнув ее ушей. Бог, разумеется, не ответил.

Ульяна шла, не видя ничего дальше вытянутой руки. Но хриплые стоны, вырывавшиеся сквозь сцепленные зубы Рэма, вели ее за собой. Время замедлилось. Утонуло в могильной горечи. Стена надвигалась плавно, чуть покачиваясь на молочных волнах. Уля чувствовала ее приближение. Ближе и ближе. Каждый шаг делал стену все явственнее. И вот впереди замаячила сгорбленная фигура Рэма. Уля сделала еще пару шагов и тоже замерла.

Рэм стоял перед стеной. У его ног валялся пустой пузырек от лекарств. Он просто отбросил его прочь, проглотив разом все оставшиеся капсулы. Потому и держался еще на ногах, обожженный праведной злостью ста тысяч мертвецов.

– Рэм... – осипшим голосом выдохнула Уля, но тот не шелохнулся. – Рома...

Он вытянул из кармана пачку, не глядя, провел пальцами по корешку, проверяя, сколько сигарет в ней пряталось, и засунул обратно, оставив себе одну. Зажигалка никак не хотела слушаться его дрожащих пальцев, он все чиркал колесиком, но слабое пламя гасло в туманной влажности.

Уля осторожно приблизилась, потянулась к его руке. Длинные пальцы с обкусанными ногтями дрогнули и выпустили зажигалку. Ульяна зажгла огонек. Не глядя Рэм кивнул, наклонился к огню и прикурил.

– Слышишь их? – спросил он.

Ульяна закрыла глаза. За стеной продолжали ходить, вздыхая и плача. Заметили ли они дни, прошедшие с момента, когда Уля была здесь впервые? Существовало ли для них время? Или годы, проходившие мимо, сливались в одну-единственную полосу тумана – белесую, горькую, беспросветную?

– Слышу... – ответила Уля, открывая глаза.

От стены Рэма отделяло меньше шага. Он застыл перед ней, как нашкодивший мальчишка перед грозной воспитательницей. В одной руке он продолжал сжимать пачку, между пальцами второй держал зажженную сигарету и вместе с этим огоньком тянулся к каменной кладке. Полынная метка на запястье вдруг налилась темнотой.

– Нет! – закричала Уля, теряя себя в стихийном, неудержимом страхе. – Не трогай!

Но Рэм ничего не слышал. Он словно в глубоком трансе чуть покачивался в такт движению туманных волн, струящихся вокруг него. Одним рывком Уля оказалась рядом и повисла на его руке. От неожиданности Рэм остутился, тлеющая сигарета упала в траву и тут же потухла. По туману прошла взволнованная рябь – как хищник, от которого в последний момент ускользнула добыча, он недовольно попятился, отходя в сторону.

– Тебе нельзя ее трогать... – всхлипнула Уля, прижимаясь лицом к куртке с горьким запахом страха. – Я же кричала тебе... а ты...

Рэм растерянно помотал головой, прогоняя оцепенение.

– Мне показалось, что они зовут меня...

Уля тяжело сглотнула ком в горле. Ей безудержно хотелось сейчас разреветься, но туман мог вернуться в любую минуту и привести с собой Гуса.

– Даже если так. Даже если они там всей компанией тебя ждут... Ты никуда не пойдешь. И не дотронешься до этой чертовой стены... – начала она.

– Не черти. – Рэм слабо улыбнулся и пригладил ее растрепавшиеся волосы.

В этом жесте было столько нежности, что плакать захотелось еще сильнее.

– Это было так глупо – идти сюда! Нам не нужны ответы. Нам нужно просто найти третий подарочек и вытащить тебя. Все. Никаких больше стен, туманов и полыни. Ничего такого. Отдадим Гусу вещь... и будем свободными. Понял меня? – Она вздернула подбородок, стараясь выглядеть менее жалкой, чем привыкла за последние годы.

Но Рэм смотрел куда-то мимо. Слабая улыбка медленно сползла с его лица, уступая место мертвецкой бледности.

– Что? Тебе плохо?

Но он медленно покачал головой.

– Никуда мы не пойдём, Ульян. – Тихий, устрашающе спокойный голос пробирал до костей. – Мы уже пришли. – И Рэм потянулся рукой в туман, окутавший их в мгновение ока. – Здравствуйте, Артем.

Птички в клеточке

Только теперь Уля почувствовала, как холодный ветер обнимает ее спину. Как затихает шелест травы. Как наливается молоком туман. По полю вышагивал белесый мужчина. Лохмотья висели на его выпирающих костях. Жидкая борода, отросшие космы, глаза, подернутые туманной дымкой...

– Отец, – попробовала выговорить Уля.

Но существо, шедшее к ним, не было похоже на человека. Тем более на того, кто обращался к ней в последней записке.

– Здравствуйте, – повторил Рэм и протянул ему руку.

– Трону – уйдешь, – грустно пробормотал мужчина. – Далеко уйдешь. Туда уйдешь.

– Артем, мы искали вас, – не сдавался Рэм. – Мы прочитали ваши записки. Помните, вы писали их?

– Все помню. Туман помню, травушку помню, стену проклятую. Все, что есть, помню...

– Вы были полынным... До того как пришли сюда. Помните?

Мужчина слепо подался на его голос, поморгал прозрачными ресницами, потянулся рукой, но тут же обмяк, мотая головой, только волосы всколыхнулись седым облаком.

– Слышу, говорит кто-то... а кто? А что? Не знаю... – и вдруг всхлипнул, по впалым щекам побежали слезы. – Все плачутся, все стонут... Птички в клеточке... Горюшко-горе да горе-горюшко.

От его причитаний Улю пробрал озноб.

– Я же говорила, что он не в себе...

– Артем. – Рэм, казалось, не замечал, что стоявший перед ним давно уже утонул в омуте безумия. – Вы должны рассказать, что здесь происходит...

– Туман колышется, тени плачут, а время идет... Нет ни конца, ни края...

Мужчина горестно вздохнул и заковылял к стене. Уля испуганно вскрикнула, когда его рука, больше похожая на веточку, опустилась на серый камень.

– Все тяну, все ковыряю... а никак! – пожаловался он. Длинные когти впились в зазор между двумя камнями. – Нету больше сил, нету... Устал, почти ушел, не смог... а обещал! Ведь обещал же, а?

Уля покосилась на застывшего рядом Рэма. Тот морщил лоб, над чем-то раздумывая.

– Обещал, – наконец кивнул он. – Ты обещал их выпустить. Помнишь? Снести стену. Чтобы все стало правильно.

Старик наклонил голову, прислушиваясь к его уверенному голосу.

– А не смог. – Рэм картинно вздохнул. – Как же так, Артем? Ты так виноват перед ними... Перед птичками...

Уля открыла было рот, чтобы вмешаться в их странный диалог, но Рэм с силой наступил ей на ногу и качнул головой: мол, молчи, не мешай. Оставалось только послушаться, судорожно оглядываясь на туман, который обступал их все решительнее.

– Я хотел! – Тот, кто был когда-то Артемом, схватился за ворот изношенной рубашки. – Вот тяну, копошусь, ковыряю... а ничего!

– Значит, ты помнишь, что стену нужно снести? – вкрадчиво спросил Рэм, приближаясь на полшага.

– Там же птички! Сидят, бедняжки, в клеточке. Ни полететь дальше. Ни вернуться назад. Не дело это... – Он горестно съежился, продолжая неразборчиво бормотать под нос.

– И что же, совсем не получается, да?

– Устал. Другой говорил, не управился он, и я не управлюсь...

– Другой? – вырвалось у Ули.

Старик вздрогнул и попятился, подслеповатые глаза его испуганно округлились.

– Тихо-тихо, не бойся, – примирительно проговорил Рэм, бросив на Улю сердитый взгляд. – Так что же, был другой? До тебя?

– Был, – кивнул Артем. – Я пришел, а он тут ходит. Копошится, ковыряется. Птички ему плачут, и он с ними слезы льет. Почти уже туманом стал. Истерся. Говорит: заменишь меня. Говорит: я первый был, а ты вторым будешь. – Старик тяжело сглотнул, кадык под тонкой кожей болезненно дернулся. – Бежать мне надо было. А я остался. Вот теперь хожу. Копошусь. Не сдюжу я.

– Почему? – чуть слышно выдохнула Уля.

– Истончился я. Истесался. Я второй, тот первый был. Что мы? Два подарочка. А нужен третий. Вот когда будет третий, вот тогда и стены

не станет. Он сможет. Он ведь третий... – и засеменял вдоль стены.

Только отросшие когти заскрежетали по камням.

От этого звука Улю затошнило. Она сморщилась. Вид отца, потерявшего всякий человеческий облик, высасывал из нее остатки сил.

– Пойдем отсюда, – попросила она, хватая Рэма за руку. – Не хочу больше его видеть... Он давно умер, наверное, а это чертово место не отпускает его спятивший дух...

Но Рэм задумчиво молчал, провожая Артема взглядом.

– Значит, нужен третий... – пробормотал он.

– Что? – Уля уже тянула его прочь.

– Говорю, все сходится. Всегда нужна третья жертва. Подарочки, привязывающие мертвого к полю, приносим мы. И стена растет. Выходит, чтобы разрушить ее, тоже нужно три жертвы. Первая – тот, кто был до твоего отца. Вторая – Артем. А третья... Третий. Он сумеет все исправить. Выпустить птичек из клеточки.

– Не говори ерунды... – От понимания того, что он собирается сделать, Ульяна оцепенела. – Не смей даже думать об этом!

Но Рэм, кажется, не слушал. Он смотрел сквозь туман туда, где скрылась спина Артема, и губы его растягивались в улыбке. Страшной, неживой улыбке, больше похожей на оскал.

– Все сходится... с ума сойти... Как я сам не додумался?

– Рэм! – Уля встала перед ним, схватила за лацканы куртки и хорошенько встряхнула. – Ты несешь чушь! Этот человек... нет! Это существо... ему нельзя верить! Мало ли что придет в мертвую голову?

– Ты же сама понимаешь, что я прав, – тихо, вкрадчиво, как маленькой, сказал Рэм, отводя взгляд от стены. – Помнишь, как он писал? Круг обязан замкнуться. А круги здесь всегда состоят из трех. Три вещицы. Три жертвы. Три мертвеца. Я буду третьим. Я должен...

– Нет... – Уля уже не могла говорить от ужаса, изо рта вырывался лишь сдавленный шепот. – Ты не можешь... ты... Ты даже думать об этом не смей! Мы прямо сейчас уйдем отсюда... и я найду вещицу. И я загадаю...

– Даже если мы сумеем выбраться незамеченными. Даже если ты найдешь подходящую к загадке смерть... Даже если Гус подарит тебе исполненное желание. Кто-то еще окажется за стеной, понимаешь ты это? Будет бродить там до скончания веков по твоей вине.

– Плевать, – упрямо покачала головой Уля.

– Не плевать. – Рэм замолчал, подыскивая слова. – Если бы тебе были безразличны другие, ты бы не пыталась спасти меня.

– Мне не плевать на тебя. И черт с ними... с другими этими...

– Не черти.

И от этой просьбы, давно уже превратившейся в их секретный пароль, Уле стало совсем уж невыносимо. Она всхлипнула, сжимая пальцы, сомкнутые на воротнике куртке, в кулаки.

– Ты... ты последний идиот, если думаешь, что хренова жертва будет хоть что-нибудь стоять... Мир такой, каков он есть. Дерьмовый, прогнивший, достойный всей той жести, которая с ним творится. Но это не значит, что ты должен умирать... – задыхаясь от гнева и бессилия, начала она.

– Там моя мама. И твой брат, – чуть слышно ответил Рэм. – Если есть хоть один шанс на сто тысяч мертвецов, что я вытащу их... То я должен попробовать.

Уля задохнулась окончанием фразы. Запрещенный прием всегда бьет по самому больному.

– Тогда пойду я. – Кто-то другой завопил в ней от страха, но Уля заставила его умолкнуть. – Ты и так еле на ногах держишься. Если стене нужна третья жертва... значит, пойду я. А ты возвращайся назад.

Рэм ничего не ответил, только протянул руку и осторожно заправил ее выбившийся локон за ухо.

– Никуда я уже не вернусь.

– Почему это? Думаешь, такой герой? Без страха и упрека?

– Нет, я просто не смогу пройти... Посмотри сама. – Рэм взял ее за плечи и осторожно развернул лицом к полю.

За то время, пока они спорили, туман стал непроглядным. Его жадные языки тянулись вперед, путались в седой траве, заполняли собой овраги, окутывали пригорки. Туман был повсюду. Теперь Уля чувствовала его могильное дыхание.

– Я просто растворюсь в нем, как в кислоте. Нет смысла пробовать даже. Так что... Либо стать третьим, либо бестолково сдохнуть вон в той яме.

– Мы переждем, пока туман рассеется... – не веря своим словам, пробормотала Уля, чувствуя, как по щекам начинают течь слезы.

– Ты сама говорила, что за туманом идут тени. Без защиты метки они просто утащат меня за стену. – Рэм пожал плечами, как если бы они обсуждали прогноз погоды на выходные. – Но если я уйду туда сам... может, из этого и выйдет толк.

– Нет... – Уля беспомощно покачала головой, поворачиваясь к нему. – Не смей... Не смей меня оставлять! Слышишь? Я вечно остаюсь одна! Все, кого я люблю... Их нет! Никитка, мама, Вилка, отец... Ты. Почему вам обязательно нужно куда-то деться? Почему я должна быть одна? Всегда. Постоянно. – Рыдания сотрясали ее тело, голос дрожал и срывался на плач. – Из года в год. Я больше не смогу быть одна. Ты не посмеешь меня бросить!

Рэм ничего не ответил, только притянул ее к себе, окутывая теплом живого тела, своим запахом, горьким, табачным, травяным, и полами куртки, распахнувшимися перед Улей подобно объятиям. Она судорожно прижалась щекой к его плечу и закрыла глаза.

Слезы текли сами собой.

Туман заключал их в кольцо. Тени за стеной взволнованно гомонили.

– Сейчас я тебя отпущу, и ты сразу же побежишь, – прошептал Рэм, пряча лицо в ее волосах. – Обещай не оборачиваться, хорошо?

Уля всхлипнула, но кивнула.

– Не знаю, что будет, когда я... сделаю это. Но ты должна оказаться как можно дальше отсюда. Мало ли что. Понимаешь меня?

Еще один судорожный кивок.

– Умница. Поезжай к Варьке. Скажи ей, что я... Не знаю. Уехал. Лег в диспансер. Ушел в монастырь. Короче, обратился за помощью. Скажи, что со мной нельзя связаться. И что я очень ее люблю, очень за все благодарен... Скажи ей это, пожалуйста.

Он замолчал. Уля слышала, как скрипнули его зубы в попытке сдержать лишние слова.

– А еще Ипкина у нее заberi. Там собаки, он их боится. Пусть у тебя поживет. Ладно?

Уля обхватила Рэма руками и прижалась еще плотнее. Туман злился, просачиваясь между ними, словно пытался разделить их еще одной стеной.

– У тебя все будет хорошо. Живи в квартире отца. Если все получится, Гус тебя больше не тронет. Я оставил пакет в диване, там

деньги... На первое время хватит. – Он помолчал, собираясь с мыслями. – Все, не надо тут торчать. Уходи.

– Нет.

– Ты обещала мне.

– Нет.

– Нельзя терять время...

– Я же сказала! – Уля с силой оттолкнулась от его груди. – Это все чушь! Ты не должен...

– Черт! Ты думаешь, мне самому легко? – Рэм отступил к стене. – Думаешь, я всю жизнь мечтал сдохнуть у inferнальной стены, за которой – толпы мертвецов, жаждущих меня развоплотить?

– Так не делай этого!

– Да пойми ты наконец, я должен!

Казалось, они ходят по кругу, изнемогая от невозможности закончить спор, потому что после него начинается полнейшее ничто – туман и серые камни. Могильные камни. Время собирать которые почти наступило.

– Идут, птички мои бедные... Как полынь отцветет, так и тащит их туман проклятый... Идут... – Появившийся из ниоткуда Артем заставил их замолчать на полуслове. – Что решил-то? – обратился он к Рэму.

– Как мне это сделать? – хрипло спросил тот, подаваясь вперед. – Стать третьим?

– Не смей... – слабо вскинулась Уля, уже признавая свое поражение.

Артем подошел поближе, слепо взмахнул рукой и опустил ладонь на смуглое лицо Рэма.

– А ведь подходишь! – Он покачал седой головой. – Хорошо подумал?

– Да.

– Очень хорошо?

– Да.

– Ну так к стеночке-то подойди... Ручкой ее погладь. Она и примет. Будешь за меня ходить, камешки ковырять. Вдруг сладится?

– Сладится. – Рэм дернулся, уклоняясь от прикосновения бесплотной руки. – Уходи, – бросил он Уле, но та не шелохнулась. – Если тебе и правда на меня не плевать... уходи.

– Я не оставлю тебя здесь одного, – ответила она, удивляясь, что слова еще могут срываться с губ, не застревая в перехваченном страхом горле. – Ты все решил? Отлично. Но я не уйду.

– Хорошо, – чуть слышно выдохнул он, не оборачиваясь.

И замер за шаг до стены, дрожащей рукой вытащил из кармана смятую пачку, в которой оставалась последняя сигарета. Зажигалка чиркнула, огонек появился с первого раза. Рэм прикурил. Когда его рука потянулась к серой кладке, Уля с силой сжала кулаки, впиваясь ногтями в ладони. Крик рвался из нее подобно птице, запертой в тесной клетке ребер. Только мысль, что последним звуком, который услышит Рэм, станут ее истошные рыдания, заставила Улю до крови прикусить губу, но смолчать.

Туман клубился. Его языки больше не стелились по земле – они превратились в мутные облака. Миг – и Уля потеряла Рэма из виду. Вот он стоял у стены, протягивая к ней ладонь с зажженной сигаретой. А вот его уже нет, одно лишь густое молоко расходится волнами.

Уля взмахнула рукой в надежде прогнать морок, но ничего не изменилось. Серая стена, окутанная туманом, Артем, стоящий чуть в стороне. И никакого Рэма. Только пустая пачка сигарет, неловко брошенная на примятую седую траву.

– Черт... – еле слышно проговорила Уля и осела на землю.

Артем вздрогнул, оборачиваясь на ее голос. Его глаза перестали полниться туманом. Он зорко впился в Улю хищным взглядом.

– Ты кто? – спросил он, и от этого холодного, властного тона Ульяну передернуло. – Меченая? Служка? Кто?

Уля попыталась ответить, но получилось лишь слабо прохрипеть. Артем поморщился и подошел к ней. Эти сильные движения оживающего тела никак не вязались с его седыми волосами и длинной бородой. Он схватил Улю за руку и потянул на себя. На бледной коже темнела метка.

– Ты еще в игре?

Ульяна не могла отвести от него глаз, почти не слыша, не понимая, что происходит.

– Эй, отвечай мне! Ты в игре?

– Да, – через силу выдавила она.

– Ну и что ты тут делаешь? – Пальцы брезгливо разжались, отпуская ее запястье. – Пошла вон, пока я не доложил кому следует.

Он определенно не был похож на того, кто писал Уле прощальное послание.

– Вы Артем? – осторожно спросила она.

– А ты меня откуда знаешь? – Взгляд стал еще острее, еще подозрительнее.

– Я ваша дочь, – устало выпалила Уля, поднимаясь.

Ей стало нестерпимо находиться рядом с ним. Все снова пошло наперекосяк. Но в этот раз некому было спешить ей на помощь. Ульяна повернулась и медленно побрела через туман. Цепкая рука впиалась ей в плечо.

– Что ты сказала?

– Я ваша дочь, – повторила она. – Отпустите меня. Я должна идти.

– Моей дочери и пяти нет... Что ты несешь? – Артем с силой развернул ее к себе.

Его лицо исказил гнев. Расширенные ноздри втягивали туман, делая его похожим на быка. Такой же яростный взгляд, такая же безжалостная сила.

– Вы ничего не помните, да? – Уля покачала головой. – Совсем ничего не помните...

– О чем ты? – почти испуганно спросил он, мигом теряя весь запал.

– Вы ушли к стене, когда поняли, что дальше так нельзя. Когда узнали, что творят Гус и все его полынники. Вы захотели выпустить людей, томящихся на поле... Вы провели здесь двадцать лет. Вы хотели разрушить стену. Замкнуть круг. Но ничего не вышло.

Уле было совсем не страшно. Даже жалость к отцу не пробивалась через тяжелую воду равнодушия. Она слишком устала, слишком отчаялась. Она отпустила Рэма на верную гибель. Но не получила ни единого ответа. Ни капельки надежды. Ничего не произошло. Стена продолжала стоять. Туман клубился, готовый снова толкнуть мир в сторону тьмы. Они прогадали. Они ошиблись. И ничего уже не изменить.

– Что ты несешь? – Артем требовательно встряхнул ее. – Ты вообще знаешь, кто я?

– Да посмотри на себя! – закричала она, сама пугаясь злости, которая вырвалась наружу. – Ты просто еще один мертвец! Такой же, как все. Туман сожрет тебя, даже не заметив разницы. Это твое место за стеной! Твое! Не Рэма.

Он пошатнулся, опуская бешеный взгляд на собственные ноги. Истлевшие джинсы висели на костях. Длинные грязные ногти царапнули ткань. Артем сгорбился и спрятал лицо в ладонях.

– Теперь вспомнил? – устало спросила Уля, морщась от вида его бессилия.

– Кто ушел вместо меня? – совсем иным, глухим голосом спросил он.

– Мой... – Нужное слово нашлось не сразу. – Мой друг. Он решил, что будет третьей жертвой. Что займет твое место... и сумеет все исправить.

– Это я уговорил его? – не поднимая лица, проговорил Артем.

– Да. Ты был очень убедителен для сумасшедшего мертвеца. И Рэм... Он поверил.

– Мне жаль...

Эти слова заставили Улю одним прыжком оказаться рядом и схватить отца за плечи.

– Почему? Почему тебе жаль? Ведь все должно получиться! Третий меченый, что принес себя в жертву. Круг замкнется.

Артем поднял глаза. Красные, воспаленные, сухие, они смотрели с жалостью.

– Я обманул его. Когда-то так обманули меня. Теперь я помню... я пришел к стене и встретил человека, который сказал мне, что я буду третьим. Что я сумею все исправить... Только прикоснись к стене... Только пожелай разрушить ее... Замкни круг. – Он закашлялся, мучительно хватая воздух ртом. – И я поверил... Как дурак. Я дотронулся. И... стал пленником. Я ходил здесь, я не знал ни сна, ни покоя. Я слышал, как тени... как они проклинают нас. Они мучили меня... Столько лет... Только боль и вина. Вина и боль...

Уля отшатнулась. Прикасаться к влажной, мертвой коже отца было отвратительно. Как и находиться рядом. Как и слушать его. Видеть. Понимать, что он натворил.

– И ты... ты обрек Рэма на это все? – не веря, но зная ответ, прошептала она. – Поступил так же, как тот человек с тобой? Зачем?

– Я потерял себя... я просто больше не мог... Прости меня... – Он уже сидел на траве, протягивая руки к Ульяне. – Доченька моя... я так хотел тебя увидеть... Давай уйдем... Давай сбежим. Прочь, прочь от поля!

Окаменев от ужаса, Ульяна не могла пошевелиться. Она видела, как туман обступает отца, как подбирается все ближе, как тянет свои языки к его истощенному телу. Артем же, увлеченный исповедью, продолжал причитать, размазывая слезы по лицу. Когда туман опустился на его плечо, кислотой выедавая кусок плоти, Уля не отвернулась. Она смотрела, как медленно растворяется отец в белесом облаке, давясь кровью и криком, и не ощущала ничего, кроме холодной пустоты.

И пока он вопил, извиваясь в траве, и пока тянул к ней пальцы, которые по одному исчезали в густом молоке мстительного тумана, и пока он скулил, повторяя ее имя, и когда замолчал, стертый с лица земли, Уля просто стояла в пяти шагах, своим присутствием подтверждая свершенное возмездие.

Воцарившаяся тишина стала для нее долгожданным покоем. Ульяна подошла к стене, прикоснулась к ней, ощущая, как крошится холодный камень. Тени готовились к наступлению. Маятник собирался качнуться еще раз. Круг замыкался.

Все, чего хотелось сейчас Уле, – лечь рядом, закрыть глаза и стать еще одним камнем в этой бесконечной кладке. Чтобы Рэм, или то, чем он станет, заняв место Артема, однажды провел по ней пальцами, пусть не зная, но чувствуя, что это она.

Трава приняла тело в мягкую колыбель. Уля наполнилась горечью, как успокоительной микстурой, желая только, чтобы сон поскорее накрыл ее с головой, и закрыла глаза. Тьма под веками всколыхнулась, приветствуя ее. Уля позволила ей распахнуть объятия, и боль отступила, а на смену ей пришел покой. Все было так, как должно. Они проиграли. Они должны уйти.

И только назойливый свет, пробивающийся через темноту ее собственных век, мешал Уле заснуть. Она поморщилась, прогоняя его. Пульс сияния только усилился. Ульяна потянулась к нему, желая смахнуть прочь. Пальцы нащупали смятый картон сигаретной пачки.

Уля медленно открыла глаза. На ладони лежал третий подарочек. Смерть, принятая по любви к матери, к миру, достойному очиститься от полынной скверны, к этому полю, к этим людям за стеной и к ней, Ульяне. Смерть, заключенная в белой коробочке под шуршащей пленкой.

– Это три, – проговорила Уля, сжимая пачку в кулаке.

Полынь путалась под ногами, туман стелился в низинах, тени собирались выйти из берегов стены подобно приливу. Ульяна шла, точно зная, что делать дальше.

* * *

– Как же ты так, миленькая моя, убежать решила? – насмешливо тянул Гус, склонившись над истерзанным телом.

Тело вздрагивало, но подняться не могло. Короткие волосы служки сбились в один кровавленный колтун. Она стискивала в руках обрывки рубашки, пытаясь прикрыть грудь. Синеву, ползущую от шеи вниз, было не скрыть ничем.

– Всему свое время, разве нет? Твое пришло, что ж ты, дорогуша, меня подводишь?

– Я еще могу... пригодиться... – прохрипела девушка.

– Ну конечно, Ксюша! Здесь и пригодишься. Скоро уже. Идет туман. Я чувю!

– Нет! – истошно завопила служка, из последних сил подтягивая себя к ногам старика.

– Пошла вон, милая! – брезгливо сморщился Гус, пиная ее в и без того избитый бок.

Ксюша вскрикнула и обмякла.

– Не стыдно издеваться над сырыми и убогими? – спросила Уля, выходя из тумана.

Удивление, на секунду исказившее морщинистое лицо старика, стоило всех болезненных ожогов изголодавшихся молочных языков.

– Ба! Какие люди! – взмахнул руками Гус и растянул губы в злой усмешке. – Ульяночка? Ты ли это?

– Я.

– Что-то только не с того краю подошла. – Он сделал осторожный шаг ей навстречу. – Уж не папочку ли проведать ходила? Как он там? Бродит еще, бедолага?

Сцепив зубы, Уля выдержала и этот удар. Но ее смятение Гус тут же учуял.

– Что? Думала, старина Гус не знает о ваших внеклассных чтениях? – Он коротко хохотнул. – Или о том, как исчерпавший силы полынный решил все, цитирую, «исправить»? Занимательно, правда?

Уля дернулась, но не отступила. Пустая пачка, сжатая во влажной ладони, придавала ей сил.

– А может, думаешь, я не знаю, с кем снюхался мой служка? И что время его пришло, я тоже упустил? – Старик насмешливо покачал головой. – Ох, деточка, я же говорил тебе: мне плевать, что за козни вы строите за моей спиной. Все эти тараканьи бега... Они лишь укорачивают ваши жизни. Но даже это неважно, ведь в итоге все вы окажетесь тут. На поле. Станете кормом.

– И туман толкнет мир в нужную вам сторону, – закончила Уля, подходя еще ближе.

Гус почесал бороду, взвешивая услышанное.

– Да, вот это Артемка хорошо сказал. Возьму на вооружение. А остальная вся писанина его... Графомания чистой воды. Может, еще про Зиночку моменты есть хорошие. – Он подмигнул Уле. – Ну ты понимаешь, о чем я, да?

Та осталась стоять, выжидая, когда старик приступит к делу.

– Гляжу, не особо ты настроена поболтать. Ну хорошо. Давай о главном. Время на исходе, сама знаешь. Есть чем меня порадовать?

Уля молча вытащила ладонь из кармана и протянула пачку Гусу. Видеть, как вещь, принадлежавшая Рэму, жалобно скрипит в цепких пальцах старика, было невыносимо. Но Уля сдержалась и тут.

– Вот это да... – протянул Гус, поднося пачку поближе к глазам и слеповато щурясь. – Знакомая вещица! Уж не служки ли моего? А?

Уля кивнула, прикусывая губу, чтобы только не закричать.

– Оценила, как я тебе подсобил? Можно сказать, подложил под тебя паренька, а ты его раз! И в дело! – Он засунул пачку в карман вязаного жакета. – Ох, далеко пойдешь!

– Как мой отец, да? – ледяным голосом спросила Уля.

Гус хмыкнул.

– Не так далеко, я надеюсь. Где он, кстати?

– В тумане.

– Даже так? – Гус цокнул языком. – А служка, значит...

– Да.

– Интересные дела, конечно... Ну что ж. – Он вздохнул. – Скормим сейчас эту пададь. – Увесистый пинок заставил девушку, лежавшую на траве, жалобно всхлипнуть. – И пойдём ко мне. Чаю попьем. Поговорим...

– Нет. – Уля вцепилась взглядом в старческие, с красными прожилками глаза и прочитала в них замешательство. – Все случится здесь.

– Что случится, деточка?

– Что должно. – Она вдохнула густой полынный дух и поняла, что совсем не боится. – Мы начали игру, я должна была принести вам три вещицы. Отгадать три загадки за лунный месяц. И три подарочка как итог. Я сделала это?

– Сделала. – Гус криво ощерился.

– Значит, я имею право просить исполнить одно мое желание. Да?

– Кроме воскрешения, милочка, – напомнил старик.

– Да, никаких воскрешений.

– А может, ты хочешь остаться, а? – начал было Гус, но Уля прервала его взмахом руки.

– Нет, я знаю, чего попрошу.

Со стороны горизонта стремительно наступал туман. Тени вышли на охоту. И Гус чувствовал это, нетерпеливо поглядывая за Улину спину.

– Скоро нам станут тут не рады. Пойдем все же ко мне...

– Нет. Здесь.

– Ну так не тяни! – Он начинал злиться. – Говори, чего хочешь? Денег? Успеха? Мужика получше дохлого служки?

– Я хочу, чтобы они стали свободными, – на одном дыхании сказала Уля и чуть не рассмеялась от восторга, который заполнил все ее существо.

– Кто «они»? – недоверчиво переспросил старик.

Тени были уже близко. Ульяна чувствовала их дыхание. Их страх. Их тоску.

– Все мертвецы, которые маются за стеной. Все, кто заточен на полынном поле. Все невинно, несвоевременно убиенные. Все, прикованные к вещицам. Я хочу, чтобы стена рухнула. Я хочу, чтобы ты их отпустил!

И Гус пошатнулся. Порыв ветра ударил его в грудь. Туман поднялся до колен. Полынь качала седой головой, соглашаясь с Улиным правом просить то, чего она желает больше прочего.

– Это невозможно... – проговорил старик. – Ты сошла с ума!

– Я не прошу никого воскрешать. Наоборот, я хочу, чтобы они ушли. Окончательно умерли. Я хочу, чтобы ты их отпустил. Это мое желание. Ты взял от меня три вещицы. Я выполнила свою часть сделки – выполняй свою.

Лицо Гуса исказилось гримасой животного страха. Старческие морщины стали похожи на глубокие устья пересохших рек. Когда-то такими же казались Уле шрамы, пересекавшие спину Рэма.

– Если стена рухнет, они... они сожрут нас. И тебя, и меня... – прохрипел Гус, отступая.

– Плевать.

– Одумайся. Я дам тебе все что угодно. Силу, могущество, деньги, власть... Чего ты хочешь?

– Я хочу, чтобы ты их отпустил. – Уля улыбалась, чувствуя, как по щекам течет вода.

Слезы то ли страха, то ли счастья, то ли облегчения. Кто разберет соленую воду, кто спросит ее, почему мир вдруг расплывается перед глазами? Тонет в океане выплаканных слез. И на душе становится легче.

– Ты не ведаешь, чего просишь! – Старик подскочил к ней, сжал цепкими пальцами.

Но в этот раз Уля знала, что она сильнее. Сама полынь, отравленная людской болью, была на ее стороне. Трава тянулась к старику, хватала, колола, пила его силы. Он уже с трудом держался на ногах. Уля толкнула его в грудь, с отвращением отпихивая от себя.

И он упал рядом с бездыханной служкой. Ветер стал нестерпимо сильным, полынь клонилась под его порывами, взволнованно шепча что-то важное. Уля сделала пару шагов, прикрывая глаза локтем, спустилась со склона и медленно осела на траву.

Тени были совсем близко. Она уже могла видеть их прямо перед собой. Ветер доносил голоса. Уля протянула им руки, желая обнять каждого истосковавшегося по человеческому теплу. Где-то за спиной хрипел Гус. Но Ульяне было все равно. Не он исполнял желания одержавших победу. Это маятник сохранял равновесие мира. И сейчас он несся к Ульяне, готовый замкнуть ее круг.

Когда полынные заросли на дне оврага заполнились белесым молоком, Уля опустила в него, как в воду, и открыла глаза. Боли не было. Не было и стонов. Ничего не было. И только мальчишка в

полосатой кепочке бежал по седой траве, залиvisto хохоча. Его смех больше не был похож на плач. Пружинистая сила детской радости щекотала голые пятки. К футболке с диснеевской уточкой мальчик прижимал две красных сандальки.

Уля улыбнулась ему. Но Никита ее не заметил. Он пробежал мимо, растворяясь в тумане. Только смех его долго еще звучал на поле седой полыни, а эхо множило и множило его.

И круг замкнулся.

Там, где цветет полынь

Боль пронзила Ульяну, заставив открыть глаза. Все вокруг заслоняло белое марево. Белый оказался цветом невыносимой боли. Ослепительная белизна кабинета, где метка разделила жизнь Ули на до и после, снова наполнила все ее существо. Она закричала, но пересохший рот не издал ни звука. Она выгнулась, но тела больше не существовало. Таким оказалось возмездие отравленного тумана. И оно было справедливо.

Уля представила, что закрывает глаза. Перед ней опустилась долгожданная тьма. Живая, дышащая, знакомая, она заслонила Улю от боли. Теперь легкие можно было наполнить горчащим воздухом. Вдали слабо замерцал фонарь. Все, как бывало множество раз, когда меченые выходили на охоту за чужими жизнями.

Только в этот раз на кону была лишь одна. Жизнь Ули.

Она позволила тьме пропитать себя, готовая понести наказание. Перед глазами промелькнули серые московские многоэтажки. И Глеб Ямской, обещающий маме не снимать капюшон. Красивый, тонкий, как молодое деревце, мальчик, который рухнул на рельсы, бросая свою смерть напоказ.

Улю вновь прошила раскаленная игла.

Темный сырой коридор коммуналки, плотный запах спекшейся крови, грузное мужское тело в углу. Тот, кто заслужил свою смерть и получил ее, выданную за злые, мерзкие слова, смотрел в стену пустыми глазами.

Боль стала еще нестерпимее. Теперь она разрывала Улю, не оставляя в сознании места для нее самой.

Но когда появилось поле, залитое туманом, Ульяна поняла, что страдания тела не выдерживают сравнения с тем, что ожидало ее теперь. Рэм стоял, повернувшись к ней спиной, и касался ладонью стены. Дымок его сигареты смешивался с туманом. Ветер трепал полы куртки. И сам он, сутулый, качающийся, был похож на этот дым. Один порыв – и его не стало.

Уля закричала, забилась в невидимых путях, но туману было все равно. Он нес свое правосудие, как должен был, чтобы маятник толкал

мир, чтобы мир этот балансировал на тонкой грани безумия и небытия.

Тьма опустилась на Улю без предупреждения, будто смерть наконец сжалилась над истерзанным телом. Желанный покой был совсем близко, но перед глазами тут же вспыхнуло полужнакомое кафе. Уля застонала сквозь зубы, неуверенная, что зубы эти у нее остались.

Мягкий свет лился из высоких окон. По дороге напротив мчались машины. Уля увидела себя, испуганную и растрепанную, с грязной курткой в руках. И девушку-официантку, которая пообещала сделать все прививки перед поездкой в жаркую страну на деньги, что оставила ей Уля, даже не задумываясь почему.

Боль чуть отступила. Стало легче дышать.

Знакомая комната коммуналки, сменившая кафе, придала еще немного сил. Уля знала, что увидит на этот раз. Тьма показала ей Наталью, которая внимательно слушала стоящую перед ней соседку.

– Разводите с ним как можно скорее, – невнятно бормотала сама Уля. – И ни в коем случае не пейте. Вам же нельзя!

Тьма заволокла все кругом. Но теперь Уля ощущала себя собой. И тело, избитое, измученное болью, и холодную траву под ним, и горький туман, обступающий его со всех сторон.

Когда мир закружился подобно вихрю, Ульяна была готова увидеть ночную улицу, испуганного жениха и бледного водителя. Третий подарочек, ускользнувший у нее из-под носа. Вилку, спасенную от нелепой гибели.

Три смерти легли на левую ладонь. Три жизни – на правую. Хрупкое равновесие восстановилось. Маятник качнулся.

Уля медленно поднялась на ноги. Полынь шумела ей, склоняя седые головы. Тумана не было. Солнце пробивалось сквозь низкие тучи, падая на травяные заросли. У горизонта виднелись серые руины стены. Уля сделала шаг, прислушиваясь к себе. Боли не было. Не было и тяжести. Из-под рукава куртки выглядывала чистая кожа запястья. Ульяна вдохнула свежий, чуть медовый запах полыни и зашагала вперед.

Она знала, что на серых камнях, докуривая последнюю сигарету, сидит Рэм. И ждет ее там, где цветет полынь.

Благодарности

Дорогой мой читатель, здесь все закончится.

Маятник качнулся, горечь стала медом, на серых могильных камнях докуривает сигарету мальчик Рома, а по седой полыни к нему шагает девочка Уля. И все хорошо. Мне бы очень хотелось рассказать вам, что будет дальше. Но дальше не будет. История закончилась. Маятник качнулся. И на последней странице я спешу сказать главное, ведь самое важное в жизни – успеть сказать.

Спасибо.

Спасибо моей семье и друзьям, тем, кто верит и любит, ждет и знает, что я справлюсь с каждой минутой каждого дня, потому что за моей спиной они – мои самые родные и верные. Особенное спасибо Саше Степановой и Марине Козинаки. Я бы давно забросила все к чертовой матери (не черти!), но как я могу, если у меня есть вы и наш путь, который мы осилим только вместе?

И это раз.

Спасибо редакции Mainstream издательства АСТ за еще один год совместной работы, я многому научилась благодаря вам. Спасибо Сергею Тишкову за веру в благополучный исход любого дела и наши маленькие книги, которые мы очень стараемся сделать большими.

Спасибо Алёне Щербаковой за каждодневный труд быть редактором и другом, а вместе с тем оставаться еще и читателем, умеющим видеть и любить душу, спрятанную между строк.

А еще спасибо Анастасии Крайновой, Маше Козуновой и Даше Сониной за работу над текстом. Вы были с ним очень ласковы, а для автора это большая радость.

И это два.

Спасибо читателям, всем этим немислимым 85 тысячам, которые следили за полынной историей в режиме реального времени от красной сандалки до туманного молока и дальше, до самого финала и за его чертой. Благодаря вам персонажи стали не героями, а людьми. Живыми, настоящими, такими, как мы с вами. Благодаря вам полынная горечь сменилась медом, а смерть – жизнью.

И это три.

Обнимаю крепко, ваша Олли.